METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE CIVIL LAW RESEARCHES
2022 · Volume 4
YEARLY PERIODICAL SCIENTIFIC JOURNAL

Editor-in-Chief:

KUZNETSOVA O.A. – Doctor of Juridical Sciences, Deputy Dean of the Law Faculty for Scientific Work, Perm State University (Perm, Russia)

Deputy Editor in Chief:

GOLUBTSOV V.G. – Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University (Perm, Russia)

Editorial Staff:

BERND WIESER – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean of the Law Faculty, Head of the Department of Public Law and Political Science, Karl-Franz University of Graz (Graz, Austria)

CLIVE SEALEY – PhD Social Policy, University of Birmingham, Senior Lecturer in Social Policy and Theory, University of Worcester (Worcester, Great Britain)

HUBERTUS GERSDORF – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of State and Administrative Law, Media Law, University of Leipzig (Leipzig, Germany).

SAMUEL D. BERNAL – PhD (University of Chicago, USA), Doctor of Juridical Sciences (Loyola University San Fernando, Los Angeles, USA), Honorary Professor of medicine of California University (San Fernando, USA), Honorary Doctor of California University (Los Angeles, California, USA), Professor of Business Management of Asian Institute of Management, Manila, Philippines, licensed lawyer (admitted in California and federal US courts)

TURLUKOWSKI JAROSLAW – Assistant professor at the Institute of Civil Law, Faculty of Law and Administration, University of Warsaw, Head of the Center for Research on the Law of Eastern Europe and Central Asia at the Faculty of Law and Administration, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

WANG ZHI HUA – Doctor of Juridical Sciences, Professor of China University of Political Science and Law (Beijing, China)

GABOV A.V. – Doctor of Juridical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

GONGALO B.M. – Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Civil Law, The Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia)

VAVILIN Y.V. – Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Family and Housing Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

VALEEV D.KH. – Doctor of Juridical Sciences, Vice Dean of the Law Faculty of the Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

ZAITSEV V.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Legal Support of Market Economy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

SEROVA O.A. – Doctor of Juridical Sciences, Deputy Vice-rector for Academic and International Activities, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Pskov State University (Pskov, Russia)

The journal is published 1 time a year (annual)

The journal is published one time a year (annual) Reprint and republication of all the materials of the Methodological Problems of the Civil Law Researches Journal are allowed only with the consent of the Publisher. The appropriate reference to the source of publication is obligatory. The Publisher and the Editor's office do not render information and consultations and do not enter into correspondence. Manuscripts are not being returned. The Founders and the Publisher are not responsible for the content of advertisements and announcements.

The opinions expressed in the publications refer to the authors and do not necessarily reflect the official view of the organizations they represent.

ISSN 2619-0559 (print publication)
ISSN 2658-5863 (web publication)
Reg. No.: PI No. FS77-73465
(registered by Roskomnadzor on August 17, 2018)

Founder: O.A. Kuznetsova

Editors office: 614990, Russia, Perm, Bukireva st., 15, Bldg. 9, Office 30-a.
Phone: +7 (3422) 396-275; e-mail: metodilogy59@mail.ru,
www.metodol59.ru

Publisher: LLC «Publishing House «Statut»
119454, Russia, Moscow, Lobachevskogo st., 92, Bldg. 2
Phone: +7 (495) 649-18-06, e-mail: market@estatut.ru,
www.estatut.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2022 · Выпуск 4

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ – ЕЖЕГОДНИК

Главный редактор:

КУЗНЕЦОВА О.А. – доктор юридических наук, заместитель декана юридического факультета по научной работе Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Россия)

Заместитель главного редактора:

ГОЛУБЦОВ В.Г. – доктор юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета
(г. Пермь, Россия)

Редакционная коллегия:

ГАБОВ А.В. – доктор юридических наук, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

ГОНГАЛО Б.М. – доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург, Россия)

ВАВИЛИН Е.В. – доктор юридических наук, и.о. заведующего кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, Россия)

ВАЛЕЕВ Д.Х. – доктор юридических наук, заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия)

ЗАЙЦЕВ В.В. – доктор юридических наук, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

СЕРОВА О.А. – доктор юридических наук, заместитель проректора по учебной работе и международной деятельности, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета (г. Псков, Россия)

ВИЗЕР БЕРНД – доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права и политологии Грацкого университета им. Карла и Франца (г. Грац, Австрия)

КЛАЙВ СИЛИ – кандидат социологических наук, преподаватель социальной политики и теории Вустерского университета (г. Вустер, Великобритания)

ГЕРСДОРФ ГУБЕРТУС – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права, права о средствах массовой информации юридического факультета Лейпцигского университета (г. Лейпциг, Германия)

САМУЭЛЬ Д. БЁРНАЛ – доктор философии (Чикагский университет, США), доктор юридических наук (Университет Лойолы, Лос-Анджелес, США), почетный профессор медицины Калифорнийского университета (Сан-Фернандо, США), заслуженный доктор Калифорнийского университета (Лос-Анджелес, Калифорния, США), профессор делового менеджмента Азиатского института менеджмента (Манила, Филиппины), лицензированный адвокат (штат Калифорния и федеральные суды США)

ЯРОСЛАВ ТУРЛУКОВСКИЙ – профессор Института гражданского права, руководитель Центра исследования права Восточной Европы и Центральной Азии факультета права и управления Варшавского университета (г. Варшава, Польша)

ВАН ЧЖИХУА – доктор юридических наук, профессор Китайского университета политологии и юриспруденции (г. Пекин, Китай)

Журнал выходит один раз в год (ежегодник)

Перепечатка материалов из журнала «Методологические проблемы цивилистических исследований» допускается только с согласия Издателя. Ссылка на источник опубликования обязательна. Издатель или редакция не дают справок и консультаций и не вступают в переписку. Рукописи не возвращаются. Учредитель, Издатель не несут ответственности за содержание рекламы и объявлений.
Мнения, высказанные в публикациях авторами, необязательно отражают официальную точку зрения.

ISSN 2619-0559 (печатное издание)
ISSN 2658-5863 (сетевое издание)
Рег. номер: серия ПИ № ФС77-73465
(зарегистрирован Роскомнадзором 17 августа 2018 г.)

Учредитель: О.А. Кузнецова

Редакция: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15, корп. 9, каб. 30-а.
Тел. +7 (3422) 396-275; e-mail: metodilogy59@mail.ru
www.metodol59.ru

Издатель: ООО «Издательство «Статут»
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92. корп. 2
Тел. +7 (495) 649-18-06; e-mail: market@estatut.ru
www.estatut.ru

CONTENTS

GENERAL THEORETICAL ISSUES OF CIVIL LAW METHODOLOGY

Bondarenko N.L. (Republic of Belarus)
Konanevich Y.G. (Republic of Belarus)
Shkut O. (Latvia)
Discussion about the System of Law and Its Significance for Civil Law Science 12

Morozov S.Yu. (Russia)
Methodological Problems of Researching the Subject of Civil Law 30

Serova O.A. (Russia)
A New Paradigm of Legal and Ethical Responsibility in the Context of the Dominance of Biotechnology 49

Tatar O.V. (Moldova)
Michalache Yu.I. (Moldova)
The Value of the Methodology of Scientific Research as the Correct Vector of Knowledge of Science 70

Shchennikova L.V. (Russia)
Methodology of Civilistic Research of Trends in Property Law Regulation 81

FORMATION OF RESEARCH COMPETENCIES IN CIVIL LAW AND CERTIFICATION OF SCIENTIFIC STAFF ATTESTATION

Golubtsov V.G. (Russia)
Theoretical and Practical Relevance of the Civil Thesiss 97

Ershova I.V. (Russia)
Enkova E.E. (Russia)
Application of Instructional Design Methods in Law 118

Kamyshansky V.P. (Russia)
Problems of Legal Regulation of Scientific and Pedagogical Personnel Certification: Myths and Reality 135

METHODS OF CIVILISTIC RESEARCH

Boldyrev V.A. (Russia)
Comparative Legal Method in Civil Law: Assessment of The Frequency of Use 151

Degtyarev M.V. (Russia)
Predictive Modeling in Law: the Image of the Future Legislative Act 164

Komissarova E.G. (Russia)
The Method of Comparative Law in Family Law Research 182

Kuznetsova O.A. (Russia)
Cross-Sectoral Method of Civil Law Cognition 207

Martyanova E.Yu. (Russia)
The Use of Sociological Analysis of Law in Civil Law Research 226

Ponkin I.V. (Russia)
Lapteva A.I. (Russia)
Description Method and Descriptiveness in Science and in Applied Analytics, Including Civilistic Research 237

Sushkova O.V. (Russia)
Sarina S.A. (Republic of Kazakhstan)
Using the Intersectoral Method When Building a System of Civil Legal Funds in Business 252

METHODOLOGY OF RESEARCHING CERTAIN CIVIL LAW PROBLEMS

Barkov A.V. (Russia)
Grishina Ya.S. (Russia)
Methodology of Multisectoral Research of Institutional and Legal Factors for Ensuring High Standards of Environmental Well-Being 265

Vinichenko Yu.V. (Russia)
Pan D. (China)
Systemic Approach as a Basis of Effective Civil Law Research of Civil Circulation 287

Demieva A.G. (Russia)
Tuktamyshova L.G. (USA)
Active Economic Action: Interdisciplinary Approach to the Research 306

Shirokova D.A. (United Kingdom)
Distinction Between Public and Private Law and its Influence on the Interpretation of Contracts With an Administrative Element in Different Legal Families..... 316

Shuraleva S.V. (Russia)
Interpectoral Relations in the Employment Relationship Studies 330

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Бондаренко Н.Л. (Беларусь)
Конаневич Ю.Г. (Беларусь)
Шкут О. (Латвия)
Дискуссия о системе права и ее значение
для цивилистической науки 11

Морозов С.Ю. (Россия)
Методологические проблемы исследования предмета
гражданского права.....29

Серова О.А. (Россия)
Новая парадигма юридической и этической ответственности
в условиях доминирования биотехнологий 48

Татар О.В. (Молдова)
Михалаке Ю.И. (Молдова)
Ценность методологии научного исследования как правильный
вектор познания науки 69

Щенникова Л.В. (Россия)
Методология цивилистического исследования тенденций
вещно-правового регулирования.....80

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ЦИВИЛИСТИКЕ И АТТЕСТАЦИЯ НАУЧНЫХ КАДРОВ

Голубцов В.Г. (Россия)
Теоретическая и практическая значимость цивилистической
диссертации.....96

Ершова И.В. (Россия)
Енькова Е.Е. (Россия)
Применение методов педагогического дизайна
в юриспруденции 117

Камышанский В.П. (Россия)
Проблемы правового регулирования аттестации
научно-педагогических кадров: мифы и реальность 134

МЕТОДЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Болдырев В.А. (Россия)
Сравнительно-правовой метод в цивилистике:
оценка частоты использования 150

Дегтярев М.В. (Россия)
Предиктивное моделирование в праве:
образ будущего законодательного акта 163

Комиссарова Е.Г. (Россия)
Метод сравнительного правоведения в семейно-правовых
исследованиях 181

Кузнецова О.А. (Россия)
Межотраслевой метод цивилистического познания 206

Мартьянова Е.Ю. (Россия)
Использование метода социологического анализа права
в цивилистических исследованиях 227

Понкин И.В. (Россия)
Лаптева А.И. (Россия)
Метод описания и описательность в науке и в прикладной
аналитике при проведении цивилистических исследований 236

Сушкова О.В. (Россия)
Сарина С.А. (Казахстан)
Использование межотраслевого метода при построении
системы гражданско-правовых средств в предпринимательской
деятельности 251

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Барков А.В. (Россия)
Гришина Я.С. (Россия)
Методология полиотраслевого исследования институционально-правовых факторов обеспечения высоких стандартов экологического благополучия 264

Виниченко Ю.В. (Россия)
Пан Д. (Китай)
Системный подход как основа эффективного цивилистического исследования гражданского оборота 286

Демиева А.Г. (Россия)
Туктамышова Л.Г. (США)
Активная экономическая деятельность: междисциплинарный подход к исследованию..... 305

Широкова Д.А. (Великобритания)
Различие между публичным и частным правом и его влияние на интерпретацию договоров с административным элементом в разных правовых системах..... 316

Шуралева С.В. (Россия)
Межотраслевые связи в исследованиях трудового правоотношения 329

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 340; 346; 347

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-11-28

ДИСКУССИЯ О СИСТЕМЕ ПРАВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Н.Л. Бондаренко
Белорусский государственный университет
E-mail: 2iu@tut.by

Ю.Г. Конаневич
Белорусский государственный университет
E-mail: konanewitsch@yahoo.com

О. Шкут
SIA «Bals Latgale»
E-mail: bals206@inbox.lv

***Введение**: трансформация общества и свойственных ему социальных институтов повлекла формирование институциональной среды, вовлекающей в себя все большее число отношений, ранее либо не существовавших, либо имевших иную природу. Для регулирования таких отношений сформировались новые правовые образования, а следовательно, объективизировалась необходимость определения места таких правовых образований в системе права. **Цель**: посредством теоретического обоснования узости доктринального понимания системы права и выявления нецивилистической природы некоторых правовых*

институтов, традиционно относимых к сфере гражданского права, обосновать необходимость применения новой методологии построения системы права и идентификации отраслей права. При написании статьи использовались общенаучный (диалектический) метод познания, ***методы*** *анализа и синтеза, а также частнонаучные методы познания.* ***Результаты****: выработка авторской методологии построения системы права, позволяющей идентифицировать систему нетрадиционных циклов отраслей права, коррелирующих с циклами отраслей государственного регулирования общественных отношений (на примере циклов, складывающихся вокруг института хозяйственной деятельности). Расширение критериев для идентификации особенностей общественных отношений и регулирующих их правовых норм позволит не разрушить сложившуюся за тысячелетия концепцию и конструкцию права, а существенно модернизировать ее.* ***Выводы*** *направлены на корректировку привычного и отчасти одностороннего взгляда на систему современного права. Предложенная авторами методология научного исследования позволит систематизировать в рамках системы права и классифицировать те общественные отношения, правовые институты и обусловленные ими социальные явления, которые оставались «за бортом» отраслей права, и особенно гражданского права в его традиционном понимании.*

Ключевые слова*: методология; система права; гражданское право; хозяйственное право; циклы отраслей права; хозяйственно-правовой цикл.*

DISCUSSION ABOUT THE SYSTEM OF LAW AND ITS SIGNIFICANCE FOR CIVIL LAW SCIENCE

N.L. Bondarenko
Belarusian State University
E-mail: 2iu@tut.by

Y.G. Konanevich
Belarusian State University
E-mail: konanewitsch@yahoo.com

O. Shkut
SIA «Bals Latgale»
E-mail: bals206@inbox.lv

Introduction*: the transformation of society and its characteristic social institutions led to the formation of an institutional environment involving an increasing number of relations that either did not previously exist or had a different nature.*

To regulate such relations, new legal formations were formed, and, therefore, the need to determine the place of such legal formations in the legal system was objectified. ***Purpose****: by theoretically substantiating the narrowness of the doctrinal understanding of the system of law and identifying the non-civilistic nature of some legal institutions traditionally referred to the sphere of civil law, substantiate the need to apply a new methodology for building a system of law and identifying branches of law. When writing the article, the methods of dialectical and formal logic,* ***methods*** *of analysis, synthesis and comparison, as well as the legal-dogmatic method of cognition were used. The* ***conclusions*** *are aimed at adjusting the usual and partly one-sided view of the system of modern law. The proposed methodology of scientific research will make it possible to systematize within the framework of the legal system and classify those social relations, legal institutions and the social phenomena caused by them, which remained "overboard" the branches of law in their traditional understanding.*

Keywords*: methodology; system of law; civil law; commercial law; cycles of branches of law; economic and legal cycle.*

Введение

Сложившееся в советской правовой науке доктринальное понимание системы права до сих пор в целом воспринимается научным сообществом как константа, хотя тридцатилетие, прошедшее с момента распада СССР, породило совершенно иную институциональную среду общественных отношений и их содержание. С одной стороны, трансформировались классические институты, в том числе институт частной собственности, частной хозяйственной и частной предпринимательской деятельности. Финансовая, банковская и инвестиционная деятельность перестала быть исключительной прерогативой государства, в связи с чем такие виды хозяйственной деятельности с начала 90-х гг. XX в. могут иметь характер частной хозяйственной или публичной хозяйственной деятельности.

С другой стороны, произошла трансформация самого общества, возникла институциональная среда, вовлекающая в себя все большее число отношений, ранее имевших совершенно иную природу (например, широкое распространение безналичных расчетов и др.) либо вообще ранее не существовавших (например, появление электронных денег, криптоактивов и т.п.). Это повлекло формирование новых правовых образований (таких, как антимонопольное право, венчурное право, IT-право и т.д.), а следовательно, и необходимость определения места таких правовых образований в системе права. Предметом научной дискуссии стали вопросы не только о квалификации

таких образований в качестве отраслей, подотраслей, институтов или субинститутов права, но и об отнесении их к сфере публичных или частных отраслей права. В очередной раз возобновилась дискуссия о внутреннем строении современного частного права [5].

Полагаем возможным и необходимым раздвинуть рамки данной дискуссии, включив в нее вопрос о целесообразности выделения целых циклов отраслей права, в том числе коррелирующих с циклами отраслей государственного регулирования общественных отношений. Циклы отраслей права, о которых пойдет речь в данной статье, эффективно функционируют на практике и развиваются, имеют сложную структуру и собственную методологию.

Пролог. О системе права в целом

Если сравнить процесс развития человечества с конструкцией здания, то в самом начале человеческой цивилизации человек мог себе позволить лишь шалаш из веток или землянку. Подобная инфраструктура жилища позволяла ему удовлетворять скромные потребности соразмерно возможностям конструкции такого строения. Постепенно возводимые человеком здания для обитания и хозяйственных потребностей становились конструктивно все более сложными. Затем человечество стало возводить гигантские небоскребы и задумываться над возведением кластеров из небоскребов, представляющих собой условный город в городе. При этом каждый такой объект – сложнейшая инженерная конструкция, имеющая множество уровней и сооруженная таким образом, чтобы каждый из уровней (этажей) фактически представлял собой полностью автономный элемент конструкции, позволяющий человеку успешно удовлетворять свои потребности в пределах такого уровня (этажа), лишь иногда посещая иные этажи или иные структурные элементы здания.

Современную систему права можно сравнить с таким высокофункциональным, высокотехнологичным и сложно структурированным небоскребом: она имеет общий стержень и комплекс корпусов (которые условно можно назвать циклами отраслей права) различных уровней (которые условно можно назвать отраслями права), разнообразных по функциональному назначению, «оформлению» и техническим параметрам «помещений» (которые можно условно назвать институтами и субинститутами права). И чем более технологичной становится конструкция общества (условного небоскреба), тем сложнее и функциональнее становятся его отдельные элементы, изменяя зачастую свое предназначение кардинальным способом в сравнении с тем, чем они были еще недавно. Приведенная аллего-

рия характеризует не только состояние современного права в целом, но и гражданского права в частности.

О системе гражданского права и ее трансформации

Многие века цивилистика конструктивно была относительно статичной наукой, воплощенной в относительно стабильную систему правовых норм, регулировавших совокупность имущественных и неимущественных отношений в обществе. Причем до начала процессов научно-технической революции сущность и система гражданского права практически не менялись, поскольку система имущественных и неимущественных отношений была также относительно статичной. Научно-технический прогресс еще в XIX в. существенным образом трансформировал цивилистику, инициировав закрепление в ней целого комплекса неизвестных прежде институтов – появились юридические лица, хозяйственная деятельность стала делиться на уровни предпринимательской и непредпринимательской, сформировалась совокупность нетелесных объектов гражданских прав и др. Но даже в рамках научно-технического прогресса цивилистика все также оставалась относительно статичным социальным явлением. И так длилось до тех пор, пока на рубеже 60–70-х гг. XX в. не случился стремительный технологический прорыв, позволивший человечеству ступить в эру информатизации и обусловленной ею глобализации общественных отношений.

Как следствие для человеческой цивилизации стало недостаточным деление общественных отношений на сегменты конституционных, уголовных, административных и гражданских. В силу объективных причин возникли ярко выраженные сегменты правоотношений иного рода – инвестиционные, фискальные, монетарные и т.п. Объективно существовавшие и ранее хозяйственные правоотношения, имевшие свою самостоятельную конструкцию (формировавшуюся на основе института хозяйственной деятельности), все больше стали отдаляться от упрощенного понимания системы хозяйствования: важным стал не просто процесс производства, продажи и приобретения товаров на товарных рынках; значение приобрели различные тонкости процесса производства материальных и нематериальных благ, их обращения в гражданском обороте и на товарных рынках, а также процесса потребления таких благ.

Соответственно, стало понятно, что не все отношения в гражданском обороте являются имущественными или личными неимущественными. Традиционно признаваемые частноправовыми брачно-семейные и жилищные отношения более не могут квалифицироваться

как таковые [3]. С каждым годом формируется все больший массив общественных отношений, которые носят преимущественно публичный или полностью публичный характер (примером чего являются фискальные и хозяйственные отношения), являются преимущественно организационными (например, инвестиционные и корпоративные отношения) или являются имущественными отношениями, но складывающимися отнюдь не по поводу собственности как абсолютного вещного права, а по поводу обязательств и исключительных прав на различные объекты (например, общественные отношения, складывающиеся по поводу функционирования государственной или естественной монополии, регулируемые нормами антимонопольного права), либо вообще являются процессуальными в чистом виде (например, конкурсные правоотношения, складывающиеся по поводу экономической несостоятельности и банкротства). В частное право проникает все больше публичного [9].

Более того, объективной стала необходимость разграничения правовой и организационной природы гражданского оборота и товарных рынков, поскольку существует целый комплекс товарных рынков, товаром на которых выступают объекты гражданских прав, выведенные из гражданского оборота (например, вооружения), либо в качестве товара выступают политические права субъектов международного права (например, сформировавшаяся отрасль экономики, представленная так называемыми частными военными компаниями, которым государство на возмездной основе делегирует свое исключительное право на осуществление функций военной организации государства). В связи с пандемией COVID-19 возникла уникальная группа общественных отношений, складывающаяся по поводу обеспечения условий для получения права на реализацию гражданских прав в гражданском обороте (что нашло выражение в неизвестных ранее человечеству формах карантинных мер и дискриминации так называемых антипрививочников).

Нормирование, стандартизация, унификация единиц измерения переросли из институтов, носивших условный или рекомендательный характер, в универсальный инструмент регулирования общественных отношений, придав всем без исключения группам общественных отношений (будь это конституционные, административные, уголовные, гражданские, хозяйственные или др.) общеобязательное свойство кондиционности. При этом кондиционные отношения формально и фактически стало невозможным отнести ни к гражданским, ни к хозяйственным, ни к административным, ибо их природа совершенно уникальна [2].

Конкуренция в гражданском обороте на протяжении всего существования человечества была объективным свойством биологической

и социальной природы человечества, не нуждавшейся до определенного момента в регуляции (соответственно, конкуренцию было относительно справедливо рассматривать как некое проявление и продолжение правоспособности, дееспособности и деликтоспособности). Но после того, как экономическая конкуренция приобрела масштабы, позволяющие хозяйствующим субъектам оказывать воздействие на баланс публичного и частного интереса, возникла новая группа общественных отношений – антимонопольных, которые по своей природе никак нельзя классифицировать в качестве гражданских, да и к категории хозяйственных или административных правоотношений относить их также несправедливо, поскольку это некий уникальный симбиоз административно-правового и хозяйственно-правового с вкраплениями целого комплекса международно-правовых институтов. Поэтому считаем неоправданным и некорректным включение в нормы Гражданского кодекса института недобросовестной конкуренции (как и норм о конкуренции в принципе). Как следствие возникли общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения национальной экономической безопасности (которые ранее были известны человечеству лишь в части вопросов обеспечения продовольственной безопасности и функционирования инфраструктуры государства).

О нецивилистических институтах гражданского права

Таким образом, с точки зрения правовой доктрины система гражданского права претерпела существенную трансформацию и стала включать в себя комплекс правовых институтов, которые не имеют в своем содержании ничего частноправового, а множество институтов объективно покинули «лоно» гражданского права, хотя по инерции все еще рассматриваются в качестве таковых в правовой доктрине:

– объективно сформировался и существует институт публично-правовых организаций со статусом и без статуса юридического лица;

– нахождение физических лиц в браке всего лишь формально осталось формой воплощения их гражданского состояния, в то время как цивилистическое в брачно-семейных отношениях фактически сузилось лишь до вопросов имущественных отношений между супругами;

– даже имущественные отношения между родителями и детьми фактически трансформировались в разновидность преимущественно административных правоотношений, а процесс воспитания детей, осуществления детьми прав и обязанностей характеризуется как исключительно административно-правовая категория.

Жилищные правоотношения вышли из сферы гражданско-правового воздействия, трансформировавшись в специфическую разновид-

ность административных правоотношений, функционирующих вокруг институтов коммунальных и жилищно-коммунальных услуг и административно-правового режима эксплуатации жилищного фонда.

Функции и исключительные права государства превратились в предмет сделок в рамках концессионных отношений и отношений публично-частного партнерства.

Хозяйственно-правовой договор с каждым днем все меньше содержит цивилистических и все больше нецивилистических положений (финансовых, пруденциальных, инвестиционных, монетарных или административных), и, более того, все чаще хозяйственно-правовые договоры обретают форму нормативного договора (инвестиционный договор с государством; соглашение о государственно-частном партнерстве; концессионный договор и т.д.).

Институт предпринимательства в целом и предпринимательской деятельности в частности, который и ранее относился к системе гражданского права лишь условно (поскольку имущественные и личные неимущественные отношения в предпринимательстве – лишь следствие хозяйственной деятельности, а не ее содержание) и имел природу комплексного хозяйственно-правового института, ввиду широкого распространения институтов государственного предпринимательства (фискальной хозяйственной деятельности) и социального предпринимательства окончательно разорвал связь с гражданским правом (а государственное предпринимательство даже превратилось в институт фискальный в большей степени, нежели даже хозяйственно-правовой).

Можно еще долго перечислять свойственные современной правовой системе и несвойственные системе гражданского права институты и отношения. Однако итогом этого перечисления станет лишь логичный вывод о том, что современная цивилистическая доктрина и транслируемая ею теория гражданского права не отражают реальную ситуацию в системе общественных отношений. Данная проблема в контексте межотраслевых связей гражданского права была достаточно полно и всестороннее исследована М.Ю. Челышевым [7; 8].

К этому следует добавить, что пропорционально изменениям смысла и содержательной части гражданских правоотношений серьезную трансформацию претерпели и административные правоотношения: феномен саморегулируемых организаций и государственных корпораций позволяет совершенно иначе смотреть на механизм государственного управления и правовую основу хозяйственной деятельности, содержащей элемент участия таких организаций; феномен государственных инвестиционных банков (каковым является ОАО «Банк развития Республики Беларусь»), субсидируемого и директивного кредитования вообще колеблет традиционные подходы, не позволяя

идентифицировать данные правоотношения в качестве гражданских, хозяйственных или административных.

Если характеризовать природу и содержание перечисленных выше правовых институтов и складывающихся вокруг них общественных отношений, используя традиционные догматы, свойственные правовой науке в целом и гражданскому праву в частности, то приходится констатировать крайнюю некорректность их характеристики в качестве гражданско-правовых. В то же время при использовании не совсем стандартного подхода к оценке сущностных характеристик таких правоотношений, основанного не на традиционных для правовой науки способах их идентификации, а предполагающего идентификацию фактического состояния общественных отношений с использованием инструментария, свойственного философии и комплексу смежных праву наук (экономической науки, социологии, политологии и др.), можно сформировать целостную и совпадающую с реальным положением дел картину. Причем такая квалификация фактически будет совпадать с конструкцией правового регулирования изучаемых общественных отношений, сформированной законодателем.

Ответ на вопрос о причинах описанных выше парадоксов и коллизий лежит в плоскости отставания универсальной для правовой науки методологии в оценке состояния общественных отношений и содержания национального законодательства и норм международного права. Традиционные подходы к определению правовой природы общественных отношений и механизма их правового регулирования предполагают использование крайне негибкой конструкции критериев исследования, в основе которых – сформированное еще во времена СССР представление о конструкции права, не учитывающей механизм ее функционирования.

О поисках новой методологии построения системы права

Белорусские теоретики права в силу сложившейся традиции к категории основных отраслей права относят: конституционное право, гражданское право, административное право, уголовное право, трудовое право, семейное право, земельное право, финансовое право, уголовно-исполнительное право, гражданское процессуальное право, уголовно-процессуальное право и административно-процессуальное право [4]. Вслед за этим проводится и деление всей совокупности отраслей права на следующие циклы: на государственно-правовой, административно-правовой, уголовно-правовой, цивилистический и процессуальный циклы отраслей права. Соответственно этому делению строится в том числе и образовательный процесс, что не позволяет

дать студентам комплексные и системные знания о существующей системе общественных отношений.

Однако мы вынуждены констатировать, что приведенный перечень отраслей права объективно не соответствует реальному содержанию и структуре отраслей государственного регулирования общественных отношений, на что указывают и авторитетные российские ученые [1]. А, соответственно, перечень основных отраслей национального права должен быть шире, что повлечет изменение представления о циклах отраслей права.

Мы полагаем, что есть основания для изменения концепции понимания системы права, в том числе ее связи с экономикой и социальными процессами, что невозможно без изменения правовой доктрины в части используемой методологии идентификации отраслей права и их объединения в циклы отраслей права.

При формировании представления о методологии правового регулирования в традиционной правовой доктрине используется категория «метод отрасли права», которая имеет противоречивый характер и самим фактом своего существования посягает на законы логики: метод декларируется как совокупность способов, приемов и средств. При этом игнорируется тот факт, что термины «метод» и «способ» имеют одинаковое значение, а различие между ними состоит лишь в том, что одно слово имеет русское происхождение, а второе является заимствованным из другого языка.

Кроме того, при характеристике методологии отрасли права за основу берется лишь характеристика методов правового регулирования (основных – диспозитивного и императивного методов; факультативных – метода поощрения и метода рекомендаций), однако фактически игнорируется конструкция приемов правового воздействия (предполагающая сочетание трех приемов: саморегулирования; прямого вмешательства государства; опосредованного организационно-правовыми средствами вмешательства государства в процесс возникновения, изменения и прекращения правоотношений) и средств правового воздействия (которые могут быть самыми разнообразными в зависимости от характеристик правоотношения).

При формировании представления о системе конкретной отрасли права в правовой доктрине используется традиционная калька: нормы общего характера и нормы специального характера. Соответственно, традиционно в системе отрасли права выделяются лишь общая и особенная (специальная) части. При этом в большинстве случаев игнорируется тот факт, что значительное число отраслей права, их подотраслей или комплексных институтов могут содержать также процессуальную и даже коллизионную часть, нормы которой не до

конца вписываются в традиционный формат международного частного права (к таким отраслям права, без сомнения, относятся финансовое, инвестиционное, банковское право). Более того, ряд отраслей права вообще невозможно разделить даже на условные четыре части – общую, особенную (специальную), процессуальную и коллизионную. Примером таких отраслей являются финансовое и хозяйственное право. Последнее условно можно разделить лишь на три блока правовых институтов: блок общих вопросов правового регулирования хозяйственной деятельности, блок внутригосударственных хозяйственных отношений и блок внешнеэкономического права (именно на основе данного принципа сформулирован раздел «Хозяйственное право» Паспорта специальности 12.00.03, утвержденного постановлением Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь) [6].

Немаловажное значение имеет вопрос определения природы и содержания механизма осуществления общественных отношений (который в настоящее время вообще не стоит на повестке дня традиционной правовой науки), хотя объективным является факт принципиального различия общественных отношений, осуществляемых, к примеру, только с использованием внутриюрисдикционного и межюрисдикционного правового механизма, только с использованием макроэкономического механизма или затрагивающего механизм микроэкономики, правового механизма финансирования и правового механизма осуществления инвестиций и др.

При формировании представления о принципиальной основе отрасли права в правовой науке традиционно используется подход, не учитывающий представление о схожем правовом институте, свойственном смежным наукам (экономической науке, политологии, социологии, а зачастую даже естественным наукам). Как следствие при характеристике хозяйственных правоотношений в правовой науке игнорируется факт деления национальной экономики на уровни (макроэкономика, мезоэкономика и микроэкономика), факт присутствия в системе политической коммуникации целого комплекса видов и форм политико-коммуникативной хозяйственной деятельности и др. Это обусловливает целесообразность использования междисциплинарного подхода.

Особенно архаичность догматов современной правовой науки наблюдается в случае определения природы отрасли права и ее места в системе права. Научно обоснованным является тот факт, что деление отраслей права на публичные и частные явно устарело, ибо само гражданское право затруднительно охарактеризовать в качестве отрасли частного права по причине огромного массива публично-правовых институтов в его системе, о чем было сказано выше. Неактуальным

уже является условное деление отраслей права по сферам цивилистики, административного права и уголовного права: существует огромное число правовых институтов, объединяющих в себе признаки всех из перечисленных сфер (например, институты налогового планирования, противодействия легализации доходов, добытых неправомерным путем, институт криминального предпринимательства и т.д.; такие группы правоотношений, как информационные и финансовые, пронизаны симбиозом цивилистических, административно-правовых и уголовно-правовых институтов).

О двухступенчатой системе идентификации отраслей права

Соответственно, с нашей точки зрения, актуальным для современной системы общественных отношений является использование двухступенчатой системы идентификации отраслей права, предполагающей следующее.

1. Деление отраслей права на ярко выраженные циклы, формирующиеся вокруг основной профилирующей отрасли права, что уже известно правовой доктрине. Однако, если руководствоваться предлагаемой нами методологией, формируется система дополнительно (к уже существующим и названным выше) самостоятельных циклов отраслей права, обладающих уникальными характеристиками, в которую вписываются все правовые институты, не «попавшие» в силу тех или иных причин в систему вышеназванных циклов. Выделим лишь те циклы отраслей права, которые так или иначе обусловлены институтом хозяйственной деятельности:

– хозяйственный цикл отраслей права (во главе которого располагается основная профилирующая отрасль права – хозяйственное право), включающий в себя такие подотрасли, как предпринимательское право и право непредпринимательской хозяйственной деятельности, а также такие основные специальные и комплексные отрасли права, как корпоративное, промышленное, торговое, градостроительное, строительное, транспортное, транспортно-коммуникационное право и др. Хозяйственный цикл отраслей права строится вокруг характеристик предмета отрасли (общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления хозяйственной деятельности (а в некоторых случаях – также творческой и хозяйственно-трудовой деятельности));

– финансовый цикл отраслей права, во главе которого располагается основная профилирующая отрасль права – финансовое право, включающий в себя такие подотрасли, как бюджетное, расчетное право, такие основные специальные и комплексные отрасли права, как

страховое право, право рынка ценных бумаг, право валютного рынка, право микрофинансирования и др. Финансовый цикл отраслей права строится вокруг характеристик предмета отрасли (общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления публичной финансовой деятельности (официально задекларированной в большинстве литературных источников) и частной финансовой деятельности, осуществляемой государством, финансовыми организациями и факультативными резидентами финансового сектора национальной экономики);

– фискальный цикл отраслей права, во главе которого располагается основная профилирующая отрасль права – фискальное право, включающий в себя такие основные специальные и комплексные отрасли права, как налоговое, параналоговое, пенсионное, парафискальное право и др. Фискальный цикл отраслей права строится вокруг характеристик предмета отрасли (общественные отношения, складывающиеся по поводу управления государственной собственностью, формирования и обеспечения фискальных поступлений в казну, парафискалитетов, реструктуризации имущественных прав государства посредством механизма разгосударствления и огосударствления, и осуществления фискальной хозяйственной деятельности (государственного предпринимательства));

– пруденциальный цикл отраслей права, во главе которого отсутствует основная профилирующая отрасль права – пруденциальное право (в этом состоит уникальность данного цикла отраслей права; кроме того, уникальны по своей природе и составляющие данный цикл отраслей права, поскольку их правовая конструкция не имеет аналогов среди других отраслей права в системе права любого государства мира), включающий в себя такие основные специальные и комплексные отрасли права, как кондиционное, учетное, антимонопольное, конкурсное право, право национальной продовольственной безопасности, право промышленной безопасности и др. В собирательном смысле пруденциальное право – цикл отраслей права, регулирующих общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения национальной экономической безопасности;

– монетарный цикл отраслей права, во главе которого располагается основная профилирующая отрасль права – монетарное право, включающий в себя такие основные специальные и комплексные отрасли права, как банковское, лизинговое, клиринговое право, право драгоценных камней и драгоценных металлов и др. Монетарный цикл отраслей права строится вокруг характеристик предмета отрасли и специфического направления государственного регулирования – монетарной (денежно-кредитной) политики (соответственно, предметом

монетарного права являются денежно-кредитная политика как сфера макроэкономического регулирования и функционирование банковской системы);

– инвестиционный цикл отраслей права, во главе которого располагается основная профилирующая отрасль права – инвестиционное право, включающий в себя одновременно целый ряд подотраслей инвестиционного права и инвестиционного процесса (включая такую отрасль инвестиционного процесса, как маркетинговое право), а также такие основные специальные и комплексные отрасли права, как концессионное, инновационное, венчурное, крипто-инвестиционное право, FOREX-право и др. Инвестиционный цикл отраслей права строится вокруг характеристик предмета отрасли и его специфической методологии, в основе которой лежит прием саморегулирования инвестиционных отношений (соответственно, предметом инвестиционного права являются организационные отношения, складывающиеся по поводу процесса осуществления инвестиций – т.е. процесса использования уже существующих объектов гражданских и политических прав (например, права государства в рамках государственной монополии) для создания новых материальных и нематериальных благ);

Наряду с перечисленными циклами отраслей права, формирующимися вокруг института хозяйственной деятельности, существуют и другие циклы отраслей права – например, экологический цикл, включающий земельное право, горное право, водное право, лесное право и др. Социальное значение указанных сфер правоотношений позволяет выдвинуть тезис не просто об их функционировании в качестве элементов системы отрасли «Экологическое право».

2. Структурирование системы конкретной отрасли права с учетом особенностей правовых норм, свойственных ей, предполагающее «равноправное» нахождение в системе одной и той же отрасли права материальных, процессуальных и коллизионных норм, при условии, что их объединяет единство предмета, методология и принципы отрасли. Так, например, мы полагаем, что предметом хозяйственного права являются общественные отношения, складывающиеся по поводу организации и осуществления публичной и частной хозяйственной деятельности (организационные, процессуальные и иные отношения, возникающие в процессе осуществления предпринимательской деятельности, складывающиеся по поводу реализации государственной экономической политики, обеспечения национальной экономической безопасности и осуществления непредпринимательской хозяйственной деятельности, корпоративного и ведомственного управления организацией).

Заключение

Описанную выше методологию научного исследования правовой системы и системы права авторы просят квалифицировать не как попытку сломать традиционные каноны, разрушив сложившуюся за тысячелетия концепцию и конструкцию права, а лишь как стремление существенно модернизировать ее, значительно расширить ее горизонты. Полагаем, что подобный подход позволит одновременно рационализировать содержание доктринальной составляющей права, системы законодательства и механизм правоприменительной деятельности, а также охватить и классифицировать те общественные отношения, правовые институты и обусловленные ими социальные явления, которые оставались «за бортом» отраслей права в их традиционном понимании.

Библиографический список

1. *Андреев В.К.* К разработке новой редакции части первой ГК РФ // Хозяйство и право. 2008. № 10. С. 50–55.

2. *Бондаренко Н.Л., Конаневич Ю.Г., Хилинская Ю.А.* Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и элемент механизма пруденциального регулирования // Российский правовой журнал. 2021. № 2 (7). С. 46–59.

3. *Бондаренко Н.Л., Халецкая Т.М.* Функции гражданского и семейного права и их реализация в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 107–136. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-47-107–136.

4. *Вишневский А.Ф.* Общая теория государства и права: Учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбаток, В.А. Кучинский. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2013. 478 с.

5. *Комиссарова Е.Г., Кузнецова О.А.* К вопросу о внутреннем строении современного частного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 42. С. 644–663. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-644-663.

6. Об установлении номенклатуры специальностей научных работников: Постановление Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, 1 июля 2019 г., № 1. Минск, 2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. *Челышев М.Ю.* О некоторых тенденциях развития гражданско-правовой отрасли и динамике системы межотраслевых связей гражданского права // Российская юстиция. 2008. № 11. С. 6–9.

8. *Челышев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. 501 с.

9. *Kuznetsova O.* Private-Public coercion in civil law // Kazan University Law Review. 2018. Vol. 3. Issue 1. P. 59–70.

References

1. *Andreev V.K. K razrabotke novoj redakcii chasti pervoj GK RF* [To the Development of a New Edition of the First Part of the Civil Code of the Russian Federation] *Xozyajstvo i pravo* – Economy and Law. 2008. Issue 10. P. 50–55. (In Russ.)

2. *Bondarenko N.L., Konanevich Yu.G., Xilinskaya Yu.A. Kondicionnoe pravo kak samostoyatel'naya otrasl` prava i e'lement mexanizma prudencial'nogo regulirovaniya* [Conditioned Law as an Independent Branch of Law and an Element of the Prudential Regulation Mechanism]. *Rossijskij pravovoj zhurnal* – Russian Legal Journal. 2021. Issue 2 (7). P. 46–59. (In Russ.)

3. *Bondarenko N.L., Xaleczkaya T.M. Funkcii grazhdanskogo i semejnogo prava i ix realizaciya v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus* [Functions of Civil and Family Law and their Implementation in the Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 47. P. 107–136. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-47-107-136. (In Russ.)

4. *Vishnevskij A.F. Obshhaya teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik / A.F. Vishnevskij, N.A. Gorbatok, V.A. Kuchinskij* [General Theory of State and Law: textbook. A.F. Vishnevsky, N.A. Gorbatok, V.A. Kuchinsky]. *Minsk: Akademiya Ministerstva vnutrennix del Respubliki Belarus* – Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2013. 478 p. (In Russ.)

5. *Komissarova E.G., Kuznetsova O.A. K voprosu o vnutrennem stroenii sovremennogo chastnogo prava* [On the Internal Structure of Modern Private Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 4. P. 644–663. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-644-663. (In Russ.)

6. *Ob ustanovlenii nomenklatury` special'nostej nauchny`x rabotnikov: Postanovlenie Vy`sshej attestacionnoj komissii Respubliki Belarus`, 1 iyulya 2019 g., № 1* [On the Establishment of the Nomenclature of Specialties of Scientific Workers: Resolution of the Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, July 1, 2019, No. 1]. Minsk, 2021. (In Russ.)

7. *Chely`shev M.Yu. O nekotory`x tendenciyax razvitiya grazhdansko-pravovoj otrasli i dinamike sistemy` mezhotraslevy`x svyazej grazhdanskogo prava* [On

Some Trends in the Development of the Civil Law Industry and the Dynamics of the System of Intersectoral Relations of Civil Law]. *Rossijskaya yusticiya* – Russian Justice. 2008. Issue 11. P. 6–9. (In Russ.)

8. *Chely`shev M.Yu. Sistema mezhotraslevy`x svyazej grazhdanskogo prava: civilisticheskoe issledovanie:* Dis. ... dokt. yurid. nauk [The System of Interbranch Relations of Civil Law: Civil Studies: Dis. ... doct. jurid. sciences]. Kazan, 2008. 501 p. (In Russ.)

9. *Kuznetsova O.* Private-Public coercion in civil law // Kazan University Law Review. 2018. Vol. 3. Issue 1. P. 59–70. (In Eng.)

Информация об авторах:

Н.Л. Бондаренко
Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности
Белорусский государственный университет
220006, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Ленинградская, 8
ORCID: 0000-0003-3947-728X
ResearcherID: D-8364-2016
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13176
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-33-281-285
https://doi.org/10.15394/jdfsl.2017.1460
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-47-107-136

Ю.Г. Конаневич
Старший преподаватель кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности
Белорусский государственный университет
220006, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Ленинградская, 8
ORCID: 0000-0002-4456-6028

О. Шкут
Доктор философских наук,
юрист, член правления SIA «Bals Latgale»
LV-5422, Латвия, г. Даугавпилс, ул. Резекнес, 17а-33
ORCID: 0000-0002-9702-5508

Information about the authors:

N.L. Bondarenko
Belarusian State University
8 Leningradskaya st., Minsk, 220006, Republic of Belarus
ORCID: 0000-0003-3947-728X
ResearcherID: D-8364-2016
Articles in «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13176
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-33-281-285
https://doi.org/10.15394/jdfsl.2017.1460
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-47-107-136

Y.G. Konanevich
Belarusian State University
8 Leningradskaya st., Minsk, 220006, Republic of Belarus
ORCID: 0000-0002-4456-6028

O. Shkut
SIA «Bals Latgale»
17A-33 Rēzeknes iela, Daugavpils, LV-5422, Latvia
ORCID: 0000-0002-9702-5508

УДК 347.1

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-29-47

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДМЕТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

С.Ю. Морозов
Ульяновский государственный университет
E-mail: fgslaw@mail.ru

***Введение**: статья посвящена некоторым методологическим аспектам исследования предмета гражданского права. Обращается внимание на методологические подходы к классификации общественных отношений, подлежащих гражданско-правовому регулированию. Доказано, что в настоящее время не выработан единый критерий классификации общественных отношений, входящих в предмет гражданского права. Много проблем существует и с определением отдельных видов таких отношений. Дискуссионной является точка зрения о возможности включения организационных и корпоративных отношений в предмет гражданско-правового регулирования. Еще одной проблемой, которая не решена до конца, является определение правовой природы и видов гражданско-правовых организационных отношений. Нет единого понимания о правовых формах организационных и организуемых отношений. Необоснованно заужен круг отношений управления, входящих в предмет гражданского права. Показано, что к числу таких отношений должны относиться не только отношения корпоративного управления. Отсутствует однозначное понимание того, как соотносятся гражданско-правовые организационные отношения и отношения управления. **Цель**: сформировать научное представление о методологических подходах к исследованию структуры предмета гражданского права. **Методы**: системный подход; структурны подход с применением принципа дихотомии; описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись частнонаучные методы: правового моделирования и метод толкования правовых норм. **Результаты**: анализ позиций ученых и действующего гражданского законодательства показал, что предмет гражданского права имеет сложную иерархическую структуру, исследование которой следует проводить, основываясь на общих принципах теории систем и принципа парного деления – дихотомии. **Выводы**: регулируемые гражданским правом общественные отношения должны на первой ступени классифицироваться на имущественные и неимущественные. На второй ступени класси-*

фикации неимущественные отношения должны делиться на неличные неимущественные и личные неимущественные отношения. На третьей ступени классификации неличные неимущественные отношения должны, на наш взгляд, делиться на организационные общественные отношения и отношения управления. Гражданско-правовые отношения управления не сводятся только к корпоративным отношениям. Имеются правовые формы гражданско-правовых организационных и управленческих отношений, которые не сводятся только к правоотношению.

***Ключевые слова**: предмет гражданского права; отношения управления; организационные отношения; правовые формы; классификация общественных отношений.*

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF RESEARCHING THE SUBJECT OF CIVIL LAW

S.Yu. Morozov
Ulyanovsk State University
E-mail: fgslaw@mail.ru

***Introduction**: the article is devoted to some methodological aspects of the study of the subject of civil law. Attention is drawn to the methodological approaches to the classification of public relations subject to civil law regulation. It has been proved that at the present time a unified criterion for the classification of social relations included in the subject of civil law has not been developed. There are many problems with the definition of certain types of such relations. A debatable point of view is about the possibility of including organizational and corporate relations in the subject of civil law regulation. Another problem that has not been fully resolved is the definition of the legal nature and types of civil-legal organizational relations. There is no common understanding of the legal forms of organizational and organized relations. The circle of management relations included in the subject of civil law is unreasonably narrowed. It is shown that such relations should include not only corporate governance relations. There is no unambiguous understanding of how civil organizational relations and management relations relate. **Purpose**: to form a scientific understanding of methodological approaches to the study of the structure of the subject of civil law. **Methods**: systematic approach; structural approach using the principle of dichotomy; descriptions, interpretations; theoretical methods of formal and dialectical logic. Particular scientific methods were used: legal modeling and the method of interpreting legal norms. **Results**: the analysis of the positions of scientists and the current civil legislation showed that*

the subject of civil law has a complex hierarchical structure, the study of which should be carried out based on the general principles of systems theory and the principle of paired division – dichotomy. ***Conclusions****: public relations regulated by civil law should at the first stage be classified into property and non-property. At the second stage of the classification, non-property relations should be divided into non-personal non-property and personal non-property relations. At the third stage of the classification, non-personal non-property relations should, in our opinion, be at organizational social relations and management relations. Civil law management relations are not limited to corporate relations. There are legal forms of civil organizational and managerial relations, which are not limited only to legal relations.*

Keywords*: subject of civil law; management relations; organizational relations; legal forms; classification of social relations.*

Введение

Интерес к предмету гражданского права как к области научных исследований в настоящее время не очень высок. Нельзя сказать, что налицо полная стагнация в этом вопросе. Конечно же, исследования по данной проблеме есть, равно как существует и положительная динамика обращений ученых к данной теме. Вместе с тем большинство научных работ посвящено отдельным видам общественных отношений. Комплексных правовых исследований, посвященных предмету гражданского регулирования в целом, к сожалению, мало. Еще меньше работ посвящено методологическим проблемам исследования предмета гражданского права. Между тем, как справедливо отмечает Б.М. Гонгало, повышенное внимание к данной проблеме в 40–70-е гг. XX в., как это часто случается, сменилось если не апатией, то сдержанностью [6, с. 5]. Представляется, что настало время вновь вернуться к данной проблеме. С одной стороны, речь не должна идти о масштабной ревизии общественных отношений, входящих в предмет регулирования гражданского права. В этом вопросе необходимо проявлять взвешенность, поскольку речь идет о «святая святых» основ для каждого уважающего себя цивилиста. Но нельзя не замечать и происходящей трансформации общественных отношений, а также происходящего их перманентного усложнения. Изменения общественного строя, конвергенция права, расширение круга гражданско-правовых средств, появление новых методов научного исследования и некоторые иные факторы в совокупности влияют на цивилистическую картину мира.

Организационные отношения в предмете гражданского права

Расширение спектра регулируемых гражданским правом общественных отношений возможно только в том случае, если вновь появляющиеся отношения не дублируют уже имеющиеся. С целью недопустимости необоснованного их тиражирования *следует использовать принцип дихотомии при классификации общественных отношений, входящих в предмет гражданского права*. Для этого необходимо на каждой ступени классификации выбирать единый критерий деления. Так сложилось, что изначально этот принцип при определении предмета гражданско-правового регулирования и в науке гражданского права, и в гражданском законодательстве нарушался. Так, до включения в ст. 2 ГК РФ корпоративных отношений имущественным отношениям противопоставлялись личные неимущественные отношения. О.А. Красавчиков справедливо отмечал, что на одной и той же ступени классификации используются одновременно два критерия. По критерию личности отношения должны делиться на личные и неличные, а по критерию имущественности – на имущественные и неимущественные. Но такие критерии должны применяться на различных ступенях дифференциации отношений. Еще более запутанной в данном аспекте стала ситуация после закрепления в гражданском кодексе отношений, связанных с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. Связано это с возобновлением дискуссии по поводу существования в гражданском праве организационных общественных отношений. На эту дискуссию накладывается полемика о гражданско-правовой природе отношений управления.

При характеристике организационных отношений отправной точкой следует считать определение, данное О.А. Красавчиковым, согласно которому под организационными отношениями следует понимать «такие построенные на началах координации и субординации социальные связи, которые направлены на упорядочивание (нормализацию) иных общественных отношений, действий их участников либо формирование социальных образований» [13, с. 56]. Из определения следует, что признаком организационных отношений является их направленность на организацию иных общественных отношений. Организационное отношение, подобно отношению «организуемому», обладает непосредственной целью [14, с. 162], но своей собственной. Как верно отмечает Т.С. Гудовских, «непосредственной целью организационных правоотношений можно признать достижение определенной степени упорядоченности действий субъектов по взаимовыгодно-

му удовлетворению потребностей в материальных и нематериальных благах» [8, с. 52].

С одной стороны, это означает вспомогательный и производный характер организационных отношений относительно организуемых общественных отношений, а с другой стороны, их самостоятельность как отдельного вида [17, с. 20]. Попадая в сферу гражданско-правового регулирования, организационные общественные отношения принимают форму правоотношений. Самостоятельность таких правоотношений подтверждается наличием собственного субъектного состава, содержания и объекта, которые могут быть полностью отличны от элементов организуемого гражданского правоотношения. Так, субъектами организационного правоотношения, возникающего из узлового соглашения, могут быть второй и третий перевозчики. Объектом такого правоотношения является организованность договора перевозки в прямом смешанном сообщении. Содержанием будут являться права и обязанности сторон, связанные с организацией передачи и перевалки груза с одного вида транспорта на другой. У правоотношения организуемого, возникающего из договора перевозки груза в прямом смешанном сообщении, субъектный состав другой – первый перевозчик и грузоотправитель. Иной у него и объект – услуга по перевозке грузов. Что касается обязанностей сторон, то и они совершенно иные, чем в организационном правоотношении. Так, обязанностью перевозчика является доставка груза в пункт назначения, а обязанностью грузоотправителя является уплата установленной цены за перевозку.

Еще один признак организационных отношений, вытекающий из определения О.А. Красавчикова, – построение социальных связей на началах координации и субординации. И если первое из названных начал (координация) не вызывает сомнений, то начало субординации к гражданско-правовым организационным отношениям, на наш взгляд, неприменимо. Соподчиненность одного лица другому свойственна для отношений управления, речь о которых пойдет чуть позже. Между тем некорректно было бы назвать ошибочными взгляды автора, поскольку, во-первых, они были высказаны более 50 лет назад, когда вопрос о существовании гражданско-правовых отношений управления даже не поднимался, а во-вторых, организационные отношения субординации О.А. Красавчиков относил к административному праву и близким к нему отраслям.

Дополнительно следует обратить внимание также на такие важные признаки гражданско-правовых организационных отношений. Они носят одновременно неличный и неимущественный характер. Гражданско-правовые организационные отношения могут быть направлены на организацию общественных отношений, входящих в сферу

регулирования иных отраслей права (налогового, трудового, административного и т.д.).

Гражданско-правовые формы организационных отношений

Полагаем, что спектр организационных общественных отношений и тех объектов, которые можно организовать посредством гражданско-правовых организационных отношений, сильно заужен. Имеется в виду, что организационное отношение, попадая в сферу гражданско-правового регулирования, необязательно приобретает форму правоотношения. То же самое можно сказать и об объекте организации, поскольку организовывать можно не только правоотношения. Как минимум с помощью данного правового инструмента возможно формировать правосубъектные и неправосубъектные образования.

Конечно, категория «правоотношение» является одной из центральных в правовой науке. Однако далеко не все, что урегулировано правом, является правоотношением. Хрестоматийную формулу о том, что правовой формой общественного отношения является правоотношение, следует признать неточной и не учитывающей существование множества иных правовых форм общественных отношений. На это обстоятельство обращают внимание ряд известных ученых. Например, В.К. Андреев пишет: «Не всегда гражданско-правовые явления получают форму правоотношения» [7, с. 83]. Как справедливо отмечает В.А. Белов, «мало кто из ученых отдает себе отчет в том, что такие предметы их разработок, как, к примеру, *гражданская правоспособность* (гражданско-правовое положение или статус) определенных лиц, участников фактических отношений, гражданско-правовой *режим* тех или иных объектов жизненных отношений, гражданско-правовое *значение* определенных фактических обстоятельств, *возможности* совершения фактических и юридических действий, не подпадающие под категорию субъективных прав, *ограничения* и *обременения* прав, охраняемые законом интересы и целый ряд других юридических субстанций, представляют собой не что иное, как *гражданско-правовые формы предметов и явлений, принадлежащих к области реальной действительности*» [3, с. 393]. Таким образом, и в качестве организационного отношения, и в качестве объекта организации может быть не только правоотношение, но и правовая форма иных социальных связей (общественных отношений) и явлений.

О.А. Красавчиков не зря называл организационными общественные отношения, а не правоотношения. Также он говорил об организации социальных связей, которые в правовой действительности могут проявляться в различных правовых формах, не сводимых исключительно

к правоотношению. Проиллюстрируем истинность данного суждения на примерах отдельных правовых форм. Начнем с социальных связей между лицом, обладающим секундарным правом, и связанным с ним лицом.

Здесь уместно вспомнить, что О.А. Красавчиков выделял организационно-делегирующие отношения, посредством которых происходит делегирование полномочий [14, с. 164]. К числу таковых он относил, например, отношения по избранию руководящего органа кооперативной или общественной организации и отношения по выдаче и отзыву доверенности. В данном аспекте интересным представляется вопрос об организационных отношениях, направленных на организацию социальных связей между обладателем секундарных прав и лицом, которое вынуждено претерпевать юридические последствия действий управомоченного лица и находится с ним в состоянии связанности. С.В. Третьяков отмечает: «Термином «связанность» выражается положение, при котором лицо претерпевает изменения в своей правовой сфере, осуществляемое другим лицом. Для состояния юридической связанности характерна независимость наступающих правовых последствий от поведения пассивного субъекта. Именно это обстоятельство резко отличает связанность от обязанности...» [20, с. 263].

В.А. Белов верно полагает, что именно секундарное право, предоставляющее возможность совершения юридического действия от чужого имени, называется полномочием. Следует особо обратить внимание на то, что в данном случае организационными являются правовые связи субъектов гражданского права, которые не приобретают форму правоотношения. У субъектов, связанных «правовыми узами», отсутствуют субъективное право и юридическая обязанность. Их правовая связь проявляется в наличии у одной стороны секундарного права, а у другой – состояния связанности, т.е. необходимости претерпевать неудобства, обусловленные возможностью реализации субъективного права. Так, например, с момента выдачи доверенности до реализации полномочий, содержащихся в ней, имеется правовая связь между лицом, выдавшим доверенность, и представителем. У представителя имеется секундарное (вторичное) право на субъективное право, заключающееся в возможности реализовать предоставленные ему полномочия, а представляемый связан состоянием бесправия, поскольку не в силах нарушить секундарное право. Складывающаяся при этом социально-правовая связь представляет собой общественное отношение, направленное на организацию будущего правоотношения между представителем и третьими лицами и имеющее своим содержанием субъективные права и юридические обязанности, связанные с реализацией полномочий, изложенных в доверенности.

Итак, мы пришли к выводу о том, что в качестве организуемого общественного отношения, попадающего в сферу гражданско-правового регулирования, могут выступать не только правоотношения, но и иные гражданско-правовые формы. Но способно ли организационное отношение выступать в качестве инструмента организации гражданско-правовых форм, отличных от правоотношения? Полагаем, что такая возможность также не исключена. Например, в соответствии с п. 5 ст. 434.1 ГК РФ стороны могут заключать соглашение о порядке проведения переговоров. Само такое соглашение является организационным и порождает гражданское правоотношение. Но в качестве организуемых выступают общественные отношения, которые не приобретают форму правоотношений. У участников переговоров отсутствуют субъективные права и юридические обязанности. Тем не менее они находятся в правовой связи, поскольку их действия влекут конкретные юридические последствия. Так, стороны переговоров обязаны действовать добросовестно (это положение воспроизведено в немецком, голландском и швейцарском праве [22, с. 359–380]), а также не раскрывать получаемую от другой стороны конфиденциальную информацию. На существование особой правовой связи между участниками переговоров обратил в свое время внимание R. Ihering [23, с. 1].

М.Н. Малеина отмечает: «Введение статьи 434.1 «Переговоры о заключении договора» ГК РФ дополняет правовое регулирование отношений, направленных на заключение договора, прежде всего когда оферент не может однозначно сформулировать отдельные условия договора или когда условия подлежат разработке путем взаимных уступок, что предполагает совместное согласование в течение определенного периода» [16, с. 37]. Из данного высказывания, в частности, можно сделать вывод о том, что в качестве организуемого выступает общественное отношение, возникающее на стадии заключения договора между оферентом и акцептантом. Такое отношение характеризуется правовой связанностью сторон, а не наличием у них субъективных прав и юридических обязанностей, которые могут возникнуть только уже из заключенного договора. Связь оферента с акцептантом устанавливается с момента принятия адресатом оферты, у которого возникает секундарное право.

Другим примером, когда организационное отношение организует общественные отношения в правовой форме, отличной от правоотношений, является организация обременения. Обременение представляет собой социальную связь, которая характеризуется ограничением имеющихся правовых возможностей конкретных частных лиц. Так, стороны организационного договора могут установить в будущем обременение в виде сервитута земельного участка. В организуемом общественном

отношении новых субъективных прав и юридических обязанностей не возникает, а происходит лишь урезание уже имеющегося субъективного права.

В качестве промежуточного можно сделать вывод о том, что и организационные, и организуемые общественные отношения, входящие в предмет гражданского права, могут принимать правовые формы, отличные от правоотношений.

Таким образом, организационные гражданско-правовые отношения входят в предмет гражданского права и относятся к группе неличных неимущественных отношений. В эту же классификационную группу можно отнести и гражданско-правовые отношения управления.

Гражданско-правовые отношения управления

Отношения управления – это новый самостоятельный вид гражданских отношений, который нельзя свести к организационным либо корпоративным отношениям. На первый взгляд такое утверждение может вызвать некоторое отторжение, поскольку управление основано на подчинении одного лица другому. Однако уже мало кто сомневается в существовании корпоративных отношений, связанных с управлением корпорацией. В ст. 2 ГК РФ прямо указано на это. Помимо корпоративного управления в Гражданском кодексе упоминается об арбитражном управлении, об управлении залогом [4, с. 38–47], оперативном управлении имуществом, об управлении юридическими лицами, не являющимися корпорациями, об услугах по управлению в договоре аренды транспортных средств, о доверительном управлении, об управлении интеллектуальными правами и т.д. В иных нормативно-правовых актах, отличных от Гражданского кодекса, но регулирующих гражданско-правовые отношения, встречаются правила об управлении многоквартирным домом [21], об оперативно-диспетчерском управлении в энергетике, об управлении паевым инвестиционным фондом [10] и т.д. В науке гражданского права высказано мнение о существовании договоров на оказание услуг по управлению деятельностью [2, с. 303–311]. Нам уже приходилось упоминать, что слово «управление» в Гражданском кодексе РФ упоминается более 319 раз.

Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что простым перечислением и арифметическими подсчетами в праве ничего доказать нельзя, даже несмотря на то, что вряд ли законодатель использовал слово «управление» столько раз ошибочно. Но есть и аргументы сущностного характера, объясняющие существование отношений управления в частном праве. На наш взгляд, существование гражданско-правовых отношений, основанных на власти и подчинении, нисколько не про-

тиворечит принципу юридического равенства сторон. Данный тезис мы подробно аргументировали в своих трудах ранее [19, с. 181–191]. Если сделать короткий ретроспективный экскурс, то в сжатом виде наши выводы сводились к следующему:

1) субъекты частноправовых отношений управления, основанных на власти и подчинении, имеют равную правоспособность и вступают в отношения между собой исключительно по своей воли без всякого на то принуждения;

2) основаниями возникновения гражданско-правовых отношений управления являются юридические факты, свойственные гражданскому праву (договоры, сделки, решения собраний и т.п.);

3) содержанием исследуемых правоотношений являются субъективные права и юридические обязанности, лежащие в сфере гражданско-правового регулирования;

4) объектом управленческого правоотношения является субъект гражданского права, подвергающийся управляющему воздействию;

5) стороны гражданского правоотношения управления в случае нарушения их прав применяют только гражданско-правовые способы защиты;

6) подчиненное лицо в любое время может выйти из правоотношения управления по правилам, предусмотренным гражданским законодательством.

Следует отметить, что многие ученые в том или ином аспекте разделяют наши суждения. Например, А.В. Габов разграничивает управление в публично-правовых системах (государственное управление) и управление в частноправовых системах (к примеру, управление организацией) [5, с. 144]. М.А. Егорова полагает, что в основе гражданско-правового управленческого отношения лежит феномен «частноправовой власти» [11, с. 290]. Солидарен с этим утверждением и О.В. Гутников применительно к корпоративным отношениям [9, с. 71].

Следует отметить, что в настоящий момент существуют три точки зрения по поводу правовой природы корпоративных отношений. Представителем первой точки зрения является Е.А. Суханов, отстаивающий имущественный характер корпоративных отношений. Б.М. Гонгало полагает, что ««корпоративные отношения» есть категория собирательная, объединяющая имущественные и организационные отношения, регулируемые гражданским правом» [6, с. 21]. О.В. Гутников полагает, что о корпоративных отношениях следует говорить исключительно как о «частноправовых неимущественных отношениях власти и подчинения, объектом которых является сам управляемый субъект» [9, с. 71]. Более того, автор полагает, что данное утверждение «не противоречит природе гражданского законодательства, которое согласно п. 3 ст. 2

ГК РФ не применяется лишь к имущественным отношениям, основанным на властном подчинении одной стороны другой» [9, с. 63]. Данная позиция представляет собой третью точку зрения по обозначенной проблеме.

Именно в присутствии в корпоративных отношениях управленческого элемента видит критерий разграничения данных отношений с иными гражданско-правовыми отношениями И.С. Шиткина [12, с. 63]. Аналогичную позицию занимает А.Е. Молотников, утверждающий, что корпоративные отношения – это организационно-управленческие отношения [18, с. 5].

Исследование проблемы предмета гражданского права, и в частности наличия в нем отношений управления, следует проводить с учетом принципов теории систем, которые являются универсальными, и право здесь не является исключением.

При исследовании структуры системы гражданского права первичность регулируемых общественных отношений должна играть одну из ключевых ролей. Представляется, что подотрасли и институты гражданского права должны максимально соответствовать правовой природе регулируемых отношений. Причем такие общественные отношения предполагаются в рамках одной подотрасли либо института однородными. Казалось бы, из этого должно следовать, что определенному виду общественных отношений должен соответствовать конкретный вид гражданского правоотношения. Но на самом ли деле это всегда соблюдается? Возьмем, например, такую подотрасль гражданского права, как право интеллектуальной собственности. Во-первых, здесь мы обнаружим, что обособленная совокупность норм права регулирует и имущественные и неимущественные отношения. Причем круг последних разнообразен. Сюда входят и личные неимущественные отношения, и неличные неимущественные отношения, включая, в частности, организационные отношения и отношения управления.

Так, нельзя сказать однозначно, что обязательственные и корпоративные правоотношения являются правовой формой исключительно имущественных отношений. Несмотря на то, что в ст. 2 ГК РФ при перечислении регулируемых гражданским законодательством общественных отношений корпоративные отношения противопоставляются договорным и иным обязательствам. Оба названных вида правоотношений могут являться результатом правового регулирования организационных общественных отношений, входящих в предмет гражданского права. Поэтому категоричным следует признать точку зрения О.В. Гутникова по поводу того, что отношения управления возможны только в корпоративном праве, поскольку «в отличие

от вещных и обязательственных правоотношений правоотношения по управлению юридическим лицом составляют сферу господства над личностью» [9, с. 71].

В этих отношениях имеет место господство над другим субъектом, в отличие от обязательственных прав, в которых объектом господства являются действия обязанного лица, и в отличие от вещных прав, в которых объектом господства является вещь. В отличие от вещных и обязательственных правоотношений правоотношения по управлению юридическим лицом составляют *сферу господства над личностью* [9, с. 71].

Однако, как мы указывали ранее, гражданско-правовые отношения управления не сводятся только к корпоративным отношениям. С таким утверждением О.В. Гутников не согласен. С одной стороны, автор сам признает, что отношения управления должны охватывать управление не только корпорациями, но и другими юридическими лицами, а с другой стороны, полагает, что отношения управления не могут существовать в вещном, обязательственном, наследственном праве, а также в праве интеллектуальной собственности. Иными словами, все, что лежит за рамками управления юридическими лицами, не может относиться к гражданско-правовым отношениям управления [9, с. 400]. Логика автора проста: вещи, лишенные воли, не могут быть объектами управления, поскольку не способны откликаться на управляющее воздействие. Деятельность по передаче имущества, выполнению работ и оказанию услуг также не способна выступать в качестве объекта частноправового управления, поскольку процесс «управления деятельностью» есть не что иное, как непосредственное осуществление этой деятельности субъектами гражданского права [9, с. 400].

На наш взгляд, рассуждения автора небезупречны. Мы согласны с тем, что в качестве управляемых субъектов могут выступать только лица, а не вещи. Причем здесь мы также солидарны с Р. Лукичем, что речь должна идти именно о лицах. Автор частично опровергает позицию А.В. Аверьянова о методологическом значении утверждения, согласно которому субъектами управленческих отношений являются люди [1, с. 89]. Р. Лукич справедливо полагает, что, попадая в особую социальную среду, люди приобретают особый правовой статус (например, покупателя, продавца, пассажира, грузоотправителя) [15, с. 265]. Но главное не в этом. Полагаем, что не вызывает сомнения утверждение о том, что право регулирует поведение людей. В нормах гражданско-правового регулирования не было бы смысла, если бы они не были способны изменить поведения субъектов гражданского права. Как мы упоминали ранее в настоящей статье, гражданско-правовые формы социальных связей многообразны. Наряду с гражданским

правоотношением, правоспособностью, секундарными правами и т.п. существует такая правовая форма, как гражданско-правовой режим. Она устанавливается не для вещей, а для субъектов гражданского права и выражается в установлении возможности (ее пределов) либо невозможности субъектов совершать юридически значимые действия по отношению к объекту. Когда мы ведем речь об оперативном управлении вещами, о доверительном управлении, об управлении залогом и т.п., то вполне осознаем, что правовое управляющее воздействие происходит не на вещь, а на поведение субъектов, социальные связи которых претерпевают при этом изменения, поскольку правовые возможности конкретных лиц подвержены трансформации. Именно субъекты способны откликаться на правовое, равно как и на управляющее воздействие, приобретая либо теряя возможности по владению, пользованию либо распоряжению вещью. Аналогичные аргументы можно привести и в отношении управления иными объектами гражданских прав – например, управления интеллектуальными правами. Иная точка зрения привела бы к утверждению о том, что гражданско-правовые нормы об объектах гражданских прав не являются правилами *поведения*. А это подрывает фундаментальные устои юридической науки.

Что касается второго утверждения О.В. Гутникова относительно невозможности признания деятельности лиц гражданского права по передаче имущества, выполнению работ и оказанию услуг в качестве объекта управления, то выскажем соображения следующего характера. Следует различать гражданско-правовые отношения самостоятельные и встроенные. Примером первых являются корпоративные отношения, а примером вторых могут быть отношения управления, возникающие из договора управления авторскими правами. Безусловно, последние имеют обязательственную природу, но суть обязательства в регулировании отношений управления, которые носят неимущественный характер. Аналогично сущность услуг оперативно-диспетчерского управления обусловливает специфику возникающих обязательственных правоотношений.

Методологические подходы к вопросу о классификации гражданско-правовых отношений

Рассмотренные признаки организационных и корпоративных отношений непосредственно влияют на классификацию гражданско-правовых отношений, основанную по принципу дихотомии.

На наш взгляд, регулируемые гражданским правом общественные отношения должны на первой ступени классифицироваться на имущественные и неимущественные. На второй ступени классификации

неимущественные отношения должны делиться на неличные неимущественные и личные неимущественные отношения. На третьей ступени классификации неличные неимущественные отношения должны, на наш взгляд, делиться на организационные общественные отношения и отношения управления. Разграничительными признаками, используемыми при классификации общественных отношений на третьей ступени, следует считать наличие либо отсутствие иного внешнего организуемого правоотношения, а также характер взаимного расположения прав и обязанностей. Для организационных правоотношений такое наличие обязательно. Без организуемого правоотношения они не имеют смысла. Отношения управления складываются исключительно между его участниками, являются внутренними и самодостаточными, не предполагающими наличие иных внешних правоотношений. Кроме того, организационные отношения построены по принципу координации, а интересы участников этих отношений однонаправлены, т.е. сходятся в одной точке. Здесь трудно однозначно выделить активную и пассивную сторону. Для отношений же управления характерна синналагма, т.е. они в отличие от организационных строятся по принципу «ты мне – я тебе».

Исследовать в контексте предмета гражданско-правового регулирования *нужно в первую очередь общественные отношения, а не правоотношения.* Общественные отношения первичны и не всегда корреспондируют видам гражданских правоотношений. В связи со сказанным нельзя не затронуть проблему отраслевого строения гражданского права и соотношения системы гражданского права с комплексными отраслями.

Выводы

1. С целью недопустимости необоснованного тиражирования общественных отношений, входящих в предмет гражданского права, следует использовать принцип дихотомии при их классификации. В качестве организуемого общественного отношения, попадающего в сферу гражданско-правового регулирования, могут выступать не только правоотношения, но и иные гражданско-правовые формы (секундарные права, обременение, гражданско-правовой режим и т.п.).

2. Исследование проблемы предмета гражданского права, и в частности наличия в нем отношений управления, следует проводить с учетом принципов теории систем, которые являются универсальными.

3. Регулируемые гражданским правом общественные отношения должны на первой ступени классифицироваться на имущественные

и неимущественные. На второй ступени классификации неимущественные отношения должны делиться на неличные неимущественные и личные неимущественные отношения. На третьей ступени классификации неличные неимущественные отношения должны, на наш взгляд, делиться на организационные общественные отношения и отношения управления.

4. Разграничительными признаками организационных и корпоративных правоотношений следует считать наличие либо отсутствие иного внешнего организуемого правоотношения, а также характер взаимного расположения прав и обязанностей. Для организационных правоотношений такое наличие обязательно. Отношения управления складываются исключительно между его участниками, являются внутренними и самодостаточными, не предполагающими наличие иных внешних правоотношений. Организационные отношения построены по принципу координации, отношения управления строятся по принципу «ты мне – я тебе».

5. Гражданско-правовые отношения управления не сводятся только к корпоративным отношениям.

Библиографический список

1. *Аверьянов В.Б.* Социальная природа и особенности социалистических государственно-управленческих отношений // Методологические проблемы юридической науки: Сб. научн. тр. Киев, 1990. С. 89–96.

2. *Ананьева А.А.* Договор на оказание операторских услуг по управлению // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 303–311.

3. *Белов В.А.* Гражданское право. Т. I: Общая часть. Введение в гражданское право: Учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство «Юрайт», 2015. 622 с.

4. *Василевская Л.Ю.* Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3. С. 38–47.

5. *Габов А.В.* Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. 412 с.

6. *Гонгало Б.М.* Предмет гражданского права // Проблемы теории гражданского права / Институт частного права. М.: Статут, 2003. 128 с.

7. Гражданское право. Вып. 1: Основные положения. Граждане: Курс лекций / Под ред. В.К. Андреева. М.: РАП, 2013. 124 с.

8. *Гудовских Т.С.* Механизм восполнения открытых условий гражданско-правовых договоров: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2018. 222 с.

9. *Гутников О.В.* Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. М., 2018. 599 с.

10. *Зайцев О.Р.* Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом. М., 2007. 507 с.

11. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: Монография / Отв. ред. М.А. Егорова. М., 2015. 656 с.

12. Корпоративное право: Учебный курс: В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М., 2017. 976 с.

13. *Красавчиков О.А.* Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 50–57.

14. *Красавчиков О.А.* Организационные гражданско-правовые отношения // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: Сб. статей. М.: Статут, 2001. 431 с.

15. *Лукич Р.* Методология права. М., 1981. 304 с.

16. *Малеина М.Н.* Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 36–46.

17. *Мезрин Б.Н.* Моделирование гражданско-правовых неимущественных обязательств // Проблемы обязательственного права. Межвузовский сб. научных трудов. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1989. С. 15–27.

18. *Молотников А.Е.* Ответственность в акционерных обществах. М., 2006. 230 с.

19. *Морозов С.Ю.* Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 181–191. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-36-181-191.

20. *Третьяков С.В.* Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине // Вестник гражданского права. 2007. № 2. Т. 7. С. 253–270.

21. *Юрьева Л.А.* Договор управления многоквартирным домом: Монография. М., 2011. 256 с.

22. *Cartwright J.* Negatiation and Renegatiation: An English Perspective // Reforming the French Law of Obligations: comparative reflections on the Avant-projet de du droit des obligations et de la prescription. P. 51–70.

23. *Ihering R.* Culpa in contrahendo oder Schadenersatz bei nichtigen oder nicht zur Perfektion gelangten Vertragen // Jahrbucher fur die Dogmatik des heutigen romischen und deutschen Privatrechts. 1861. Bd. 4.

References

1. *Aver'yanov V.B. Social'naya priroda i osobennosti socialisticheskih gosudarstvenno-upravlencheskih otnoshenij* [The Social Nature and Characteristics of Socialist State-administrative Relations]. *Metodologicheskie problemy yuridicheskoj nauki* – Methodological problems of legal science. Kiev, 1990. P. 89–96. (In Russ.)

2. *Anan'eva A.A. Dogovor na okazanie operatorskih uslug po upravleniyu* [Contract for the Provision of Operator Services for Management]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Perm University Bulletin. Legal sciences. 2017. Issue 37. P. 303–311. (In Russ.)

3. *Belov V.A. Grazhdanskoe pravo. T. I. Obshchaya chast'. Vvedenie v grazhdanskoe pravo: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury* [Civil law. Vol. I. A common part. Introduction to Civil Law: A Textbook for Undergraduate and Graduate Degrees]. Moscow, 2015. 622 p. (In Russ.)

4. *Vasilevskaya L.Yu. Pravovaya kvalifikaciya dogovora upravleniya zalogom* [Legal Qualification of the Pledge Management Agreement]. *Zakon* – Law. 2016. Issue 3. P. 38–47. (In Russ.)

5. *Gabov A.V. Sdelki s zainteresovannost'yu v praktike akcionernyh obshchestv: problemy pravovogo regulirovaniya* [Interested Party Transactions in the Practice of Joint Stock Companies: Problems of Legal Regulation]. Moscow, 2005. 412 p. (In Russ.)

6. *Gongalo B.M. Predmet grazhdanskogo prava* [Civil Law Subject]. *Problemy teorii grazhdanskogo prava / Institut chastnogo prava* [Problems of the Theory of Civil Law / Institute of Private Law]. Moscow, 2003. 128 p. (In Russ.)

7. *Grazhdanskoe pravo. Vyp. 1: Osnovnye polozheniya. Grazhdane: Kurs lekcii. pod red. V.K. Andreeva* [Civil law. Issue 1: Basic Provisions. Citizens: Course of Lectures Ed. V.K. Andreev]. Moscow, 2013. 124 p. (In Russ.)

8. *Gudovskih T.S. Mekhanizm vospolneniya otkrytyh uslovij grazhdansko-pravovyh dogovorov*: Diss. ... kand. yurid. nauk [Mechanism for Replenishing Open Terms and Conditions of Civil Law Contracts: Diss. ... kand. jurid. sciences]. Ulyanovsk, 2018. 222 p. (In Russ.)

9. *Gutnikov O.V. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' v otnosheniyah, svyazannyh s upravleniem yuridicheskimi licami*: Diss. ... d-ra yurid. nauk [Civil Liability in Relations Related to the Management of Legal Entities: Diss. ... doctors of law sciences]. Moscow, 2018. 599 p. (In Russ.)

10. *Zajcev O.R. Dogovor doveritel'nogo upravleniya paevym investicionnym fondom* [Trust Management Agreement for a Mutual Investment Fund]. Moscow, 2007. 507 p. (In Russ.)

11. *Koordinaciya ekonomicheskoj deyatel'nosti v rossijskom pravovom prostranstve:* Monografiya / Otv. red. M.A. Egorova [Coordination of Economic

Activity in the Russian Legal Space: Monograph / Ed. M.A. Egorova]. Moscow, 2015. 656 p. (In Russ.)

12. *Korporativnoe pravo: Uchebnyj kurs: V 2 t. / Otv. red. I.S. Shitkina. T. 1* [Corporate Law: Training Course: 2 Vol. / Ed. I.S. Shitkina. Vol. 1]. Moscow, 2017. 976 p. (In Russ.)

13. *Krasavchikov O.A. Grazhdanskie organizacionno-pravovye otnosheniya* [Civil Organizational and Legal Relations]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1966. Issue 10. P. 50–57. (In Russ.)

14. *Krasavchikov O.A. Organizacionnye grazhdansko-pravovye otnosheniya* [Organizational Civil Law Relations]. *Antologiya ural'skoj civilistiki. 1925–1989* – Anthology of the Ural Civil Law. 1925–1989. Moscow, 2001. 431 p. (In Russ.)

15. *Lukich R. Metodologiya prava* [Methodology of Law]. Moscow, 1981. 304 s. (In Russ.)

16. *Maleina M.N. Peregovory o zaklyuchenii dogovora (ponyatie, pravovoe regulirovanie, pravila)* [Negotiations on the Conclusion of An Agreement (Concept, Legal Regulation, Rules)]. *Zhurnal rossijskogo prava* – Journal of Russian Law. 2016. Issue 10. P. 36–46. (In Russ.)

17. *Mezrin B.N. Modelirovanie grazhdansko-pravovyh neimushchestvennyh obyazatel'stv, problemy obyazatel'stvennogo prava* [Modeling Civil Non-property Obligations]. *Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* – Problems of Law of Obligations. Sverdlovsk, 1989. P. 15–27. (In Russ.)

18. *Molotnikov A.E. Otvetstvennost' v akcionernyh obshchestvah* [Liability in Joint Stock Companies]. Moscow, 2006. 230 p. (In Russ.)

19. *Morozov S.Yu. Metod yuridicheskogo ravenstva storon i princip podchineniya v korporativnom prave Rossii* [The Method of Legal Equality of the Parties and the Principle of Subordination in Corporate Law in Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Perm University Bulletin. Legal sciences. 2017. Issue 36. P. 181–191. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-36-181-191. (In Russ.)

20. *Tret'yakov S.V. Formirovanie koncepcii sekundarnyh prav v germanskoj civilisticheskoj doktrine* [Formation of the Concept of Second Rights in the German Civil Doctrine]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Bulletin. 2007. Issue 2. Vol. 7. P. 253–270. (In Russ.)

21. *Yur'eva L.A. Dogovor upravleniya mnogokvartirnym domom: monografiya* [Management contract for an apartment building: monograph]. Moscow, 2011. 256 p. (In Russ.)

22. *Cartwright J.* Negatiation and Renegatiation: An English Perspective. Reforming the French Law of Obligations: comparative reflections on the Avant-projet de du droit des obligations et de la prescription. P. 51–70. (In Eng.)

23. *Ihering R.* Culpa in contrahendo oder Schadenersatz bei nichtigen oder nicht zur Perfektion gelangten Vertragen. Jahrbucher fur die Dogmatik des heutigen romischen und deutschen Privatrechts. 1861. Bd. 4. (In Germ.)

Информация об авторе:

С.Ю. Морозов
Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Ульяновский государственный университет
432007, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42
ORCID: 0000-0002-1522-8046
ResearcherID: D-6939-2016
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-32-199-207
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-36-181-191

Information about the author:

S.Yu. Morozov
Ulyanovsk State University
42 L. Tolstoy st., Ulyanovsk, 432007, Russia
ORCID: 0000-0002-1522-8046
ResearcherID: D-6939-2016
Articles in «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-32-199-207
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-36-181-191

УДК 347.1

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-48-68

НОВАЯ ПАРАДИГМА ЮРИДИЧЕСКОЙ И ЭТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ДОМИНИРОВАНИЯ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-29-14015/20

О.А. Серова
Псковский государственный университет
E-mail: olgaserova1974@mail.ru

***Введение**: биотехнологии следует рассматривать в нескольких аспектах: сфера науки, отрасль знаний, рынок новых продуктов и услуг. Основная особенность биотехнологий связана с использованием свойств живых организмов для получения новых объектов. В условиях применения цифровых технологий применение различного биологического материала может привести к непредсказуемым изменениям живых организмов, в том числе самого человека. Значительный рост экономических показателей рынка биотехнологий диктует усиление позиций отечественной промышленности и исследовательской базы в конкурентной борьбе. Необходимость стимулирования рынка и ограничения деятельности его участников этического характера определяет основную проблемную отрасль для развития права и законодательства. **Целью** исследования является определение значимых социальных характеристик изменения условий осуществления деятельности в области биотехнологий. В предметную область включены сфера научных исследований и производство новых продуктов. Сделан вывод о связи данных стадий. **Методы**: общенаучный (диалектический) метод, а также такие частнонаучные методы познания, как формально-юридический, сравнительно-правовой, логический. **Обсуждение**: развитие новых биотехнологий рассматривается в качестве причины изменения требований к регулированию отношений в данной области. Коммерциализация результатов исследовательской деятельности привела к зависимости науки от бизнеса и потребителей услуг биоинженерии. Массовый спрос искажает нравственно-этические установки ученых. Оказывается серьезное воздействие и на целевые установки государства как основного регулятора и субъекта, определяющего политику в области развития новых технологий. Требуется пересмотр системы субъектов, вовлеченных в процесс формирования нового знания,*

и его дальнейшей коммерциализации. Противопоставление общества и отдельных потребителей результатов научной деятельности биотехнологических лабораторий формирует совершенно иную среду взаимодействия. Потребительское сообщество в настоящее время фактически определяет нравственно-этические установки формирования научной повестки и развития отрасли. В рамках обсуждения новой концепции юридической и этической ответственности за вред, причиняемый новыми технологиями, должна быть пересмотрена роль средств массовой информации, фармацевтических компаний, потребителей и других субъектов. ***Выводы****: право должно остаться регуляторным механизмом в условиях развития новых технологий, преобразующих мир. Но задачей права становятся определение перспектив развития человечества, формирование новой системы ценностей. Это приведет к сближению права и этики. Методологической особенностью проведения юридических исследований в анализируемой сфере должно стать использование системы социально-политических, экономических и иных факторов, определяющих взаимодействие всех субъектов влияния на рынок биотехнологий. Исследования, основанные на правовом позитивизме, не смогут охватить весь спектр особенностей формирования новых отраслей экономики.*

Ключевые слова*: биотехнологии; право; этика; мораль; юридическая и этическая ответственность; субъекты правоотношений.*

A NEW PARADIGM OF LEGAL AND ETHICAL RESPONSIBILITY IN THE CONTEXT OF THE DOMINANCE OF BIOTECHNOLOGY

O.A. Serova
Pskov State University
E-mail: olgaserova1974@mail.ru

Introduction*: biotechnology should be considered in several aspects: the sphere of science, the branch of knowledge, the market for new products and services. The main feature of biotechnology is associated with the use of the properties of living organisms to obtain new objects. In the context of the use of digital technologies, the use of various biological materials can lead to unpredictable changes in living organisms, including the person himself. A significant growth in the economic indicators of the biotechnology market dictates the strengthening of the positions of the domestic industry and research base in the competitive struggle. The need to stimulate the market and limit the activities of its participants of an ethical nature determine the main problematic sector for the development of law and legislation.* ***Purpose****: determination of significant social characteristics of changes*

in the conditions for the implementation of activities in the field of biotechnology. The subject area includes the field of scientific research and the production of new products. A conclusion is drawn about the connection between these stages. ***Methods****: general scientific (dialectical) method, as well as such particular scientific methods of cognition, formal legal, comparative legal, logical.* ***Discussion****: the development of new biotechnologies is considered as the reason for changes in the requirements for the regulation of relations in this area. The commercialization of research results has led to the dependence of science on businesses and consumers of bioengineering services. Mass demand distorts the moral and ethical attitudes of scientists. A serious impact is also exerted on the target settings of the state as the main regulator and subject that determines the policy in the field of the development of new technologies. A revision of the system of subjects involved in the process of forming new knowledge and its further commercialization is required. The opposition of society and individual consumers of the results of scientific activities of biotechnological laboratories forms a completely different environment of interaction. The consumer community is currently actually shaping the moral and ethical guidelines for the formation of the scientific agenda and the development of the industry. As part of the discussion of a new concept of legal and ethical responsibility for harm caused by new technologies, the role of the media, pharmaceutical companies, consumers and other actors should be revised.* ***Conclusions****: the law must remain a regulatory mechanism in the face of the development of new technologies that are transforming the world. But the task of law is to determine the prospects for the development of mankind, the formation of a new system of values. This will lead to a convergence of law and ethics. The methodological feature of legal research in the analyzed area should be the use of a system of socio-political, economic and other factors that determine the interaction of all subjects of influence on the biotechnology market. Research based on legal positivism will not be able to cover the entire spectrum of features of the formation of new sectors of the economy.*

Keywords*: biotechnology; right; ethics; morality; legal and ethical responsibility; subjects of legal relations.*

1. Развитие биотехнологий как причина трансформации правовых институтов

Современное общество столкнулось с угрозами, масштаб и последствия которых несравнимы с когда-либо происходящими в истории человечества. Речь идет о катастрофических изменениях климата, угрозе возникновения новых пандемий, аналогичных COVID-19, террористических угрозах, переселении и глобальной миграции, изменениях человеческой природы как следствия внедрения новых биотехнологий.

Биотехнология как наука рассматривается в качестве совокупности методов и технологий производства различных ценных веществ и продуктов с использованием живых организмов или продуктов их жизнедеятельности. «Биотехнологии» как термин используется для обобщающего наименования класса технологий, в которых для получения требуемого продукта или оказания услуги применяются свойства живых организмов. Роль станков и другого промышленного оборудования играют «живые машины» – бактериальные и грибковые культуры, ферменты и др.[1]

На современном рынке сектор биотехнологий рассматривается в качестве одного из самых агрессивно растущих. За два года индекс Nasdaq Biotechnology[2] вырос примерно на 100%[3]. Многие страны вступили в жесткую конкурентную борьбу в этой сфере. Так, например, индийская биотехнологическая отрасль (разделена на пять сегментов: биофарма, био-услуги, биоагро, биоиндустрия и биоинфоматика) была оценена в 64 млрд долларов в 2019 г. Считается, что к 2024–2025 гг. ее уровень достигнет 150 млрд долларов[4]. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, биотехнологии будут применяться для получения 80% лекарств, 50% сельскохозяйственного производства и 35% продукции химической промышленности [14]. Такой же высокий уровень развития в связи с ростом спроса будет ожидать и сферы исследования и применения на практике технологий редактирования генома, иных манипуляций, позволяющих влиять на здоровье человека.

Таким образом, уже сейчас очевидна реальность происходящих изменений в окружающем нас мире, которая принципиально отличается от ранее существовавших условий жизнедеятельности общества. Каким образом эта новая реальность проявляется в праве и законодательстве? Первые угрозы для юриспруденции ввиду перехода к новому технологическому укладу оказались явно преувеличенными. Развиваются цифровые технологии, Интернет проник во все сферы существования человечества, активно внедряется искусственный интеллект. Но в законодательстве мы не наблюдаем каких-то кардинальных изменений, связанных с перестройкой тех или иных институтов. Связано данное обстоятельство, на наш взгляд, с присущим праву консерватизмом и осторожностью приятия изменений. «В праве нельзя видеть лишь простое воспроизведение в нормативно-право-

[1] http://мниап.рф/analytics/Mirovoj-rynok-biotehnologij/.

[2] https://www.nasdaq.com/market-activity/index/nbi.

[3] https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/industriya-biotehnologiy-v-ssha-osnovnye-investidei-i-tendencii-goryachego-segmenta.

[4] https://www.investindia.gov.in/ru-ru/sector/biotechnology.

вой форме основных условий как материального, так и иного бытия. Право независимо лишь от этого бытия, оно является исторически выработанной человечеством системой правовых принципов, идеалов, устремлений: право универсально в том смысле, что обслуживает любое общество» [4, с. 13]. Описанный консерватизм позволял ранее не просто давать юридическую оценку происходящим социально-экономическим изменениям, но и формировать новую правовую концепцию, определяющую базу законодательного развития, основанную на правовых принципах, нравственно-этических стандартах поведения участников правоотношений. Насколько сегодняшняя ситуация позволяет ожидать повторения данного сценария? Были ли в истории человечества схожие периоды, когда праву пришлось кардинально перестраивать юридические механизмы и институты? На наш взгляд, XX в. содержит подобные примеры. Прежде всего для анализа подходит период после Второй мировой войны, когда общество осознало уровень злодеяний и нарушений прав человека, в том числе осуществляемых ради научного интереса (либо понимаемого таковым). Не случайно считается, что развитие фармацевтической промышленности произошло на фоне бесчеловечных медицинских экспериментов нацистов и их союзников [8].

Современный уровень развития биотехнологий позволяет реализовать самые фантастические идеи, вплоть до создания гибридных форм человека и животного, полностью изменить человека как биологический алгоритм [5, с. 108; 9]. Как правило, это обосновывается потребностями создания новых лекарственных препаратов и методов лечения, избавления человечества от наследственных заболеваний. Хотелось бы обратить на это внимание. Несмотря на всю актуальность темы освобождения от болезней и продления срока жизни, подавляющее значение имеет общественное, публичное обоснование полезности новых технологий. «Уход» от познания реальности «к ее искусственному конструированию сопровождается переоценкой статуса истины, место которой все чаще начинают занимать идеи «пользы» и «эффективности». В технологическом контексте вопросы истинности, качества знания отходят на задний план» [11, с. 53]. Данное обстоятельство имеет определяющее значение для моделируемой нами новой концепции ответственности субъектов, которая определяется изменением целеполагания не только непосредственных участников правоотношений, но и связанных с ними субъектов. Отдельные юридические исследования, работы по определению надлежащих положений законодательства не должны осуществляться в отрыве от изучения той социальной, политической и экономической среды, которая оказывает непосредственное влияние на изучаемые общественные отношения.

В предыдущие периоды развития науки и производства, несмотря на непосредственную связанность данных категорий, все же в целом исследовательская часть и отношения, связанные с внедрением результатов научных разработок, отделялись друг от друга временны́ми, пространственными и институциональными факторами. В настоящее время разграничение может быть минимальным. Эксперты в качестве специфической черты исследований в области биотехнологий выделяют признак коммерциализации этого научного направления, в том числе и «в части возможности «манипулировать» ДНК и другими молекулами» [12]. Обращаем внимание на то, что П. Рабинов отмечает связь не только между венчурным капиталом и развитием прикладных молекулярно-биологических научных исследований, но и изменением административной среды, которое также способствовало (если не принуждало) к реализации прикладных задач, нацеленных на решение задач потребительского рынка [12]. Об этом же говорят и иные эксперты. Биотехнологии рассчитаны именно на массовый спрос [11, с. 61]. При первом приближении подобная картина является традиционной и не требует изменения законодательных механизмов. Более детальный анализ позволяет сделать вывод о наличии существенных отличий. В предыдущей парадигме государство было ориентировано в значительной степени на решение фундаментальных и стратегических задач, где прикладные эффекты могли и становились «побочным» эффектом от решения основной цели государственного развития. Ярким примером может служить «атомный проект» Советского Союза [1]. Применительно к биотехнологиям характер взаимодействия иной. «Устанавливается двусторонняя связь между лабораторией, производящей новые технологии, и индивидами, выступающими в качестве их потребителей. Лаборатория и массовый индивидуальный потребитель, иначе говоря, оказываются включенными в единый контур. (...) Сам человек во все большей степени становится объектом самых разнообразных научных исследований» [11, с. 61]. Таким образом, потребитель участвует не только в финансировании, но и в формировании спроса на данные научные изыскания. Государство в значительной степени способствует такому развитию событий, вне зависимости от социальных или политических целей, так как оказывается вовлеченным в глобальную систему конкуренции новых технологий как элемента рыночного хозяйства. Эксперты предупреждают, что идея конструирования «желаемого образа «выгодного» человека» основывается на принципиальном изменении цели новых технологий. Теперь они ориентированы на конкретного индивида, а не на изменение мира, который окружает человека [2, с. 299].

Право должно остаться не только регуляторным механизмом, но и системой ценностных ориентиров в развитии общества. Но на чем основывается такая система? Она может базироваться только на определенных философских или религиозных концепциях, основных положениях философско-правовых учений.

В настоящее время существует и активно развивается идеология трансгуманизма, которая «декларирует возможность форматирования человеческой природы с помощью прорывных достижений медицинских наук и биотехнологий усовершенствования человека (Human Enhancement Technologies)» [2, с. 295]. Трансгуманизм – это новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждает не только ценность отдельной человеческой жизни, но и возможность и желательность – с помощью науки и современных технологий – безграничного развития личности, выхода за считающиеся сейчас «естественными» пределы человеческих возможностей[1]. Всемирная трансгуманистическая ассоциация полагает, что «человеческий вид в его нынешней форме не отражает конец нашего развития, но скорее являет относительно раннюю фазу развития» [2, с. 295]. Но у такого кардинального мнения о дальнейшем развитии человеческой природы есть не только сторонники, но и противники. Трансгуманизм рассматривается как суррогат идеи подлинного преображения человека как личности, как образа Божьего [3, с. 194]. Ведь речь идет не только об улучшении человеческого вида. Отсутствуют объективные данные, к какому результату приведут все манипуляции с геномом. Отсутствие четких представлений о последствиях применения новых биотехнологий связано не только с научными данными в области антропологии, биологии, физиологии и пр., но и в части социальных изменений.

В связи с отсутствием единства в научных представлениях, наличия абсолютно противоположных по своему содержанию концепций дальнейшего развития человеческой цивилизации необходимо особое отношение к разработке правовых теорий и законодательных предложений по регулированию рынка биотехнологий. Ни одна юридическая теория не может быть сформирована независимо от существующих в обществе идеологических, морально-нравственных установок и догм. В настоящее время выбор подобных установок в отношении развития биотехнологий может оказать кардинальное воздействие на развитие законодательства – от свободы научного творчества (напомним, имеющего прикладной характер) к запретительным методам. Кроме того,

[1] Манифест Российского трансгуманистического движения // URL: http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/.

спектр различных биотехнологий чрезвычайно широк. Это диктует потребность, с одной стороны, в дифференциации правовых режимов, с другой стороны, что более актуально, в выработке общих регуляторных механизмов и их пределов.

2. Субъектный состав участников отношений, связанных с новыми биотехнологиями

Следует понимать, что коммерциализация и нацеленность на массового потребителя процесса научных исследований и разработок значительно меняют природу общественных отношений в этой сфере и, соответственно, систему правовых норм.

Основным нормативным актом, регламентирующим правоотношения в области выполнения научно-исследовательских работ, является Гражданский кодекс РФ. Но его нормы нацелены на определение условий взаимоотношений между исполнителем и заказчиком работ [7]. Однако в рамках рассматриваемой нами проблематики данные нормы не дают полноценного представления о круге субъектов, вовлеченных в сферу биотехнологий как научного направления. Необходимо рассмотреть содержание нормативных документов, определяющих прежде всего направления государственной политики в исследуемой сфере. Это позволяет проследить за формированием нового круга субъектов, вовлеченных в исследования, производство и потребление продукции биотехнологий.

Реализация государственной политики в области биотехнологий осуществляется на основании взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления всех уровней, общественных объединений, научных и других организаций[1]. Необходимость такого взаимодействия определяется сформулированными стратегическими задачами по созданию конкурентоспособного в глобальном масштабе сектора биоэкономики[2]. Но для понимания того, какие цели ставятся государством по развитию биотехнологий, нужно определить причины этих решений. Они также сформулированы не только экспертным сообществом, но и Правительством РФ. Постараемся схематично определить базисные условия, определившие цели развития научной отрасли биотехнологий:

---

[1] Постановление Правительства РФ от 13 июля 2019 г. № 898 «О Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по развитию биотехнологий» // СЗ РФ. 2019. № 29 (ч. 2). Ст. 4040.

[2] ВП-П8-2322. Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года, утв. Правительством РФ 24 апр. 2012 г. № 1853п-П8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– неуклонное возрастание темпов роста рынков биотехнологической продукции в мире;

– кризис традиционных технологий;

– клеточные, геномные, постгеномные технологии рассматриваются в качестве основы противодействия основным угрозам человечеству: потеря биоразнообразия; изменение климата и дефицит пригодных для сельского хозяйства земель; урбанизация и возрастающая нагрузка на окружающую среду; распространение генномодифицированных продуктов[1].

Но самое главное, что Правительство РФ признает критическое отставание научно-исследовательской и производственно-технологической базы в области биотехнологий и низкий спрос на разработки практического назначения; недостаточные инвестиции бизнеса в развитие биотехнологических производств; высокие барьеры входа на мировой рынок биотехнологической продукции и риск превращения страны в сырьевую базу для мировых лидеров рынка биотехнологий[2]. Именно по этой причине в анализируемом решении высшей исполнительной власти определены и перспективные направления научных исследований, ожидаемыми результатами которых станут новые методические подходы в области геномных и постгеномных технологий, системной, синтетической и структурной биологии, биоинженерии и биоинформатики.

Стимулирование национальной промышленности и научного сектора в условиях пандемии COVID-19 усилилось во многих странах в связи с кризисом поставок антибиотиков, производство которых в мировом масштабе было сосредоточено во Внутренней Монголии, северной провинции Китая[3]. Стали очевидными необходимость развития собственного производства, экономические и социальные риски зависимости от поставок из других стран.

Таким образом, в число участников отношений, связанных с биотехнологиями, помимо органов власти включены исследовательские организации, в том числе университеты как источник кадров и субъекты коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, бизнес-структуры, инвестиционные компании. Однако основным выгодоприобретателем биотехнологий является общество в целом и отдельные его представители – потребители, формирующие, как

---

[1] Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., утв. Правительством РФ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Там же.

[3] COVID-19 is teaching hard lessons about China-only supply chains // The Economist. L., 2020. URL: https://www.economist.com/china/2020/02/29/covid-19-is-teaching-hard-lessons-about-china-only-supply-chains.

было сказано ранее, спрос на продукцию научных разработок. При этом следует разграничить цели отдельных субъектов, стремящихся к излечению от болезни, продлению молодости и пр., которые могут находиться в плену сформированных мифов о новых технологиях. В противовес им целеполагание общества в целом как институциональной группы основано, как правило, на системных, научных представлениях о тех или иных явлениях. Именно по этой причине «полезность» результатов применения биотехнологий ставится под сомнение ввиду возможного причинения вреда основополагающим элементам статуса человека, его идеального образа: автономия, идентичность и личность [13]. Противопоставление общества в целом и отдельных потребителей результатов научной деятельности биотехнологических лабораторий формирует совершенно иную среду взаимодействия участников общественных отношений. Ранее общий общественный интерес действительно формировался экспертным сообществом или определенными социальными группами, позиция которых формировала общепризнанные целевые установки. Это могли быть научные группы, религиозные, политические и пр. Они формировали определенный спрос на производство новых научных знаний, но в большей степени определяли социальное развитие самого общества. Технологические новации могли менять или изменять это развитие. Но только в последние годы «производство новых технологий диктует спрос на науку определенного, если угодно, ограниченного, одностороннего типа, так что многие потенции науки при таком ее использовании остаются нереализованными. Грубо говоря, от науки не требуется ни объяснения, ни понимания вещей – достаточно того, что она позволяет эффективно их изменять» [11, с. 56]. В этом утверждении отсутствует прямое указание на основного субъекта, формирующего указанный спрос на науку, – общество потребителей технологических новаций. Но это общество уже вовлечено в процесс формирования новой парадигмы отношения к биотехнологиям.

Никогда ранее потребительское сообщество не формировало нравственно-этические установки формирования научной повестки и развития той или иной отрасли. В последние годы происходит именно такой процесс. В качестве примера можно использовать проблему суррогатного материнства. Религиозная догматика, правоохранительные системы и общественное мнение первоначально были негативно настроены против технологии вспомогательных репродуктивных технологий. Это противоречило прежним идейным установкам общественного развития. Перелом произошел под воздействием интересов бездетных пар, для которых суррогатное материнство стало единственным способом появления «собственного» ребенка, в дальнейшем

к этой цели добавились нужда и потребность в заработке одних женщин и нежелание или невозможность вынашивания ребенка другими. Фактически появилась новая отрасль, где новые медицинские технологии формируют новое этическое пространство. Можно ли в данном случае обозначать ограничительные или запретительные задачи этического или нормативного регулирования общественных отношений в противоречии и в противопоставлении интересам самому обществу, где формируется позитивное отношение к репродуктивным технологиям? Не случайно еще во второй половине XX в. отмечалась необходимость при совершенствовании компьютерных систем «в первую очередь позаботиться о тех, кто с ними будет работать. И начинать этот поиск следует с повышения гуманитарной культуры самих специалистов, разрабатывающих компьютерные системы, с объединения усилий специалистов по вычислительной технике и представителей различных отраслей общественных и гуманитарных наук» [4, с. 516].

Мы перечислили основных акторов (субъектов), задействованных в формировании спроса на технологические новации. Это отдельные потребители, общество в целом, государство и уполномоченные государственные органы. С другой стороны находятся исследовательские организации, отдельные ученые, организации, формирующие научную повестку в государстве. Появился еще один интересный феномен, относящийся к так называемой народной науке [10, с. 172]. Наличие специальной программы, компьютера, подключенного к сети, позволяет неспециалистам участвовать в сборе данных, проведении научного исследования. Такая «вовлеченность» в научное сообщество еще более усиливает связь науки и потребителей новых технологий.

В качестве связующего звена между всеми названными элементами выступает еще один субъект, который в рамках общепризнанной традиционной доктрины ответственности практически выпадает из сферы оценки поведения участников правоотношений. Речь идет о средствах массовой информации, которые, по мнению экспертов, выполняют в этом контуре целый ряд функций: доводят до потенциального потребителя информацию о появлении на рынке технологических новшеств (информационная функция); формируют потребности в тех или иных технологических продуктах (можно назвать эту функцию рекламной, но на самом деле ее реальное значение выходит за рамки рекламы, так как воздействие на волю потребителя может быть существенным, особенно на отдельные социальные группы) [11, с. 62]. Мы бы выделили еще одну функцию СМИ – определение общественной позиции и формирование общественного мнения, которое может значительно влиять и на государственную политику, так как система лоббирования включает в себя и опосредованное воздействие на представителей

уполномоченных государственных органов и законодательной власти. Примером может служить кардинальное изменение в августе 2021 г. позиции Министерства науки и высшего образования РФ о требованиях к обязательной вакцинации студентов и ограничении доступа к очным занятиям и заселению в общежитии[1]. Смысл вводимых ограничений и принуждения студентов к вакцинации вполне очевиден в условиях возможного ухудшения эпидемиологической обстановки по COVID-19 в стране в осенний период времени. Но также понятно и негативное воздействие общественно-политической ситуации на данное решение (вернее, на его смену) и общественного мнения (довольно противоречивого), формируемого СМИ. С одной стороны, призывы к вакцинации. С другой – довольно агрессивная риторика относительно первоначальной позиции регулятора в сфере высшего образования. Фактически данная ситуация приводит к разбалансировке позиции населения о вакцинации и служит почвой для возникновения конфликтов.

3. Этика и право: выбор регулятора

Описанная выше ситуация не может регулироваться исключительно нормами права. Хотя сам по себе такой вывод может быть воспринят неоднозначно. Ведь именно право выступает основным социальным регулятором. Но эта регулирующая функция определяется двумя важнейшими параметрами: целью и возможными средствами, которые должны способствовать ее достижению. «Для реализации цели необходимы соответствующие средства. Именно средства выступают в качестве связующего звена между субъектом цели и объектом его деятельности, направленной на достижение определенного результата» [4, с. 302]. И ранее право действительно могло выступать наиболее эффективным регулятором общественных отношений, связанных в том числе с внедрением научных разработок. Что же происходит в настоящее время? Ответ можно найти в следующей цитате Д.А. Керимова, который отмечает, что «одного наличия цели и средств законодательства, как было отмечено, недостаточно для достижения предусмотренного его велениями результата. Необходима еще деятельность людей,

[1] В Минобрнауки заявили о готовности корректировать ограничения по COVID-19 // URL: https://ria.ru/20210810/kovid-1745194852.html; письмо Минобрнауки России от 29 июля 2021 г. № МН-7/5979 «О направлении рекомендаций»; Рекомендации по осуществлению деятельности организаций, находящихся в ведении Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в целях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), с изм. от 20 авг. 2021 г. // СПС «КонсультантПлюс».

использующих правовые средства для объективизации правовой цели в регулируемых общественных отношениях» [4, с. 303]. Наметившаяся «линия разграничения» между интересами общества потребителей и целью сохранения человеческой природы путем введения ограничений для внедрения новых технологий формирует нигилистическое отношение к праву и законодательству. Деятельность многих участников анализируемых правоотношений реализуется исключительно из утилитарно понимаемого интереса, при этом идеи «доброй совести», связи с религиозными традициями, характерные для периода формирования современного законодательства в сфере частного права (конец XIX – начало XX в.), перестают определять базис правотворческой и правоприменительной деятельности. Но такому развитию событий соответствовала и роль иных социальных норм – этики, морали, религиозных догматов, которые, опираясь на классовую и групповую согласованность, действительно определяли деятельность людей, моральные ценности становились эталонами должного поведения [6, с. 57]. Этот целенаправленный процесс поддерживался большинством общественных институтов.

Возвращаясь к описанию роли СМИ в формировании общественного мнения, необходимо добавить следующее. СМИ, конечно же, свободны в своей деятельности, в той или иной трактовке решений государственных органов, в определении, например, позиции о необходимости поддержки вакцинации или постоянного мониторинга самых противоположных мнений о ее эффективности и безопасности. В рамках традиционного правового поля они не могут нести ответственность за то, что формируемое ими общественное мнение может привести и к появлению «третьей волны» пандемии, и к необходимости введения новых ограничительных мер или к возникновению негативных последствий отказа (или согласия) от вакцинации у отдельных граждан. Признаваемый всеми юристами состав правонарушения, вне которого недопустимо привлечение субъектов права к ответственности, не подходит для моделируемой нами ситуации. Речь может идти лишь о формировании нравственно-этического поля, которое окажет воздействие на всех участников данных отношений и станет определять их действия вовне и с третьими лицами.

Если законодательные правила не применимы к анализируемой нами ситуации, то неизбежно возникает вопрос о роли морально-нравственных, этических регуляторов. Данная проблематика стала в последние годы чрезвычайно популярной в научном дискурсе. Однако следует акцентировать внимание на том, что этические нормы становятся предметом профессиональной сферы применения и получают институциональную «привязку» не только в сфере научной

этики, но и в областях более прагматичных: в сфере корпоративных финансов и управления, аудита, гостиничного сервиса, адвокатской деятельности и т.п. В силу усложнения общественных отношений, социальных связей этот процесс вполне объясним. Применительно к рассматриваемой нами тематике необходимо отдельно подчеркнуть наличие двух аспектов при изучении научной этики: внутренний (в сообществе ученых) – этические нормы и внешний – как социальная ответственность ученых за свои действия и их последствия [6, с. 59]. Внешний аспект (контур) может поддерживаться правовыми нормами, так как зачастую границы нарушения дозволенных пределов могут «пересекаться» и с законодательными ограничениями, а внутренний – этические механизмы должен основываться на элементах саморегулирования и формирования общего волеизъявления объединения ученых.

Какие факторы необходимо учитывать при выработке такой общей профессиональной позиции ученых, исследователей, врачей? Во-первых, законодательные нормы и правила, действующие в той или иной стране или интеграционном объединении (например, на территории Европейского Союза). Несмотря на некоторую противоречивость данного вывода, он может быть обоснован следующими аргументами. Ни один исследовательский коллектив не создается в «стерильном» пространстве. На него оказывает существенное воздействие правопорядок той страны, в рамках которого коллектив формируется. Более того, сами исследователи имеют в силу своего профессионального опыта, образования определенные юридические воззрения и убеждения. Наличие правосознания как условие социальной адаптации к жизни в обществе свойственно большинству людей. Развитие серьезных интеграционных объединений, таких как Евросоюз, СНГ (основанный на общности научных школ, принципов деятельности периода СССР), несомненно, оказывает влияние на ученых. Обязанность соблюдения установленных законодательных правил закладывается и в период обучения. Наличие международных общепризнанных норм и правил, связанных с осуществлением научной деятельности, проведением исследований, медицинских операций и пр., также формирует общие нормы поведения в научной среде.

Вторым фактором, который должен учитываться при исследовании корпоративных, профессиональных стандартов поведения, является существование религиозных традиций. Данный вывод может показаться неактуальным. Однако речь идет о принятии факта наличия религиозных традиций именно с позиции западной правовой доктрины. Именно в рамках этого мировоззрения религиозные традиции утратили непосредственное воздействие на правовую систему. А для многих

стран, которые ранее не играли существенной роли в геополитическом мировом контексте, эти традиции продолжают оставаться важнейшим элементом правовой среды. «Например, в ряде стран Средней Азии каждодневная практика медицинских работников и исследователей во многом основывается на нормах Корана, Шариата, Хадисов. Важную роль в качестве ориентира для построения национальной политики в области развития этической экспертизы биомедицинских исследований, а также защиты прав пациентов и испытуемых играет также кодекс Исламской медицинской этики» [11, с. 41]. Не учитывать такой важный фактор нельзя. Хотя стоит отметить, что его оценка в научных работах встречается довольно редко. Имеются в виду работы отраслевого характера, которые основаны на юридическом позитивизме. Применительно к регулированию новых биотехнологий такой подход не может признаваться единственно возможным.

Существенное влияние на изменение религиозной составляющей в научной деятельности может оказать тенденция к глобализации исследований, интернационализации научных коллективов, появлению так называемых научных хабов и проектов мегауровня. Например, в рамках проекта панракового анализа цельных геномов ICGC/TCGA (Pan-Cancer Project), в котором приняли участие более 1300 ученых и клиницистов из 37 стран. Это стало отправной точкой для 16 рабочих групп, изучающих различные аспекты развития рака, причинно-следственной связи, прогрессирования и классификации[1]. Естественно, что применительно к подобной организации научной деятельности религиозные аспекты неприменимы.

Выявленная тенденция усиления религиозной компоненты в определении отношения ученого к этическим вопросам науки не изменит всей системы организации исследовательской деятельности в области биотехнологий. Можно лишь говорить о разных организационных моделях такой деятельности и применимости тех иди иных факторов к ним.

Третьим фактором, определяющим разработку этических правил научных исследований в области биоинженерии, следует признать наличие корпоративных интересов и целей коммерциализации научных результатов. Биотехнологии привлекают инвесторов, чему способствуют пандемия, высокий уровень потребления продукции на фармацевтическом рынке[2]. Ажиотажный спрос на рынке может оказывать значительное влияние на поведение не только коммерческих структур,

[1] Unprecedented exploration generates most comprehensive map of cancer genomes to date // URL: https://www.eurekalert.org/pub_releases/2020-02/oifc-ueg020320.php.

[2] *Коган Е.* Фармрынок – новая золотая жила для инвестора? // URL: https://www.gazeta.ru/comments/2020/11/25_a_13373719.shtml.

но и научных организаций, вовлеченных в процесс создания новых препаратов, проведения исследований. Ярким примером может служить эпидемия свиного гриппа в 2009 г. Через год после ее окончания Парламентская ассамблея Совета Европы обвинила ВОЗ и европейские правительства в действиях, приведших к растрате государственных средств и внушению населению необоснованных страхов[1]. Растрата финансов вполне соответствует общим стандартам рассмотрения вопроса о привлечении субъектов к ответственности за совершенное правонарушение. А вот вторая часть – внушение населению необоснованных страхов является дискуссионным вопросом, так как прямой связи между действиями правительства, СМИ, фармацевтическими компаниями и другими участниками процессов, связанных с реакцией на возможную угрозу пандемии, нет. Но само обсуждение данного вопроса показывает разнообразие субъектов, вовлеченных в процессы развития новых технологий.

Выводы

Рассмотрение особенностей субъектного состава участников общественных отношений в сфере биотехнологий – от проведения исследований до реализации продукции или оказания услуг конечному потребителю – показывает, что требуется изменение концептуальных подходов к разработке концепции ответственности в этой сфере. Изменения должны коснуться не только юридической ответственности, но и моральной, этической ответственности. Можно выделить два основных вектора таких изменений.

Расширение круга участников коллективной этической ответственности в рамках осознанного поведения по отношению к новым технологиям и их внедрению в человеческую популяцию. Такая ответственность возлагается и на государство, и на общественные объединения и социальные группы, и на отдельных потребителей. В правовом поле это также получит свое отражение путем усиления ответственности за действия в социальных сетях, обращенные к неопределенному кругу лиц, например. Если до появления Интернета высказывание собственного мнения по любой проблеме не становилось доступным широкому кругу лиц, то сегодня необходимо более ответственно подходить не только к формированию своей позиции на личной странице, но и к репостам. Задача юристов – определить тот момент, когда вопросы этики и морали перейдут в систему юридической ответствен-

[1] Заговорщики в белых халатах // URL: https://www.rbc.ru/economics/02/08/2012/5703fac59a7947ac81a6a499.

ности за распространение недостоверной информации, поддержание панических настроений и пр.

Следующим важным направлением станет формирование этических правил поведения для ученых и лиц, вовлеченных в исследовательскую деятельность. Следует еще раз подчеркнуть, что феномен «народная наука» значительно расширяет круг указанных субъектов. Как правило, они не отождествляют себя в полной мере с исследовательским сообществом. Соответственно, отсутствует и потребность в следовании этическим нормам. При этом «внешняя этика науки реализуется в отношениях науки и общества как социальная ответственность ученых» [6, с. 60]. Ответственность ученых перед обществом все больше возрастает. Но теперь общество вовлечено в процесс формирования морального обоснования этой ответственности. Это вовлечение происходит в различных формах. От коммерциализации научной деятельности и «перестройки самоидентичности науки и ученых, изменив само понимание науки и создав новую идентичность «ученого-бизнесмена»» [11, с. 58] к необходимости учета общественного мнения, формируемого СМИ, и участия в его формировании.

Вовлеченность общества в сферу науки ставит новые задачи перед государством. Оно не только должно формировать заказ перед наукой по стратегическому развитию отрасли, финансировать фундаментальные исследования и обеспечить инфраструктурную поддержку отрасли в целом. Государство должно создать условия для «заключения» нового общественного договора между обществом и профессиональными участниками рынка биотехнологий. «Чем масштабнее процесс компьютеризации общества, тем выше значение человеческого разума, интеллектуальной деятельности личности, ибо при почти неограниченной памяти, огромной скорости операций и прочих характеристиках современных компьютерных систем функционирование зависит от программ, заложенных в них специалистами» [4, с. 505].

Таким образом, несмотря на существенные изменения во всех сферах общественной жизни, право должно остаться регуляторным механизмом и в условиях развития новых технологий. Однако право не должно замыкаться на формировании только определенных правил поведения участников тех или иных отношений. Задачей права становятся определение перспектив развития человечества, формирование новой системы ценностей. Это означает, что у юриспруденции может появиться новая функция – планирование. Уже сейчас преобладание программных, стратегических документов государства по регламентации новых технологий доказывает наличие этой тенденции. Планирование деятельности тех или иных субъектов на рынке

биотехнологий приведет к сближению права и этики, так как речь идет не просто о формировании программы действий («дорожной карты»). Требуется формирование этических ограничений, в том числе ориентированных на возможность причинения вреда, перспективы неудачного эксперимента и пр. Соответственно, методологической особенностью проведения юридических исследований в анализируемой сфере должно стать использование системы социально-политических, экономических и иных факторов, определяющих взаимодействие всех субъектов влияния на рынок биотехнологий. Исследования, основанные на правовом позитивизме, не смогут охватить весь спектр особенностей формирования новых отраслей экономики, определить влияние на организационно-экономическую среду явлений, выведенных за рамки традиционных правовых институтов.

Библиографический список

1. Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. Т. 2. Кн. 1 / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М.; Саров, 1999. 718 с.

2. *Буйнякова И.С.* Биотехнологии Human Enhancement в парадигме трансгуманистического дискурса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. № 44. С. 294–304. https://doi.org/10.18413/2075-4566-2019-44-2-294-304.

3. *Иером. Мефодий (Зинковский).* Богословие личности и биотехнологии улучшения человека // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. Вып. 4. С. 188–194. https://doi.org/10.25991/VRHGA.2018.19.3.034.

4. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001. 560 с.

5. *Кожевникова М.* Гибриды и химеры человека и животного: эксперименты и этика // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 109–117.

6. *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Методология научного исследования. М.: Либроком, 2010. 280 с.

7. *Серова О.А.* Правовое регулирование выполнения научно-исследовательских работ: основные тенденции изменений // Гражданское право. 2020. № 1. С. 7–10.

8. *Суэйн Ф.* Этично ли пользоваться данными научных экспериментов нацистов? 2019. URL: https://www.bbc.com/russian/vert-fut-49110447.

9. *Федорин В.В.* Философско-методологическое обоснование проектов генетического конструирования человека // Философская мысль. 2016. № 8. С. 1–10.

10. *Шевченко С.Ю.* Народная наука: отличимы ли люди от бактерий? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 1. С. 171–183.

11. Этическая экспертиза биомедицинских исследований в государствах – участниках СНГ (социальные и культурные аспекты). СПб.: Феникс, 2007. 408 с.

12. *Rabinov P.* Making PCR: a Story of Biotechnology. Univ. of Chicago Press. URL: https://www.jstor.org/stable/3675607.

13. *Miah A.* Genetically modified athletes: Biomedical ethics, gene doping and sport. London; New York: Routledge. 2004. XVIII. 208 p.

14. The Bioeconomy to 2030: Designing a Policy Agenda. Main findings and policy conclusions. OESD, 2009. 18 p.

References

1. *Atomnyy proyekt SSSR: Dokumenty i materialy: V 3 t. T. 2. P. 1* [Atomic project of the USSR: Documents and materials: In 3 vol.] / Under the g. ed. L.D. Ryabeva. Moscow, 1999. 718 p. (In Russ.)

2. *Buynyakova I.S. Biotekhnologii Human Enhancement v paradigme transgumanisticheskogo diskursa* [Biotechnologies of Human Enhancement in the Paradigm of the Transhumanistic Discourse]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* – Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Lawseries. 2019. Vol. 44. P. 294–304. https://doi.org/10.18413/2075-4566-2019-44-2-294-304. (In Russ.)

3. *Hieromonk Methodius (Zinkovsky). Bogosloviye lichnosti i biotekhnologii uluchsheniya cheloveka* [Theology of Personality and Biotechnology for Human Improvement]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* – Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2018. Vol. 19. R. 4. P. 188–194. https://doi.org/10.25991/VRHGA.2018.19.3.034. (In Russ.)

4. *Kerimov D.A. Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava)* [Methodology of Law (Subject, Functions, Problems of Philosophy of Law)]. Moscow, 2001. 560 p. (In Russ.)

5. *Kozhevnikova M. Gibridy i khimery cheloveka i zhivotnogo: eksperimenty i etika* [Human-Animal Hybrids and Chimeras: Experiments and Ethics]. *Etnograficheskoye obozreniye* – Ethnographic Review. 2013. Issue 6. P. 109–117. (In Russ.)

6. *Novikov A.M., Novikov D.A. Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Research Methodology]. Moscow, 2010. 280 p. (In Russ.)

7. *Serova O.A. Pravovoye regulirovaniye vypolneniya nauchno-issledovatel'skikh rabot: osnovnyye tendentsii izmeneniy* [Legal Regulation of the Implementation of Scientific Research Works: the Main Trends of Changes]. *Grazhdanskoye parvo – Civil Law*. 2020. Issue 1. P. 7–10. (In Russ.)

8. *Swain F. Etichno li pol'zovat'sya dannymi nauchnykh eksperimentov natsistov? [Is it Ethical to Use Nazi Scientific Experiments?]*. Available at: https://www.bbc.com/russian/vert-fut-49110447. (In Russ.)

9. *Fedorin V.V. Filosofsko-metodologicheskoye obosnovaniye proyektov geneticheskogo konstruirovaniya cheloveka [Philosophical and Methodological Substantiation of Projects of Human Genetic Construction]. Filosofskaya mysl' – Philosophical thought*. 2016. Issue 8. P. 1–10. (In Russ.)

10. *Shevchenko S.Yu. Narodnaya nauka: otlichimy li lyudi ot bakteriy? [Folk Science: Are Humans Distinguishable from Bacteria?]. Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 2018. Vol. 55. Issue 1. P. 171–183. (In Russ.)

11. *Eticheskaya ekspertiza biomeditsinskikh issledovaniy v gosudarstvakh-uchastnikakh SNG (sotsial'nyye i kul'turnyye aspekty) [Ethical Examination of Biomedical Research in the CIS Member States (Social and Cultural Aspects*)]. St. Petersburg, 2007. 408 p. (In Russ.)

12. *Rabinov P.* Making PCR: a Story of Biotechnology. Univ. of Chicago Press. Available at: https://www.jstor.org/stable/3675607. (In Eng.)

13. *Miah A*. Genetically modified athletes: Biomedical ethics, gene doping and sport. London; New York: Routledge. 2004. XVIII. 208 p. (In Eng.)

14. The Bioeconomy to 2030: Designing a Policy Agenda. Main findings and policy conclusions. OESD, 2009. 18 p. (In Eng.)

Информация об авторе:

О.А. Серова
Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса,
проректор по учебной работе и международной деятельности
Псковский государственный университет
180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, 2
ORCID: 0000-0003-4113-7399
ResearcherID: I-7706-2016
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9_37
https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_86

Information about the author:

O.A. Serova
Pskov State University
2 Lenin Square, Pskov, 180000, Russia
ORCID: 0000-0003-4113-7399

ResearcherID: I-7706-2016
Articles in «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9_37
https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_86

УДК 001.8

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-69-79

ЦЕННОСТЬ МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ПРАВИЛЬНЫЙ ВЕКТОР ПОЗНАНИЯ НАУКИ

О.В. Татар
Комратский государственный университет
E-mail: oleatatar@mail.ru

Ю.И. Михалаке
Кишиневский университет им. К. Стере
E-mail: mihalacheiurie@mail.ru

***Введение**: статья направлена на установление ценности методологии научного исследования. Приобретенные знания по методологии науки дают возможность эффективного выбора методов при изучении конкретной научной проблемы. **Целью** представленной статьи является выявление и исследование круга тех насущных методологических проблем, решение которых не требует отлагательства, а самое важное – решение которых является актуальным и первоочередным на сегодняшнем этапе развития науки. **Методология** проведенного научного исследования, выступающего как вид познавательной деятельности человека, не представляется возможной без умения внедрять все доступные методы познания при помощи сравнительно-правового, системного, исторического анализа. **Выводы**: представленный материал в отношении ценности методологии научного исследования и дальнейших перспектив правоведения видится в разработке отраслевой проблематики и нормативных актов, выявлении фундаментальных теоретических проблем, нахождении методологических подходов, а ведь без нахождения решения к таким ключевым и базовым составляющим достичь прогресса в науке не представляется возможным.*

***Ключевые слова**: методология; научное исследование; вектор; аспект; наука; история; философия; процесс; знания; стандарты.*

THE VALUE OF THE METHODOLOGY OF SCIENTIFIC RESEARCH AS THE CORRECT VECTOR OF KNOWLEDGE OF SCIENCE

O.V. Tatar
Comrat State University
E-mail: oleatatar@mail.ru

Yu.I. Michalache
Chișinău University K. Stere
E-mail: mihalacheiurie@mail.ru

Introduction*: the article aims to establish the value of scientific research methodology. The acquired knowledge of the methodology of science makes it possible to effectively choose methods in the study of a specific scientific problem.* ***The purpose*** *of the presented article is to identify and study the range of those pressing methodological problems, the solution of which does not require delay, and most importantly, the solution of which is urgent and priority at the current stage of the development of science.* ***The methodology*** *of the conducted scientific research, which acts as a type of human cognitive activity, is not possible without the ability to implement all available methods of cognition using: comparative legal, systemic, historical.* ***Conclusions****: the presented material in relation to the value of the methodology of scientific research and further prospects of jurisprudence is seen more in the development of sectoral problems and regulations, identifying fundamental theoretical problems, finding methodological approaches, and in fact, without finding a solution to such key and basic components, to achieve progress in science does not seem possible.*

Keywords*: methodology; scientific research; vector; aspect; science; history; philosophy; process; knowledge; standards.*

В последнее время не наблюдается столь резкого роста обращений к значимости и ценности методологических аспектов в общем количестве исследовательских научных работ, что явно тормозит ту или другую область научного исследования. Не стоит утверждать об их отсутствии вообще, однако те исследования, которые проводятся правоведами, старающимися еще каким-то образом сохранить уникальную особенность методологии науки, оставляя ее в качестве основного предмета принадлежащих ей научных идей, все же не могут обеспечить в должном объеме степень изученности, сравнимую с тем объемом проблем, запросов, которые возникают на сегодняшний день.

Хотелось бы заметить, что наука как никогда нуждается в осмыслении, выявлении и решении свойственных ей методологических проблем. Хочется согласиться с В.А. Канке в том, что наука – это блистательное достижение человечества. Выступая в качестве величайшего достижения, она нуждается в постоянном уходе. Все вновь и вновь поколениям ученых приходится не только продолжать дело своих предшественников, но и придавать им все новые прогрессивные импульсы [2, с. 5].

Наука есть не что иное, как отдельный вид человеческой познавательной деятельности, который в первую очередь нацелен на выявление объективных и обоснованных учений о всем, что нас окружает. Целью данной деятельности являются сбор фактов, их систематизация, критический анализ, синтез новых знаний, построение причинно-следственных связей и прогнозирование дельнейшего развития науки [9, с. 6].

Полученные научные исследования представляют собой форму развития научного прогресса, ведь в самой науке заложен процесс научного познания, постигать который следует в особой последовательности и систематичности. Именно поэтому проводимое научное исследование, выступающее как вид познавательной деятельности человека, не представляется возможным без умения внедрять все доступные методы познания. Знания по методологии науки позволяют эффективно осуществлять поиск нового знания, обоснованно выбирать методы при исследовании новой научной проблемы [10, с. 3]. Но как только мы начинаем обращаться к насущным проблемам методологии науки, мы наталкиваемся на ряд проблем, которые сложились в границах этой науки и требуют их незамедлительного решения, так как тормозят весь процесс. К примеру, на то обстоятельство, что до недавнего времени вся методологическая проблематика правоведения фактически находилась в «собственности» официальной философии. На долю юристов выпадала реализация соответствующих методологических идей [11, с. 10].

Примечательно мнение Д.А. Керимова: «С сожалением приходится отмечать сложившееся в правоведении нигилистическое отношение к философскому осмыслению правовых феноменов, что углубляется нередко непрофессиональным использованием соответствующих гносеологических средств познания. Возможно, именно этими обстоятельствами объясняется то, что философскому осмыслению права в мировой и отечественной науке посвящены единичные произведения, которые тонут в море комментаторской и пропагандистской литературы» [3, с. 9].

Большинство ученых относятся к методологическому исследованию, как если бы мы рассматривали этот вопрос с точки зрения

философии. Однако дело обстоит таким образом, что в современных реалиях методология – это мощнейшее средство, с помощью которого возможно достигнуть эффекта в том или ином научном исследовании, но при этом работа должна вестись в целостном подходе, как бы решая проблему не в отдельности, а в целостности, и тогда положительный результат будет очевиден.

Хотелось бы сделать акцент на том, что какими бы ни были умозаключения в исследовании тех или иных вопросов, неполнота, неясность, с которыми приходится сталкиваться исследователям, всегда преследовали и будут преследовать их из-за того, что несовершенна сама наука, хотя изо дня в день человек стремится постичь ее тайны, дабы раскрыть их. Но ввиду того, что очень сложно точно и четко аргументировать методологические установки, отсюда и различное восприятие их (философский подход) и как результат неточное, неоднозначное отношение к самому предмету исследования.

Для этого стоит обозначить некоторые аспекты философского учения, которые помогут в решении ряда вопросов, которые сыграют немаловажную роль в науке. На наш взгляд, весьма интересна идея о том, что одной из особенностей современной науки, отличающей ее от классической, является перенесение главного акцента с процесса получения и обоснования научной истины на практическое применение научного знания [7, с. 53–64]. Таким образом, процесс описания практически полностью связан с отбором категориальных конструкций более высокого качества, что наладит работу по их использованию применительно к специальному уровню знаний [1, с. 18].

Статья нацелена на выявление круга насущных методологических проблем и по мере возможности на исследование тех, решение которых не требует отлагательства, а самое важное – решение которых является актуальным и первоочередным на сегодняшнем этапе развития науки.

В советский период методология являлась своеобразным «символом веры», унифицированным набором законов и категорий, «методологических формул», неукоснительно применяемых в научной деятельности, правда, с оговоркой: «сообразно специфике исследуемых объектов» [4, с. 14]. Отсюда можно сделать вывод, что базовый элемент какого-либо научного знания, состоящий из совокупности идей и принципов, образует научно-исследовательскую программу.

Прибегнем к выводу Имре Лакатоса о том, что выбор исследовательской программы становится не просто проблемой, а узловым аспектом всех научных размышлений вне зависимости от области знаний. Однако наличие подобного статуса для данной проблемы зачастую не осознается исследователями, которые обращаются к изу-

чению более частных и прикладных вопросов, так как они не отдают себе отчета в том, что рассматриваемые ими вопросы всего лишь начальные ступеньки на пути восхождения к центральной для всей науки и современной гносеологии проблеме роста знания [6, с. 147].

Проще всего разглядеть в праве только правовые нормы и при этом объявить их «чистым правоведением». В этом воззрении любой правовед с легкостью поймет смысл правовой нормы, найдет ей нужное применение. Право по своей сути универсально, другое дело, как его выразить и в какой мере. Но даже при столь великой масштабности права нельзя уклониться от выявленных порой и редких, но столь нестандартных ситуаций, которые никак нельзя разрешать и исследовать уже прописанными стандартными методами. Это как картина, которая неожиданно была дополнена новыми штрихами, внесшими свою лепту и резко видоизменившими ее сущность, но при всем при этом она остается авторской работой и при ее написании не было нарушено общеизвестных правил и тонкостей написания картин. Отсюда напрашивается вывод: найдя нужный метод в познании того или иного механизма, мы приходим к результату нашего поиска истины.

Но XXI в. – это век глобальных и столь сложных процессов, где неразрывно переплетаются экономические, социальные, политические, духовные, материальные факторы, что представляется весьма сложным достичь истины в познании желаемого вопроса, но в то же время не безрезультатно. Первое, на чем хотелось бы сделать акцент, это том, что сама по себе методология – это некий результат научного знания. Являясь производным научным образованием, группы категорий заслуженно добились статуса опорных, базовых образований, которые наряду с предметом и методологией [14, с. 32] стали индивидуализировать отдельные науки. Причем знания как в общественных, так и в правовых науках.

Значимый вес для изучения научной проблемы отводится выбору методологии, ведь именно с ее помощью программируется необходимый вектор научного исследования, наполняя содержательностью каждую часть и раздел исследования. Под методологией в развитие идей М.Ю. Челышева подразумеваются не только уже применяемые методы исследования, которые традиционно описываемы в разделе «Методология исследования» любой научной работы, но и в первую очередь подходы исследовательской деятельности [12, с. 121].

Своеобразные методологические разработки находят свое воплощение в предметном содержании науки. Ведь мировоззрение – это система определенных взглядов, принципов, жизненных устоев. Посредством мировоззрения определяется подход индивида к нахождению решения той или иной задачи. С момента осмысления методологиче-

ской идеи в рамках проблемной зоны она начинается реализовываться в данном исследовании в рамках определенной программы.

Получив в данном процессе развернутую теоретическую реализацию, методологическая конструкция начинает функционировать уже в единстве с предметным содержанием конкретной науки [15, с. 65] и воспроизводиться в дальнейших исследованиях не только в процессе методологической рефлексии, но и через простое следование такой частной теории как образцу, подкрепленному авторитетом конкретного ученого или научной школы.

Философский подход к полученным результатам той или иной науки привносит в ту или другую науку синтезированные знания, что позволяет лучше познать процесс, т.е. сформировать особый систематизированный мировоззренческий фундамент. Взяв это во внимание, можно утверждать, что ценность и содержательность самого процесса, а также полученный результат познания могут послужить постулатом для развития общей системы гражданского права. Ведь чем глубже и объемнее имеющиеся знания смогут отражать насущные потребности общества, тем эффективнее действие законодательной базы [8, с. 12].

Приходим к выводу, что ценностно-смысловое содержание всего процесса познания на первом его этапе в области гражданского права определено проблемой обнаружения [5, с. 317–324] и формирования частноправовых потребностей.

Все дело заключается в том, что юридическая наука, если рассматривать ее с позитивной стороны, – это, конечно же, положительное отношение как к праву, правовому регулированию и, конечно, к степени ответственности. Позитивизм – это четкая идея веры в установленные постулаты, главным образом активизирующиеся на достижении положительного результата. Однако стоит также учитывать, что чрезмерное доминирующее влияние на науку в целом приведет к ступору, потому что то изначальное фокусирование методологии юридической науки отвечало одним установкам и стереотипам, а со временем формирующиеся свежие идеи, концептуальные воззрения образуют суть современных социально-гуманитарных наук, и каждая из этих основ заслуживает тщательного и длительного изучения. Нужно учесть, что юридическое образование, наука права подчинены практической цели, на что всегда обращалось внимание в науке гражданского права [12, с. 32]. Сразу всплывает вопрос, на который, несомненно, хотелось бы найти ответ, а вопрос такого характера: насколько история и границы ее влияния позволяют нам осмыслить всю суть науки в целом и какова ее роль и значимость в решении вопросов правового регулирования? Ведь именно в далеком прошлом стоит искать причины и истоки современного гражданского права. История способствует тому, чтобы юрист смог

досконально постичь базовые основы действующего права, т.е. именно история способствует установлению дальнейших путей развития права.

Вспомним высказывания Г.Ф. Шершеневича, что «только изучение всех тех факторов, совместное действие которых составляет историю народа, может дать ключ к объяснению существующего гражданского порядка. Только исследование экономических, этических, политических, религиозных условий всей прошлой жизни народа может способствовать достижению указанной цели» [13, с. 27]. На наш взгляд, вновь и вновь прибегая к историческим основам, мы сможем уяснить современное правовое регулирование, а также в дальнейшем продвинуть развитие как науки, так и практики гражданского права.

Как мы можем заметить, большая доля всех стараний правоведов сегодня нацелена на результат практически уже ориентированных задач либо проведение каких-либо исследований, разработок. Достаточно обратить внимание на содержание большинства юридических журналов, и сразу становится понятно, что дальнейшие перспективы правоведения скорее видятся в разработке отраслевой проблематики и нормативных актов, в обсуждении и разрешении философских идей, выявлении фундаментальных теоретических проблем, нахождении методологических подходов, а ведь без нахождения решения к таким ключевым и базовым составляющим достичь прогресса в науке не представляется возможным. На сегодняшний день отмечается недооценка правоведами столь глобальных проблем собственного метода, утрачен интерес научным сообществом к философской проблематике, а также к методологической работе.

Юридическая наука советского периода времени – это наука установленных социальных идеалов и устоев с философскими основаниями и в то же время с методологическими установками, что не скажешь о сегодняшнем правоведении. Смена идеалов, процессов, ценностей в обществе, смена философских взглядов и методологических воззрений требуют совершенно нового подхода правоведов к фундаментальным положениям науки, осмысления их уже на современном философско-методологическом уровне.

Считаем, что использование и применение правового моделирования, которое намечено на достижение положительного результата в решении конкретной научной проблемы, наиболее достижимо тогда, когда изучению данного объекта способствует аналог в помощь приобретения знаний об иной системе. Суть моделирования предполагает определение в конкретной анализируемой системе существенных признаков, элементов, свойств, способствующих углубленному и детальному изучению закономерностей развития и дальнейшего их прогрессирования.

Очень внимательно проанализировав вышеизложенное и стремясь достичь прогресса в развитии науки, считаем, что положительная динамика будет столь заметна, когда ученые-правоведы, где бы они ни находились, обмениваясь своими научными взглядами, идеями, практикой и при помощи общих закономерностей и постулатов, сформированных столетиями, но при этом вобравших глоток свежих и перспективных идей современности, сообща смогут привести к максимальным результатам юридическую науку.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие **выводы**.

1. Научное исследование как форма научного прогресса должно постигаться в особой последовательности и систематичности.

2. Методология – это мощнейшее средство, с помощью которого возможно достигнуть эффекта в том или ином научном исследовании, но при этом работа должна вестись в целостном подходе.

3. С помощью методологии программируется необходимый вектор научного исследования, наполняя при этом содержательностью каждую часть и раздел исследования.

4. Получив в процессе развернутую теоретическую реализацию, методологическая конструкция начинает функционировать уже в единстве с предметным содержанием конкретной науки.

5. Разработка отраслевой проблематики и нормативных актов, обсуждение и разрешение философских идей, выявление фундаментальных теоретических проблем, нахождение методологических подходов – без нахождения решения к таким ключевым и базовым составляющим достичь прогресса в науке не представляется возможным.

6. Смена идеалов, процессов, ценностей в обществе, смена философских взглядов и методологических воззрений требуют совершенно нового подхода правоведов к фундаментальным положениям науки, осмысления их уже на современном философско-методологическом уровне.

Библиографический список

1. *Вавилин Е.В., Колодуб Г.В.* Методологический аспект в исследовании системы категорий науки гражданского права: философское измерение // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. 464 с.

2. *Канке В.А.* Методология научного познания: Учебник для магистров. М.: Омега-Л, 2014. 255 с.

3. *Керимов Д.А.* Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М.: Аванта+, 2001. 559 с.

4. *Керимов Д.А.* Философские основания политико-правовых исследований: Монография. М.: Юридическое издательство «Норма», 2019. 336 с.

5. *Кузнецова О.А.* Научная проблема и названия цивилистических диссертаций // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 317–324.

6. *Лакатос И.* Методология научных исследовательских программ. М.: Вопросы философии, 1995. 356 с.

7. *Лебедев С.А.* Пересборка эпистемологического // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 53–64.

8. *Мейер Д.И.* О значении практики в системе современного юридического образования. Казань: Типография Казанского университета, 1855. 50 с.

9. *Новиков В.К.* Методология и методы научного исследования: Курс лекций. М.: Альтаир-МГАВТ, 2015. 212 с.

10. *Ревко-Линардато П.С.* Методы научных исследований: Учебное пособие. Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2012. 55 с.

11. *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. 134 с.

12. *Челышев М.Ю.* Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань: КГУ, 2006. 164 с.

13. *Шершеневич Г.Ф.* Задачи и методы гражданского правоведения. Казань: Типолитография Императорского университета, 1898. 46 с.

14. *Юдин Э.Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Ленанд, 2016. 448 с.

15. *Tatar O.* Unnamed Contracts as a Means of Updating the Contractual system of the Republic of Moldova. Monograph. Comrat: Tipogr A V Poligraf. 2021. 220 p.

References

1. *Vavilin E.V., Kolodub G.V. Metodologicheskii aspekt v issledovanii sistemi kategorii nauki grajdanskogo prava filosofskoe izmerenie* [Methodological Aspect in The Study of the System of Categories of Civil Law Science: Philosophical Dimension]. *Metodologicheskie problemi civilisticheskih issledovanii* – Methodological problems of civil studies. 2019. 464 p. (In Russ.)

2. *Kanke V.A. Metodologiya nauchnogo poznaniya: uchebnik dlya magistrov* [Methodology of Scientific Knowledge]. Moscow, 2014. 255 p. (In Russ.)

3. *Kerimov D.A. Metodologiya prava. Predmet funkcii problemi filosofii prava* [Methodology of Law. Subject, Functions, Problems of Philosophy of Law]. Moscow, 2001. 559 p. (In Russ.)

4. *Kerimov D.A. Filosofskie osnovaniya politico pravovih issledovanii: Monografiya* [Philosophical Foundations of Political and Legal Research: Monograph]. Moscow, 2019. 336 p. (In Russ.)

5. *Kuznetsova O.A. Nauchnaya problema i nazvaniya civilisticheskih dissertacii* [Scientific Problem and Titles of Civilistic Dissertations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2013. Issue 4 (22). P. 317–324. (In Russ.)

6. *Lakatos I. Metodologiya nauchnih issledovatelskih programm* [Methodology of Scientific Research Programs]. *Voprosi filosofii* – Questions of Philosophy. 1995. 356 p. (In Russ.)

7. *Lebedev S.A. Peresborka epistemologicheskogo* [Reassembling the Epistemological]. *Voprosi filosofii* – Questions of Philosophy. 2015. Issue 6. P. 53–64. (In Russ.)

8. *Meyer D.I. O znachenii praktiki v sisteme sovremennogo yuridicheskogo obrazovaniya* [On the Importance of Practice in the System of Modern Legal Education]. Kazan, 1855. 50 p. (In Russ.)

9. *Novikov V.K. Metodologiya i metodi nauchnogo issledovaniya: kurs lekcii* [Methodology and Methods of Scientific Research: Course of Lectures]. Moscow, 2015. 212 p. (In Russ.)

10. *Revko-Linardato P.S. Metodi nauchnih issledovanii: uchebnoe posobie* [Research Methods]. Taganrog, 2012. 55 p. (In Russ.)

11. *Tarasov N.N. Metodologicheskie problemi yuridicheskoi nauki* [Methodological Problems of Legal Science]. Yekaterinburg, 2001. 134 p. (In Russ.)

12. *Chelyshev M.Yu. Koncepciya optimizacii mejotraslevih svyazei grajdanskogo prava_ postanovka problemi* [The Concept of Optimization of Interbranch Relations of Civil Law: Problem Statement]. Kazan, 2006. 164 p. (In Russ.)

13. *Shershenevich G.F. Zadachi i metodi grajdanskogo pravovedeniya* [Tasks and Methods of Civil Law]. Kazan, 1898. 46 p. (In Russ.)

14. *Yudin E.G. Metodologiya nauki. Sistemnost. Deyatelnost.* [Methodology of Science. Consistency. Activity]. Moscow, 2016. 448 p. (In Russ.)

15. *Tatar O.* Unnamed Contracts as a Means of Updating the Contractual system of the Republic of Moldova. Comrat, 2021. 220 p. (In Eng.)

Информация об авторах:

О.В. Татар
Доктор юридических наук,
преподаватель кафедры частного права
Комратский государственный университет
MD-3801, Молдова, г. Комрат, пер. Галацана, 8А
ORCID: 0000-0003-2158-006X
ResearcherID: co/rid18886

Ю.И. Михалаке
Доктор хабилитат,
доцент кафедры частного права
Кишиневский университет им. К. Стере
MD-2004, бул. Святого Штефана чел Маре, 200
ORCID: 0000-0002-7474-7487
ResearcherID: co/rid18896

Information about the authors:

O.V. Tatar
Comrat State University
8A Galatsana lane, Comrat, MD-3801, Moldova
ORCID: 0000-0003-2158-006X
ResearcherID: co/rid18886

Yu.I. Michalache
Chișinău University K. Stere
200 bd. Ștefan cel Mare și Sfint, Chișinău, MD-2004, Moldova
ORCID: 0000-0002-7474-7487
ResearcherID: co/rid18896

УДК 347.2/.3

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-80-95

МЕТОДОЛОГИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕНДЕНЦИЙ ВЕЩНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Л.В. Щенникова
Кубанский государственный университет
E-mail: civil_law40277@mail.ru

***Введение**: аксиоматично, что успех развития цивилистической науки напрямую связан с владением ее представителями методами, способами, стратегией научной деятельности. Этот перечень составляющих методологии возможно продолжить, поскольку ученый должен освоить также принципы и подходы исследовательской деятельности. Хотя основы методологии были заложены философами еще в древности, современный период также связан с поиском новых технологий научного мышления. Исследователь находится в поиске истины, а потому устанавливает ее критерии, проводит их апробацию. Задача методологии – найти новые формы, озарить привычное новыми подходами. Методология преследует цель помочь в создании теории в какой-либо области науки. В представленной публикации автор привлекает наработки методологии юридической науки для поиска новых подходов к вещно-правовому регулированию. **Цель**: определить тенденции вещно-правового регулирования на современном этапе развития отношений принадлежности материальных благ, опираясь на последние кодификации гражданского законодательства. **Методы**: сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический, правового моделирования. **Результаты**: по итогам проведенного исследования автор последовательно выделил тенденции вещно-правового регулирования, опираясь на опыт последних кодификаций гражданского законодательства в странах мира. Аргументирована необходимость легальных подходов на уровне кодифицированного гражданского законодательства к определению понятия вещных прав и классификации их видов. Высказано предположение о возможности установления открытого перечня вещных прав с ограничениями их соответствия не только смыслу гражданского законодательства, но и общественной морали. Сформулированы критерии оценки общих положений о вещных правах, выделенных в качестве самостоятельного подраздела ГК. Обосновано значение института владения и владельческой защиты. Высказано уточненное понимание роли*

легального определения права собственности, объединяющего полноту возможностей субъекта с системой ограничений, четко обозначенных законодателем.

***Ключевые слова**: цивилистика; методология; метод; научное мышление; вещное право; владение; право собственности; гражданское право; гражданское законодательство.*

METHODOLOGY OF CIVILISTIC RESEARCH OF TRENDS IN PROPERTY LAW REGULATION

L.V. Shchennikova
Kuban State University
E-mail: civil_law402@mail.ru

***Introduction**: it is axiomatic that the success of the development of civil science is directly related to the possession of its representatives of methods, methods, and strategy of scientific activity. This list of components of the methodology can be continued, since the scientist must also master the principles and approaches of research activities. Although the foundations of the methodology were laid by philosophers in ancient times, the modern period is also associated with the search for new technologies of scientific thinking. The researcher is in search of the truth, and therefore sets its criteria, conducts their approbation. The task of the methodology is to find new forms, to illuminate the familiar with new approaches. The methodology aims to help in the creation of a theory in any field of science. In the presented publication, the author draws on the developments of the methodology of legal science to search for new approaches to property law regulation. **Purpose**: to determine the trends of property and legal regulation at the present stage of the development of relations of ownership of material goods based on the latest codifications of civil legislation. **Methods**: comparative-legal, historical-legal, formal-legal, legal modeling. **Results**: based on the results of the study, the author consistently identified the trends of property law regulation, based on the experience of the latest codifications of civil legislation in the countries of the world. The necessity of legal approaches at the level of codified civil legislation to the definition of the concept of property rights and the classification of their types is argued. It is suggested that it is possible to establish an open list of real rights with restrictions on their compliance not only with the meaning of civil legislation, but also with public morality. The criteria for evaluating the general provisions on property rights allocated as an independent subsection of the Civil Code are formulated. The importance of the institution of ownership and ownership protection is justified. A refined understanding of the role of the legal definition of property rights is expressed,*

combining the completeness of the subject's capabilities with a system of restrictions clearly indicated by the legislator.

***Keywords**: civil law; methodology; method; scientific thinking; property law; ownership; property law; civil law; civil legislation.*

> Значит тайна исторического процесса, собственно, не в странах и народах, по крайней мере не исключительно в них самих, в их внутренних, постоянных, данных раз навсегда особенностях, а в тех многообразных и изменчивых счастливых или неудачных сочетаниях внешних и внутренних условий развития, какие складываются в известных странах для того или иного народа на более или менее продолжительное время[1].
>
> *В.О. Ключевский*

Введение

Ценность любого научного исследования, особенно исследования в области гражданского права, измеряется возможностями его практического применения. Юридическая наука служит законодателю, открывая закономерности регулирования тех общественных отношений, которые входят в предмет той или иной отрасли. Вот почему проблемы и несовершенства закона свидетельствуют о недостаточном развитии научных исследований в данной конкретной области общественных отношений. На сегодняшний день в гражданском законодательстве России очевидна пробуксовка регулирования на уровне кодифицированного закона отношений принадлежности материальных благ. Вещное право, будучи основополагающей подотраслью гражданского права, оказалось практически нетронутым процессами модернизации гражданского законодательства. Под угрозой находятся системность отраслевого регулирования, его согласованность и необходимое взаимодействие в отсутствие адекватного экономическим реалиям и эффективного, т.е. научно обоснованного, вещно-правового регулирования. В сложившейся ситуации как никогда актуальным является выявление мировых тенденций вещно-правового регулирования с опорой на инструментарий методологии как учения о научных методах познания. Методологический инструментарий, включающий методы, способы, стратегию, процедуры и принципы исследовательской деятельности, сегодня архиважен для развития науки вещного права. Методологическая основа крайне необходима для того,

[1] Русская история: Полный курс лекций. В 3 т. / В.О. Ключевский. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002. Т. 1. С. 2.

чтобы обеспечить новый взгляд на закономерности вещно-правового регулирования в современных реалиях социально-экономического развития [4]. Феномен методологии, как представляется, является очень важным для создания современной вещно-правовой теории, которая должна являться необходимой базой усовершенствования гражданского законодательства о вещных правах.

О значении метода сравнительного анализа в цивилистических исследованиях

Сколько стран в современном мире, настолько богатым и разнообразным является действующее гражданско-правовое регулирование. Если иметь в виду суверенные государства, территории с неопределенным статусом, зависимые территории, непризнанные государства, то общее количество различных стран, существующих на сегодняшний день, достигает трех сотен. И в каждой из них действует определенная система гражданского законодательства. Одновременно развитие современной цивилистической науки, и это аксиоматично, немыслимо без применения метода сравнительного анализа. Исследуя любой гражданско-правовой институт, каким бы малым по количеству норм он ни был, мы привлекаем в орбиту своего научного анализа его зарубежные аналоги. И чем шире удается взглянуть на проблему, т.е. чем больше стран в их разнообразии гражданско-правового регулирования удается охватить, тем точнее и аргументированнее оказываются предложения по совершенствованию действующего гражданско-правового регулирования в Российской Федерации.

О роли в познавательных процессах зарубежной цивилистики

Не менее значимыми для отечественных исследователей являются труды зарубежных цивилистов, занимающихся вопросами развития законодательства о вещных правах. Так, сегодня ученых интересует проблема права собственности на природные ресурсы; в частности, Крис Армстронг, профессор из Англии, на страницах своих работ рассуждает о возможности для отдельных субъектов стать собственниками природных ресурсов мира, а также о территориальных правах государств на глобальные природные ресурсы. Ученый подчеркивает, что поскольку природные ресурсы являются ключом к выживанию человека, право собственности на них должно подлежать значительным ограничениям, причем не только на уровне правовых, но и морально-этических норм [13].

Не менее важной считается проблема права собственности на метеориты. Так, Дуглас Г. Шмит в своих публикациях аргументирует необходимость принятия правительствами специальных законов, с тем чтобы, во-первых, препятствовать ненаучному сбору метеоритов; во-вторых, создавать стимул для искателей с обязательным сообщением о находках; в-третьих, обеспечить правовыми механизмами их экспорт с целью обмена исследовательскими образцами. Кроме того, подчеркивает автор, объективно важно обеспечить возврат незаконно вывезенных метеоритов [14].

Рут Мейнцен-Дик в своих публикациях доказывает, что законодательство о праве собственности обязано влиять на сокращение бедности в странах мира. Малоимущие слои населения должны быть обеспечены правами на землю, поскольку именно земля дает возможность кредитов для инвестирования или обмена на капитал для начала другой приносящей доход деятельности. Безземельные, резюмирует автор, лишены этих возможностей, поэтому часто оказываются в числе самых бедных. Для сокращения бедности учеными вырабатываются правовые модели возможных прав на земельные участки [16].

Американские ученые, в частности Ян Дункан и Жан Филипп Нико, обсуждают проблему дополнительных (неуказанных) прав на землю. Система пакета типичных прав на землю, включающая право на поверхность, право на уголь, на природный газ, на нефть и на полезные ископаемые, с их точки зрения, нуждается в дополнении особым правом. Это право позиционируется как возможность хранить CO_2 в поровом пространстве в течение длительного времени для секвестрации [15].

Указанные и другие идеи, связанные с частноправовым регулированием, имеют значение для совершенствования законодательства России о вещных правах.

Проблема совершенствования законодательства о вещных правах в Российской Федерации и ее отражение в отечественной цивилистике

Если говорить о проблемах современного гражданского законодательства в нашей стране, то, очевидно, на передний план выступает законодательство о вещных правах. В 90-е гг. XX в. была предпринята попытка создания адекватного требованиям регулирования отношений принадлежности материальных благ. В создании норм раздела 2 ГК РФ «Право собственности и другие вещные права» принимали участие ведущие представители гражданско-правовой науки. Однако быстрота перехода от одного типа собственности к другому не позволила учесть многого, в том числе создать общие положения о вещных правах, обес-

печить эффективную защиту владения, научно аргументировать необходимую для российских условий систему ограниченных вещных прав.

За годы развития рыночной экономики был накоплен значительный практический опыт, в том числе судебного правоприменения[1]. Активно развивались научные исследования в области вещного права. Так, вклад в развитие вещно-правовой теории внесли труды Е.А. Суханова [8; 9] и его последователей – учеников [3]. Оригинальными построениями вещно-правовых конструкций и критическими оценками неизменно отличался В.А. Белов [1]. Углубленным анализом вещного права с учетом норм зарубежного законодательства отличаются труды С.А. Синицына [7]. Системный взгляд на проблемы защиты вещных прав возможно обнаружить в трудах Т.П. Подшивалова [5; 6]. Скромный вклад в развитие вещно-правовой теории удалось внести и автору настоящей статьи [11; 12]. Достаточно сказать, что первым учебным пособием по вещному праву на новом этапе его развития в нашей стране была книжка, вышедшая в 1996 г. в издательстве «БЕК», «Вещные права в гражданском праве России» [10].

Таким образом, к своей модернизации отечественное вещное право оказалось достаточно подготовленным. Проект 2 раздела ГК «Вещное право» воплотил в себе много необходимых новелл. Кроме того, он был включен в систему обновления иных разделов ГК, что является всегда важным для обеспечения согласованного нормативного воздействия на общественные отношения, входящие в предмет отрасли. Однако жизнь распорядилась так, что в обновленной системе норм кодифицированного закона нашей страны вещное право оказалось неподвластно переменам модернизации. Многочисленные обсуждения проекта 2 раздела ГК «Вещное право», вносимые в него разработчиками корректировки так и не привели к, казалось бы, закономерному законотворческому результату. Законодатель решил действовать «с тройной оглядностью» и «отмерять семь раз», прежде чем решиться на превращение задуманных новелл в систему действующих вещно-правовых правил.

Роль современных кодификаций в развитии гражданско-правовой науки. Новый ГК Пуэрто-Рико

Создавшаяся пауза в процессах обновления отечественного вещно-правового регулирования позволяет задуматься о мировых тенденциях его развития. И здесь актуальным может быть обращение к содержанию одной из последних принятых в мире кодификаций гражданского за-

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

конодательства – ГК Пуэрто-Рико. Как тонко подметил в свое время А. Дюма, очень часто, казалось бы, из мелкого сюжета можно извлечь значительные результаты и обобщения. В малом писатель видел силу, сравнивая его с глазом, который на первый взгляд только точка, но охватывает огромные расстояния [2]. Новый ГК в этой стране был подписан около года назад – 1 июня 2020 г. губернатором Вандой Васкез Гарсед, а вступил в силу 28 ноября 2020 г. Разработанный законопроект был принят законодательным собранием Пуэрто-Рико достаточно быстро и без проведения публичных слушаний, что во многом объяснялось периодом пандемии. Закону удалось избежать вето губернатора, и хотя некоторые политические меньшинства и сенаторы проголосовали против, проект получил статус законодательного акта[1]. Юридическая общественность страны была обеспокоена достаточно коротким (всего полгода) периодом вступления нового ГК в силу. Кроме того, очевидным стал колоссальный объем работ по разработке и утверждению специального законодательства. Тем не менее обновление гражданского законодательства в маленьком островном государстве в Карибском море свершилось. На смену ГК, действовавшему 90 лет и основанному еще на ГК Испании 1889 г., пришел обновленный регулятор, созданный с учетом современных тенденций развития гражданско-правового регулирования. Кстати, значительную роль в разработке данного кодифицированного закона сыграли профессора юридических факультетов этой страны. Необходимость принятия нового кодифицированного закона пуэрториканцы связывают, во-первых, с важностью соответствия гражданско-правовых норм экономическим реалиям современной жизни, необходимостью найти ответы на новые вопросы и вызовы времени. Во-вторых, многочисленные поправки, которые вносились в ранее действовавший ГК, и привели к утрате системного характера воздействия его норм. Наконец, немаловажное значение имели и политические мотивы, в частности желание народа освободиться от регуляторов, связанных с колониальным прошлым. И здесь несколько слов важно сказать об особенностях страны с красивым названием Пуэрто-Рико. В переводе с испанского Puerto Rico означает «богатый порт». Официально страна называется свободным ассоциированным государством Пуэрто-Рико или, иначе, Содружеством Пуэрто-Рико. Сегодня территория этой страны хотя и не инкорпорирована в США, тем не менее является зависимой, поскольку имеет с США общее гражданство, валюту и оборону. При этом Пуэрто-Рико имеет собственную конституцию, в стране сформирована зако-

[1] La firma del nuevo Código Civil provoca un ramillete de reacciones // El Nuevo Día. URL: https://www.elnuevodia.com/noticias/locales/notas/la-firma-del-nuevo-codigo-civil-provoca-un-ramillete-de-reacciones.

нодательная, исполнительная и судебная власть. История государства достаточно древняя, насчитывает 4000 лет, однако она мало изучена до прибытия на эту землю Христофора Колумба в 1493 г. Достаточно быстро остров был колонизирован Испанией и на смену коренному населению – индейцам таино пришли испанцы, которые ввезли в качестве бесплатной рабочей силы африканских рабов. В 1898 г. в Пуэрто-Рико пришли американские войска. Так, с начала XX в. страна находится под военным управлением США, а с 1917 г. жителям страны предоставлено американское гражданство. Тем не менее вся история Пуэрто-Рико связана с движением за обретение независимости территории. В стране проходили многочисленные референдумы, преследующие цель определения статуса территории. Населению предлагается или подтвердить действующий статус государства, или войти в США на правах штата, или получить полную независимость. И хотя вопрос о политическом статусе территории так до сих пор окончательно не решен, страна живет активной политической и экономической жизнью, о чем свидетельствует и принятие в прошлом году кодифицированного гражданского закона.

Общий облик или структура нового ГК Пуэрто-Рико складывается из шести книг, в основном соответствующих основным подотраслям гражданского права. В частности, вещным правам посвящена книга третья; обязательствам – книга четвертая, а завершает структуру кодифицированного акта шестая книга, посвященная урегулированию наследственных отношений. Обращают на себя внимание достаточно скрупулезно прописанные нормы о семейных связях, включенные в книгу вторую. Здесь провозглашается, что регулирование семейных отношений обеспечивает общественный интерес, поскольку служит целостному развитию человека в семейной среде. Книга первая охватывает регулирование гражданско-правовых отношений, включая нормы о лицах, имуществе, юридических фактах, в том числе о сделках и условиях их действительности. Особое место отводится в ГК договорам. Глава 5 объединяет их регулирование с другими источниками обязательств. Примечательно, что открывается книга пятая легальным определением договора, под которым понимается согласие двух и более сторон создать, урегулировать, изменить или погасить обязательство.

Методика анализа закономерностей вещно-правового регулирования

А сейчас остановим внимание на основном вопросе, вынесенном в заголовок публикации, и попытаемся выделить тенденции современного вещно-правового регулирования, которые обнажил новый кодифицированный закон Пуэрто-Рико.

Во-первых, законодатель этой страны счел важным в самом кодифицированном акте сформулировать определение вещных прав. Легальной дефиниции посвящена отдельная статья (ст. 697 ГК). В данной норме выделены, по сути, два признака реального права. Первый – это непосредственная связь между активом (вещью) и субъектом (обладателем права), которая обеспечивает необходимое над ним господство (подчинение). Второй признак характеризует взаимодействие субъекта вещного права с иными лицами. И здесь закон делает акцент на необходимости соблюдения вещно-правовой связи всеми иными участниками гражданско-правовых отношений. Так, известная в цивилистике теория абсолютного вещного права обрела в Пуэрто-Рико четкие законодательные формы. Сегодня на страницах цивилистической литературы ведется дискуссия о том, необходимо ли превращать определение вещного права из доктринального в легальное. Пример, продемонстрированный законодателем Пуэрто-Рико, является подтверждением складывающейся тенденции законодательного оформления категории вещного (реального) права. Напомним, что подход к возможному определению вещного права продемонстрирован также в проекте 2 раздела ГК РФ.

Во-вторых, легальное закрепление получила в Пуэрто-Рико и классификация вещных прав. И если в отечественной цивилистике вопрос классификации является сугубо доктринальным, то пуэрториканский законодатель четко обозначил три возможные группы вещных прав. Первая группа – это права с акцентом на использование имущества, так называемые пользовательские. В них, в свою очередь, определяются две подгруппы. Их различия основаны на возможности или полного (например, в праве собственности), или частичного (иных вещных прав) использования принадлежащего на реальном праве имущества. Вторая группа – это вещные права, обеспечивающие возможность преимущественного приобретения вещи. Примером прав данной группы может служить получивший в Пуэрто-Рико законодательное закрепление опцион прав на покупку, ограниченный предельным сроком в пять лет. Наконец, отдельную группу вещных прав составляют права-гарантии, классическим примером которых является залоговое право.

В-третьих, законодатель Пуэрто-Рико четко выразил свой взгляд на проблему необходимости закрытого перечня вещных прав. Действующее в современной России гражданско-правовое регулирование не дает однозначного ответа на вопрос, должен ли быть перечень вещных прав открытым или закрытым. Большинство цивилистов, занимающихся теорией вещного права, склоняются к необходимости установления закрытого их перечня. Аналогичный взгляд высказали и разработчики проекта раздела 2 ГК «Вещное право». Однако есть в действующем ГК России норма (ст. 8), дозволяющая возникновение

гражданских прав как из оснований, предусмотренных законом, так и из действий граждан и юридических лиц, законом не предусмотренных. Аналогичным путем идет и законодатель Пуэрто-Рико, провозглашая возможность для лиц создавать и изменять реальные права на чужую собственность. При этом обращают на себя внимание ограничения для возникновения вещных прав по воле участников гражданско-правовых отношений. Если у нас в стране такого рода действия не должны противоречить общим началам и смыслу гражданского законодательства, то в Пуэрто-Рико ограничения намного шире. Вещные права здесь не должны противоречить также морали и общественному порядку. Введение названных оценочных категорий в канву вещно-правового регулирования, на наш взгляд, можно рассматривать тенденцией развития гражданского законодательства нашего времени.

В-четвертых, высказал законодатель Пуэрто-Рико свой взгляд и на значение государственной регистрации вещных прав. Известно, что ряд кодификаций связывал вещные права с их необходимым атрибутом – публичной достоверностью. В ряде случаев государственная регистрация заявлялась даже принципом вещно-правового регулирования. В анализируемом нами ГК создание вещных прав не связывается с необходимостью их регистрации в публичном реестре. Такая регистрация рассматривается скорее как исключение из общего правила, специально предусмотренное законом. Одновременно законодатель островной страны ввел два базовых требования, включив их в достаточно лаконичные общие положения о вещных правах. Так, в ст. 701 ГК утверждается недоступность существующих реальных прав третьим лицам, а также запрет причинения какого-либо вреда. Требование недоступности по отношению к третьим лицам совмещается с провозглашенной возможностью свободной передачи вещных прав. Статья 702 включена в ГК с кратким названием «Передача». Она гласит, что все вещные права могут передаваться, за исключением случаев, когда законом предусмотрено иное. Сказанное свидетельствует о самобытном выборе правил, включенных в общие положения о вещных правах. Если говорить о тенденции, ее возможно определить как стремление отхода от стереотипов в вещно-правовом регулировании. Свобода, как представляется, только тогда будет реальным двигателем участниками вещно-правовых отношений, когда этим же началом будет руководствоваться законодатель, формулируя принципиальные подходы к вещно-правовому регулированию.

В-пятых, тенденцией вещно-правового регулирования можно считать достаточно подробное регулирование института владения. В ГК Пуэрто-Рико именно владению посвящено около четырех десятков статей (ст. 703–740). Под владением здесь понимается владение вещью или

пользование правом лицом. Объектом владения может быть имущество, гласит ст. 705 ГК, подлежащее присвоению. Законодатель выделяет виды владения. Интересно, что среди разновидностей владения выделяется владение дикими животными (ст. 735). Однако особое внимание здесь уделяется качеству владения. С учетом критерия качества владение делится на добросовестное и недобросовестное. Добросовестным считается лицо, не подозревающее о существовании порока для владения имуществом. При этом действует презумпция добросовестности держателей. Интересно, что способы приобретения имущества – первоначальный (оригинальный) и производный в Пуэрто-Рико урегулированы в связи с владением, а не с правом собственности. Различия проводятся по критерию наличия или отсутствия воли предыдущего владельца. Подчеркнем, что в действующем гражданском законодательстве нашей страны деление способов приобретения имущества на первоначальные и производные вообще не предусматривается, хотя об их значении неизменно говорит цивилистическая теория. Придание способам приобретения владения легального значения можно рассматривать тенденцией вещно-правового регулирования, а значит, и российскому законодателю следует обратить внимание на создание более развернутой классификации способов (оснований) приобретения права собственности. Обращает на себя внимание запрет, установленный в ст. 718 ГК Пуэрто-Рико. Запрет этот касается приобретения владения насильственным путем. Запрещаются действия, направленные на насильственное лишение права владения вещью. В случае нарушения данного запрета владельцу предоставляется защита. Кроме того, каждый владелец, гласит ст. 724 ГК, имеет право на уважение его владения. Как уточняет законодатель, никто не может быть неоправданно потревожен в своем владении. В противном случае должна быть применена защита средствами, установленными процессуальным законодательством. Так обеспечивается гармоничное взаимодействие гражданского и гражданско-процессуального законодательства.

Обращает на себя внимание то, что право собственности на промышленные и гражданские плоды устанавливается в Пуэрто-Рико за добросовестным владельцем, причем пропорционально продолжительности владения. Недобросовестный владелец обязывается оплатить стоимость полученных плодов, которые законный владелец мог бы получить (ст. 730 ГК). Как известно, формула права на плоды и доходы в нашем законодательстве подвергалась изменениям. В действующем гражданском законодательстве России право на плоды, продукцию и доходы признается за собственником вещи, тогда как в недавнем прошлом это право устанавливалось за ее владельцем. И здесь есть причина задуматься, какой вариант регламентации следует считать тен-

денцией развития вещно-правового регулирования. С учетом придания значения институту владения и владельческой защиты, право на плоды, закрепляемое за владельцем вещи, выглядит более убедительно.

В-шестых, обращает на себя внимание ст. 741 ГК Пуэрто-Рико, поскольку она посвящается понятию права собственности. Следует отметить, что в действующем ГК РФ подобной нормы нет. Статья 209 отечественного кодифицированного закона говорит главным образом о правомочиях собственника, оправдывая свое название – «Содержание права собственности». В праве собственности законодатель Пуэрто-Рико увидел две качественные характеристики, отличающие его от всех иных вещных прав. Во-первых, в этом основополагающем вещном праве выделен признак (свойство) исключительности. В п. 1 ст. 741 ГК устанавливается, что на основании права собственности вещь принадлежит одному лицу в отличие от любого другого лица. Во-вторых, собственность трактуется как наиболее полное право принадлежности, ограничения которого могут быть установлены только законом. Следует отметить, что свойство исключительности в отношении права собственности традиционно выделялось доктриной, но не становилось характеристикой права собственности в его легальном определении. И учет наработок доктрины современным законодателем можно считать, по всей видимости, тенденцией вещно-правового регулирования. Что касается полноты возможностей собственника, то этот признак, очевидно, является основополагающим в отношении права собственности. И он, следует подчеркнуть, не исключает существования возможности для законодателя развивать перечень всевозможных ограничений права собственности. Подтверждением данного тезиса являются специальные нормы ГК Пуэрто-Рико, посвященные ограничениям права собственности на недвижимое имущество. Так, ст. 799 кодифицированного закона обязывает использовать земли и здания в соответствии с планом развития конкретных территорий. Собственник обязывается поддерживать их в таком состоянии, чтобы обеспечить безопасность граждан и не нарушать общественное убранство. На собственников возлагается обязанность так сооружать крышу своего дома, чтобы дождевая вода, стекающая с нее, не попадала на соседний участок. Считается важным нормировать расстояние до открытых окон и балконов (ст. 807). Собственники обязываются обрезать ветви деревьев, которые простираются над соседним участком. Этот перечень, казалось бы, мелких ограничений в ГК Пуэрто-Рико является достаточно подробным. Таким образом, в современной конструкции права собственности соединяется полнота правомочий собственника с ограничениями, установленными волей и логикой законодателя.

Обращает на себя внимание правило, установленное ст. 274 ГК Пуэрто-Рико. Считается, гласит данная норма, что собственность свободна от каких-либо обременений, бремени или ограничений, если не доказано иное. Как известно, отечественный ГК в ст. 210 бремя содержания имущества по общему правилу возлагает на собственника. Иное по букве указанной статьи может быть только специально предусмотрено законом или договором. Можно ли считать презумпцию необременения собственности тенденцией вещно-правового регулирования? На сегодняшний день трудно дать на этот вопрос однозначный ответ.

Наконец, интерес представляет особая вещно-правовая категория, введенная в законодательство островного государства, – это наследие народа Пуэрто-Рико. Правовой режим этого особого типа собственности пока не получил регламентации в виде четких и конкретных правил. Однако появление самой категории, как представляется, следует рассматривать как тенденцию вещно-правового регулирования. О ее введении можно задуматься и законодателю нашей страны в целях сохранения совокупности материальных ценностей, имеющих особое историческое, культурное и экономическое значение.

Заключение

Продемонстрировав значение метода сравнительного анализа в цивилистических исследованиях, обосновав роль в познавательных процессах зарубежной цивилистики, автор выделяет особо значимые проблемы развития науки гражданского права в России.

Доказано, что отсутствие в Российской Федерации модернизированного законодательства о вещных правах актуализирует исследования в данной сфере науки и делает особенно актуальным вопрос о современных тенденциях вещно-правового регулирования.

Применение индукции в логических процессах познания позволило выделить ряд тенденций вещно-правового регулирования, основываясь на опыте последних кодификаций гражданского законодательства в странах мира:

1. Закономерным является превращение категории вещного права из доктринальной в легальную.

2. Законодательного признания и закрепления требует классификация вещных прав, складывающаяся с учетом особенностей исторического развития национальной системы частного права.

3. Перечень вещных прав может быть открытым, при этом важно обеспечить их соответствие не только общим началам и смыслу гражданского законодательства, но и морали современного общества.

4. Содержание общих положений о вещных правах в кодифицированном законе страны должно основываться на выводах научной доктрины, при этом быть лаконичным и избавлено от стереотипов.

5. Владение как институт вещного права требует детальной проработки на уровне кодифицированного гражданского закона.

6. Легальное понятие права собственности призвано объединять полноту возможностей его субъекта с системой ограничений, четко обозначенных законом

7. Наряду с существованием публичной собственности закономерным является выделение особой формы присвоения материальных благ – наследия народа. Выделение данной категории в действующем гражданском законодательстве, создание адекватного и эффективного правового режима для имущества особого рода позволяют обеспечить сохранение тех богатств, которые имеют значение для сохранения национальной самобытности, культуры и экономической независимости народа данной конкретной страны.

Библиографический список

1. *Белов В.А.* Очерки вещного права. Научно-полемические заметки. М., 2015. 332 с.

2. *Дюма А.* Дама с камелиями М., 2019. 255 с.

3. *Емелькина И.А.* К вопросу об обеспечительной функции вещного права // Гражданское право. 2019. № 3. С. 39–43. https://doi.org/10.18572/2070-2140-2019-3-39-43.

4. *Емелькина И.А.* Методологические особенности исследования правового режима земельного участка в цивилистической науке и науке земельного права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Т. 1. № 1. С. 184–196.

5. *Подшивалов Т.П.* Негаторный иск. Проблемы теории и практики. М.: Инфотропик Медиа, 2019. 338 с.

6. *Подшивалов Т.П.* Иски о признании права. Трудные вопросы теории и практики. М.: Инфотропик Медиа, 2019. 280 с.

7. *Синицын С.А.* Общие положения о вещном праве: сравнительно-правовое исследование. М.: Инфотропик Медиа, 2019. 276 с.

8. *Суханов Е.А.* Проблемы реформирования вещного права // Закон. 2018. № 12. С. 46–52.

9. *Суханов Е.А.* Вещное право. Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

10. *Щенникова Л.В.* Вещное право: Учеб. пособие. М.: РГБ, 2004. 200 с.

11. *Щенникова Л.В.* Понятие вещного права в аргументации российских цивилистов // Вестник Пермского университета. Юридические

науки. 2017. № 37. С. 361–372. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-37-361–372.

12. *Щенникова Л.В.* Вещные права в гражданском праве России. М.: БЕК, 1996. 186 с.

13. *Armstrong C.* Natural Resource Ownership (September 30, 2017). For Hugh LaFollette (ed.) International Encyclopedia of Ethics, Forthcoming // https://ssrn.com/abstract=3045687.

14. *Douglas G. Schmitt.* The law of ownership and control of meteorites // Meteoritics and Planetary Science. 2002. Vol. 37. No Suppl. P. B5–B11.

15. *Duncan I., Andersonb S., Nicot J.-P.* Pore space ownership issues for CO(2) sequestration in the US // Energy Procedia. 2009. No 1. P. 4427–4431.

16. *Meinzen-Dick R.* Property Rights for Poverty Reduction // Economic and Social Affairs DESA Working Paper. 2009. № 91. P. 1–7.

References

1. *Belov V.A. Ocherki veschnogo prava* [Essays on Property Rights]. *Nauchno_polemicheskie zametki* – Scientific Polemic Notes. Moscow, 2015. 332 p. (In Russ.)

2. *Dyuma A. Dama s kameliyami* [Lady with Camellias]. Moscow, 2019. 255 p. (In Russ.)

3. *Emelkina I.A. K voprosu ob obespechitelnoi funkcii veschnogo prava* [On the Question of the Security Function of Real Rights]. *Grajdanskoe pravo* – Civil Law. 2019. Issue 3. P. 39–43. https://doi.org/10.18572/2070-2140-2019-3-39-43. (In Russ.)

4. *Emelkina I.A. Metodologicheskie osobennosti issledovaniya pravovogo rejima zemelnogo uchastka v civilisticheskoi nauke i nauke zemelnogo prava* [Methodological Features of the Study of the Legal Regime of a Land Plot in Civil Science and Science of Land Law]. *Metodologicheskie problemi civilisticheskih issledovanii* – Methodological Problems of Civil Studies. 2019. Vol. 1. Issue 1. P. 184–196. (In Russ.)

5. *Podshivalov T.P. Negatornii isk. Problemi teorii i praktiki* [Negative Claim. Problems of Theory and Practice]. Moscow, 2019. 338 p. (In Russ.)

6. *Podshivalov T.P. Iski o priznanii prava Trudnie voprosi teorii i praktiki* [Claims for Recognition of Law Difficult Questions of Theory and Practice]. Moscow, 2019. 280 p. (In Russ.)

7. *Sinicin S.A. Obschie polojeniya o veschnom prave_ sravnitelno_pravovoe issledovanie* [General Provisions on Real Law: Comparative Legal Research]. Moscow, 2019. 276 p. (In Russ.)

8. *Suhanov E.A. Problemi reformirovaniya veschnogo prava. E.A. Suhanov* [Problems of Reforming Property Law. E.A. Sukhanov]. *Zakon* – Law. 2018. Issue 12. P. 46–52. (In Russ.)

9. *Suhanov E.A. Veschnoe pravo nauchno_poznavatelnii ocherk* [Real Law Scientific and Educational Essay]. Moscow, 2017. 560 p. (In Russ.)

10. *Schennikova L.V. Veschnoe pravo: Ucheb. posobie / L.V. Schennikova* [Real Law: Textbook. allowance. L.V. Shchennikova]. Moscow, 2004. 200 p. (In Russ.)

11. *Schennikova L.V. Ponyatie veschnogo prava v argumentacii rossiiskih civilistov* [The Concept of Property Rights in the Argumentation of Russian Civilians]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Perm University Bulletin. Legal sciences. 2017. Issue 37. P. 361–372. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-37-361-372. (In Russ.)

12. *Schennikova L.V. Veschnie prava v grajdanskom prave Rossii* [Property Rights in Russian Civil Law]. Moscow, 1996. 186 p. (In Russ.)

13. *Armstrong C.* Natural Resource Ownership (September 30, 2017). For Hugh LaFollette (ed.) International Encyclopedia of Ethics, Forthcoming // https://ssrn.com/abstract=3045687. (In Eng.)

14. *Douglas G. Schmitt.* The Law of Ownership and Control of Meteorites. Meteoritics and Planetary Science. 2002. Vol. 37. Issue Suppl. P. B5–B11. (In Eng.)

15. *Duncan I., Andersonb S., Nicot J.-P.* Pore Space Ownership Issues for CO(2) Sequestration in the US. Energy Procedia. 2009. Issue 1. P. 4427–4431. (In Eng.)

16. *Meinzen-Dick R.* Property Rights for Poverty Reduction. Economic and Social Affairs DESA Working Paper. 2009. Issue 91. P. 1–7. (In Eng.)

Информация об авторе:

Л.В. Щенникова
Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского права
Кубанский государственный университет
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
ORCID: 0000-0002-1972-2287
ResearcherID: H-3447-2016

Information about the author:

L.V. Shchennikova
Kuban State University
149 Stavropolskaia St., Krasnodar, Russia, 350040
ORCID: 0000-0002-1972-2287
ResearcherID: H-3447-2016

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ЦИВИЛИСТИКЕ И АТТЕСТАЦИЯ НАУЧНЫХ КАДРОВ

УДК 347(043):001

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-96-116

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

В.Г. Голубцов
Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: predprim.pravo@gmail.com

***Введение**: теоретическая и практическая ценность исследования наряду с полученной научной новизной характеризует работу именно как научную. При этом в цивилистических научных работах, в том числе диссертационных, не уделяется должного внимания описанию теоретической и практической значимости результатов исследования. Такая ситуация во многом обусловлена непониманием со стороны соискателей смыслового содержания этой рубрики диссертации и использованием малосодержательных шаблонных фраз для ее описания. **Цель**: раскрыть смысл и назначение теоретической и практической ценности цивилистической диссертации и показать возможные варианты ее описания в соответствующем разделе диссертации и автореферате диссертации. **Методы**: использовались преимущественно общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, описание и др.); широко применялся междисциплинарный подход, поскольку теоретическое осмысление аксиологического аспекта диссертации представлено прежде всего в философской, педагогической и социологической науках.*

***Результаты**: необходимо различать теоретическую значимость и практическую значимость цивилистической диссертации и описывать их отдельно. Помимо общих указаний на то, что результаты диссертации могут быть использованы законодателем, правоприменителем и иными субъектами правоотношений, должны быть даны конкретные советы по такому использованию. Требуется создание общей базы данных теоретических и практических результатов, полученных соискателями ученых степеней, для возможности их использования в разных сферах управления и хозяйствования.*

***Ключевые слова**: цивилистическая диссертация; цивилистическая методология; научная новизна; теоретическая значимость исследования; практическая значимость исследования; аксиологический аспект диссертации.*

THEORETICAL AND PRACTICAL RELEVANCE OF THE CIVIL THESIS

V.G. Golubtsov
Perm State University
E-mail: predprim.pravo@gmail.com

***Introduction**: theoretical and practical effect of the research along with the obtained scientific novelty characterise the work particularly as a scientific one. At the same time, civil scientific works, including theses, do not give due consideration to the description of the theoretical and practical significance of the research results. This situation is largely conditioned by the degree seekers' misunderstanding of the semantic content of this section of the thesis and by the use of low-content template phrases to describe it. **Purpose**: to reveal the meaning and purpose of the theoretical and practical effect of the civil thesis and to show possible variants of describing it the corresponding section of the thesis and the abstract of the thesis. **Methods**: general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, description, etc.) were mainly used; an interdisciplinary approach was widely applied, since the theoretical conceptualization of the axiological aspect of the thesis is presented primarily in the philosophical, pedagogical and sociological sciences. **Results**: it is necessary to distinguish between the theoretical and practical relevance of the civil thesis and describe them separately. In addition to general references to the fact that the results of the thesis can be used by the legislator, executors of law and other legal relations parties, a specific advice should be given on such use. It is necessary to develop a common database of theoretical and practical results obtained by academic degrees seekers, so that these results could be used in different areas of management and governance.*

Keywords*: civil thesis; civil methodology; scientific novelty; theoretical relevance of the research; practical relevance of the research; axiological aspect of the thesis.*

Введение

Предполагается, что любая научная работа, в том числе диссертационное исследование, характеризуется не только актуальностью и новизной, но и теоретической и практической значимостью. Однако соискатели ученых степеней предпочитают очень скупо описывать теоретическое и практическое значение своей работы, ограничиваясь, как правило, шаблонными, малосодержательными фразами. Вместе с тем теоретическая и практическая значимость диссертации наряду с актуальностью и новизной призвана отличать научное творчество от иных видов «писательского» творчества. Ценность научной работы указывает на ее конечного адресата и на ту пользу, которую последний должен получить после завершения научно-исследовательского процесса.

Основной контент

Описание теоретической и практической значимости проделанной соискателем работы не отличается даже в диссертациях по разным юридическим наукам и научным специальностям. Так, в теоретико-правовой работе, посвященной государству как субъекту правоотношений, теоретическая и практическая значимость исследования описывается следующим образом: «Содержащиеся в работе положения и выводы развивают, дополняют и конкретизируют существующие в юридической науке представления о правовых отношениях и их субъектах. Государство, являясь фундаментальной категорией юриспруденции, рассматривается в диссертации с нового ракурса – через призму его участия в правовых отношениях. В этой связи результаты исследования носят значимый методологический характер для проведения дальнейших научных изысканий по вопросам теории государства и права, теоретическим проблемам отраслевых юридических наук. Материалы диссертационной работы могут быть использованы для совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности, а также в процессе преподавания теории государства и права и отраслевых юридических дисциплин и спецкурсов» [27, с. 10].

Приведем пример описания соответствующего раздела введения из диссертации по публично-правовой науке: «Теоретическое зна-

чение диссертационного исследования состоит в том, что на основе изучения, систематизации и сопоставления источников правового регулирования, судебной практики и рекомендаций органов исполнительной власти, а также научных монографий и статей сформулирован ряд теоретических выводов, которые направлены на прогнозирование возможных направлений развития комплекса социальных отношений, связанных с участием публичных субъектов в восстановлении природной среды и компенсации вреда личности и имуществу. Практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы в практической деятельности нормотворческих органов как федерального, так и регионального уровней, судов, органов исполнительной власти, осуществляющих охрану природы, а также в деятельности промышленных корпораций. Содержащиеся в работе положения могут служить материалом для дальнейшей научно-исследовательской деятельности» [13, с. 15–16].

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, например, о гражданской правосубъектности государства раскрывается аналогичным образом и «заключается в том, что подходы автора к решению проблем гражданско-правового регулирования отношений с участием публично-правовых образований основаны на широком охвате, а также на раскрытии комплекса вопросов научно-теоретического и практического характера, формулировке новых выводов и рекомендаций. Выводы, полученные автором, в том числе внесенные аргументированные предложения по изменению законодательства, могут быть использованы при разработке законопроектов, связанных с участием публично-правовых образований в гражданских правоотношениях, а также при внесении необходимых поправок в действующее гражданское и бюджетное законодательство. Отдельные положения рассматриваемого диссертационного исследования могут заинтересовать представителей других отраслей знаний (конституционного, административного, муниципального права)» [15, с. 12].

Автор цивилистического исследования государства как субъекта права собственности объясняет, что «теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что предложенная автором диссертации теоретическая основа правового регулирования отношений по реализации правомочий государственным собственником может стать ориентиром для законодателя при совершенствовании законодательства, регулирующего отношения в области осуществления права государственной собственности и управления ею. Содержащиеся в диссертации выводы и предложения могут быть использованы в учебной и учебно-методической работе» [12, с. 8].

Таким образом, мы видим, что теоретическая и практическая значимость научного исследования описывается авторами с использованием «лингвистического конструктора» из набора шаблонных фраз:

1) «сделан ряд выводов, вносящих некоторый вклад в науку»: «теоретическая значимость исследования заключается в наличии сформулированных автором выводов и предложений, в определенной мере дополняющих и развивающих соответствующие теоретические положения науки гражданского права и пригодных для дальнейшей разработки положений, связанных с особенностями правового регулирования положения субъекта РФ как участника гражданских правоотношений» [5, с. 12–13] или «теоретическая значимость исследования состоит в том, что выводы и положения, сформулированные в диссертационной работе, дополняют теорию ответственности государства и иных публично-правовых образований, теорию охраны прав предпринимателей, концепцию о межотраслевых связях в гражданском праве» [22, с. 12];

2) «сделанные выводы могут служить для будущих научных разработок по теме»: «теоретическая значимость... состоит в том, что выводы и предложения, сформулированные по результатам проведенного исследования, а также материалы настоящей диссертационной работы могут быть использованы... в дальнейших научных исследованиях по проблематике правового регулирования частных отношений с участием публично-правовых образований» [1, с. 9] или «содержащийся в работе теоретический материал, аналитические разработки представляют интерес для научных исследований проблем правового положения муниципальных образований и их органов как субъектов гражданского оборота» [9, с. 13];

3) «сделаны некоторые предложения для совершенствования законодательства, которые можно использовать в правотворчестве»: «практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что содержащиеся в диссертации положения и выводы, а также предложения по совершенствованию законодательства могут быть использованы в нормотворческой деятельности для регулирования вопросов правосубъектности публично-правовых образований в гражданском праве» [18, с. 9];

4) «полученные результаты могут быть использованы в практической юридической деятельности»: «положения и выводы, изложенные в диссертации, могут использоваться в правоприменительной практике для ее совершенствования» [20, с. 14] или «выводы и предложения автора во многом носят прикладной характер и могут быть использованы в процессе федерального законотворчества, в учебном процессе, профессиональной деятельности работников муниципальных

образований, а также в правоприменительной практике судов и иных юрисдикционных органов» [14, с. 9];

5) «диссертация ценна для преподавания и для учебно-методической работы»: «результаты проведенного исследования могут быть использованы в процессе преподавания курса гражданского права в высших учебных заведениях...» [10, с. 8].

В результате использования такого «конструктора» в большинстве диссертаций раздел о теоретической и практической значимости имеет следующий суммарный вид: «Сформулированные в диссертационном исследовании выводы и предложения могут быть использованы:

– для проведения дальнейших научных исследований по вопросам, связанным с особенностями правового положения государства как участника хозяйственно-правовых отношений;

– при подготовке предложений по совершенствованию действующего законодательства об унитарных предприятиях и государственных учреждениях;

– для разработки учебных пособий и методических рекомендаций для подготовки слушателей к семинарским, практическим занятиям. Положения, сформулированные в диссертации, могут найти применение в учебном процессе при разработке учебных планов и программ, подготовке методических материалов в рамках дисциплин гражданско-правового цикла и смежных дисциплин. Апробация результатов исследования» [11, с. 13]. Или еще короче: «Научная и практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что полученные в ходе проведения настоящего исследования результаты, выводы могут быть использованы в научной, преподавательской, законотворческой деятельности, а также учтены судом в процессе отправления правосудия» [3, с. 15].

Кроме того, описание теоретической значимости исследования, как мы видим, нередко засорено ненужными оборотами типа «на основе проведенного анализа монографий, научных работ, законодательства, практики». Данная информация должна содержаться в других рубриках введения к диссертации: в методологической, теоретической, нормативной и эмпирической основах работы.

Вряд ли адресаты, читатели диссертационных работ из таких стандартных фраз могут сформировать четкое и ясное представление о конкретном теоретическом и практическом значении проделанной автором научной работы. Из некоторых формулировок непонятен даже предмет исследования диссертанта. Фраза о том, что «выводы автора могут быть использованы законодателями, правоприменителями и в учебном процессе», вполне допустима в любой диссертации по праву и никак не проясняет ценности диссертации. Вместе с тем

«с помощью описания происходит закрепление информации процедуры обозначения, определения, введения терминов, операционализация и концептуализация понятий; передачи информации; понимание и первичное объяснение информации; ее встраивание в более широкие смысловые и когнитивные контексты. Описание дает возможность найти и систематизировать полученные данные... использовать в научной и практической деятельности» [2].

Как показывает анализ вышеприведенных и множества иных диссертаций, разделы введения работы о теоретической и практической значимости исследования являются самими короткими по сравнению с другими разделами, они малосодержательны и смоделированы при помощи шаблонных фраз, кочующих практически в неизменном виде из одной диссертации в другую. На это обстоятельство уже обоснованно обращалось внимание в научной педагогической литературе: «...несмотря на то, что оценка теоретической значимости представляет собой весьма важную часть исследования, во многих диссертациях допускается ее формальное изложение, не соответствующее назначению данной рубрики. Вместо описания ценностей результатов для науки зачастую происходит лишь схематичное, формальное перечисление формально новых, по мнению автора, результатов» [8, с. 37]. Однако в цивилистических и других юридических диссертационных исследованиях, на наш взгляд, ситуация еще хуже: в рубрике о теоретической значимости работы, как правило, не перечисляются даже новые результаты, теоретическая ценность работы ограничивается общими словами о том, что «выводы автора представляют собой некий вклад в науку и могут быть использованы другими учеными в будущих научных поисках».

Верным здесь является общее представление о том, что такое теоретическая значимость диссертации – это ценность полученного автором результата для цивилистической науки в целом или ее отдельных разделов, а также для решения других теоретических проблем.

Таким образом, «теоретическая значимость результатов исследования – это описание их влияния на качественное прогрессивное изменение теорий, концепций, идей...» [8, с. 38]. «Оценка теоретической значимости научных результатов производится по их научной весомости. Это означает, что должна оцениваться возможность использования раскрытых в работе теоретических положений, утверждений и выводов в качестве отправных научных установок для дальнейших исследований, а также степень универсальности предложенных научных заключений» [25, с. 23].

Однако конкретное описание такой ценности в цивилистических диссертациях зачастую отсутствует. Совершенно прав В.М. Полонский

в том, что «результаты выполненных работ должны быть описаны таким образом, чтобы их можно было понять и использовать в научной и практической деятельности. В настоящее время описание результатов исследования произвольное» [24, с. 66]. Описание научного результата может быть сделано в различных формах: внесение вклада в развитие научных представлений о предмете исследования; описание, в какие существующие научные представления вносятся изменения; указание на то, какие новые проблемы решены с помощью полученных результатов; демонстрация того, что результаты привели к переоценке понятий, представлений, концепций; открытие направлений для новых подходов и направлений исследований; выявление неточностей и ошибок, допущенных иными учеными, и исправление их; объяснение фактов и явлений, которые с прежних научных позиций нельзя было увидеть и объяснить [8, с. 38–39; 23, с. 3]. По мнению Е.Н. Михайловой, «теоретическая значимость результатов исследования показывает, какие изменения произошли или могут произойти в связи с полученными результатами и в какой степени полученные результаты помогают решать проблемы, которые до этого не ставились или решались частично. Исходя из теоретической значимости, можно объяснить или предсказать возникновение фактов и явлений, которые с прежних позиций невозможно было предвидеть и объяснить, открыть пути для разработки новых методов и подходов... Теоретическая значимость способствует развитию и уточнению новых идей, формулировке приоритетных исследовательских задач...» [19, с. 41].

Теоретическая значимость диссертации может быть представлена на трех уровнях: конкретизации (уточняет существующее теоретическое знание), дополнения (расширяет существующее теоретическое знание, открывает в нем новые грани, аспекты, ранее скрытые от исследования) и преобразования (предлагается новый подход, принципиально отличающийся от существующего теоретического знания) [23, с. 2–3].

В отдельных диссертациях теоретическая значимость включена в практическую ценность исследования, раздел о теоретической значимости в работе отсутствует: «Сформулированные в диссертации выводы могут быть востребованы в процессе совершенствования законодательства... и практики его применения. Результаты исследования могут использоваться в научно-исследовательской деятельности и в учебном процессе при подготовке студентов по специальности (направлению) «юриспруденция»» [17, с. 8]. Теоретическая значимость и практическая значимость исследования должны быть разведены по разным рубрикам: вклад в науку и вклад в юридическую практику – это не одно и то же.

Кроме того, следует также отграничивать теоретическую и практическую значимость диссертации от сформулированных автором положений научной новизны. Научная новизна характеризует проведенное исследование с содержательной стороны [7], а не с аксиологической. Например, сформулированное в положениях новизны понятие гражданской правосубъектности государства имеет теоретическое значение в виде вклада в общее понимание гражданской правосубъектности, а также в углубление понимания правосубъектности граждан и юридических лиц. При этом оно может быть рекомендовано или не рекомендовано для закрепления в качестве нормы права, т.е. может обладать или не обладать правотворческой ценностью.

В связи с этим представляется неверным включать в положения новизны конкретные предложения по совершенствованию законодательства. Например, автор диссертации предлагает проект новой статьи или нормативно-правового акта (или его части). Такой проект свидетельствует о практической ценности диссертационной работы для законодателя. Однако в научной новизне должны быть показаны причины, условия, предпосылки, факторы и т.п., обусловливающие необходимость такого законопроекта и делающие возможным его реализацию в случае принятия, а не сам законопроект.

Практическая значимость цивилистической научной работы должна быть представлена конкретными советами законодателю, правоприменителям или рядовым участникам гражданских правоотношений. Советы законодателю должны быть сформулированы в виде конкретных редакций предлагаемых диссертантом статей, глав или разделов нормативно-правовых актов или в виде законопроекта нормативно-правового акта в целом, а не виде общей формулы о том, что «выводы диссертанта могут быть полезны законодателю». Советы правоприменителям могут быть представлены в виде рекомендаций по толкованию правовых норм или корректировке официальных актов судебного толкования, а не общего пожелания «применять на практике выводы, сделанные в диссертации». Советы участникам гражданских правоотношений могут заключаться в рекомендациях выбора того или иного типа договора при наличии анализируемых в диссертации обстоятельств; при включении в договор тех или иных условий и т.п.

По поводу такого аспекта практической значимости цивилистической диссертации, как ее использование в учебном процессе, следует заметить следующее. Вероятно, в общем плане выводы любой научной работы применимы в преподавании, в образовательной деятельности, в учебном процессе. Однако указание на учебно-методическую ценность выводов диссертации уже стало неким «общим местом»: упоминается абсолютно в каждой диссертации. На наш взгляд, либо

такое упоминание следует исключить из диссертаций как не имеющее смысловой нагрузки и значимости, либо конкретизировать – указать, для преподавания каких дисциплин, каких тем, для формирования каких компетенций студентов-юристов могут быть использованы результаты диссертационной работы. Только при таком описании результаты диссертационного исследования могут быть полезны для учебно-методической работы.

В настоящее время на официальном уровне в качестве рекомендуемого образца утверждена форма заключения диссертационного совета по диссертации на соискание ученой степени кандидата (доктора) наук[1]. Соискателям ученых степеней было бы нелишним обратить внимание на имеющиеся в этом образце формулировки теоретической и практической значимости научного исследования.

В частности, теоретическая значимость исследования обоснована тем, что: доказаны (например, теоремы, леммы, положения, методики, вносящие вклад в расширение представлений об изучаемом явлении, расширяющие границы применимости полученных результатов); применительно к проблематике диссертации результативно (эффективно, т.е. с получением обладающих новизной результатов) использован (например, комплекс существующих базовых методов исследования, в том числе численных методов, экспериментальных методик); изложены (например, положения, идеи, аргументы, доказательства, элементы, теории, аксиомы, гипотезы, факты, этапы, тенденции, стадии, факторы, условия); раскрыты (например, существенные проявления теории: противоречия, несоответствия, выявление новых проблем); изучены (например, связи данного явления с другими, генезис процесса, внутренние и внешние противоречия, факторы, причинно-следственные связи); проведена модернизация (например, существующих математических моделей, алгоритмов и (или) численных методов, обеспечивающих получение новых результатов по теме диссертации).

Приведем пример описания теоретической значимости диссертационной работы на основе указанных в образце рекомендаций:

«– доказаны положения, вносящие вклад в расширение научных представлений о понятии, признаках, правовой природе, видах юридически значимых сообщений;

– изложены этапы осуществления юридически значимых сообщений, представляющие в своей совокупности полный гражданско-

[1] Приказ Минобрнауки России от 10 ноября 2017 г. № 1093 (с изм. от 22 июня 2020 г.) «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (зарегистрировано в Минюсте России 5 декабря 2017 г. № 49121) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

правовой механизм такого осуществления от направления сообщения до ознакомления с ним;

– продемонстрировано соотношение юридически значимых сообщений с иными юридическими фактами, а также схожими гражданско-правовыми явлениями;

– показан генезис и развитие правовой регламентации юридически значимых сообщений в российском гражданском праве;

– проведена модернизация научных знаний о юридически значимых сообщениях, обеспечивающих получение новых результатов по теме работы;

– сформулированы выводы, дополняющие основополагающие разделы науки гражданского права о юридических фактах, осуществлении гражданских прав, гражданских правоотношениях, которые имеют фундаментальное значение для ведения научных исследований в сфере цивилистики» [16, с. 16–17].

В рекомендуемом Минобрнауки России образце заключения диссертационного совета по диссертации практическая значимость диссертации раскрывается следующим образом: «Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что: *разработаны и внедрены* (указать степень внедрения) (например, технологии, новые универсальные методики измерений, образовательные технологии); *определены* (например, пределы и перспективы практического использования теории на практике); *создана* (например, модель эффективного применения знаний, система практических рекомендаций); *представлены* (например, методические рекомендации, рекомендации для более высокого уровня организации деятельности, предложения по дальнейшему совершенствованию)».

Не следует забывать о том, что этот образец носит рекомендательный характер и предъявлять к соискателям требование буквального копирования указанных в нем словосочетаний и тем более настаивать на закрытом перечневом характере формулировок необоснованно.

Очевидно, что в гражданско-правовых диссертациях вряд ли практическая значимость может быть выражена «в новых методиках измерения». Однако создать «систему практических рекомендаций» цивилисты вполне могут. Например, практическая значимость работы может быть сформулирована так: «представлены следующие предложения по совершенствованию действующего законодательства:

– с юридико-технических позиций норма, посвященная юридически значимым сообщениям, должна быть помещена в главу 2 «Возникновение гражданских прав и обязанностей, осуществление и защита гражданских прав», а перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей дополнен этим видом юридических фактов

путем изложения абзаца 11 п. 1 ст. 8 ГК РФ в следующей редакции: «8) вследствие иных действий граждан и юридических лиц, в том числе юридически значимых сообщений»;

– изложить абз. 1 п. 1 ст. 165.1 ГК РФ в следующей редакции: «Заявления, уведомления, извещения, требования или иные юридически значимые сообщения, с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут для этого лица такие последствия с момента получения соответствующего сообщения им или его представителем, в том числе с момента поступления сообщения в их информационную систему»;

– дополнить п. 1 ст. 165.1 ГК РФ абз. 3 следующего содержания: «Сообщения осуществляются устно или в письменной форме. Письменная форма сообщения считается соблюденной также в случае направления сообщения с помощью электронных либо иных технических средств (мобильные устройства, электронная почта, компьютерные программы (в частности, интернет-банк, мессенджеры, социальные сети), телеграф, телекс, телефакс и иные средства), позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сообщения и достоверно установить, от кого оно исходило и кому адресовано» [16, с. 17–18][1].

В других науках имеются попытки систематизации «собственных» формулировок теоретической и практической значимости диссертации. Например, в педагогике предложены следующие формы описания того, в чем заключается теоретическая значимость научной работы: «в развитии теории научно-педагогических исследований на основании уточнения имеющегося фонда знаний по вопросам...; в разработке методологии... как одного из разделов педагогического науковедения; в расширении имеющихся представлений о...; в определении резервов... на основе...; в разработке методологических правил...; в систематизации трудностей...; в обогащении имеющегося знания о... представлениями...; в экспериментальном подтверждении идеи о...; в выявлении возможностей использования... для...» [6, с. 23]. Объясняется даже, что «четыре понятия и соответствующие им термины (в русском языке – это «описание», «объяснение», «понимание» и «прогнозирование») составляют концептуально-терминологический каркас методологически грамотной формулировки теоретической значимости результатов научного исследования. Если мы попытаемся дать изложение теоретической значимости без этих терминов, вне этих понятий, то мы неизбежно подменим смысл те-

[1] Приводится в статье как образец, не оценивается на предмет обоснованности таких законодательных изменений.

оретического значения иными, не относящимися к теоретической значимости смыслами и значениями. Именно в этом случае и возникают всевозможные варианты смысловой путаницы и смешения в формулировке признаков теоретической значимости с признаками научной новизны» [21, с. 184]. Возможно, не следует ограничивать «концептуально-терминологический каркас» описания теоретической значимости диссертации именно указанными словами, однако в целом такой подход представляется верным. Теоретическая значимость научной работы – в содействии такой работы выполнению основных функций науки, которые в укрупненном виде и представляют собой описание, объяснение, понимание и прогнозирование фактов и обстоятельств реальной действительности.

Разработка аналогичных форм в юридических науках была бы полезна для диссертантов, особенно на официальном уровне (например, экспертного совета ВАК по праву). В настоящее время ориентация диссертационных советов *исключительно* на разработанный Минобрнауки России по всем наукам образец формы заключения по диссертации приводит к малопонятным и лингвистически «кривым» формулировкам теоретической и практической значимости цивилистической диссертации.

На наш взгляд, большой практической проблемой является отсутствие какой-либо систематизации предлагаемых соискателями ученых степеней новых, измененных или дополненных редакций статей нормативно-правовых актов или положений актов официального судебного толкования. И эта проблема известна не только юриспруденции, но и другим наукам [4]. Фактически такие практические результаты, полученные учеными-цивилистами, оказываются сохраненными в разрозненном виде только в текстах диссертаций и авторефератов диссертаций. Они автоматически не попадают к субъектам правотворчества или правоприменения, что делает такую работу практически бессмысленной. Думается, необходим единый банк данных о практических результатах цивилистических и иных юридических диссертационных исследований с разбивкой по тематикам и даже статьям. Авторам, работающим над законопроектами, было бы удобно видеть предлагаемые учеными те или иные редакции отдельных правоположений. Уже существующая удачная формулировка той или иной статьи, содержащаяся в рубрике практической значимости диссертации, могла бы освободить от необходимости ее «изобретения» авторами законопроектов. Подчеркнем, что это станет возможным только при правильном наполнении раздела о практической значимости диссертационной работы, который должен содержать *конкретные* предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения, а не

общие слова о том, что «результаты диссертации могут быть полезны в правотворчестве и правоприменении».

Но здесь важно учесть, что наличие в диссертации конкретной редакции статьи закона само по себе не свидетельствует о его практической ценности и значимости. Крайне важно провести критическую оценку нужности, полезности и своевременности предлагаемого автором диссертации законопроекта. В науковедении разработаны критерии, принципы оценки практической значимости полученного научного результата, а именно: опережения (предложение должно опережать современный уровень знаний), острой потребности (заинтересованность в решении социальной задачи), соответствия (наличие реальных условий для реализации), оптимальности (баланс между затратами и выгодой) [26, с. 120].

Видится также перспективным подкрепление практической значимости результатов диссертации официальными доказательствами и документами: «Практическая значимость диссертационных работ, содержащих прикладные результаты, может подтверждаться: практическим использованием результатов исследований в ходе практической деятельности хотя бы в одной организации с указанием достигнутого эффекта; утвержденной научно-технической документацией, в разработке которой соискатель принимал участие; включением результатов исследования в ГОСТы, ОСТы, в планы НИР и ОКР, использованием их в конструкторских и проектных работах; методом, способом применения, утвержденным головной научно-исследовательской организацией; методической разработкой, выполненной по результатам исследования и утвержденной Ученым советом вуза; патентами и авторскими свидетельствами, содержащими новые решения актуальной научно-технической задачи» [25, с. 24].

Для обоснования практической значимости цивилистической диссертации такими доказательствами могут быть: включение предложенных соискателем ученой степени редакций статей в законопроекты или законопроектную работу представительных органов; использование предложенного соискателем толкования норм права при разрешении конкретных гражданских дел; применение разработанной соискателем формы юридического документа (договора) в какой-либо организации с указанием достигнутых положительных результатов такого применения и др. На наш взгляд, практическое значение диссертации может быть оценено только в реальной юридической сфере («в полях»), а не просто «прописано» в тексте диссертации, ведь «каждый конкретный результат научного исследования только тогда будет считаться научным результатом, когда он принят сообществом и, соответственно, включен в систему научных коммуникаций» [6, с. 22], а «главным в определении

практической значимости является не указание того, что сделал соискатель, а способность сделанного быть использовано другими для решения определенных проблем. Поэтому необходимо указание того, для чего и кто может использовать то, что разработал и экспериментально доказал эффективность диссертант» [28, с. 11]. Такой подход значительно повысит и ответственность самих соискателей в подготовке предлагаемых ими изменений законов и актов правоприменительной практики.

Заключение

Теоретическая значимость и практическая значимость научной работы являются одними из главных рубрик введения цивилистической диссертации, поэтому формальный подход к их описанию недопустим.

Цивилистическая диссертация имеет онтологическую, содержательную сторону, которая проявляется в положениях научной новизны, и аксиологическую, ценностную сторону, которая заключена в теоретической и практической значимости работы. Поэтому положения новизны не должны дублироваться в значимость работы: безусловно, это взаимосвязанные аспекты диссертации, но, очевидно, отличающиеся друг от друга.

Теоретическая значимость диссертации предполагает указание на то, каким образом ее результаты повлияли на существующее научное знание, представляют ли они вклад в науку или в ее отдельные разделы, могут ли быть использованы и как для дальнейших научных исследований.

Практическая значимость цивилистической диссертации может заключаться в конкретных рекомендациях законодателю, правоприменителю или участникам гражданских правоотношений, повышающих эффективность частноправового регулирования. При этом такие рекомендации должны быть оценены с точки зрения своевременности, полезности и оптимальности. Поэтому целесообразно подтверждать доказательствами, независимыми оценками практическую ценность, востребованность результатов проведенного исследования. Необходима публичная, официальная систематизация практических рекомендаций цивилистов – соискателей ученых степеней для возможности их использования как в законотворческой работе, так и в сфере реализации права. В настоящее время их учет никак и никем не ведется и они остаются просто текстом в авторефератах диссертаций.

При формулировании теоретической и практической значимости цивилистической диссертации как соискатели, так и диссертационные советы могут опираться на предложенный Минобрнауки России образец заключения диссертационного совета по диссертации. Одна-

ко указанный образец имеет рекомендательный характер, и поэтому важнее убедительно и понятно сформулировать конкретное значение полученных научных результатов, чем придерживаться словосочетаний, используемых в образце.

Библиографический список

1. *Абдулвагапова А.А.* Правовое положение публично-правовых образований в гражданско-правовых обязательствах: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. 24 с.

2. *Аксенова М.А.* Виды и способы описания основных результатов научно-педагогических исследований // Вестник МГСУ. 2011. № 6. С. 556–559.

3. *Батыршина К.А.* Законодательное регулирование и применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском праве и праве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 215 с.

4. *Брагина З.В.* О судьбе результатов диссертационных исследований // Теоретическая экономика. 2015. № 5 (29). С. 80–83.

5. *Буданова О.О.* Участие субъекта Российской Федерации в гражданских правоотношениях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 29 с.

6. *Вершинина Н.А., Загузов Н.И., Писарева С.А., Тряпицына А.П.* Определение научных результатов исследования // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 1. С. 5–28.

7. *Габов А.В.* О новизне результатов диссертационных исследований по праву // Юридическое образование и наука. 2019. № 7. С. 28–38.

8. *Глебов А.А.* Теоретическая значимость результатов как характеристика диссертационного исследования // Известия ВГПУ. № 10 (153). С. 37–40.

9. *Глинка В.И.* Правовой режим муниципального имущества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 25 с.

10. *Гринкевич А.П.* Гражданско-правовое положение казны: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 25 с.

11. *Кийко А.Ю.* Частноправовые и публичные начала в гражданско-правовом регулировании государственного имущества в хозяйственном обороте России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 28 с.

12. *Ким В.Д.* Государство как субъект права собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 28 с.

13. *Князев М.А.* Российское государство как субъект возмещения экологического и экогенного вреда: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.

14. *Колмакова Н.Н.* Муниципальное образование как субъект гражданских правоотношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 23 с.

15. *Крылова Е.Ю.* Гражданская правосубъектность публично-правовых образований в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 28 с.

16. *Куранов В.Г.* Юридически значимые сообщения в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2021. 28 с.

17. *Курченков О.С.* Государство как субъект права социального обеспечения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. 23 с.

18. *Мариян В.Г.* Некоторые проблемы правосубъектности публично-правовых образований в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.

19. *Михайлова Е.Н.* Определение результата самостоятельной исследовательской деятельности педагога: праксиологический контекст // Вестник ТГПУ. 2013. № 6. С. 40–43.

20. *Моисеева Е.В.* Право собственности публично-правовых образований: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.

21. *Москвичев Ю.Н.* Проблема экспликации теоретической значимости результатов научного исследования по предмету научной специальности 13.00.04 // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2012. № 2 (4). С. 181–185.

22. *Нуриев А.Х.* Гражданско-правовая ответственность государства за вред, причиненный предпринимателям: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 23 с.

23. *Полонский В.М.* Научный результат: структура и способы описания // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2016. Т. 2. № 4. С. 23–28.

24. *Полонский В.М.* Основные методологические проблемы гуманитарных наук // Гуманитарные вести ТГПУ им. Толстого. 2015. № 3. С. 65–70.

25. *Рева Ю.В.* В помощь адъюнкту (соискателю) при написании кандидатской диссертации // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2019. № 1 (42). С. 17–27.

26. *Селетков С.Г., Иванова С.С.* Актуальность и значение результатов диссертационной работы // Вестник ИжГТУ имени М.Т. Калашникова. 2015. Т. 18. № 2. С. 119–121.

27. *Слепнев А.В.* Государство как субъект правоотношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 21 с.

28. *Хуторской А.В.* Кто является заказчиками исследований соискателя? // Вестник Института образования человека. 2020. № 1. С. 1–15.

References

1. *Abdulvagapova A.A. Pravovoe polojenie publichno_pravovih obrazovanii v grajdansko-pravovih obyazatelstvah: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Status of Public-Legal Entities in Civil-Legal Obligations: Synopsis of Cand jurid. sci. diss.]. Kazan, 2008. 24 p. (In Russ.)

2. *Aksenova M.A. Vidi i sposobi opisaniya osnovnih rezultatov nauchno-pedagogicheskih issledovanii* [Types and Ways of Describing the Main Results of Scientific and Pedagogical Research]. *Vestnik MGSU* – Vestnik MGSU. 2011. Issue 6. P. 556–559. (In Russ.)

3. *Batirshina K.A. Zakonodatelnoe regulirovanie i primenenie doktrini ''snyatiya korporativnoi vuali" v rossiiskom prave i prave zarubejnih stran: sravnitelno-pravovoi analiz: Diss. ... kand. yurid. nauk* [Legislative Regulation and Application of the Doctrine of "Removing the Corporate Veil" in Russian Law and the Law of Foreign Countries: Comparative Legal Analysis: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2018. 215 p. (In Russ.)

4. *Bragina Z.V. O sudbe rezultatov dissertacionnih issledovanii* [About the Fate of the Results of Dissertation Research]. *Teoreticheskaya ekonomika* – Theoretical Economics. 2015. Issue 5 (29). P. 80–83. (In Russ.)

5. *Budanova O.O. Uchastie subekta Rossiiskoi Federacii v grajdanskih pravootnosheniyah: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Participation of the Subject of the Russian Federation in Civil Legal Relations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2010. 29 p. (In Russ.)

6. *Vershishina N.A., Zaguzov N.I., Pisareva S.A., Tryapicina A.P. Opredelenie nauchnih rezultatov issledovaniya* [Definition of Scientific Research Results]. *Sibirskii pedagogicheskii jurnal* – Siberian Pedagogical Journal. 2008. Issue 1. P. 5–28. (In Russ.)

7. *Gabov A.V. O novizne rezultatov dissertacionnih issledovanii po pravu* [On the Novelty of Dissertation Researches in Law]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* – Legal Education and Science. 2019. Issue 7. P. 28–38. (In Russ.)

8. *Glebov A.A. Teoreticheskaya znachimost rezultatov kak harakteristika dissertacionnogo issledovaniya* [Theoretical Relevance of the Results as the Characteristic of the Thesis Research]. *Izvestiya VGPU* – Izvestiya VSPU. Issue 10 (153). P. 37–40. (In Russ.)

9. *Glinka V.I. Pravovoi rejim municipalnogo imuschestva: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Regime of Municipal Property: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 25 p. (In Russ.)

10. *Grinkevich A.P. Grajdansko_pravovoe polojenie kazni: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Civil-Legal Status of the Treasury: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1995. 25 p. (In Russ.)

11. *Kiiko A.Yu. Chastnopravovie i publichnie nachala v grajdansko-pravovom regulirovanii gosudarstvennogo imuschestva v hozyaistvennom oborote Rossii:*

Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Private Law and Public Principles in the Civil Law Regulation of State Property in the Economic Turnover of Russia: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 2004. 28 p. (In Russ.)

12. *Kim V.D. Gosudarstvo kak subekt prava sobstvennosti: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The State as a Subject of Property Rights: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2005. 28 p. (In Russ.)

13. *Knyazev M.A. Rossiiskoe gosudarstvo kak subekt vozmescheniya ekologicheskogo i ekogennogo vreda: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Russian State as a Subject of Compensation for Environmental and Ecogenic Harm: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2009. 24 p. (In Russ.)

14. *Kolmakova N.N. Municipalnoe obrazovanie kak subekt grajdanskih pravootnoshenii: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Municipal Formation as a Subject of Civil Legal Relations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 2007. 23 p. (In Russ.)

15. *Krilova E.Yu. Grajdanskaya pravosubektnost publichno_pravovih obrazovanii v Rossiiskoi Federacii: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Civil Legal Personality of Public Legal Entities in the Russian Federation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 28 p. (In Russ.)

16. *Kuranov V.G. Yuridicheski znachimie soobscheniya v rossiiskom grajdanskom prave: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legally Significant Messages in the Russian Civil Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Ulyanovsk, 2021. 28 p. (In Russ.)

17. *Kurchenkov O.S. Gosudarstvo kak subekt prava socialnogo obespecheniya: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The State as a Subject of Social Security Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. SPb., 2008. 23 p. (In Russ.)

18. *Mariyan V.G. Nekotorie problemi pravosubektnosti publichno_pravovih obrazovanii v grajdanskom prave: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Some Problems of the Legal Personality of Public Legal Entities in Civil Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2006. 24 p. (In Russ.)

19. *Mihailova E.N. Opredelenie rezultata samostoyatelnoi issledovatelskoi deyatelnosti pedagoga: praksiologicheskii kontekst* [Determination of the Result of the Independent Research Activity of the Teacher: Praxeological Context]. *Vestnik TGPU* – Bulletin of TSPU. 2013. Issue 6. P. 40–43. (In Russ.)

20. *Moiseeva E.V. Pravo sobstvennosti publichno_pravovih obrazovanii: voprosi teorii i praktiki: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Right of Ownership of Public Legal Entities: Questions of Theory and Practice: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2007. 26 p. (In Russ.)

21. *Moskvichev Yu.N. Problema eksplikacii teoreticheskoi znachimosti rezultatov nauchnogo issledovaniya po predmetu nauchnoi specialnosti 13.00.04* [The Problem of Theoretical Importance Explication of Research Results on a Subject of Scientific Specialty 13.00.04]. *Fizicheskoe vospitanie i sport-*

ivnaya trenirovka – Physical Education and Sports Training. 2012. Issue 2 (4). P. 181–185. (In Russ.)

22. *Nuriev A.H. Grajdansko_pravovaya otvetstvennost gosudarstva za vred_ prichinennii predprinimatelyam: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Civil-Legal Responsibility of the State for the Harm Caused to Entrepreneurs: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2013. 23 p. (In Russ.)

23. *Polonskii V.M. Nauchnii rezultat: struktura i sposobi opisaniya* [Research Results: the Structure Description and Methods]. *Nauchnii rezultat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya* – Scientific Result. Pedagogy and Psychology of Education. 2016. Vol. 2. Issue 4. P. 23–28. (In Russ.)

24. *Polonskii V.M. Osnovnie metodologicheskie problemi gumanitarnih nauk* [The Main Methodological Problems of the Humanities]. *Gumanitarnie vesti TGPU im. Tolstogo* – Humanitarian News of the Tolstoy State Pedagogical University. 2015. Issue 3. P. 65–70. (In Russ.)

25. *Reva Yu.V. V pomosch adyunktu _soiskatelyu, pri napisanii kandidatskoi dissertacii* [To Help the Associate (Applicant) in Writing of the Phd Thesis]. *Psihologo-pedagogicheskie problemi bezopasnosti cheloveka i obschestva* – Psychological and Pedagogical Problems of Human and Social Security. 2019. Issue 1 (42). P. 17–27. (In Russ.)

26. *Seletkov S.G., Ivanova S.S. Aktualnost i znachenie rezultatov dissertacionnoi raboti* [Relevance and Importance of Thesis Results]. *Vestnik IjGTU im. M.T. Kalashnikova* – Bulletin of the Kalashnikov IzhSTU. 2015. Vol. 18. Issue 2. P. 119–121. (In Russ.)

27. *Slepnev A.V. Gosudarstvo kak subekt pravootnoshenii: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The State as a Subject of Legal Relations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2009. 21 p. (In Russ.)

28. *Hutorskoi A.V. Kto yavlyaetsya zakazchikami issledovanii soiskatelya* [Who are the Customers of the Applicant's Research?]. *Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka* – Bulletin of the Institute of Human Education. 2020. Issue 1. P. 1–15. (In Russ.)

Информация об авторе:

В.Г. Голубцов
Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0003-3505-2348
ResearcherID: H-4690-2015

Information about the author:

V.G. Golubtsov
Perm State University
15 Bukirev st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0003-3505-2348
ResearcherID: H-4690-2015

УДК 37.012.8:34

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-117-133

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

И.В. Ершова
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: inna.ershova@mail.ru

Е.Е. Енькова
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: enkova.e.e@yandex.ru

***Введение**: построение в России цифровой экономики предопределило модернизацию образования и превращение университетов в передовые исследовательские центры. В новых реалиях задача педагога – сформировать у обучающихся большой спектр компетенций, наличие которых позволит молодым специалистам быть востребованными на профессиональном рынке труда. Цифровизация всех сфер общественной жизни детерминировала иное восприятие информации студентами, обозначила потребность в образовательном продукте, обладающем высоким уровнем визуализации. Его создание, в свою очередь, обусловливает использование средств педагогического дизайна. **Цель**: продемонстрировать возможности и значение педагогического дизайна при разработке презентаций и онлайн-курсов в контурах современного образовательного процесса, нацеленного на реализацию концепции устойчивого развития. **Методы**: методологическую основу исследования составили такие методы научного познания, как анализ, синтез, дедукция, интерпретация, прогнозирование, а также социологический метод. **Результаты**: главный результат исследования заключается в том, что показано значительное влияние методологии педагогического дизайна на создание архитектуры образовательного процесса в интересах устойчивого развития. **Выводы**: феномен педагогического дизайна позволяет интегрировать технологии общения, потребление данных и креативную деятельность. Юриспруденция как наука и как система подготовки юристов обусловливает сугубо специфику контента, не затрагивая существа, принципов и методов педагогического дизайна. Преподавателям важно перманентно получать обратную связь от студентов, в том числе посредством анкетирования,*

чтобы оперативно корректировать содержание и форму подачи учебного материала с целью повышения эффективности образовательного процесса. Создание электронных образовательных ресурсов способствует формированию у педагогов и обучающихся исследовательских компетенций, присущих устойчивому образованию и одновременно являющих собой ключевые компетенции цифровой экономики. Разработка онлайн-курсов как неотъемлемый атрибут электронного обучения представляет собой инновационную проектную деятельность команды специалистов в различных областях знания. Повышение мотивации обучающихся с помощью инструментария педагогического дизайна коррелирует принципам образования в целях устойчивого развития.

***Ключевые слова**: педагогический дизайн; визуализация; презентация; электронный образовательный ресурс; онлайн-курс; образовательный процесс; образование для устойчивого развития; цифровизация; компетенции; социологическое исследование.*

APPLICATION OF INSTRUCTIONAL DESIGN METHODS IN LAW

I.V. Ershova
Kutafin Moscow State Law University (MSLA)
E-mail: inna.ershova@mail.ru

E.E. Enkova
Kutafin Moscow State Law University (MSLA)
E-mail: enkova.e.e@yandex.ru

***Introduction**: the construction of the digital economy in Russia has predetermined the modernization of education and the transformation of universities into advanced research centers. In the new realities, the task of a teacher is to form a large range of competencies among students, the presence of which will allow young specialists to be in demand in the professional labor market. Digitalization of all spheres of public life determined a different perception of information by students, indicated the need for an educational product with a high level of visualization. Its creation, in turn, determines the use of instructional design tools. **Goal**: to demonstrate the possibilities and importance of instructional design in the development of presentations and online courses in the contours of the modern educational process aimed at implementing the concept of sustainable development. **Methods**: the methodological basis of the research was formed by such methods of scientific cognition as analysis, synthesis, induction, interpretation, forecasting, as well as the sociological method. **Results**: the main result of the study is that the significant*

influence of the methodology of instructional design on the creation of the architecture of the educational process in the interests of sustainable development is shown. ***Conclusions****: the phenomenon of instructional design allows you to integrate communication technologies, data consumption and creative activity. Jurisprudence as a science and as a system of training lawyers determines the purely specific content, without affecting the essence, principles and methods of instructional design. It is important for teachers to permanently receive feedback from students, including through questionnaires, in order to quickly adjust the content and form of submission of educational material in order to increase the effectiveness of the educational process. The creation of electronic educational resources contributes to the formation of teachers and students research competencies inherent in sustainable education and at the same time are the key competencies of the digital economy. The development of online courses as an integral attribute of e-learning is an innovative project activity of a team of specialists in various fields of knowledge. Increasing the motivation of students with the help of instructional design tools correlates with the principles of education for sustainable development.*

Keywords*: instructional design; visualization; presentation; electronic educational resource; online course; educational process; education for sustainable development; digitalization; competencies; sociological research.*

Введение

Цифровизация экономики ставит перед высшей школой новые задачи подготовки специалистов, обладающих широким набором компетенций. Педагог постепенно перестает быть субъектом передачи информации. Его задача – способствовать формированию необходимых для профессиональной деятельности умений и навыков, помогать выстраивать индивидуальную траекторию развития выпускника. Этому во многом способствуют модернизация образования и превращение университетов в передовые исследовательские центры.

Сегодняшние студенты практически с рождения находятся в иной, нежели их предшественники, информационной среде. Их восприятие сформировано интернет-пространством с его визуализацией и особой формой передачи материала. Сложно ожидать от молодого человека проявления интереса к сведениям, поданным в классическом текстовом формате, – будь то учебник, лекция или даже практическое занятие. Мир цифровых технологий и сенсорных экранов, в котором изображения играют доминирующую роль как средства общения, требует иной визуализации. В этой связи особое звучание приобретает феномен педагогического дизайна, арсенал которого содержит разнообразный мультимедийный инструментарий.

Понятийно-категориальный аппарат педагогического дизайна

Понятие «педагогический дизайн» зародилось в середине прошлого века, его появление связывают с трудами Р. Ганже [21].

Вклад в доктрину педагогического дизайна внесли такие российские авторы, как Е.В. Абызова, П.В. Афанасьева, А.Г. Клепикова, К.Г. Кречетников, С.А. Курносова, М.В. Моисеева, В.Н. Подковырова, А.Ю. Уваров и др.

Однако, несмотря на разработанную теорию педагогического дизайна, дискуссии относительно ключевых элементов рассматриваемого явления продолжаются. Более того, даже само понятие «педагогический дизайн» не нашло пока единого понимания у исследователей. К примеру, А.Ю. Уваров предлагает определить данное понятие как «систематическое (приведенное в систему) использование знаний (принципов) об эффективной учебной работе (учении и обучении) в процессе проектирования, разработки, оценки и использования учебных материалов» [14].

С.А. Курносова рассматривает педагогический дизайн как деятельность по форматированию содержания, подготовленного специалистом-предметником, с целью сделать его доступным и понятным для обычного пользователя (учащегося), а также как информационно-образовательное пространство, в котором студенты смогут полнее раскрыть свои возможности и способности, проявить необходимые личностные качества [9].

Систематизация подходов к определению изучаемого термина была предпринята Д.В. Ворониной [2, с. 64].

Сам термин *instructional design* пришел из английского языка. Е.В. Абызова, отмечая, что «совокупность сочетаний двух слов, из которых состоит понятие «педагогический дизайн», дает многообразие трактовок», приводит обзор основных из них [1, с. 12].

Анализ определений и трактовок позволяет рассматривать педагогический дизайн, начиная от узкого его значения как процесса проектирования современных учебных материалов до широкого понимания создания образовательной среды в целом. Не случайно в литературе, помимо приведенного ранее, предложены и иные названия рассматриваемого явления: *learning design* – разработка учебного процесса; *learning environment design* – разработка учебной среды; *learning activities design* – дизайн учебной деятельности учащихся [2, с. 63], [6], [13, с. 79].

Широкая амплитуда в понимании рассматриваемого явления породила и многоплановый набор объектов педагогического дизайна: от образовательной среды и учебной деятельности до образовательного ресурса и учебного материала.

Говоря о принципах педагогического дизайна, констатируем, что их система в целом сложилась. К числу таковых принято относить принципы научности, наглядности, непрерывности, последовательности, доступности [8].

Солидарны ученые и в выделении этапов педагогического дизайна. Классической считается модель «ADDIE», включающая пять этапов: A – анализ (analysis); D – дизайн (design); D – разработка (development); I – реализация (implementation); E – оценка (evaluation) [3, с. 136].

Отметим, что в основном (что вполне объяснимо) педагогический дизайн изучается представителями педагогической науки, в которой данное явление рассматривается в различных ипостасях: как процесс, дисциплина, наука и реальность [7, с. 104–105]; теория (наука) и практика [1, с. 12] и др.

Что касается юридической сферы, то ученые-правоведы только приступают к исследованию феномена педагогического дизайна. Доступные авторам источники не выявили научных работ по данной теме. Однако интерес к проблеме явно имеется, что нашло свое подтверждение в ходе проведенной в мае 2021 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (далее также – Университет, МГЮА) научно-практической конференции «Педагогический дизайн & современное научно-образовательное пространство».

Оригинальность первоисточников в виде нормативных правовых актов и правоприменительной практики, особенности их интерпретации, наконец, разнообразие отраслей права, казалось бы, диктуют необходимость разработки отдельного направления педагогического дизайна – своего рода юридического дизайна в образовании. Однако более углубленное изучение данного феномена позволяет заключить, что юриспруденция, включая преподавание и науку, предопределяет специфику исключительно образовательного продукта, создаваемого в юридическом вузе, тогда как графическая составляющая (диаграммы, схемы, таблицы, фотографии, аудио- и видеозаписи и пр.), технические приемы и способы (например, цифровые сервисы Wordle, Book Creator, Canva, Pic Monkey, TouchCast, My Simple Show) остаются неизменными. Иными словами, специализация разрабатываемого контента не затрагивает фундаментальных основ теории и методологии педагогического дизайна.

Презентации через призму социологического исследования

Не ставя перед собой задачи «объять необъятное», мы решили начать изучение педагогического дизайна (в прикладном аспекте)

с презентаций – весьма востребованных в практике современного юридического вуза учебных материалов.

Своего рода бенефициарами данного продукта выступают обучающиеся, именно поэтому они были вовлечены в социологическое исследование, проведенное авторами[1] весной 2021 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), с использованием онлайн-сервиса Google Forms. Анкетированием оказалось охвачено 115 респондентов, из них 30,4% обучающихся в магистратуре, 69,6% – на 3-м и 4-м курсах бакалавриата.

Отметим, что проведение социологических исследований методом анкетирования стало традиционным для авторов, поскольку данный метод позволяет получать ответную реакцию, оперативно использовать выявленные результаты для корректировки и оптимизации учебного процесса. Для темы нашего исследования это особенно важно. Как справедливо указано в литературе, «цикличная схема педагогического дизайна дает весьма ощутимые результаты и позволяет комплексно решить многие вопросы, связанные с построением учебного курса. Практически на каждом этапе такой схемы присутствует обратная связь, поэтому система корректирует сама себя» [3, с. 136]. Итак, каково же мнение студентов относительно презентаций, предлагаемых преподавателями на занятиях?

Делая выбор трех из предложенных в анкете пяти главных факторов успеха презентации, опрошенные на первое место поставили качественную визуализацию основных ее моментов (так ответило 93,9% респондентов, или 108 чел.). Далее по значимости следуют интерактивность, т.е. вовлеченность слушателей в процесс предоставления информации (80,9%, 93 чел.), и ориентация на целевую аудиторию обучающихся (75,7%, 87 чел.). Гораздо менее важными для студентов оказались транспарентность структуры презентации (27,8%, 32 чел.) и высокое качество используемого оборудования (13%, 15 чел.). Последнее обстоятельство позволяет несколько сгладить ранее выявленную авторами [19] такую проблему цифровизации образования, как слабая техническая оснащенность образовательных организаций.

Весьма показательным стал ответ на вопрос о качественных составляющих подготавливаемых преподавателем презентационных материалов. При этом анкетируемым было предложено выбрать два самых важных для них элемента из четырех перечисленных. Лидерами с большим отрывом оказались соответствие контента действующе-

[1] Авторы выражают благодарность кандидату юридических наук Л.В. Зайцевой за большой вклад в организацию и проведение анкетирования.

му законодательству и судебной практике (92,2%, 106 чел.), а также подача материала в форме схем, таблиц (87%, 108 чел.). Несопоставимо менее значимым для опрошенных стало наличие плана занятий (17,4%, 15 чел.). Указание в презентации ссылок на дополнительную литературу востребовано лишь 13% студентов (15 чел.), что не может не вызывать обеспокоенность. Сегодня, когда образовательными стандартами и практикой учебного процесса число аудиторных занятий минимизировано, большая роль отводится именно самостоятельной работе, а она немыслима без обращения к дополнительной литературе. Вместе с тем для педагога-дизайнера это и определенный сигнал: слушатели не хотят видеть данный контент в презентации; следовательно, он уместен в другом ориентированном на студента учебном материале (например, в рабочей программе конкретной учебной дисциплины).

Вполне закономерно и полностью коррелирует с ответами на предыдущий вопрос то, что именно визуализацию 82,6% студентов видят основным фактором, способствующим улучшению презентационных материалов.

В этой связи считаем необходимым обратить внимание на проблематику визуальной грамотности (*visual literacy*), актуальность которой признана зарубежными [17, 18, 22, 23] и российскими [4, 10, 11, 16] учеными.

Сегодня, когда весь мир учится говорить на языке «цифры», визуальная грамотность, наряду с цифровой грамотностью [20], становится непременным атрибутом образованного человека. Задача педагога – научить своих подопечных понимать и создавать качественный визуальный образ, что является весьма полезным навыком, востребованным в будущей профессиональной деятельности юриста.

Любопытен тот факт, что бóльшая часть респондентов (61,7%) не видит потребности в дифференциации презентационных материалов для дистанционного и очного обучения. Необходимость различий в подготовке соответствующих материалов усматривает чуть более трети (38,3%) опрошенных.

Отрадно, что уровень материалов (в том числе презентаций), предоставляемых преподавателями с момента перехода на дистанционное обучение, подавляющим большинством студентов был оценен положительно. При этом очень высоким качество рассматриваемого материала видится 16,5% респондентов, высоким – 50,4%, средним – 28,7%.

Современный мир похож на сказку Льюиса Кэррола «Алиса в стране чудес»: даже чтобы оставаться на месте, нужно очень быстро бежать. В интересующем нас аспекте преподавателям высшей школы приходится вырабатывать для себя «цифровую» методологию исследований

[12], овладевать информационно-телекоммуникационными навыками, чтобы быть на равных с молодым поколением при осуществлении дистанционного и электронного взаимодействия, свободно ориентироваться в трендах развития цифрового пространства.

Разработка онлайн-курсов в юридическом университете

Богатый арсенал педагогического дизайна позволяет совершить в образовательной сфере своего рода прорыв в виде разработки онлайн-курсов. Последние привлекательны для образовательной организации сразу в нескольких аспектах: в наибольшей степени отвечают запросам поколения digital, весьма востребованы в условиях электронного и дистанционного обучения, выгодны с коммерческой точки зрения, наконец, позволяют сформировать «золотой фонд» российской юридической мысли [19]. И если подготовка нескольких качественных презентаций по конкретной учебной дисциплине вполне под силу отдельно взятому преподавателю, то создание полноценных онлайн-курсов – безусловно, проектная работа команды специалистов в различных отраслях знания.

Проиллюстрируем озвученный тезис на примере разработки онлайн-курсов в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Нормативной основой указанного вида деятельности выступает Положение об электронных образовательных ресурсах, утвержденное приказом от 17 января 2020 г. № 17 (далее – Положение)[1], которое определяет порядок создания и экспертизы электронных образовательных ресурсов (далее – ЭОР) в МГЮА. Под ЭОР понимается система учебных и учебно-методических материалов различного уровня, представленных в электронно-цифровой форме и обеспечивающих реализацию электронного обучения.

С учетом изложенного онлайн-курс определен как ЭОР второго уровня, специальным образом подготовленный и доступный в сети «Интернет» и (или) электронной информационно-образовательной системе (в том числе на цифровой образовательной платформе) МГЮА и прошедший в Университете соответствующую экспертизу. Положение предусматривает также разработку массовых открытых онлайн-курсов – ЭОР первого уровня, размещение которых предполагается в свободном доступе на ведущих открытых образовательных платформах (например, Coursera, edX, Uniweb, «Открытое образование», «Универсариум», «Лекториум»).

[1] URL: https://msal.ru/upload/medialibrary/e56/17-ot-17.01.2020-Ob-utverzhdenii-Polozheniya-ob-elektronnykh-obrazovatelnykh-resursakh-v-Universitete.pdf.

Подчеркнем, что конструирование онлайн-курсов – не просто дань цифровой моде, это объективный тренд образовательного процесса XXI в., нацеленного в том числе на реализацию концепции устойчивого развития. Авторам близка идея, что образование вместе с наукой должно не только транслировать полученные знания, но и с опережением формировать грядущее развитие [15, с. 9].

Образование для устойчивого развития может быть определено как междисциплинарная методология обучения, охватывающая комплексные социальные, экономические и экологические аспекты формальной и неформальной учебной программы[1].

Устойчивое образование продвигает такие компетенции, как критическое мышление; способность к постоянному, систематическому усвоению и обновлению знаний, умений, навыков, ценностей, отношений; воображение будущих сценариев; принятие решений на совместной основе. Названные компетенции в полной мере корреспондируют ключевым компетенциям цифровой экономики, закрепленным приказом Минэкономразвития России 24 января 2020 г. № 41, – коммуникация и кооперация в цифровой среде; саморазвитие в условиях неопределенности; креативное мышление; управление информацией и данными; критическое мышление в цифровой среде.

Надлежащему формированию обозначенных компетенций, причем и у педагогов, и у обучающихся, как раз способствуют ЭОР различного уровня. Упомянутое Положение содержит такие амбициозные задачи использования прежде всего онлайн-курсов в образовательном пространстве, как:

– повышение качества и конкурентоспособности образовательных продуктов Университета за счет включения инновационных интерактивных компонентов в содержание образовательной деятельности, обеспечения персонализации обучения, реализации индивидуальных образовательных траекторий, повышения прозрачности процедур оценки результатов обучения и внедрения инновационных образовательных технологий;

– оформление результатов научно-исследовательской деятельности Университета в цифровой форме с целью их внедрения в образовательный процесс.

Полагаем, что для успешного создания онлайн-курсов наряду с нормативным аспектом важны организационная и материально-техническая составляющие, а именно наличие в вузе инновационной инфраструктуры. Согласно функциональному подходу исключительной характеристикой понятия «инфраструктура» в экономике является

[1] URL: https://www.hisour.com/ru/education-for-sustainable-development-40477.

активизация и мобилизация возможностей экономических агентов [24, с. 102]. По мнению авторов, данный тезис справедлив и для сферы образования.

Согласно Положению онлайн-курсы могут разрабатывать как отдельные работники Университета, так и авторские коллективы: институты, кафедры, научно-образовательные центры, иные подразделения МГЮА. При этом в состав авторского коллектива могут входить российские и иностранные научно-педагогические работники других образовательных организаций, представители работодателей.

Разработчики самостоятельно определяют предмет и наполнение онлайн-курса, обеспечивают его качество и соответствие содержательным и техническим требованиям, закрепленным в Положении; осуществляют подготовку представления проекта для проведения экспертизы Методическим советом; совместно с Учебно-методическим управлением, Методическим советом и Центром информационных ресурсов и технологий (далее – ЦИРиТ) обеспечивают использование онлайн-курса в образовательном процессе.

Методический совет МГЮА проводит отбор и экспертизу онлайн-курсов на предмет их актуальности и востребованности на образовательном рынке и в рамках реализуемых образовательных программ Университета; дает рекомендации по совершенствованию контента; принимает решение о целесообразности записи онлайн-курса с привлечением ресурсов Университета; определяет возможные формы его использования.

ЦИРиТ в целом обеспечивает информационно-технологическое сопровождение разработки, размещения и использования онлайн-курсов (в частности, дает заключение о соответствии онлайн-курсов техническим требованиям, осуществляет их запись на основании заключения экспертизы Методического совета, размещает сведения о данных ЭОР в электронном каталоге, осуществляет их хранение на сервере Университета).

Итак, онлайн-курс считается созданным с момента размещения контента на соответствующих электронных образовательных платформах. Применительно к МГЮА рассматриваемый вид ЭОР планируется использовать прежде всего в рамках образованного в марте 2021 г. консорциума «Инновационная юриспруденция», объединившего уже более 30 участников[1].

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) как один из лидеров отечественного юридического образования выступил с инициативой

[1] URL: http://msal.ru/news/viktor-blazheev-na-baze-mgyua-sozdan-konsortsium-innovatsionnaya-yurisprudentsiya/?sphrase_id=225586.

создания консорциума, став для него опорным научно-образовательным центром. Основные задачи консорциума сформулированы с учетом концепции формирования устойчивого образования, при этом некоторые из них полностью коррелируют указанным в Положении цели и задачам разработки ЭОР:

– ликвидация разрыва в уровнях качества регионального образования в различных субъектах Российской Федерации, повышение глобальной конкурентоспособности российских юридических вузов и факультетов на основе единого информационно-образовательного базиса;

– подготовка юридических и управленческих кадров, а также специалистов в смежных областях на основе передовых мировых и российских образовательных инноваций, удовлетворяющих требованиям фундаментальности, инновационной наукоемкости, междисциплинарности, вариативности, антропоцентричности и технологической инновационности образовательных программ;

– организационно-методическая поддержка развития сетевых образовательных программ, программ академической мобильности, программ стажировок и иных форматов совместной деятельности участников консорциума в целях расширения спектра индивидуальных образовательных траекторий обучающихся.

Консорциум призван стать уникальной научно-образовательной экосистемой, объединяющей усилия университетов, научных учреждений, организаций реального сектора экономики, представителей технологического бизнеса и других организаций, для обмена и внедрения передовых практик в сфере юридического образования и науки, для выстраивания совместных, в том числе сетевых, проектов.

Заключение

В заключение подведем некоторые итоги.

В литературе отмечается, что «педагогический дизайн – не интуитивный, а научно обоснованный процесс, построенный на основе достижения таких научных областей, как педагогика, психология, эргономика, эстетика, дизайн, информатика, экономика» [1, с. 14]. Авторы полностью согласны с этим утверждением.

Важно и то, что грамотно примененный инструментарий педагогического дизайна способствует созданию современного образовательного продукта (в частности, презентаций, онлайн-курсов), востребованного притязательной аудиторией и выступающего в качестве средства повышения мотивации к обучению. Данное обстоятельство приобретает особую значимость в период цифровизации образования и особенно при дистанционном обучении, с его возможностями и од-

новременно трудностями. В свою очередь, разработка электронных образовательных ресурсов способствует формированию у педагогов и обучающихся исследовательских компетенций [5], присущих устойчивому образованию и одновременно являющих собой ключевые компетенции цифровой экономики.

Напомним о модели повышения мотивации студентов при дистанционном обучении Джона Келлера «ARCS» (Attention – внимание, Relevance – значимость, Confidence – уверенность, Satisfaction – удовлетворение)[1] [17]. Д.В. Воронина, проследив взаимосвязь модели Келлера и этапов педагогического дизайна, пришла к справедливому выводу, что «именно использование педагогического дизайна применительно к модели Келлера является наиболее успешной системой, позволяющей не только создавать обучающие курсы, но и повышать мотивацию студентов в дистанционном обучении. А это на данный момент – одна из важных проблем в современном образовании» [3, с. 138].

Согласно провозглашенной ЮНЕСКО позиции качественное образование способно изменить образ мышления людей и потому выступает одним из главных механизмов достижения 17 целей устойчивого развития, которые вошли в Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 г. Полагаем, что применение достижений в сфере педагогического дизайна призвано внести свою лепту в построение архитектуры образовательного процесса будущего.

Библиографический список

1. *Абызова Е.В.* Педагогический дизайн: понятие, предмет, основные категории // Вестник ВятГУ. 2010. № 3. С. 12–16.

2. *Воронина Д.В.* Педагогический дизайн в современной России: проблемы и пути развития // Педагогический журнал. 2016. № 3. С. 61–68.

3. *Воронина Д.В.* Педагогический дизайн как средство развития учебной мотивации студентов дистанционной формы обучения // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 135–140.

4. *Денежкина И.Е.* Нужна ли визуальная грамотность современному выпускнику вуза – «за», «против» – нет // Современная математика и концепции инновационного математического образования. 2021. Т. 8. № 1. С. 297–301.

5. *Ершова И.В.* Исследовательские компетенции юристов: в поисках места и значения // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Т. 2. № 2. С. 9–25.

[1] URL: http://www.ubo.ru/articles/?cat=120&pub=2545.

6. Интернет-обучение: технологии педагогического дизайна / Отв. ред. М.В. Моисеева. М., 2004. 216 с.

7. *Кузнецова Н.В., Скрылев А.А.* Педагогический дизайн как эффективный инструмент учителя основ безопасности жизнедеятельности // Вопросы педагогики. 2019. № 10-2. С. 104–108.

8. *Кречетников К.Г.* Значение педагогического дизайна при разработке информационных образовательных технологий // Информационные технологии в образовании: Сборник трудов конференции (8–9 ноября 2013 г.). Саратов, 2013. С. 150–152.

9. *Курносова С.А.* Этапы проектирования педагогического дизайна // Вестник ЧГПУ. 2011. № 9. С. 72–80.

10. *Лапшева Е.Е., Храмова М.В.* Развитие визуальной грамотности обучаемых средствами информационно-коммуникационных технологий // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2011. Т. 2. № 18. С. 53–56.

11. *Монахов Д.Н.* Информационная культура и визуальная грамотность в инновационном развитии России // Ученые записки ИСГЗ. 2013. Т. 11. № 1–2. С. 236–242.

12. *Серова О.А.* Проблемы развития методологии гражданско-правовых исследований в цифровую эпоху // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Т. 1. № 1. С. 351–362.

13. *Токарева А.В.* Педагогический дизайн и пути его развития // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. № 4-2. С. 78–83.

14. *Уваров А.Ю.* Педагогический дизайн // Информатика: прил. к газете «Первое сентября». 2003. № 30. С. 2–31.

15. *Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Феномен футуризации в образовании для устойчивого развития // Ценности и смыслы. 2017. № 6 (52). С. 8–20.

16. *Чабан М.А.* Формирование визуальной грамотности у студентов в условиях цифрового разрыва // Информационные технологии в образовании. 2020. № 3. С. 312–316.

17. *Burmark L.* Visual literacy: Learn to see, see to learn. Alexandria, VA: Association for Supervision and Curriculum Development. 2002. 115 p.

18. *Britsch S.* ESOL educators and the experience of visual literacy. TESOL Quarterly. 2009. Issue 43 (4). P. 710–721. https://doi: 10.1002/j.1545-7249.2009.tb00197.x.

19. *Ershova I.V., Tarasenko O.A., Enkova E.E., Kvitsinia N.* The phenomenon of digitization in legal business education // Studies in Computational Intelligence. 2019. Vol. 826. P. 145–152. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_17.

20. *Ershova I.V., Tarasenko O.A., Enkova E.E., Trofimova E.V.* Digital Literacy of Lawyers as a Condition of Legal Support for Business in the

Digitization Era // Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 1100 AISC. 2020. P. 139–147. https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9_15.

21. *Gagné R.M.* The conditions of learning and Theory of Instruction, 4th ed. New York: Holt, Rinehart & Winston. 1985. 352 p.

22. *Kedra J., Zakeviciute R.* Visual literacy practices in higher education: what, why and how? // Journal of Visual Literacy. 2019. Vol. 38. Issue 1–2. P. 1–7. https://doi.org/10.1080/1051144X.2019.1580438.

23. *Messaris P.* Visual aspects ofmedia literacy // Journal of Communication. 1998. Vol. 48. Issue 1. P. 70–80. https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1998.tb02738.x.

24. *Torrisi Gianpiero.* Public infrastructure: definition, classification and measurement issues. Economics, Management, and Financial Markets. 2009. Vol. 4. Issue 3. P. 100–124.

References

1. *Abizova E.V. Pedagogichesky dizain: poniatie, predmet, osnovnye kategorii* [Instructional Design: Concept, Subject, Main Categories]. *Vestnik ViatGY* – Herald of VSU. 2010. Issue 3. P. 12–16. (In Russ.)

2. *Voronina D.V. Pedagogicheskii dizain v sovremennoi Rossii: problemy i puti razvitiya* [Instructional Design in Modern Russian Education: Problems and Ways of Development]. *Pedagogicheskii zhurnal* – Pedagogical Journal. 2016. Issue 3. P. 61–68. (In Russ.)

3. *Voronina D.V. Pedagogicheskij dizajn kak sredstvo razvitiya uchebnoj motivacii studentov distancionnoj formy obucheniya* [Instructional Design as a Means to Motivate Students' E-Learning]. *YAroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2016. Issue 5. P. 135–140. (In Russ.)

4. *Denezhkina I. Nuzhna li vizual'naya gramotnost' sovremennomu vypusknik u vuza – «za», «protiv» – net* [Do I Need Visual Literacy to the Modern Graduate of the University – «Yes», «Against» No]. *Sovremennaya matematika i koncepcii innovacionnogo matematicheskogo obrazovaniya* – Modern mathematics and concepts of innovative mathematical education. 2021. Vol. 8. Issue 1. P. 297–301. (In Russ.)

5. *Ershova I.V. Issledovatel'skie kompetencii yuristov: v poiskah mesta i znacheniya* [Research Competencies of Lawyers: in Search of Places and Meanings]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskij issledovanij* – Methodological Problems of the Civil Law Researches. 2020. Vol. 2. Issue 2. P. 9–25. (In Russ.)

6. *Internet-obuchenie: tehnologii pedagogicheskogo dizayna / Otv. red. M.V. Moiseeva* [E-Learning: Instructional Design Technology / Ed. by M.V. Moiseeva]. Moscow, 2004. 216 p. (In Russ.)

7. *Kuznecova N.V., Skrylev A.A. Pedagogicheskij dizajn kak effektivnyj instrument uchitelya osnov bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti* [Pedagogical Design as an Effective Tool for Teaching the Basics of Life Safety]. *Voprosy pedagogiki* – Questions of pedagogy. 2019. Issue10-2. P. 104–108. (In Russ.)

8. *Krechetnikov K.G. Znachenie pedagogicheskogo dizajna pri razrabotke informacionnyh obrazovatel'nyh tekhnologij* [The Importance of Pedagogical Design in the Development of Information Educational Technologies]. *Informacionnye tekhnologii v obrazovanii: Sbornik trudov konferencii (8–9 noyabrya 2013 g.)* – Information technologies in education: Proceedings of the conference (November 8–9, 2013). Saratov, 2013. P. 150–152. (In Russ.)

9. *Kurnosova S.A. Etapi proektirovania pedagogicheskogo dizayna* [Design Stages of Instructional Design]. *Vestnik ChGPU* – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University. 2011. Issue 9. P. 36–42. (In Russ.)

10. *Lapsheva E.E., Hramova M.V. Razvitie vizual'noj gramotnosti obuchaemyh sredstvami informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij* [Development of Visual Literacy of Students by Means of Information and Communication Technologies]. *Psihologo-pedagogicheskij zhurnal «Gaudeamus»* – Psychological and pedagogical journal «Gaudeamus». 2011. Vol. 2. Issue 18. P. 53–56. (In Russ.)

11. *Monahov D.N. Informacionnaya kul'tura i vizual'naya gramotnost' v innovacionnom razvitii Rossii* [Information Culture and Visual Literacy in the Innovative Development of Russia]. *Uchenye zapiski ISGZ* – Scientific notes of the Institute of Social and Humanitarian Knowledge. 2013. Vol. 11. Issue 1–2. P. 236–242. (In Russ.)

12. *Serova O.A. Problemy razvitiya metodologii grazhdansko-pravovyh issledovanij v cifrovuyu epohu* [Problems of Development of the Methodology of Civil Law Research in the Digital Age]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskij issledovanij* – Methodological Problems of the Civil Law Researches. 2019. Vol. 1. Issue 1. P. 351–362. (In Russ.)

13. *Tokareva A.V. Pedagogicheskij dizajn i puti ego razvitiya* [Pedagogical Design and Ways of its Development]. *Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* – Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application. 2008. Issue 4-2. P. 78–83. (In Russ.)

14. *Uvarov A.U. Pedagogicheskyi dizain* [Instructional Design]. *Infomatika. Prilozenie k gazete "Pervoe sentiabria"* – Information technology: an application to the newspaper "First of September". 2003. Issue 30. P. 2–31. (In Russ.)

15. *Ursul A.D., Ursul T.A. Fenomen futurizacii v obrazovanii dlya ustojchivogo razvitiya* [The Phenomenon of Futurization in Education for Sustainable Development]. *Cennosti i smysly* – Values and meanings. 2017. Issue 6 (52). P. 8–20. (In Russ.)

16. *CHaban M.A. Formirovanie vizual'noj gramotnosti u studentov v usloviyah cifrovogo razryva* [Formation of Visual Literacy Among Students in the Conditions of the Digital Divide]. *Informacionnye tekhnologii v obrazovanii* – Information technologies in education. 2020. Issue 3. P. 312–316. (In Russ.)

17. *Burmark L.* Visual literacy: Learn to see, see to learn. Alexandria, VA: Association for Supervision and Curriculum Development. 2002. 115 p. (In Eng.)

18. *Britsch S.* ESOL educators and the experience of visual literacy. TESOL Quarterly. 2009. Issue 43 (4). P. 710–721. https://doi.org/ 10.1002/ j.1545-7249.2009.tb00197.x. (In Eng.)

19. *Ershova I.V., Tarasenko O.A., Enkova E.E., Kvitsinia N.* The phenomenon of digitization in legal business education // Studies in Computational Intelligence. 2019. Vol. 826. P. 145–152. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_17. (In Eng.)

20. *Ershova I.V., Tarasenko O.A., Enkova E.E., Trofimova E.V.* Digital Literacy of Lawyers as a Condition of Legal Support for Business in the Digitization Era // Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 1100 AISC. 2020. P. 139–147. https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9_15. (In Eng.)

21. *Gagné R.M.* The conditions of learning and Theory of Instruction, 4th ed. New York: Holt, Rinehart & Winston. 1985. 352 p. (In Eng.)

22. *Kedra J., Zakeviciute R.* Visual literacy practices in higher education: what, why and how? // Journal of Visual Literacy. 2019. Vol. 38. Issue 1–2. P. 1–7. https://doi.org/10.1080/1051144X.2019.1580438. (In Eng.)

23. *Messaris P.* Visual aspects ofmedia literacy // Journal of Communication. 1998. Vol. 48. Issue 1. P. 70–80. https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1998.tb02738.x. (In Eng.)

24. *Torrisi Gianpiero.* Public infrastructure: definition, classification and measurement issues. Economics, Management, and Financial Markets. 2009. Vol. 4. Issue 3. P. 100–124. (In Eng.)

Информация об авторах:

И.В. Ершова
Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
ORCID: 0000-0002-3327-6201
ResearcherID: F-9688-2017

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_17
https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9_15
https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_37
https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_18
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-39-99-124

Е.Е. Енькова
Кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой предпринимательского
и корпоративного права
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
ORCID: 0000-0002-7133-6703
ResearcherID: AAY-3774-2021
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_17
https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9_15

Information about the authors:

I.V. Ershova
Kutafin Moscow State Law University (MSLA)
9 Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123995, Russia
ORCID: 0000-0002-3327-6201
ResearcherID: F-9688-2017
Articles in “Scopus”/“Web of Science”:
https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_17
https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9_15
https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_37
https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_18
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-39-99-124

E.E. Enkova
Kutafin Moscow State Law University (MSLA)
9 Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123995, Russia
ORCID: 0000-0002-7133-6703
ResearcherID: AAY-3774-2021
Articles in “Scopus”/“Web of Science”:
https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_17
https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9_15

УДК 34.09

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-134-149

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АТТЕСТАЦИИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В.П. Камышанский
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
E-mail: vpkam@rambler.ru

***Введение**: в статье исследуются проблемы аттестации научных кадров высшей квалификации. В российском научном сообществе не сложилось единого мнения относительно причин неудовлетворительного состояния воспроизводства и ротации научных и научно-педагогических кадров в Российской Федерации. Подготовка научных кадров высшей квалификации в Российской Федерации в настоящее время переживает глубокий кризис. Причину этого многие пытаются увидеть в самой системе подготовки научно-педагогических кадров, несовершенстве источников правового регулирования деятельности аспирантуры, отнесении аспирантуры к третьему уровню высшего образования, необязательности требования о подготовке аспирантом диссертационного исследования и замене его докладом, низком уровне государственного финансирования и поддержки аспирантов и целом ряде других обстоятельств, а также в неудовлетворительных результатах работы сети диссертационных советов. **Цель**: выявить причины неудовлетворительного состояния кадрового обеспечения потребностей научных организаций и учебных учреждений в научных кадрах высшей квалификации. **Методы**: анализ, синтез, описания, прогнозирования, исторический метод. **Результаты**: предпринят критический анализ фактического состояния результатов подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров за последнее десятилетие, эффективности правового регулирования государственной системы научной аттестации, сформулированы предложения по ее совершенствованию. **Выводы**: сложившая в последнее десятилетие в Российской Федерации система государственной аттестации научных кадров высшей квалификации не способна в обозримом будущем решить задачи по существенному обновлению и омоложению научных кадров в российских вузах и организациях Российской академии наук и требует существенной модернизации. С этой целью необходимо восстановить сеть диссертационных советов, действовавшую в России до проведения*

ее так называемой оптимизации, избавить вузы от излишней мелочной опеки со стороны Минобрнауки России, нормативно гарантировать право аспиранта на защиту диссертации после окончания аспирантуры через корреспондирующую этому праву обязанность выпускной организации обеспечить это право.

***Ключевые слова**: наука; высшее образование; аттестация научных кадров высшей квалификации; номенклатура научных специальностей; диссертационный совет; диссертация; аспирантура; защита диссертации; экспертный совет ВАК.*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL PERSONNEL CERTIFICATION: MYTHS AND REALITY

V.P. Kamyshansky
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
E-mail: vpkam@rambler.ru

***Introduction**: the article examines the problems of certification of highly qualified scientific personnel. In the Russian scientific community, there is no consensus regarding the reasons for the unsatisfactory state of reproduction and rotation of scientific and scientific-pedagogical personnel in the Russian Federation. The training of highly qualified scientific personnel in the Russian Federation is currently experiencing a deep crisis. Many are trying to see the reason for this in the very system of training scientific and pedagogical personnel, the imperfection of the sources of legal regulation of the activities of postgraduate studies, the attribution of postgraduate studies to the third level of higher education, the optional requirement for a graduate student to prepare a dissertation research and replace it with a report, a low level of state funding and support for graduate students, and in general a number of other circumstances, as well as unsatisfactory results of the work of the network of dissertation councils. **Purpose**: to identify the reasons for the unsatisfactory state of staffing the needs of scientific organizations and educational institutions in scientific personnel of higher qualifications. **Methods**: analysis, synthesis, description, forecasting, historical method. **Results**: a critical analysis of the actual state of the results of training and certification of scientific and scientific-pedagogical personnel over the past decade, the effectiveness of legal regulation of the state system of scientific certification was undertaken, proposals for its improvement were formulated. **Conclusions**: the system of state attestation of highly qualified scientific personnel that has developed in the Russian Federation in the last decade is not capable of solving the problems of significant renewal and*

rejuvenation of scientific personnel in Russian universities and organizations of the Russian Academy of Sciences in the foreseeable future and requires significant modernization. To this end, it is necessary to restore the network of dissertation councils that existed in Russia before its so-called optimization, to save universities from unnecessary petty tutelage on the part of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, to guarantee the right of a graduate student to defend a dissertation after graduating from graduate school through the obligation of the graduate organization corresponding to this right to ensure this right.

***Keywords**: science; higher education; certification of highly qualified scientific personnel; nomenclature of scientific specialties; dissertation Council; thesis; postgraduate studies; defense of the thesis; expert council of the Higher Attestation Commission.*

Введение

Подготовка научных и научно-педагогических кадров является одной из важнейших задач современной науки и высшего образования. Смена научных поколений предполагает соблюдение преемственности, которая может быть обеспечена только при наличии системного подхода не только в деятельности института аспирантуры, но и в осуществлении государственной аттестации научных кадров высшей квалификации. Принимаемые государством меры и тот оптимизм, который в течение целого ряда лет звучит в комментариях авторов очередных инноваций в сфере науки, в конечном счете, как показывают цифры, не приводят к желаемым и запланированным результатам [2; 3; 4]. Их можно рассматривать как мифы, оторванные от реальной действительности. Они свидетельствуют о том, что принимаемые меры по обеспечению российской науки кадрами высшей квалификации не нацелены на конечный результат и носят отчасти декларативный характер. Для того, чтобы попытаться разобраться в первопричинах сложившейся ситуации, рассмотрим некоторые из этих мифов.

Миф первый: в настоящее время наблюдается существенный приток молодежи в науку

По мнению помощника Президента РФ Андрея Фурсенко, число людей моложе 39 лет в российской науке выросло в полтора раза за последние 10 лет. Устойчиво растет количество людей в науке до 39 лет за последние 10 лет. У нас выросло при сохранении общей численно-

сти количество молодых научных исследователей до 39 лет в полтора раза. «Разговоры о том, что у нас вся наука – это люди пенсионного возраста, опять же сильно преувеличены», – сказал он журналистам на пресс-конференции, посвященной старту третьего сезона конкурса «Лидеры России»[1].

На встрече участников Конгресса молодых ученых 8 декабря 2021 г., приуроченного к завершению Года науки и технологий в России, который прошел в парке науки и искусства «Сириус», В.В. Путин напомнил участникам, что в начале 2000-х молодых ученых в возрасте до 40 лет в России было менее 25%, а сегодня их почти 50% от общего числа российских ученых. По мнению Президента РФ, из этого следует, что престиж научной деятельности, престиж исследователя, ученого в значительной степени вырос. Это якобы подтверждают и опросы общественного мнения[2].

Вместе с тем хотелось бы обратиться к фактам, которые отражают реальное состояние российской науки и ее кадрового обеспечения. Ведь именно научные кадры и материально-техническое обеспечение научных исследований во многом определяют реальные перспективы и конечные результаты российской науки.

Обратимся к цифрам и фактам[3]. На общем собрании членов Российской академии наук, которое состоялось 20 апреля 2021 г., президент Российской академии наук академик А. Сергеев в своем докладе «О приоритетных направлениях деятельности РАН по реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными в 2020 году» констатировал наличие существенных проблем в подготовке научных и научно-педагогических кадров в Российской Федерации. В настоящее время в России работают около 25 тыс. докторов наук и 75 тыс. кандидатов наук. Этого крайне недостаточно для обеспечения учебного процесса четырех миллионов студентов вузов и осуществления фундаментальных и прикладных исследований в организациях РАН.

В 1990 г. Россия занимала первое место в мире по числу ученых (992 тыс.). С тех пор продолжает сохраняться устойчивая негативная тенденция в обеспечении количественного и качественного состава

---

[1] В России число молодых ученых выросло в 1,5 раза за десять лет. URL: https://vechnayamolodost.ru/news/omolozhenie-rossiyskoy-nauki.

[2] Встреча с молодыми учеными. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/67322.

[3] Президент РАН заявил о двукратном сокращении числа аспирантов в России. URL: https://www.rbc.ru/society/20/04/2021/607ebbb09a79472b4c17838e.

исследователей. В стране снижается количество докторов и кандидатов наук. За последние пять лет их число сократилось на 10 тыс. человек.

Объективная реальность такова, что с 2010 по 2019 г. число аспирантов сократилось со 157 до 84 тыс. Существенно сокращается за последнее десятилетие и число аспирантов, которые завершают обучение в аспирантуре успешной защитой диссертации. Доля окончивших аспирантуру с защищенной диссертацией в 2019 г. составила 10%, а в 2020 г. еще меньше – 8,9% (это около 8,5 тыс. человек)[1]. Период 2000–2018 гг. отмечен увеличением численности исследователей в возрастной группе от 70 лет и старше в 2,5 раза [5, с. 120].

Как следует из приведенной статистики, нет особых оснований для утверждения о наличии устойчивой тенденции роста молодых исследователей в российской науке. Скорее имеет место обратная тенденция.

Естественно, возникает вопрос: почему только каждый одиннадцатый аспирант завершает обучение в аспирантуре защитой диссертации, а остальные десять остаются без заветной ученой степени кандидата наук, которая изначально, как правило, была заветной мечтой практически каждого аспиранта при поступлении? Попытаемся найти ответ на этот вопрос при исследовании очередных мифов.

Миф второй: неудовлетворительная работа аспирантуры обусловлена тем, что она не предполагает обязательную защиту диссертации по ее окончании

Согласно п. 9 Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), программам ординатуры, программам ассистентуры-стажировки[2] (далее – Порядок итоговой аттестации) государственная аттестация аспирантов предполагает наряду с государственным экзаменом и подготовку «научного доклада об основных результатах **подготовленной** (выделено мной. – *В.К.*) научно-квалификационной работы (диссертации)». Надо полагать, что к итоговой аттестации аспирант обязан был подойти с готовой диссертацией, на основе которой должен быть подготовлен научный доклад.

Каким требованиям должен соответствовать этот доклад? Согласно п. 13 Порядка итоговой аттестации «требования к научному докладу, порядок его подготовки и представления и критерии его оценки устанав-

[1] Президент РАН заявил о двукратном сокращении числа аспирантов в России. URL: https://www.rbc.ru/society/20/04/2021/607ebbb09a79472b4c17838e.

[2] Утверждена Приказом Министерства образования и науки РФ от 18 марта 2016 г. № 227.

ливаются образовательной организацией самостоятельно». По сложившейся практике такие доклады по форме и содержанию обычно были очень близки к автореферату диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, за исключением титульного листа и второй страницы.

Теперь попытаемся уточнить требования к упомянутой научно-квалификационной работе (диссертации). Вновь обратимся к содержанию Порядка итоговой аттестации. Согласно п. 18 Порядка итоговой аттестации, «успешное прохождение государственной итоговой аттестации является основанием для выдачи обучающемуся документа о высшем образовании и о квалификации... Выпускникам, успешно освоившим образовательные программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), также выдается заключение в соответствии с пунктом 16 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842»[1].

Согласно п. 16 Положения о присуждении ученых степеней, «организация, где выполнялась диссертация, дает заключение по диссертации, которое подписывается руководителем или по его поручению заместителем руководителя организации. В заключении отражаются личное участие соискателя ученой степени в получении результатов, изложенных в диссертации, степень достоверности результатов проведенных соискателем ученой степени исследований, их новизна и практическая значимость, ценность научных работ соискателя ученой степени, соответствие диссертации требованиям, установленным пунктом 14 Положения, научная специальность (научные специальности) и отрасль науки, которым соответствует диссертация, полнота изложения материалов диссертации в работах, опубликованных соискателем ученой степени».

Это означает, что выпускная научно-квалификационная работа (диссертация), по которой аспирант подготовил научный доклад для его представления государственной аттестационной комиссии, должна в полной мере соответствовать требованиям диссертации, защита которой в диссертационном совете предполагает присуждение ученой степени кандидата наук.

Таким образом, анализ нормативных актов, регулирующих деятельность аспирантуры как ступени высшего образования, позволяет утверждать о наличии обязанности аспиранта подготовить к итоговой государственной аттестации не только научный доклад, но и диссертацию, отвечающую в полной мере требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней. В таком случае возникает вопрос:

[1] СЗ РФ. 2013. № 40. Ст. 5074; 2014. № 32. Ст. 4496.

почему аспиранты, успешно окончившие обучение в аспирантуре, не защищают свои диссертационные исследования? С этой целью обратимся к третьему мифу.

Миф третий: оптимизация сети диссертационных советов способствует повышению качества работы диссертационных советов и уровня диссертаций

По мнению замглавы Минобрнауки России Л. Огородовой, «оптимизация сети диссертационных советов в России предполагает не столько сокращение их численности, сколько изменение их качественного состава – он должен соответствовать приоритетным направлениям развития науки». Как ни странно, проректор по научной работе Балтийского федерального университета имени И. Канта пошел дальше в своих стремлениях названного чиновника от науки: «Моя точка зрения состоит в том, что кроме полного пересмотра состава диссертационных советов необходима работа по существенному сокращению их числа»[1].

В 2013–2015 гг. в России прошла оптимизация сети диссертационных советов «с целью гармонизации структуры воспроизводимого в РФ корпуса научных кадров высшей квалификации и предметной структуры глобальной науки» [6, с. 5]. В результате этой «гармонизации» приказами Минобрнауки России в декабре 2013 г. была приостановлена деятельность 602 диссоветов. В июле, октябре и ноябре 2014 г. были закрыты 752 диссертационных совета и приостановлена работа 157, а 433 советам рекомендовано объединиться. В конце октября 2014 г. на основании решений, принятых на пленуме ВАК, Минобрнауки России была прекращена деятельность еще 325 диссертационных советов. В результате проведенной оптимизации динамика сокращения сети диссертационных советов выглядит следующим образом: по состоянию на 1 января 2013 г. – 3161 совет, на 1 января 2014 г. – 2785 советов, на 1 января 2015 г. – 2700 советов, из которых работа 292 была приостановлена, а еще 358 должны были прекратить свою деятельность до 21 мая 2015 г. [6, с. 5]. По состоянию на 3 июня 2021 г. в России осталось 1703 совета, в том числе 861 диссертационный совет, в том числе все диссертационные советы по юридическим наукам, прекратит свою деятельность 16 октября 2022 г.[2]

---

[1] Об оптимизации деятельности сети диссертационных советов. URL: https://akvobr.ru/optimizatsiya_deyatelnosti_dissertatsionnih_sovetov.html.

[2] См. приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 3 июня 2021 г. № 561/нк «О советах по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук».

Проблемы организации деятельности аспирантуры как третьего уровня высшего образования только отчасти можно увязать с неудовлетворительными результатами работы аспирантуры по подготовке научных и научно-педагогических кадров, которые особенно проявились в последнее десятилетие. Главная причина заключается в том, что аспирантам после окончания аспирантуры просто негде защищать подготовленную ими диссертацию. Отсутствие реальных перспектив защитить диссертацию после окончания аспирантуры отбивает у молодежи всякое желание заниматься наукой. Система диссертационных советов в результате проведенной оптимизации фактически разрушена и не способна обеспечить потребности российской науки и образования в научных и научно-педагогических кадрах. Именно это обстоятельство стало одной из главных причин оттока талантливой молодежи из науки.

В сложившейся ситуации совершенно очевидно не только здравомыслящему российскому научному сообществу, но и любому талантливому выпускнику вуза, склонному к научно-исследовательской работе, что при отсутствии реальных перспектив защиты диссертации после окончания аспирантуры теряется всякий смысл обучаться в аспирантуре и писать диссертацию. В настоящее время сложившаяся система аттестации научных и научно-педагогических кадров, успешно окончивших обучение в аспирантуре, не отвечает потребностям российской науки и образования. Продолжает оставаться разрыв между успешным прохождением итоговой аттестации аспирантом по программе аспирантуры и последующим приемом к защите диссертации в диссертационный совет по соответствующей научной специальности.

Предусмотренный Положением о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)[1] Порядок сопровождения лиц, успешно прошедших итоговую аттестацию по программам аспирантуры (адъюнктуры), при представлении ими диссертации к защите не дает никаких правовых гарантий для аспиранта-выпускника о прикреплении его к диссертационному совету для последующей защиты диссертации. Такое сопровождение сводится к тому, что организация оказывает выпускнику сопровождение по формированию комплекта документов, предусмотренных перечнем, утвержденным Министерством науки и высшего образования РФ, для представления диссертации в совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, в том числе к предварительному рассмотрению (п. 58 Положения).

[1] Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2122. URL: http://government.ru/docs/all/137783/.

Для того, чтобы собрать комплект документов для диссертационного совета, соискателю ученой степени особо не требуется какое-либо сопровождение. А вот сопроводить своего выпускника до диссертационного совета с этим пакетом документов, с тем чтобы диссертация была принята к защите, было бы куда важнее и существеннее. Согласно национальному проекту «Наука» доля защит диссертаций в аспирантурах российских университетов к 2024 г. должна вырасти до 24%, а в ведущих вузах достигнуть 40%. Эти показателя в настоящее время остаются недостижимыми даже для организаций, в которых имеются диссертационные советы. А как быть тем, у кого есть аспирантура, но нет диссертационного совета по соответствующей научной специальности?

Можно, конечно, попытаться решать эту важнейшую государственную задачу, традиционно опираясь на возможности и авторитет научного руководителя, его личные контакты с руководством диссертационных советов, где очередь на защиту, как правило, расписана на год-полтора как минимум. Но таким образом поставленная задача не будет успешно решена, поскольку она носит системный характер и требует нормативного обеспечения.

Как нам представляется, причину провала нацпроекта «Наука» в части увеличения числа ученых за последние три года на 35 тыс. исследователей следует искать не столько в системе подготовки, сколько в системе аттестации научно-педагогических кадров высшей квалификации, которая замыкается на Высшую аттестационную комиссию Министерства науки и образования РФ.

Задача обновления и омоложения исследователей должна решаться на системной основе. С этой целью, как нам представляется, необходимо для начала восстановить разрушенную в процессе «оптимизации» систему диссертационных советов в России. Для аспиранта не должно существовать проблемы, где защитить подготовленную им диссертацию.

Возьмем, к примеру, очень востребованную научную специальность, которая до недавнего времени имела шифр «12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право». В настоящее время по этой специальности за пределами Москвы работают всего шесть диссертационных советов (Белгород, Екатеринбург, Казань, Томск, Ульяновск, объединенный Владивосток – Красноярск – Новосибирск). При этом всего 15 лет назад только на Юге России по этой специальности были открыты и работали диссертационные советы во Владикавказе, Волгограде, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Ставрополе. Это давало возможность вовлекать в аспирантуру талантливых выпускников и обеспечивать

им возможность успешной защиты диссертации после окончания обучения в аспирантуре. После «успешной» оптимизации сети диссертационных советов Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, Республика Крым остались без диссертационных советов по указанной специальности. За Уралом до Владивостока действуют только два диссертационных совета по специальности 12.00.03. Такую ситуацию нельзя признать нормальной, поскольку без надлежащего кадрового обеспечения невозможно решать поставленные перед российским научным сообществом глобальные задачи. Речь идет в том числе о проблемах правового обеспечения шестого технологического уклада в условиях цифровизации рыночной экономики, роботизации и активного вовлечения систем искусственного интеллекта, широкого применения возобновляемых источников энергии.

Миф четвертый: качество диссертации по-настоящему могут оценить только эксперты экспертного совета ВАК Минобрнауки России

Как известно, решение диссертационных советов о присуждении ученой степени кандидата юридических наук, согласно действующему Положению, не является окончательным и может быть отменено экспертным советом ВАК Минобразования и науки РФ (п. 44 Положения о присуждении ученых степеней[1]). При подготовке заключения по вопросу присуждения ученой степени кандидата наук экспертный совет рассматривает текст диссертации на соискание ученой степени кандидата наук с целью уточнить вклад автора этой диссертации в проведенное исследование, степень новизны и практической значимости результатов диссертационного исследования (подп. «г» п. 41 Положения о присуждении ученых степеней).

Как нам представляется, подобного рода дублирование и опека диссертационных советов со стороны экспертного совета ВАК Минобрнауки России являются излишними, по крайней мере по отношению к кандидатским диссертациям. Думается, деятельность экспертного совета ВАК следовало бы сосредоточить на рассмотрении исключительно заявлений соискателей по обжалованию заключений и решений конкретного диссертационного совета, принятых при рассмотрении и защите их диссертаций.

Действующий порядок рассмотрения апелляции на решение диссертационного совета носит односторонний характер и совершенно

[1] Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. 3). Ст. 5074.

не предусматривает возможность защиты соискателя ученой степени своего права на присуждение ученой степени по существу в случае отрицательного заключения диссертационного совета. Экспертный совет ВАК может отменить решение диссертационного совета о присуждении ученой степени. А почему бы не предоставить право экспертному совету ВАК отменить отрицательное заключение диссертационного совета и присудить ученую степень соискателю или отправить соискателя на повторную защиту в другой диссертационный совет с учетом мнения соискателя?

Научная состоятельность каждого члена диссертационного совета, базовые показатели работы вуза и целый ряд других вопросов, как известно, весьма тщательно исследуются при подготовке и принятии решения Министерством науки и образования РФ о создании диссертационного совета, а также в последующем посредством ежегодной отчетности диссовета контролируются. Как известно, на председателей диссертационного совета и его заместителей возлагается основная ответственность за работу диссертационного совета. Поэтому не случайно к ним предъявляются повышенные требования, как минимум не ниже, чем к членам экспертного совета ВАК Минобрнауки России. Как правило, это крупные ученые, имеющие богатый опыт подготовки научно-педагогических кадров, возглавляющие научные школы, обладающие не только ученой степенью доктора наук, но и ученым званием профессора.

Кроме того, отмена решения диссертационного совета о присуждении соискателю ученой степени кандидата наук, основанного на заключении одного из экспертов ВАК, подкрепленного подписью еще двух экспертов, влечет за собой «уличение» в непрофессионализме около 30 докторов наук. Помимо научного руководителя в этот список попадают два ректора университетов, в том числе ректор ведущей организации, которая по определению должна быть известной своими научными результатами по теме диссертации, полтора десятка членов диссертационного совета, официальные оппоненты, авторы положительных отзывов на автореферат диссертации. Как нам представляется, пора перевести отношения между ВАК и диссертационными советами с отношений «старший брат – младший несмысленыш» в плоскость равноправных партнерских отношений, делающих одно дело важнейшей государственной важности, от которого в значительной мере зависит будущее России.

Решение Министерства науки и высшего образования РФ об отмене решения диссертационного совета о присуждении ученой степени размещается на официальном сайте ВАК Минобрнауки России в сети «Интернет» и влечет за собой целый ряд неблагоприятных последствий

не только для соискателя ученой степени, но и для целого ряда ученых, имеющих к этому отношение. Отмена двух решений о присуждении ученой степени кандидата или ученой степени доктора наук является основанием для прекращения деятельности диссертационного совета (п. 74 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук). При наличии у экспертного совета ВАК права отменять решения диссертационного совета о присуждении ученой степени в ходе процедуры уточнения личного вклада автора диссертации в проведенное исследование, степени новизны и практической значимости результатов диссертационного исследования это сделать совсем несложно. Считаем, что это основание прекращения деятельности диссертационного совета должно быть исключено из названного Положения. В противном случае система диссертационных советов будет превращаться в «дырявое бессистемное решето» и своим непостоянством привносить неопределенность в работу аспирантур, и тем самым провоцировать отток талантливой молодежи из науки.

Миф пятый: укрупнение научных специальностей и их сокращение с 15 до 5 есть новый шаг к повышению качества аттестации научных и научно-педагогических кадров и подготовленных ими диссертационных исследований

Приказом Министра науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 утверждена новая номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. Число научных специальностей сократилось на 18%: было 430, стало 351, в том числе введены 21 новая специальность и четыре новые группы специальностей. Из прошлого перечня ушло более 100 специальностей. По юридическим наукам из 15 специальностей осталось только пять. Под номером 5.1.3 идет специальность – частноправовые (цивилистические) науки. Поскольку паспорта новых специальностей на момент издания приказа не были разработаны, можно только предполагать, что же войдет в эту специальность с определенной степенью достоверности. Было бы вполне логичным допустить возможное объединение под «крышей» так называемой тройки ранее действовавших специальностей 12.00.03, 12.00.07 и 12.00.15 – гражданский и арбитражные процессы, а также корпоративное и энергетическое право вполне «уживутся» с традиционной «тройкой». Что касается специальностей 12.00.05 и 12.00.06, то они в новой номенклатуре все-таки ближе к частному праву, чем к публичному, с определенными оговорками. Но это только наши предположения. Очевидно одно, что

и у членов экспертного совета ВАК по юридическим наукам на момент подписания министром науки и высшего образования приказа отсутствовало четкое представление о содержании паспортов вновь созданных научных специальностей.

С одной стороны, укрупнение научных специальностей несет в себе позитивное начало. Существенно облегчается решение проблемы формирования состава диссертационного совета за счет ученых как минимум трех ранее существовавших научных специальностей; позволяет реализовать заложенные в трудах М.Ю. Челышева идеи по оптимизации межотраслевых связей гражданского права при исследовании частноправовых проблем на межотраслевом уровне без опасения выйти за пределы научной специальности [7; 8].

С другой стороны, с укрупнением специальностей и сокращением минимально допустимой численности членов диссертационного совета с 19 до 12 человек в одном и том же диссертационном совете могут оказаться не более двух-трех представителей ранее действовавших специальностей (гражданское, семейное, предпринимательское, корпоративное и энергетическое право, трудовое право и право социального обеспечения, гражданский и арбитражный процесс). Это означает, что могут возникнуть проблемы квалифицированной оценки членами диссертационных советов качества представляемых к защите диссертаций, актуальности исследуемой проблематики, новизны, теоретической и практической значимости полученных результатов исследования.

Кроме того, смена научных специальностей приведет к очередному закрытию диссертационных советов и их перерегистрации. Это коснется более половины действующих диссертационных советов. Таким образом, из почти 3,5 тыс. диссертационных советов, действовавших в России в 2013 г., до так называемой оптимизации сети диссертационных советов, после 16 октября 2022 г. останется 861 совет, среди которых не будет ни одного диссертационного совета по юридическим наукам. Хотелось бы, но не можем разделить оптимизм Председателя ВАК академика В. Филиппова, что часть диссертационных советов, не переутвержденная автоматически, «трансформируются постепенно, в период до 1 октября 2022 года» [1].

Как нам представляется, в связи с существенным переформатированием научных специальностей и созданием дополнительных искусственных препятствий для возрождения разрушенной сети диссертационных советов положение с подготовкой и особенно с защитой уже подготовленных диссертационных исследований в ближайшие годы будет только ухудшаться.

Выводы

Система аттестации научных и научно-педагогических кадров, сложившаяся в Российской Федерации в последнее десятилетие, не способна решить задачи по существенному обновлению и омоложению научных кадров в российских вузах и организациях Российской академии наук. Не достигнуты основные цели модернизации системы аттестации научных кадров высшей квалификации в Российской Федерации, заложенные изначально в соответствующей концепции[1]. За последние десять лет не обеспечено эффективное воспроизводство научных кадров высшей квалификации, в том числе для обеспечения инновационного развития страны. Ничего не сделано для реального повышения самостоятельности научных и образовательных организаций в вопросах аттестации научных кадров высшей квалификации.

Частичная модернизация законодательства, регулирующего деятельность аспирантуры, и оптимизация номенклатуры научных специальностей не принесут требуемых результатов. Для решения проблем кадрового обеспечения исследователями российской науки необходимо в течение ближайших десяти лет обеспечить ежегодную защиту не менее 30 тыс. кандидатских и докторских диссертаций. С этой целью необходимо восстановить сеть диссертационных советов, которая существовала до оптимизации, и сделать ее доступной для каждого выпускника аспирантуры. Сопровождение аспиранта в течение года после успешного окончания аспирантуры организацией должно предусматривать обязанность вуза или научной организации обеспечить прикрепление выпускника к диссертационному совету для последующей защиты, а также получение согласия от ведущей организации и ученых выступить в качестве официальных оппонентов. С этой целью эти обязанности необходимо закрепить в п. 58 Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре).

Библиографический список

1. *Емельяненков А.* Перемена в степени // Российская газета. 2021. 8 апр.

2. *Камышанский В.П.* Некоторые проблемы современной юридической науки и образования: что день грядущий нам готовит? // Власть Закона. 2018. № 4. С. 13–20.

3. *Камышанский В.П.* Проблемы современной юридической науки: взгляд из региона // Сборник тезисов по итогам профессорского фо-

[1] URL: https://mognovse.ru/vlm-ii-optimizaciya-seti-dissertacionnih-sovetov.html.

рума 2019 «Наука. Образование. Регионы». М.: ООО «Национальная полиграфическая группа», 2019. Т. 2. С. 51–53.

4. *Камышанский В.П.* Российская наука сегодня: очередные новации Минобрнауки России и взгляд изнутри // Власть Закона. 2021. № 2. С. 12–20.

5. *Кельсина А.С.* Анализ динамики численности аспирантов в России // Образовательные технологии. 2020. № 1. С. 118–124.

6. *Цветкова Л.А., Еремченко О.А., Кураков Ф.А.* Оптимизация сети диссертационных советов в России в зеркале дисциплинарной структуры науки мира // Экономика науки. 2015. № 1. С. 15–25.

7. *Челышев М.Ю.* Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ленина, 2006. 160 с.

8. *Челышев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. 501 с.

References

1. *Emelyanenkov A. Peremena v stepeni* [Change in Degree]. *Rossiyskaya gazeta* – The Russian Gazette. 2021. Issue 75. 8 April.

2. *Kamishanskii V.P. Nekotorie problemi sovremennoi yuridicheskoi nauki i obrazovaniya chto den gryaduschii nam gotovit?* [Some Problems of Modern Legal Science and Education: What is the Coming Day for Us?]. *Vlast Zakona* – Rule of Law. 2018. Issue 4. P. 13–20.

3. *Kamishanskii V.P. Problemi sovremennoi yuridicheskoi nauki_ vzglyad iz regiona* [Problems of Modern Legal Science: a View from the Region]. *Cbornik tezisov po itogam professorskogo foruma 2019 «Nauka. Obrazovanie. Regioni* [Collection of Abstracts Based on the Results of the 2019 Professorial Forum "Science. Education. Regions»]. Moscow, 2019.Vol. 2. P. 51–53.

4. *Kamishanskii V.P. Rossiiskaya nauka segodnya ocherednie novacii Minobrnauki Rossii i vzglyad iznutri* [Russian Science Today: New Innovations of the Russian Ministry of Education and Science and a Look from the Inside]. *Vlast Zakona* – Rule of Law. 2021. Issue 2. P. 12–20.

5. *Kelsina A.S. Analiz dinamiki chislennosti aspirantov v Rossii* [Analysis of the Dynamics of the Number of Graduate Students in Russia]. *Obrazovatelnie tehnologii* – Educational technologies. 2020. Issue 1. P. 118–124.

6. *Cvetkova L.A., Eremchenko O.A., Kurakov F.A. Optimizaciya seti dissertacionnih sovetov v Rossii v zerkale disciplinarnoi strukturi nauki mira* [Optimization of the Network of Dissertation Councils in Russia in the Mirror of the Disciplinary Structure of the World Science]. *Ekonomika nauki* – Economics of Science. 2015. Issue. 1. P. 15–25.

7. *Chelishev M.Yu. Koncepciya optimizacii mejotraslevih svyazei grajdanskogo prava: postanovka problemi* [The Concept of Optimization of Interbranch Relations of Civil law: Problem Statement]. Kazan, 2006.160 p.

8. *Chelishev M.Yu. Sistema mejotraslevih svyazei grajdanskogo prava: civilisticheskoe issledovanie: Dis. ... dokt. yurid. nauk* [The System of Interbranch Relations of Civil Law: Civil Studies: Dr. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2008. 501 p.

Информация об авторе:

В.П. Камышанский
Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13
ORCID: 0000-0003-4608-4548

Information about the author:

V.P. Kamyshansky
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
13 st. Kalinina, Krasnodar, 350044, Russia
ORCID: 0000-0003-4608-4548

МЕТОДЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 347

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-150-162

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ МЕТОД В ЦИВИЛИСТИКЕ: ОЦЕНКА ЧАСТОТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В.А. Болдырев
Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: vabold@mail.ru

***Введение**: основная гипотеза, с которой автор работы приступил к проведению исследования, заключалась в том, что разница в частоте использования сравнительно-правового метода будет существенно выше для научных дисциплин цивилистического цикла по сравнению циклом криминальным. Такая гипотеза была выдвинута на основе ранее проведенных автором исследований частоты использования статистического метода в работах, относящихся к данным циклам. Вторая гипотеза заключалась в том, что внутри цивилистического цикла научных юридических дисциплин различия в использовании сравнительно-правового метода будут несущественными, поскольку, объединяясь в группы и образуя научные специальности, которым присвоены шифры, дисциплины автоматически оказываются подчиненными общей исследовательской логике и традициям ведения исследований. **Цель**: охарактеризовать относительную частоту использования статистических методов в цивилистических научных публикациях. **Методы**: используются формально-логические методы, статистические методы, сравнительный метод. **Результаты**: (1) Частота*

использования сравнительно-правового метода для наук цивилистического цикла выше, чем для наук криминального цикла, однако разницу нельзя назвать значительной. Сравнительно-правовой метод воспринимается научным сообществом как адекватное средство познания правовой действительности вне зависимости от уровня императивности правовых установлений, характерных для соответствующей отрасли законодательства. (2) Процент работ, в которых используется сравнительно-правовой метод, для большинства научных дисциплин цивилистического цикла не отличается существенно. Однако более чем полуторакратная разница между международным частным правом и гражданским правом является серьезным исключением из общего правила. Тем не менее помещение международного частного права в структуру цивилистической специальности является методологически верным решением, с учетом необходимости принятия во внимание при ведении соответствующих исследований гражданско-правовых норм наиболее влиятельных национальных правопорядков на содержание материальных и коллизионных норм международного частного права.

***Ключевые слова**: гражданское право; правовая статистика; статистические методы; научная специальность; рубрикатор; закон больших чисел; компаративистика.*

COMPARATIVE LEGAL METHOD IN CIVIL LAW: ASSESSMENT OF THE FREQUENCY OF USE

V.A. Boldyrev
Perm State University
E-mail: vabold@mail.ru

***Introduction**: the main hypothesis with which the author started the research was that the difference in the frequency of using the comparative legal method will be significantly higher for the scientific disciplines of the civil cycle compared to the criminal cycle. This hypothesis was put forward on the basis of previous studies conducted by the author of the frequency of use of the statistical method in works related to these cycles. The second hypothesis was that within the civilistic cycle of scientific legal disciplines, the differences in the use of the comparative legal method would be insignificant, since, combining into groups and forming scientific specialties that are assigned ciphers, the disciplines automatically become subordinate to the general research logic and traditions of conducting research. **Objective**: to characterize the relative frequency of the use of statistical methods in civil scientific publications. **Methods**: formal-logical methods, statistical methods, and comparative methods are used. **Results**: (1) The frequency of using*

the comparative legal method is higher for the sciences of the civil cycle than for the sciences of the criminal cycle, but the difference cannot be called significant. The comparative legal method is perceived by the scientific community as an adequate means of knowing the legal reality, regardless of the level of imperative legal provisions characteristic of the relevant branch of legislation. (2) The percentage of works that use the comparative legal method does not differ significantly for most scientific disciplines of the civil cycle. However, the more than one-and-a-half-fold difference between private international law and civil law is a serious exception to the general rule. Nevertheless, the placement of private international law in the structure of a civil law specialty is a methodologically correct decision, taking into account the need to take into account the most influential national legal norms on the content of substantive and conflict-of-laws norms of private international law when conducting relevant studies of civil law.

***Keywords**: civil law; legal statistics; statistical methods; scientific specialty; rubricator; the law of large numbers; comparative studies.*

Постановка проблемы (введение)

Особенностью сравнительно-правового метода ведения юридических исследований является то, что его использование влияет на конфигурацию предмета научного поиска. Если то или иное исследование обозначается как сравнительно-правовое, значит оно должно касаться по меньшей мере двух или более правовых систем современности или прошлого, а иногда того и другого – для диахрональных исследований.

В связи со сказанным возникает вопрос: не является ли избыточным указание на сравнительно-правовой характер исследования в названии диссертации, если в нем же фигурирует указание на несколько исследуемых правовых систем. Как видится, такой подход является данью моде, он не свидетельствует о сколько-либо серьезной ошибке или недочете, допущенных диссертантом, но и в большинстве случаев не говорит и о вдумчивом подходе к формулированию темы. Если автор называет свое исследование сравнительно-правовым, это совсем не обязательно означает, что его ведение должно быть сугубо компаративистским, – возможно и даже неизбежно применение и иных методов познания действительности.

Нам не приходилось встречать диссертаций, принятых к защите, в которых законоположения различных национальных правопорядков и наработки практики рассматривались бы совершенно изолированно друг от друга, а значит, любое цивилистическое исследование, в названии которого упоминается право двух или более государств или правовых семей, неизбежно будет компаративистским.

На наш взгляд, опустив в большинстве названий диссертации указание на сравнительно-правовой характер исследования, соискатели ученой степени, не поменяв смысла, добились бы большей лаконичности, но проиграли бы в глазах коллег по цеху в наукообразности. В конечном счете оказывается, что решение проблемы – вопрос научного вкуса.

А.В. Егоров пишет: «Общий уровень объектов сравнительного правоведения имеет ограниченный модельными рамками теоретических конструкций набор объектов инородного происхождения и структурно представлен элементами в виде иностранной правовой системы, иностранных отрасли права, правового института и нормы права, а также иностранной юридической практики и иностранной правовой доктрины» [6, с. 27].

Одновременно и возражая автору по существу, и признавая его формальную правоту, базирующуюся на догматическом (доминирующем в современной российской юриспруденции) подходе, отметим, что институты и нормы права разных правовых систем нельзя сравнивать в отрыве от практики. Сами институты и нормы права существуют не на бумаге в виде текста, а в правосознании, а также в виде актов правового (правомерного или противоправного) поведения. По нашему мнению, в том и беда, что большинство современных исследователей цивилистических правовых феноменов приступают к сравнительному анализу текстов нормативных правовых актов, совершенно забывая про правоприменительную практику. Сравнение же текстов практически не обеспечивает решения тех задач, которые стоят перед юридической наукой.

Примечательно, что сам же А.В. Егоров пишет: «Теоретическая типология объектов правовой действительности предполагает определение общей типовой модели сравнительного правоведения в виде правовой семьи (семьи права) как исторически детерминированной формально-правовой общности систем и источников права, нормативной однородности и общности правового понятийного фонда групп национальных правовых систем с присущими им определенными типами юридического мышления» [6, с. 33]. Правильно, для каждой правовой семьи характерны свои типы юридического мышления. Более того, в рамках одной правовой семьи типы юридического мышления могут отличаться весьма существенно, а значит, сравнивать имеет смысл не тексты законов, а институты и нормы права в процессе их осмысления и применения.

В этой связи нам видится необходимым и носящим действительную ценность сравнительный анализ не текстов законов, а выработанных на их основе правоприменительных практик, а это возможно на высо-

ком уровне лишь при условии погружения не только в правовую систему, но и в правовую культуру (часть культуры соответствующей страны). Длительные зарубежные командировки научно-педагогических работников являются в связи с этим важным, точнее, непременным условием качественных компаративных исследований. Эрзац-компаративистика с применением дистанционных методов часто имеет результатом искаженную картину мира и в сознании исследователя, и как следствие – в представлении читателей соответствующих трудов. Диссертацию, написанную по результатам изучения правовой системы по книжкам, без практической деятельности или хотя бы длительного непосредственного ее наблюдения, вряд ли стоит называть компаративным (сравнительным) исследованием.

Сказанное отражает субъективный взгляд автора приведенных суждений о современной цивилистической компаративистике. Следует обратиться к объективной картине сравнительных исследований – к цифрам, отражающим состояние использования соответствующего метода в различных юридических науках.

Изложим гипотезы, построение которых предшествовало сбору материала и легло в основу исследования.

Гипотеза № 1. Основная гипотеза, с которой автор настоящей работы приступил к проведению исследования, заключалась в том, что разница в частоте использования сравнительно-правового метода будет существенно выше для научных дисциплин цивилистического цикла по сравнению циклом криминальным. Такая гипотеза была выдвинута на основе ранее проведенных автором исследований частоты использования статистического метода в работах, относящихся к данным циклам. Для наук криминального цикла такая частота использования была гораздо выше, чем для наук цивилистического цикла. Следовательно, полагали мы, статистический метод должен был отчасти «вытеснить» метод сравнительно-правовой из состава инструментария ведения исследований.

Гипотеза № 2. Вторая гипотеза заключалась в том, что внутри цивилистического цикла научных юридических дисциплин различия в использовании сравнительно-правового метода будут несущественными, поскольку, объединяясь в группы и образуя научные специальности, которым присвоены шифры (в нашем случае речь идет о современной специальности «12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»), дисциплины автоматически оказываются подчиненными общей исследовательской логике и традициям ведения исследований.

Забегая вперед, скажем, что обе гипотезы подтвердились лишь частично: вопрос в том, что считать «существенным» и «несущест-

венным» отличием количества случаев использования любого метода в научных отраслях.

Поиск и анализ информации

Поисковая система Российской государственной библиотеки[1] позволяет обнаружить восемь диссертационных работ, подготовленных в 2018–2021 гг. по специальности «12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», из самих названий которых следует, что в их основе лежит сравнительно-правовой метод. Две [9; 10] из них относятся к 2018 г., пять [1; 2; 3; 7; 8] – к 2019 г.

Изучение названий диссертации по различным специальностям за период с 2000 по 2020 г. позволяет утверждать, что проводить статистические исследования, опираясь на использование слов «сравнительно-правовой» только в названии диссертационного исследования, – значит пренебречь законом больших чисел. Закон применим только тогда, когда рассматривается большое количество испытаний (наблюдений). Именно поэтому мы не ограничивались поиском слов «сравнительно-правовой» в названиях научных работ и исследовали также ключевые слова и аннотации. Кроме того, поиск не был ограничен изучением собственно диссертаций, учитывая, что данный вид научных исследований не является единственным и даже, по нашему мнению, основным, если мы желаем понять вектор развития права.

Для получения статистических характеристик научных исследований было принято решение использовать поисковую систему Научной электронной библиотеки (НЭБ)[2], известной в кругах исследователей также как «eLIBRARY».

Поиск необходимой информации осуществлялся нами с указанием в поисковых полях следующей информации: **что искать** – «сравнительно-правовой»; **где искать** – в названии публикации, в аннотации, в ключевых словах; **тип публикации** – статьи в журналах, диссертации, книги, отчеты, материалы конференций, патенты, депонированные рукописи; **параметры** – искать с учетом морфологии. В поле «**Тематика**» последовательно отражались поисковые значения, соответствующие Государственному рубрикатору научно-технической информации (Государственный рубрикатор НТИ или ГРНТИ). Поиск в НЭБ осуществлялся 14 февраля 2021 г. в источниках, опубликованных в 2018–2021 гг., вне зависимости от времени поступления в НЭБ.

[1] URL: https://search.rsl.ru/ru/search.
[2] URL: https://www.elibrary.ru/querybox.asp?scope=newquery.

Таблица. *Работы по юридической тематике, опубликованные в 2018–2021 гг., с релевантными словами «сравнительно-правовой»*

Тематика по ГРНТИ	Общее количество работ	Количество работ по тематике с искомыми словами	Доля работ по тематике с искомыми словами
1	**2**	**3**	**4**
Общие вопросы	55 192	879	0,01592
Теория государства и права	127 811	3242	0,02536
История государства и права	25 795	543	0,02105
История политических и правовых учений	6541	156	0,02384
Конституционное (государственное) право	76 633	1952	0,02547
Муниципальное право	16 374	330	0,02015
Административное право	47 698	862	0,01807
Информационное право	9699	214	0,02206
Финансовое право	22 110	416	0,01881
Предпринимательское право	22 538	546	0,02422
Гражданское право	77 184	1829	0,02369
Гражданско-процессуальное право (гражданский процесс)	21 128	508	0,02404
Арбитражно-процессуальное право (арбитражный процесс)	8847	227	0,02565
Патентное право. Право промышленной собственности	5138	129	0,02510
Авторское право и смежные права	4591	123	0,02679
Наследственное право	4309	116	0,02692
Семейное право	11 128	264	0,02372
Аграрное право	2311	43	0,01860
Правовые проблемы охраны окружающей среды. Экологическое право	11 809	165	0,01397
Земельное право	17 297	140	0,00809

1	2	3	4
Лесное право	1292	24	0,01857
Водное право	957	30	0,03134
Воздухоохранное право	266	7	0,02631
Законодательство о недрах	535	7	0,01308
Законодательство о животном мире	449	8	0,01781
Трудовое право	15 875	242	0,01524
Право социального обеспечения	6769	96	0,01418
Правоохранительные органы	29 157	579	0,01985
Уголовное право	98 561	2055	0,02085
Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)	51 629	1018	0,01971
Криминология	41 567	864	0,02078
Уголовно-исполнительное право. Пенитенциария	21 171	397	0,01875
Криминалистика	38 418	494	0,01285
Судебная статистика	1076	27	0,02509
Международное право	22 001	687	0,03122
Международное частное право	6892	275	0,03990
Государство и право отдельных стран	46 571	1429	0,03068
Итого	**957 319**	**20 923**	0,02185

Выводы

Наиболее крупные тематические рубрики, относящиеся к материально-правовым отраслям криминального и цивилистического цикла, – «Гражданское право» и «Уголовное право» показывают незначительные различия в использовании сравнительно-правового метода (2,369% против 2,085%). Отношение полученных величин составляет 1,136. Следовательно, число случаев использования компаративного метода в гражданском праве больше, чем в уголовном, лишь на 13,6%.

Несколько больший разрыв (в пользу цивилистического цикла) наблюдается между процессуальными отраслями. «Гражданско-процессуальное право (гражданский процесс)» дает 2,404% работ с упо-

минанием сравнительно-правового метода ведения исследования, в то время как на «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)» приходится 1,971% работ. Отношение полученных величин составляет 1,219. Следовательно, число случаев использования компаративного метода в гражданском процессе больше, чем в уголовном процессе, уже на 21,9%.

Таким образом, частота использования сравнительно-правового метода для наук цивилистического цикла выше, чем для наук криминального цикла, однако разницу нельзя назвать значительной (это значит, что гипотеза № 1 подтвердилась лишь частично).

ВЫВОД № 1: Сравнительно-правовой метод воспринимается научным сообществом как адекватное средство познания правовой действительности вне зависимости от уровня императивности правовых установлений, характерных для соответствующей отрасли законодательства.

Внутри цивилистического цикла наук, формально определенного на начало 2021 г. (специальность «12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»), наблюдаем следующую ситуацию с использованием сравнительно-правового метода:

«Предпринимательское право» – 2,422%,

«Гражданское право» – 2,369%,

«Патентное право. Право промышленной собственности» – 2,510%,

«Авторское право и смежные права» – 2,679%,

«Наследственное право» – 2,692%,

«Семейное право» – 2,372%,

«Международное частное право» – 3,990%.

Процент работ, в которых используется сравнительно-правовой метод, для большинства научных дисциплин цивилистического цикла не отличается существенно. Однако более чем полуторакратная разница (1,648 раза) между международным частным правом и гражданским правом является серьезным исключением из общего правила (а значит, и гипотеза № 2 также подтверждена лишь частично).

В этой связи встает вопрос: не является ли международное частное право чужеродным элементом в системе цивилистических специальностей? На наш взгляд, не является.

«...На определенном этапе научной номенклатуре стали придавать гипертрофированное значение, она стала жить по собственным законам и влиять на научные процессы, что, по меньшей мере, странно, – пишут А.В. Габов и И.М. Мацкевич. – В результате – чего быть не должно – мы получили эффект, когда научная номенклатура определяет развитие научных направлений. Хотя, по логике вещей, все должно быть как раз наоборот. Научные изыскания в той или иной

области, по идее, должны приводить к их фиксации в виде неких задокументированных названий. Не хвост же, в конце концов, виляет собакой» [5, с. 25].

То обстоятельство, что использование в работах по международному частному праву сравнительно-правового метода осуществляется чаще, ставит соответствующую науку особняком в подсистеме цивилистических наук, но одновременно может быть объяснено логически. Сравнительные исследования в международном частном праве – удачное направление ведения научного поиска, поскольку для определения оптимального коллизионного регулирования общественных отношений требуется понимать содержание правил нескольких стран, выбор между которыми и определяется коллизионной нормой.

Как известно [4, с. 833], после дискуссий на заседаниях экспертного совета ВАК по праву на будущее была предложена модель номенклатуры, в рамках которой сосуществуют ряд «укрупненных» специальностей, в частности: **12.00.03 – *частноправовые науки (цивилистические науки)***: гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; трудовое право; право социального обеспечения; гражданский процесс; арбитражный процесс; административное судопроизводство и **12.00.05 – *международно-правовые науки***: международное публичное право; интеграционное право.

ВЫВОД № 2: Помещение международного частного права в структуру цивилистической специальности является методологически верным решением, с учетом необходимости принятия во внимание при ведении соответствующих исследований гражданско-правовых норм наиболее влиятельных национальных правопорядков на содержание материальных и коллизионных норм международного частного права.

Безусловно, компаративистика была и остается одной из наиболее важных методологических основ формирования объективного международного частного права.

Библиографический список

1. *Андропова Т.В.* Нетипичные формы завещания: сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2019. 214 с.

2. *Буднецкий Н.С.* Гражданско-правовое регулирование перехода права собственности на земельные участки по законодательству России и Германии (сравнительно-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 217 с.

3. *Владимиров Н.Н.* Договорные конструкции аренды земельных участков в законодательстве России и государств Евразийского эконо-

мического союза: сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2019. 243 с.

4. *Власенко Н.А.* О подготовке новой номенклатуры научных специальностей по юриспруденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 830–833.

5. *Габов А.В., Мацкевич И.М.* Номенклатура научных специальностей как элемент государственной системы научной аттестации: к постановке вопроса // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 18–28. https://doi.org/10.21681/2226-0692-2020-2-18-28.

6. *Егоров А.В.* Теоретико-методологические основания сравнительного правоведения: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 44 с.

7. *Розанова Е.В.* Институт расторжения брака в США: сравнительно-правовое исследование законодательства штатов: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 235 с.

8. *Старостина Е.С.* Ограничения авторских прав по законодательству Российской Федерации и Великобритании: сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 230 с.

9. *Фомин Е.М.* Договор аренды: сравнительно-правовой анализ гражданского права России и Италии: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 203 с.

10. *Халин Р.В.* Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ и услуг, по праву России, Англии и США: сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2018. 205 с.

References

1. *Andropova T.V. Netipichnye formy zaveshhanija: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: Dis. ... kand. jurid. nauk* [Atypical Forms of the Will: Comparative Legal Research: Cand. jurid. sci. diss.]. Perm, 2019. 214 p. (In Russ.)

2. *Budneckij N.S. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie perehoda prava sobstvennosti na zemel'nye uchastki po zakonodatel'stvu Rossii i Germanii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): Dis. ... kand. jurid. nauk* [Civil-Legal Regulation of the Transfer of Ownership of Land Plots under the Legislation of Russia and Germany (Comparative Legal Research): Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2019. 217 p. (In Russ.)

3. *Vladimirov N.N. Dogovornye konstrukcii arendy zemel'nyh uchastkov v zakonodatel'stve Rossii i gosudarstv Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: Dis. ... kand. jurid. nauk* [Contractual Constructions of Land Lease in the Legislation of Russia and the States of the Eurasian Economic Union: Comparative Legal Research: Cand. jurid. sci. diss.]. Cheboksary, 2019. 243 p. (In Russ.)

4. *Vlasenko N.A. O podgotovke novoj nomenklatury nauchnyh special'nostej po jurisprudencii* [On the Preparation of a New Nomenclature of Scientific Specialties in Jurisprudence]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Juridicheskie nauki* – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Legal Sciences. 2020. Vol. 24. Issue 3. P. 830–833. (In Russ.)

5. *Gabov A.V., Mackevich I.M. Nomenklatura nauchnyh special'nostej kak jelement gosudarstvennoj sistemy nauchnoj attestacii: k postanovke voprosa* [Nomenclature of Scientific Specialties as an Element of the State System of Scientific Certification: to the Formulation of the Question]. *Monitoring pravoprimenenija* – Monitoring of Law Enforcement. 2020. Issue 2 (35). P. 18–28. https://doi.org/10.21681/2226-0692-2020-2-18-28. (In Russ.)

6. *Egorov A.V. Teoretiko-metodologicheskie osnovanija sravnitel'nogo pravovedenija: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Theoretical and Methodological Foundations of Comparative Jurisprudence: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2019. 44 p. (In Russ.)

7. *Rozanova E.V. Institut rastorzhenija braka v SShA: sravnitel'no-pravovoe issledovanie zakonodatel'stva shtatov: Dis. ... kand. jurid. nauk* [Institute of Divorce in the United States: Comparative Legal Study of State Legislation: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2019. 235 p. (In Russ.)

8. *Starostina E.S. Ogranichenija avtorskih prav po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii i Velikobritanii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: Dis. ... kand. jurid. nauk* [Restrictions of Copyright under the Legislation of the Russian Federation and Great Britain: Comparative Legal Research: Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2019. 230 p. (In Russ.)

9. *Fomin E.M. Dogovor arendy: sravnitel'no-pravovoj analiz grazhdanskogo prava Rossii i Italii: Dis. ... kand. jurid. nauk* [Lease Agreement: Comparative Legal Analysis of Civil Law in Russia and Italy: Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2018. 203 p. (In Russ.)

10. *Halin R.V. Grazhdansko-pravovaja otvetstvennost' za vred, prichinennyj vsledstvie nedostatkov tovarov, rabot i uslug po pravu Rossii, Anglii i SShA: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: Dis. ... kand. jurid. nauk* [Civil Liability for Damage Caused as a Result of Defects in Goods, Works and Services under the Law of Russia, England and the United States: Comparative Legal Research: Cand. jurid. sci. diss.]. Kursk, 2018. 205 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

В.А. Болдырев
Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0002-1454-6886
ResearcherID: H-1270-2016

Information about the author:

V.A. Boldyrev
Perm State University
15 Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0002-1454-6886
ResearcherID: H-1270-2016

УДК 340.1; 342

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-163-180

ПРЕДИКТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПРАВЕ: ОБРАЗ БУДУЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО АКТА

М.В. Дегтярев
Правительство Хабаровского края
E-mail: mvdegtyarev@adm.khv.ru

***Введение**: в статье исследованы применимость, значение, природа и особенности метода предиктивного моделирования в праве и в профессиональной юридической деятельности, прежде всего – в деятельности норморайтера – проектировщика законов. Исследованы понятие и онтологические особенности предиктивного моделирования в праве как активной преобразующей правовые системные образования, правовые ландшафты и пространства или обеспечивающей такие преобразования деятельности. **Цель**: отталкиваясь от ряда авторских научных гипотез о значении метода предиктивного моделирования для обеспечения реализации законотворческой деятельности, исследовать, описать и объяснить возможности и инструменты юридического предиктивного моделирования, суть и преимущества данного инструментально-методологического подхода, виды моделирования, релевантно применимого в рамках законотворческой и в целом правовой деятельности, особенности и логику предиктивного моделирования в законотворческой деятельности. **Методы**: анализ и синтез, дедукция, индукция и абдукция, классификация и моделирование, сравнение и аналогия, обобщение, формализация и идеализация, наблюдение. **Результаты**: описаны и объяснены природа, суть, онтологические особенности и инструментальное обеспечение применения метода предиктивного моделирования в праве и профессиональной юридической деятельности. **Выводы**: спрос на специалистов по предиктивному моделированию и в целом по предиктивной аналитике в прикладной юридической отрасли существенно растет. Предиктивное моделирование (как активная преобразующая и формирующая деятельность) в норморайтерской, проектировочно-законотворческой работе активно развивается в двух направлениях: 1) как самостоятельный технологический подход, 2) как вспомогательно-обеспечительный подход в нормативном экспериментировании.*

***Ключевые слова**: предиктивное моделирование в праве; модель; регуляторный эксперимент; право; регуляторные технологии; законотворчество; юридическая техника; норморайтер.*

PREDICTIVE MODELING IN LAW: THE IMAGE OF THE FUTURE LEGISLATIVE ACT

M.V. Degtyarev
Government of Khabarovsk Krai
E-mail: mvdegtyarev@adm.khv.ru

***Introduction**: the article investigates the applicability, meaning, nature and features of the predictive modeling method in law and in professional legal activity, first of all – the activity of a normwriter – a designer of laws. The author explains that legal modeling (as an active form of activity) is involved in the design and assessment in norm writing, in the "architecture" of the designed regulatory spaces, is associated with such a technology of the "ecosystem" of the latest regulatory technologies as legal experiment. **Purpose**: starting from a number of author's scientific hypotheses about the significance of the predictive modeling method to ensure the implementation of legislative activity to investigate, describe and explain the possibilities and tools of legal predictive modeling, the essence and advantages of this instrumental-methodological approach, the types of modeling that are relevantly applicable in the framework of lawmaking and in general legal activities, the features and logic of predictive modeling in lawmaking. **Methods**: analysis and synthesis, deduction, induction and abduction, classification and modeling, comparison and analogy, generalization, formalization and idealization, observation. **Results**: the nature, essence, ontological features and instrumental support of the application of the predictive modeling method in law and legal activity. **Conclusions**: the demand for specialists in predictive modeling and predictive analytics in general in the applied legal industry is growing significantly. Predictive modeling (as an active transformative and formative activity) in norm-writing, design-lawmaking work is actively developing in two directions: 1) as an independent technological approach, 2) as an auxiliary-provisional approach in normative experimentation.*

***Keywords**: predictive modeling in law; model; regulatory experiment; law; regulatory technologies; lawmaking; legal technique; normwriter.*

Введение

Мы привыкли к существующему (хотя и периодически корригируемому – то по мелочи, то относительно существенно) Гражданскому кодексу Российской Федерации, понимаем его достоинства и его недостатки. Но что если задуматься о том, каким должно (и могло бы) стать гражданское законодательство России в будущем – лет через

15–25 или через 40–50, с тем чтобы уже сегодня предвосхитить это, предиктивно разработать такой акт, который будет гарантированно работать долгое время в будущем?

Есть ли сегодня такие технологии в цивилистике, в иных отраслях права и правовой науки, позволяющие с высокой точностью и необходимой адекватностью моделирующе «проиграть» (воспроизвести) замысленный новый акт, чтобы понять его достоинства и недостатки, его работоспособность? И каковы ключевые моменты успеха в таких замыслах, предприятиях?

Создание и реализация любой успешной стратегии, в том числе стратегии в совершенствовании законодательства, требуют хорошего ви́дения и понимания различных сценариев построения стратегии и возможных ее результатов.

Сегодня активно обсуждается тема экспериментального регулирования [4; 5; 11; 21; 22; 24; 30; 31]. Но еще одним релевантным инструментом для таких целей выступает предиктивное (предсказательное, предвосхищающее, прогностическое) моделирование (*predictive modeling*) – как сегмент предиктивной аналитики (*predictive analytics* [15; 17, с. 515–554]).

Речь не о теоретическом статическом моделировании как методе исследования [3], а об активной преобразующей и формирующей проектировочной деятельности.

Такое моделирование может быть связано с использованием алгоритмов и машинного обучения для интерпретации данных, а может быть и мысленным, давая ясное представление о существующих (имплицитных) связях между прогнозирующими переменными и прогнозируемым результатом.

Данный инструментарий весьма полезен для юристов, обеспечивая им высокий потенциал надежности юридических стратегий, поскольку успешные прогнозы (да еще на систематической основе) всегда более полезны и информативны, чем интерпретация постфактум событий, происшедших после принятия и реализации юридического решения (принятия и вступления в силу закона, подготовки и реализации судебной тактики).

И как активная деятельность – это (наряду с регуляторным экспериментированием) один из перспективных и обладающих высоким потенциалом инструментариев новейших регуляторных технологий [1; 16; 22].

Мы живем в мире прогнозной аналитики, она сегодня (и уже давно) во всех отраслях. Вместе с тем сегодня предиктивное моделирование в праве – это достаточно редко встречаемый на практике способ активной профессиональной юридической деятельности.

Хотя, по словам Т.Я. Хабриевой, прогнозирование правосудия может стать новым трендом[1].

Еще более редко применение предиктивного моделирования встречается в норморайтерском и проектировочно-законотворческом оперировании массивами создаваемых и трансформируемых правовых норм.

Это вполне объяснимо, учитывая «заточенность» предиктивной аналитики на высокоуровневые работы по решению действительно сложных юридических проблем в условиях значительных неопределенностей.

А именно такой сферой является сфера законотворчества и обеспечивающего его норморайтерства [13].

Есть и иные приложения предиктивного моделирования в праве (например, в отношении выстраивания линии защиты в судебном процессе и др.) для выстраивания наиболее полной и адекватной картины будущей ситуации и предсказания результатов. Но мы остановимся на том приложении, что указали выше, – применение названного инструментария в законотворчестве. Эти вопросы контуров и природы предиктивной моделирующей аналитики в праве (и, в частности, в законотворчестве) явно нуждаются в научном осмыслении и объяснении.

Значение предиктивной аналитики в целом для сферы права

В целом предиктивная аналитика – это технология, которая учится на прошлом опыте (данных), чтобы предсказывать будущее поведение людей, чтобы принимать более правильные решения [27, с. 1].

В настоящее время юридическая отрасль использует предиктивную аналитику (дисциплину, которая выросла вместе с экспоненциальным ростом данных в цифровом мире) для повышения общей эффективности и точности. Программное обеспечение поставляется с языковыми технологиями, которые позволяют легко сканировать, читать и синтезировать письменные документы. С помощью этих документов предиктивная аналитика может использовать статистические методы для определения будущих событий на основе интеллектуального анализа данных, прогнозного моделирования и машинного обучения. Благодаря этой возможности прогнозная аналитика оказывает влияние на юридическую отрасль и дает ответы на многие вопросы, на которые юридическим отделам нужны ответы. К методам правовой

[1] Форум АТР: «Прогнозирование правосудия может стать новым трендом». URL: https://pravo.ru/news/205507/.

предиктивной аналитики относятся: **Data Mining** – обнаружение закономерностей, отклонений и корреляций в больших объемах данных для разработки новых юридических стратегий и прогнозирования исхода дела; **предиктивное моделирование** – использование статистики для прогнозирования результатов, выявления «предикторов» (прогностических параметров, средств прогнозирования, экстраполяционных функций), которые будут влиять на будущее прецедентное право или судебные решения; **машинное обучение** – использует статистические методы для обучения компьютерных систем с данными, информация извлекается из этой статистики, а не запрограммирована[1].

Как указывает Дэвид Коуэн, в судебных процессах предиктивная аналитика (в том числе и предиктивное моделирование) является мощным инструментом исследования прецедентного права и поиска релевантных документов. Этот инструментарий может помочь юристам оценить обстоятельства дела клиента и предоставить анализ для предоставления надежных юридических консультаций. Прогнозная аналитика может помочь юридическим фирмам определить оптимальный состав команд и обеспечить удовлетворение всех потребностей соответствующими знаниями, включая решение о том, какой внешний консультант, консалтинг, стратегическое партнерство или отдельные лица лучше всего соответствуют потребностям клиента. Однако даже при предиктивной аналитике элементы потенциальной предвзятости остаются, и хорошая стратегия должна исключить такую предвзятость, чтобы избежать некомпетентности и ошибок, встроенных в стратегию. Существует опасность переоценить общеизвестную объективность больших данных из-за этих опасений, а также из-за того, что люди ведут себя неоптимально, нерационально. Данные, которые мы выбираем или исключаем, и то, как мы их интерпретируем, могут влиять и влияют на результаты [25].

Общее понятие предиктивного моделирования

По Сеймуру Гейссеру, предиктивное моделирование как вариация предиктивного вывода (*predictive inference*) – это процесс создания моделей, которые могут дать адекватные приближения для предсказания дальнейшего поведения или состояния наблюдаемых объектов, которые, как предполагается, в некотором смысле могут быть заменены на те, которые уже были получены в результате исследуемого процесса (для ненаблюдаемых значений является результат их распределения,

[1] How Predictive Analytics is Transforming the Legal Industry. URL: https://www.gwinnettcollege.edu/how-predictive-analytics-is-transforming-the-legal-industry/.

обусловленного уже наблюдаемыми значениями), с тем чтобы наилучшим образом предсказать вероятность исхода [26, с. 1–2].

По Максу Куну и Кьеллу Джонсону, «предиктивное моделирование – это процесс разработки математического инструментария или модели, на основании которой генерируется точный прогноз» [6, с. 22].

Существенным параметром, характеризующим применяемую рабочую модель в рамках предиктивного моделирования, является предиктивная способность (прогностический потенциал).

Понятие, природа и инструменты предиктивного моделирования в проектировании и юридико-техническом конструировании нормативного акта

Как указывает Кори Билтон, предиктивное моделирование – это процесс использования статистических методов и больших наборов данных для поиска в данных скрытых связей, которые могут быть полезными предикторами результата обслуживания отдельного клиента или отработки отдельной претензии. Предиктивное моделирование направлено на то, чтобы копать глубже. Вместо того, чтобы просто сосредоточиться на очевидных предикторах, прогнозное моделирование требует в первую очередь сбора огромного пула многообразных данных. Прогностические факторы изначально не известны. Вместо этого они обнаруживаются из огромного пула данных. Цель состоит в том, чтобы обнаружить менее очевидную или скрытую связь между частью информации и искомым или возможным результатом [23].

По Джону МакДжиннису и Расселу Пирсу, предиктивный анализ вполне применим к сфере права с ее сверхзначительным объемом информации, причем здесь вполне применимы машинные методы, поскольку технологии машинного анализа данных заложены в основе многих технологий предиктивного анализа [28, с. 3052].

Сфера права действительно весьма обширна (даже громадна) по своему объему, включая массивы нормативного материала, судебной практики, административно-распорядительных и иных исполнительных актов, документов концептуально-парадигмального, экономического, правового, политического планирования и программирования, в том числе стратегического планирования. В государствах англосаксонской правовой системы сюда входят и судебные прецеденты (специальные правовые позиции по казусам), и правовые доктрины. Все это суммарно составляет гигантскую гетерогенную массу со своей онтологией, многие из ее элементов существенно важны для создания нового акта.

В некоторых случаях речь идет и об экстраправовых нормах (нормах иных, помимо права, систем нормативного регулирования [19; 20]).

Авторская дефиниция

Согласно нашей авторской дефиниции, **предиктивное моделирование в проектировании и юридико-техническом конструировании нормативного акта** – это способ норморайтерского оперирования элементами, группами и массивами проектируемых правовых норм (и (или) норм иных, помимо права, систем нормативного урегулирования) и нормативных актов в целях прогностического выявления и учета того, как реально (а не только по чисто мысленной задумке) будут работать проектируемые, создаваемые нормы в проектах принципиально новых нормативных актов или нормативных актов, призванных изменить те или иные действующие акты, каковы будут тренды и паттерны онтологии этих норм и актов, в целях валидации таких проектов (или их частей), но главное – активного выстраивающе-конфигурирующего и корригирующе-трасформирующего оперирования будущими дизайнами и онтологиями проектируемого акта (актов).

Способы прогностического моделирования в проектировании и юридико-техническом конструировании нормативного акта

Прогностическое моделирование в проектировании и юридико-техническом конструировании нормативного акта может осуществляться как минимум тремя способами (путями):

– создание, как описывают эту технологию И.В. Понкин и А.И. Лаптева, сложноонтологичного цифрового образа (цифрового макета, цифровой модели-двойника, в том числе в динамической развертке – цифровой симуляции или эмуляции) исследуемой сложной правовой системы, сложного правового феномена, правового процесса (реализации нормативного акта, к примеру), онтологии нормативного правового акта, правового пространства, комплекса правоотношений [18, с. 137];

– мысленное моделирование с мысленным же воспроизведением («проигрывание») ожидаемой работы проектируемого нормативного акта;

– экспериментальное, активное и операционабельное моделирование, проигрывание на ограниченном онтологическом объеме.

В любом случае такая работа требует существенного сосредоточения и умелого применения самых разнообразных инструментов – шаблонов моделей, тезаурусов, фреймов, онтологий, «замерщиков», валидирующих инструментов и др.

Проектировочно-предиктивное моделирование нормативного правового акта

Предиктивное моделирование – это о скрытых, менее очевидных, предикторах исхода исковых и иных претензий [23], но все больше спрос на технологии и знания по предиктивному моделированию в сфере норморайтерской, проектировочно-законотворческой деятельности.

Из почти 70 000 законопроектов, внесенных в Конгресс США с 2001 по 2015 г., только 2513 были приняты [29, с. 1]. И этот пример выразительно показывает значение технологий, позволяющих минимизировать провалы в принятии законопроектов, к разработке которых приступили норморайтеры и юридические онто-инженеры.

Более того, важно отметить обширность, онтологическую и параметрическую сложность нормативной «вселенной», отсутствие достаточного учета референций проектируемого акта внутри которой может быть гарантированным залогом неуспеха законотворческого проекта.

Законотворческий процесс в сложноонтологичном непрерывном пространстве крайне неоднороден, сопряжен со множеством существенно влияющих на него разнообразных факторов различной природы.

И все это подлежит учету.

Как пишет Джон Нэй, в США законопроекты зачастую состоят из сотен страниц плотного текста, отработанного сложным юридическим языком. К примеру, Федеральный закон США «О защите пациентов и доступном медицинском обслуживании» занимает более 900 страниц. В любой момент времени на рассмотрении находятся тысячи законопроектов. Количество представляемых законопроектов имеет тенденцию к увеличению, что усугубляет проблему определения релевантного текста. Некоторые законопроекты занимают всего несколько страниц при внесении, но составляют сотни страниц после принятия. Однако 87% текстов законопроектов не меняются после внесения, потому что они не продвигаются дальше в законотворческом процессе. Часто для каждого законопроекта существует более одной версии полного текста. Учитывая сложность, длину и огромное количество счетов, подход машинного обучения хорошо подходит для прогнозирования успешности проекта и определения важных прогнозных переменных. Однако, несмотря на быстрое развитие методов машинного обучения, использованием этих методов трудно превзойти интуитивные прогнозы редких событий из-за внутренней изменчивости сложных социальных процессов и из-за того, что отношения, извлеченные из исторических данных, могут измениться без предупреждения и сделать недействи-

тельными модели, применяемые к будущим обстоятельствам. Из-за сложности законотворчества и случайной неопределенности в лежащих в основе социальных системах приходится прогнозировать принятие и последующее действие закона достаточно вероятностно. Соответственно, существенно необходим вероятностный прогноз событий с существенными последствиями, потому что даже небольшие изменения вероятностей событий с экстремальными последствиями могут иметь большие ожидаемые значения [29, с. 1, 2, 5].

Предиктивное моделирование (как активная преобразующая и формирующая деятельность) в норморайтерской, проектировочно-законотворческой работе активно развивается в двух направлениях – и как самостоятельный технологический подход, и как вспомогательно-обеспечительный подход в нормативном экспериментировании.

Согласно Т.К. Мироновой, потребность в специалистах, которые способны не только формулировать правовые нормы, обладают знаниями и навыками подготовки проектов законов и иных нормативных правовых актов, но при этом могут прогнозировать будущие последствия введения их в действие, чрезвычайно велика [10, с. 223]. По словам Г.А. Василевича, совершенно необходимо предвосхищать изменение потребностей экономического и социального развития, прогнозировать и изменять законодательство на опережение, а не отставать на несколько лет [2, с. 56]. Согласно А.В. Малько и В.В. Трофимову, категория «правовая политика» выражает необходимые критерии «должного» к тем правовым действиям, которые осуществляются в рамках правотворчества и других видов юридической деятельности, в числе таких критериев – прогностичность [8, с. 76].

Факторы, подлежащие учету при проектировочно-предиктивном моделировании нормативного правового акта

Согласно Г.В. Мальцеву, «законодатель, “творец” правовой нормы, должен иметь в голове образ правопорядка», прежде чем он приступит к нормативному проектированию [9, с. 27]. Что может и должен включать этот образ порядка [14] в мышлении и умственном моделировании норморайтера?

Поскольку существуют уникальные семантические и синтаксические сигнатуры, которые последовательно различают успешные нормативные решения, производительность модели, применяемой при предиктивном моделировании, оценивается с использованием линеек показателей на больших объемах тестовых данных [29, с. 2].

Для релевантной (если не сказать – наилучшей) предиктивной (прогностической) оценки того, как будет работать проектируемый

закон или подзаконный акт, норморайтеру необходимо рассмотреть и учесть множество вопросов, в их числе:

– основные цель и задачи проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта, его ценностные основания; основные задачи, решаемые при разработке данного проекта;

– правовая онтология проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта в юридическом пространстве;

– место проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта в системе (и в определенном ее «горизонте» (отнесение к определенному уровню законодательства) и сегменте) действующего законодательства (среди множества других – порой тысяч других нормативных правовых актов) и в системе права, исходя из основных идеи (парадигмы), цели и задач проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта;

– предметно-объектная область, на которую распространяется регуляторное действие проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта;

– специализированный юридико-дефинитивный базис проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта;

– размерность восприимчивости регулируемой предметно-объектной области и ее поддаваемость такому управляющему воздействию (или напротив – ригидности к такому воздействию [12, с. 37, 38, 81]);

– круг субъектов, на которых распространяется регуляторное действие проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта, их новые или трансформированные в объемах и содержании права, обязанности, полномочия;

– потенциал инновационности и прорывной («подрывной») способности [7] проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта;

– круг имеющих место и (или) прогнозируемых в будущем проблем и дефектов регулирования, проектировочно решаемых проектируемым и прогностически «обкатываемым» нормативным правовым актом;

– круг регуляторных ошибок и прочих регуляторных дефектов, имеющих место и (или) прогнозируемых в будущем и существенно важных для действия проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта;

– круг рисков и неопределенностей, имеющих место и (или) прогнозируемых в будущем и существенно важных для действия проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта;

– размерности императивности, детализированности и конкретизации (или напротив – рамочности, умышленной «слабости» регу-

лирования), объемности (или напротив – краткости) регулирования, проектировочно закладываемые в проектируемый и прогностически «обкатываемый» нормативный правовой акт;

– размерности нормативной иерархичности и регуляторной действенности норм (их регулирующего воздействия на регулируемую предметно-объектную область) проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта;

– регуляторные и иные юридические, социальные, экономические, политические и другие последствия реализации проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта;

– внутриактовая иерархия норм по силе регулирования и принципиальному значению наличия в акте (сохранения в тексте проектируемого акта);

– детерминанты и «предикторы» (прогностические параметры, средства прогнозирования, экстраполяционные функции) обеспечения эффективности правового регулирования проектируемым и прогностически «обкатываемым» нормативным правовым актом;

– детерминанты и «предикторы» (прогностические параметры, средства прогнозирования, экстраполяционные функции) обеспечения системности и комплексности правового регулирования проектируемым и прогностически «обкатываемым» нормативным правовым актом;

– подлежащие учету возможные уязвимости (см.: [12. с. 106–134]) проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта;

– подлежащие учету возможные правовые коллизии и правовые пробелы;

– необходимые и возможные правовые исключения;

– хронологические параметры (распределенная хронология вступления в силу) тех или иных частей, статей и норм проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта;

– возможности (и размерность потенциала) упрощения и оптимизации законодательства в сфере регулирования проектируемого и прогностически «обкатываемого» нормативного правового акта при его принятии (посредством его принятия);

– круг устаревших для данной конкретной предметно-объектной области регуляторных подходов, определяющих слабость и неэффективность регулирования.

Разумеется, этот перечень – не только не закрытый, таковой не является и обязательным. Предиктивное моделирование проектируемого акта может обусловить ограниченность лишь несколькими из вышеназванных позиций, а может определить потребность в расширенном в десятки раз таком перечне.

Заключение

Миллионы юридических документов добавляются в цифровые репозитории каждый день, и необходима обработка этих цифровых данных с очень высокой скоростью. Кроме того, данные должны быть расширены, чтобы получить дополнительную релевантную информацию. Обогащение метаданными документов и передовые технологии анализа данных позволяют брать необработанные данные и преобразовать их в аналитические данные, относящиеся к юридическим вопросам. Это позволяет проводить более точные и эффективные исследования в поддержку юридических стратегий будущих юридических действий[1].

Как отмечает Деннис Хёрш, все больше ученых-юристов занимается этими и смежными вопросами, налицо появление новой области юридической науки [27, с. 8–9].

Спрос на специалистов по предиктивному моделированию и в целом по предиктивной аналитике в прикладной юридической отрасли набирает обороты, интенсифицируются и предложения компьютерно-программных продуктов, которые еще пока далеки от удовлетворения ожиданий серьезного уровня юристов, но тенденции таковы, что эта малоэффективность уже уходит в прошлое. Тем более в условиях происходящих и ожидаемых трансформаций в юридической профессии.

По данным Willis Towers Watson, 48% крупных страховщиков либо используют, либо в процессе начала использования или почти готовы приступить к предиктивному анализу для выявления случаев мошенничества. 26% крупных страховщиков уже используют или близки к внедрению прогностического моделирования для сортировки требований о назначении аджастеров (специалистов или компаний по урегулированию претензий страхователя на возмещение убытков в связи с наступлением страхового случая). 80% крупных страховщиков используют прогнозное моделирование при ценообразовании, выборе рисков и андеррайтинге. Так что вполне вероятно, что прогнозное моделирование со временем станет большей частью процесса рассмотрения претензий [23][2].

И хотя, строго говоря, в рамках мыслительного процесса конкретного специалиста-норморайтера технологии предиктивного моде-

[1] How Predictive Analytics is Transforming the Legal Industry. URL: https://www.gwinnettcollege.edu/how-predictive-analytics-is-transforming-the-legal-industry/.

[2] The financial rationale for predictive analytics. Life Predictive Analytics Survey Report. URL: https://www.willistowerswatson.com/en-US/Insights/2019/07/the-financial-rationale-for-predictive-analytics.

лирования используются, самоочевидно, с древних времен, сегодня применение этих технологий вышло на новые горизонты, нуждаясь в научном осмыслении и обсуждении.

Библиографический список

1. *Аристов Е.В., Кузнецова О.А.* К вопросу о формировании и развитии права роботов (правового регулирования робототехники) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 8. С. 58–62.

2. *Василевич Г.А.* Высокое качество и приемлемая стабильность законодательства – важнейшее... требование времени // Норморайтер как профессия: Материалы дискуссии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; РГ-Пресс, 2019. С. 53–60.

3. *Голубцов В.Г., Валеев Д.Х.* Правовое моделирование как метод цивилистического исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований (Ежегодник). 2021. Вып. 3. С. 276–296.

4. *Ефремов А.А., Добролюбова Е.И., Талапина Э.В., Южаков В.Н.* Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт. М.: Дело, 2020. 126 с.

5. *Кузнецова О.А.* Правовой эксперимент как научно-исследовательский метод в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. Вып. 3. С. 297–318.

6. *Кун М., Джонсон К.* Предиктивное моделирование на практике. СПб.: Питер, 2019. 640 с.

7. *Куприяновский В.П., Морева С.Л. и др.* Подрывные технологические инновации: понятие, значение и онтология // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. № 8. С. 60–68.

8. *Малько А.В., Трофимов В.В.* Норморайтер как центральный субъект правовой политики // Норморайтер как профессия: Материалы дискуссии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; РГ-Пресс, 2019. С. 74–79.

9. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 800 с.

10. *Миронова Т.К.* Правотворчество как сфера профессиональной деятельности // Норморайтер как профессия: Материалы дискуссии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; РГ-Пресс, 2019. С. 219–226.

11. *Мохов А.А.* Экспериментальный правовой режим как специальный правовой режим для драйверов инновационной экономики // Юрист. 2019. № 8. С. 19–25.

12. *Понкин И.В.* Девиантология государственного управления: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2020. 301 с.

13. *Понкин И.В.* К вопросу о подготовке профессиональных юристов-норморайтеров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 420–423.

14. *Понкин И.В.* К вопросу о содержании понятия «порядок» // Нравственные императивы в праве. 2015. № 4. С. 3–5.

15. *Понкин И.В.* Общая теория прикладной аналитики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2. С. 42–48.

16. *Понкин И.В., Куприяновский В.П., Понкин Д.И.* Fintech, Regtech и регуляторные песочницы: понятие, цифровая онтология, перспективы // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2020. Т. 16. № 1. С. 224–234.

17. *Понкин И.В., Лаптева А.И.* Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2021. 567 с.

18. *Понкин И.В., Лаптева А.И.* Право и цифра: машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: Учебник. М.: Буки Веди, 2021. 174 с.

19. *Редькина А.И.* Концепция автономности в праве: особенности, функции и проблемы применения // Право и образование. 2016. № 12. С. 110–117.

20. *Редькина А.И.* Концепция автономности в праве: теоретический аспект // Право и образование. 2016. № 11. С. 13–21.

21. *Сивицкий В.А., Сорокин М.Ю.* Правовой эксперимент и развитие права // Право: журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15–30.

22. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука / Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИНФРАМ, 2020. 176 с.

23. *Bilton C.* The Growing Impact of Predictive Modeling on Personal Injury Law. Available at: https://www.biltonlaw.com/the-growing-impact-of-predictive-modeling-on-personal-injury-law/.

24. *Chevallier J.* Les lois expérimentales. Le cas français // L'écriture du droit. Face aux technologies de l'information / Sous la direction de Danièle Bourcier et Claude Thomasset; préface de Jean Carbonnier. Paris: Éditions Diderot, 1996. P. 167–203.

25. *Cowan D.* Predictive analytics for lawyers: a five step process. Developing a successful strategy for predictive analytics lies in knowing a balance between big data and people. Available at: https://www.raconteur.net/legal/predictive-analytics-lawyers/.

26. *Geisser S.* Predictive Inference: An Introduction. Dordrecht: Springer, 1993. XII. 264 p.

27. *Hirsch D.* Predictive Analytics Law and Policy: A New Field Emerges // I/S: A Journal of Law and Policy. 2017. Vol. 14. Issue 1. P. 1–9.

28. *McGinnis J.O., Russel G.P.* The great disruption: How machine intelligence will transform the role of lawyers in the delivery of legal services // Fordham Law Review. 2013. Issue 82. P. 3041–3066.

29. *Nay J.J.* Predicting and understanding law-making with word vectors and an ensemble model // PLoS One. 2017. Vol. 12. Issue 5. P. 1–14.

30. *Ranchordás S.* Constitutional Sunsets and Experimental Legislation: A Comparative Perspective. Cheltenham (UK): Edward Elgar, 2014. VIII. 238 p.

31. *Ranchordás S.* Time, Timing, And Experimental Legislation // Theory and Practice of Legislation. 2015. Vol. 3. Issue 2. P. 135–139.

References

1. *Aristov E.V., Kuznetsova O.A. K voprosu o formirovanii i razvitii prava robotov (pravovogo regulirovaniia robototekhniki)* [On the formation and development of the law of robots (legal regulation of robotics)]. *Nauka i obrazovanie_ hozyaistvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie* – Science and education: economy, entrepreneurship, law and administration. 2018. Issue 8. P. 58–62. (In Russ.)

2. *Vasilevich G.A. Vysokoe kachestvo i priemlemaia stabil'nost' zakonodatel'stva – vazhneishee... trebovanie vremeni* [High quality and acceptable stability of legislation is the most important... requirement of the time]. *In: Normoraiter kak professiia: Materialy diskussii* [Normwriter as a Profession: Discussion Proceedings]. Second edition. Moscow, 2019. P. 53–60. (In Russ.)

3. *Golubtsov V.G., Valeev D.Kh. Pravovoe modelirovanie kak metod tsivilisticheskogo issledovaniia Pravovoe modelirovanie kak metod tsivilisticheskogo issledovaniia* [Legal Modeling as a Method of Civil Research]. *Metodologicheskie problemi civilisticheskih issledovanii* – Methodological Problems of the Civil Law Researches. 2021. Vol. 3. P. 276–296. (In Russ.)

4. *Efremov A.A., Dobrolyubova E.I., Talapina E.V., Yuzhakov V.N. Eksperimental'nye pravovye rezhimy: zarubezhnyi opyt i rossiiskii start* [Experimental Legal Regimes: Foreign Experience and Russian Start]. Moscow, 2020. 126 p. (In Russ.)

5. *Kuznetsova O.A. Pravovoi eksperiment kak nauchno-issledovatel'skii metod v tsivilistike* [Legal Experiment as Civil Science Scientific Research Method]. *Metodologicheskie problemi civilisticheskih issledovanii* – Methodological Problems of the Civil Law Researches. 2021. Vol. 3. P. 297–318. (In Russ.)

6. *Kuhn M., Johnson K. Prediktivnoe modelirovanie na praktike* [Predictive Modeling in Practice]. St. Petersburg, 2019. 640 p. (In Russ.)

7. *Kupriyanovskiy V.P., Moreva S.L. et al. Podryvnye tekhnologicheskie innovatsii: poniatie, znachenie i ontologiia* [Disruptive Technological Innovation: Concept, Meaning and Ontology]. International Journal of Open Information Technologies. 2020. Vol. 8. № 8. P. 60–68. (In Russ.)

8. *Malko A.V., Trofimov V.V. Normoraiter kak tsentral'nyi sub"ekt pravovoi politiki* [Normwriter as a Central subject of Legal Policy]. *In: Normoraiter kak professiia: Materialy diskussii* – Normwriter as a Profession: Discussion Proceedings. Second edition. Moscow, 2019. P. 74–79. (In Russ.)

9. *Maltsev G.V. Sotsial'nye osnovaniia prava* [Social Foundations of Law]. Moscow, 2011. 800 p. (In Russ.)

10. *Mironova T.K. Pravotvorchestvo kak sfera professional'noi deiatel'nosti* [Lawmaking as a Sphere of Professional Activity]. *Normoraiter kak professiia: Materialy diskussii* – Normwriter as a Profession: Discussion Proceedings]. Moscow, 2019. P. 219–226. (In Russ.)

11. *Mokhov A.A. Eksperimental'nyi pravovoi rezhim kak spetsial'nyi pravovoi rezhim dlia draiverov innovatsionnoi ekonomiki* [Experimental Legal Regime as a Special Legal regime for Drivers of an Innovative Economy]. *Iurist* – Lawyer. 2019. Issue 8. P. 19–25. (In Russ.)

12. *Ponkin I.V. Deviantologiia gosudarstvennogo upravleniia: Uchebnik* [Deviantology of Public Administration: A Textbook]. Moscow, 2020. 301 p. (In Russ.)

13. *Ponkin I.V. K voprosu o podgotovke professional'nykh iuristov-normoraiterov* [On the Issue of Training Professional Lawyers-normwriters]. *Iuridicheskaia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* – Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. Issue 2. P. 420–423. (In Russ.)

14. *Ponkin I.V. K voprosu o soderzhanii poniatiia «poriadok»* [To the Question of the Content of the Concept of "order"]. *Nravstvennye imperativy v prave* – Moral imperatives in Law. 2015. Issue 4. P. 3–5. (In Russ.)

15. *Ponkin I.V. Obshchaia teoriia prikladnoi analitiki* [General Theory of Applied Analytics]. *Iuridicheskaia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* – Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. Issue 2. P. 42–48. (In Russ.)

16. *Ponkin I.V., Kupriyanovskiy V.P., Ponkin D.I. Fintech, Regtech i reguliatornye pesochnitsy: poniatie, tsifrovaia ontologiia, perspektivy* [Fintech, Regtech and Regulatory Sandboxes: Concept, Digital Ontology, Prospects]. *Sovremennie informacionnie tehnologii i IT_obrazovanie* – Modern information technologies and IT education. 2020. Vol. 16. Issue 1. P. 224–234. (In Russ.)

17. *Ponkin I.V., Lapteva A.I. Metodologiia nauchnykh issledovanii i prikladnoi analitiki: Uchebnik. Izdanie 2-e, dopoln. i pererab.* [Methodology of Scientific Research and Practical Analytics: Textbook. Second edition]. *Konsorcium «Analitika. Pravo. Cifra»* – Consortium «Analytics. Law. Digital». Moscow, 2021. 567 p. (In Russ.)

18. *Ponkin I.V., Lapteva A.I. Pravo i tsifra: Mashinochitaemoe pravo, tsifrovye modeli-dvoiniki, tsifrovaia formalizatsiia i tsifrovaia onto-inzheneriia v prave: Uchebnik* [Law and Digital: Machine-readable Law, Digital Twin Models, Digital Formalization and Digital onto-Engineering in Law: Textbook]. *Konsorcium «Analitika. Pravo. Cifra»* – Consortium «Analytics. Law. Digital». Moscow, 2021. 174 p. (In Russ.)

19. *Redkina A.I. Kontseptsiia avtonomnosti v prave: osobennosti, funktsii i problemy primeneniia* [The Concept of Autonomy in Law: Features, Functions and Application Problems]. *Pravo i obrazovanie* – Law and education. 2016. Issue 12. P. 110–117. (In Russ.)

20. *Redkina A.I. Kontseptsiia avtonomnosti v prave: teoreticheskii aspekt* [The concept of Autonomy in Law: Theoretical Aspect]. *Pravo i obrazovanie* – Law and education. 2016. Issue 11. P. 13–21. (In Russ.)

21. *Sivitsky V.A., Sorokin M.Yu. Pravovoi eksperiment i razvitie prava* [Legal Experiment and Development of Law]. *Pravo: zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* – Law: Journal of the Higher School of Economics. 2016. Issue 4. P. 15–30. (In Russ.)

22. *Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Budushchee prava. Nasledie akademika V.S. Stepina i iuridicheskaia nauka* [The Future of Law. The Legacy of Academician V.S. Stepin and Legal Science]. Moscow, 2020. 176 p. (In Russ.).

23. *Bilton C.* The Growing Impact of Predictive Modeling on Personal Injury Law. (In Eng.)

24. *Chevallier J.* Les lois expérimentales. Le cas français. In: L'écriture du droit. Face aux technologies de l'information / Sous la direction de Danièle Bourcier et Claude Thomasset; préface de Jean Carbonnier. Paris: Éditions Diderot, 1996. P. 167–203. (In French.)

25. *Cowan D.* Predictive analytics for lawyers: a five step process. Developing a successful strategy for predictive analytics lies in knowing a balance between big data and people. (In Eng.)

26. *Geisser S.* Predictive Inference: An Introduction. Dordrecht: Springer, 1993. XII. 264 p. (In Eng.)

27. *Hirsch D.* Predictive Analytics Law and Policy: A New Field Emerges. I/S: A Journal of Law and Policy. 2017. Vol. 14. Issue 1. P. 1–9. (In Eng.)

28. *McGinnis J.O., Russel G.P.* The great disruption: How machine intelligence will transform the role of lawyers in the delivery of legal services. Fordham Law Review. 2013. Issue 82. P. 3041–3066. (In Eng.)

29. *Nay J.J.* Predicting and understanding law-making with word vectors and an ensemble model. PLoS One. 2017. Vol. 12. Issue 5. P. 1–14. (In Eng.)

30. *Ranchordás S.* Constitutional Sunsets and Experimental Legislation: A Comparative Perspective. Cheltenham (UK): Edward Elgar, 2014. VIII. 238 p. (In Eng.)

31. *Ranchordás S.* Time, Timing, and Experimental Legislation. Theory and Practice of Legislation. 2015. Vol. 3. Issue 2. P. 135–139. (In Eng.)

Информация об авторе:

М.В. Дегтярев
Кандидат юридических наук,
губернатор Хабаровского края
680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 56
ORCID: 0000-0003-0409-369X
ResearcherID: AAS-5312-2021

Information about the author:

M.V. Degtyarev
Government of Khabarovsk Krai
56 Muravyov-Amursky st., Khabarovsk, 680000, Russia
ORCID: 0000-0003-0409-369X
ResearcherID: AAS-5312-2021

УДК 347.61

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-181-205

МЕТОД СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е.Г. Комиссарова
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Тюменский государственный университет
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

***Введение**: реальный потенциал метода сравнительно-правовых исследований, предписанный ему историей и современностью компаративистики, в исследованиях по семейному праву пока реализуется недостаточно. Заметна слабость теоретической базы, питающая методологию сравнительно-правовых семейных исследований. Отсюда много простых механических отсылок к зарубежным нормам, не сопровождаемых должными теоретическими и практическими посылами, и укоренившаяся тенденция выдавать за метод сравнительного правоведения сравнительные и историко-правовые приемы исследования, на самом деле имеющие мало общего с методологическими канонами компаративистского метода. **Цель** исследования состоит в формулировании методологических положений на основе уже известных из теории права знаний о методе сравнительно-правовых исследований, которые могут быть положены в основу работы с методом сравнительно-правовых исследований в науке семейного права. **Методы**: метод сравнительно-правового исследования как частнонаучный метод познания правовых явлений, формально-юридический и логический методы, метод научного обобщения. **Результаты**: исторически самобытный характер национального семейного права не исключает сравнительно-правового исследования его норм, институтов, доктрин в пользу преодоления того, что в национальной науке семейного права привычно принимается как само собой разумеющееся под видом коренного, национального. Абсолютное большинство современных семейно-правовых систем сегодня не свободны от мировой компоненты, ориентирующей на уважение частной и семейной жизни. Отсюда вопрос о возможности адаптации существующего семейно-правового регулирования к общим стандартам правового регулирования отдельных сфер семейного существования с позиции восприятия их в глобализирующемся мире становится неформально актуальным. Необходимым условием для использования когнитивного потенциала метода сравнительного правоведения является*

не столько внешняя, сколько содержательная сопоставимость сравниваемых семейно-правовых явлений. Источники такой сопоставимости надлежит черпать в семейно-правовой политике зарубежных стран, доктринальных взглядах и течениях, законодательных идеях, систематике семейно-правовых норм и в судебной практике. Эти политические, теоретические, нормативные и правоприменительные идентификаторы обеспечивают объективность сравнительно-правовых исследований, влияя на последующий процесс адаптации полученных результатов. Проведение сравнительно-правового анализа законодательства, научных доктрин и судебной практики отдельных стран – это не конец, а начало реализации метода сравнительно правовых исследований, заключающееся в адекватном внедрении полученных сравнительно-правовых знаний в отечественное пространство семейного права.

***Ключевые слова**: компаративистика; нормативная и доктринальная идентификация; семейно-правовая политика; идея кризисной парадигмы семьи; трансформационные взгляды на семью и семейные отношения.*

THE METHOD OF COMPARATIVE LAW IN FAMILY LAW RESEARCH

E.G. Komissarova
Perm State University,
Tyumen State University
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

***Introduction**: the real potential of the method of comparative legal research, prescribed to it by the history and modernity of comparative studies, is not yet being realized in research on family law. The weakness of the theoretical base that feeds the methodology of comparative legal family research is noticeable. Hence, there are many simple mechanical references to foreign norms, not accompanied by proper theoretical and practical messages, and an ingrained tendency to pass off as a method of comparative jurisprudence comparative and historical-legal research techniques that actually have little in common with the methodological canons of the comparative method. **The purpose** of the study is to formulate methodological provisions based on the knowledge already known from the theory of law about the method of comparative legal research, which can be used as a basis for working with the method of comparative legal research in the science of family law. **Methods**: the method of comparative legal research as a private scientific method of cognition of legal phenomena, formal legal and logical methods, the method of scientific generalization. **Results**: the historically distinctive nature of national family law does not exclude comparative legal research of its norms, institutions, doctrines in*

favor of overcoming what is habitually taken for granted in the national science of family law under the guise of indigenous, national. The absolute majority of modern family legal systems today are not free from the global component that focuses on respect for private and family life. Hence, the question of the possibility of adapting the existing family legal regulation to the general standards of legal regulation of individual spheres of family existence from the perspective of their perception in a globalizing world becomes informally relevant. A necessary condition for the use of the cognitive potential of the method of comparative jurisprudence is not so much the external as the meaningful comparability of the compared family-legal phenomena. The sources of such comparability should be drawn from the family law policy of foreign countries, doctrinal views and trends, legislative ideas, the systematics of family law norms and judicial practice. These political, theoretical, regulatory and law enforcement identifiers ensure the objectivity of comparative legal research, influencing the subsequent process of adapting the results obtained. Conducting a comparative legal analysis of legislation, scientific doctrines and judicial practice of individual countries is not the end, but the beginning of the implementation of the method of comparative legal research, which consists in the adequate introduction of the obtained comparative legal knowledge into the domestic space of family law.

***Keywords**: comparative studies; normative and doctrinal identification; family and legal policy; the idea of a family crisis paradigm; transformational views on family and family relations.*

Введение

Благодаря новым поисковым ресурсам и общемировым достижениям в области научной литературы появилась неформальная возможность осмыслить действующее национальное право во всех его аспектах, включая сравнительно-правовой. Этот сегмент сегодня присутствует во всех структурах юридического познания, но объем его присутствия и методология использования разнятся. В семейно-правовых исследованиях такие труды «занимают ничтожное место, чему трудно найти оправдание в условиях глобализации и интеграции» [25, с. 24]. В этом состоит одна из причин того, что реальный потенциал метода сравнительно-правовых исследований, предписанный ему историей и современностью компаративистики, в исследованиях по семейному праву остается реализованным не в полной мере.

Проблема не ограничивается одним лишь незначительным числом таких исследований. Она скорее еще и в том, что знание о методе сравнительного правоведения в семейно-правовой науке носит в большей степени имплицитный (периферийный, неразвернутый), нежели эксплицитный, характер. Отсюда берет свое начало слабость

теоретической базы, которая питает методологию семейно-правовых исследований. Пока она в недостаточной степени сопряжена с общеизвестными канонами компаративистики, ориентированными на триаду «установления права, подлежащего сравнению, сам процесс сравнения и последующую адаптацию результатов сравнения»[1]. И это тоже одна из причин того, что алгоритм включения метода сравнительно-правового исследования в познавательный инструментарий семейного права часто оказывается ограниченным простым описанием «как там» и «как здесь». В зависимости от исследовательской позиции автор обычно замыкается на одной из презумпций – сходстве или различии национального и зарубежного законодательств, сопровождая исследование механическими отсылками к зарубежным нормам, мало заботясь об убедительности теоретических посылок и соответствующей научной аргументации. Число таких трудов угрожающе растет, привнося в академическую практику исследования семейно-правовых явлений заметные элементы упрощения.

Отставание семейно-правовой науки в познании теоретической базы метода сравнительного правоведения и в методиках его вовлечения в процесс исследования влечет за собой вполне ощутимые эффекты. Один из них в сохранении высокой популярности сравнительного[2], историко-сравнительного и интерпретационного ресурсов, пригодных больше не столько для академических, сколько для учебных целей. Второй эффект послаблений при использовании компаративистики в науке семейного права более весомый, и выражен он в том, что баланс поистине конструктивного и описательно-иллюстративного материала в нем уже не является разумным.

Эффект такого невыгодного баланса позволяет «по старинке» считать метод сравнительного правоведения в семейном праве не значимым методологическим инструментом, а сугубо вспомогательным, если не сказать ярлыковым, приемом, мало влияющим на основополагающие научные идеи, их актуальность и теоретическую обоснованность.

Нельзя не отметить тот факт, что проблема вовлечения в семейно-правовые исследования метода компаративистики в его собственном значении, без преувеличения, носит деликатный характер. С одной стороны, «в силу исключительной самобытности национального семейного права говорить о взаимосвязи, взаимозависимости, конвергенции, рецепции в связи с иностранным семейным правом не являет-

[1] Эти задачи познания сравнительного права провозгласил французский компаративист проф. Раймон Салей (Raymond Saleilles) – один из организаторов известного I Международного конгресса сравнительного права в 1900 г. [см.: 19].

[2] Об отличиях сравнительного метода от метода сравнительного правоведения см.: [18].

ся научно оправданным» [4, с. 367]. Эта максима, сообщающая о том, что различия в семейном законодательстве разных стран вытекают из их истории, а потому не способны к нейтрализации, является общеизвестной. Иное может быть воспринято обесцениванием национального, традиционного как всего того, что отвечает русскому менталитету с его исторической многонациональностью, многоконфессиональностью и многокультурностью. В этом состоит одна из причин того, что Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации допускает внедрение полезных моделей зарубежных семейных политик только с учетом отечественных национально-культурных особенностей и традиций[1].

С другой стороны, даже применительно к такой самобытной сфере регулирования, как семейные отношения, неразумно остаться в плену местечкового, само собой разумеющегося, без желания приблизиться к пониманию того, насколько вообще допустимы общие стандарты правового регулирования отдельных сфер семейного существования с точки зрения освящения семейно-правовых институтов в глобализирующемся мире. В том мире, в котором все больше возрастают наднациональные устремления за счет интеграции основополагающих идей в области правового регулирования[2]. В условиях этого и такого мира «осознанное проникновение в различные социумы и культуры нашей планеты с целью стимулирования процессов отмирания закоренелых национальных предрассудков способствует улучшению понимания между народами» [30, с. 28].

В связи с этим нельзя не признать того очевидного факта, что воздействие, исходящее от Конвенции о правах человека и основных свободах (ЕКПЧ)[3], Конвенции ООН о правах ребенка[4] и начиная с 1989 г.

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http:// www.pravo.gov.ru.

[2] Для этих целей в Европе создана Комиссии по европейскому семейному праву, основная цель деятельности которой заключается в теоретической и практической работе в направлении гармонизации семейного права в Европе, анализе современного состояния сравнительных исследований по гармонизации семейного права в европейских странах, поиске, на общей основе, решений ряда правовых проблем семейного законодательства. В 2007 г. эта Комиссия разработала Принципы европейского семейного права, касающиеся родительских прав и обязанностей (Principles on Parental Responsibilities). URL: http:// ceflonline.net/principles.

[3] Принята 4 ноября 1950 г. в г. Риме. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm= 1637389497&tld.

[4] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

от Европейского суда по правам человека, делает несвободным национальные семейно-правовые системы от общемировой компоненты. Несмотря на то, что процесс пока идет спонтанно, имея сравнение с лоскутным одеялом, но он идет, неся с собой понимание того, что современная семейно-правовая культура отдельной страны – это культура, не свободная от внешних воздействий [3, с. 5]. А потому в ней не может и не должно быть абсолютного стремления к внутренней самоидентификации. Она больше не может быть обречена на строго фиксированное содержание, в котором отсутствует связь традиционности (истории), рационализма (потребности практики) и опыта других народов. Поэтому в отечественном правоведении присутствует твердая позиция, согласно которой национальная ограниченность правовых знаний пределами данной страны, их замкнутость на сугубо национальном позитивистском материале, при всей его важности для каждого правоведа, является в конечном счете губительной для правоведения как истинной науки [1, с. 311].

Историческая эволюция юридического сравнения в семейно-правовом познании

В исторических обзорах, связанных с описанием процесса вовлечения метода сравнительного правоведения в науку семейного права, точкой отсчета обычно указываются труды советских правоведов А.Г. Гойхбарга и Г.К. Матвеева [11; 22]. Это было то историческое время, когда метод компаративистики числился в числе незатейливых [26, с. 12]. Причина была понятна. Соответствуя своему времени, метод сравнительного правоведения использовался не столько для познания капиталистического права и его сопоставления с советским правом, сколько для противопоставления социалистического и буржуазного права в целях борьбы с буржуазной идеологией.

Но история связи и соотношения российского и зарубежного законодательного опыта в области семейно-правового регулирования имеет на самом деле более ранний отсчет, о чем свидетельствует имперская история становления официального семейного правосознания. В ней не менее явно отражен сложный и противоречивый путь конвергенции российского права с иностранными правопорядками.

Первые следы правового сравнения, недифференцированного по сферам бытия, обнаруживаются в 1770 г., когда стала понятна «малая согласуемость законов новых с законами старыми, московскими» [32, с. 66]. Необходимость преодолеть такое положение привела к изданию 18 февраля 1700 г. царского указа, которым боярам, окольничьим и думным было велено заниматься сводом Уложения и новых статей

посредством соединения («снесения») Соборного уложения 1649 г. со всеми правовыми актами, изданными после Уложения. Работа шла трудно, «составить Уложение, которое бы не имело сходства ни с каким другим Уложением, нет никакой возможности» [9, с. 99]. В 1718 г. всем коллегиям было повелено составить пункты законов и расположить их по образцу шведского Уложения... не потому, что Петр Великий хотел ввести в Россию законы шведские, но потому, что в его время Уложение сие было лучшим [9, с. 95, 99].

Различие русского и шведского права, чрезвычайная трудность их согласования, в соединении с частными причинами, в итоге привели к неудаче [32, с. 69]. Проекту Уложения не суждено было появиться, однако именно это время (конец XVII – начало XVIII в.) названо началом периода западного влияния в России. Как отмечал историк В.О. Ключевский, если до этого момента было только взаимовыгодное общение, то теперь – исключительно влияние, которое характеризуется тем, что общество (в данном случае русский народ), его воспринимающее, начинает сознавать превосходство среды или культуру влияющей страны и необходимость у нее учиться, ей подчиняться, заимствуя у нее не одни только житейские удобства, но и основы житейского порядка, взгляды, понятия, обычаи, общественные отношения [16].

При составлении проекта Гражданского уложения Российской империи 1809–1814 г. лучшим образцом для его составления было признано французское Уложение. Даже несмотря на то, что в тексте этого Уложения были существенные особенности: «во французском Уложении права принадлежат всем – в российском они ограничиваются разными состояниями. Там брак есть гражданский договор – у нас таинство церкви. Там дозволяется развод в известных случаях – у нас не допускается развод, иначе как по причинам, церковью признанным» [9, с. 100].

Существенность различий не помешала при составлении проекта российского Уложения учесть «опыт кодификации гражданского права во Франции, а также достижения древнеримской и западноевропейской цивилистики» [29, с. 89]. Отвечая обличителям Уложения, получившего «иноземное происхождение», М.М. Сперанский апеллировал к римскому праву, системе прусских Ландрехтов и Кодексу Наполеона 1804 г., указывая, что «раз то или иное юридическое определение усвоено всею Европою, то нам невозможно в науке правоведения вводить новый язык, другим незнакомый, если бы даже можно было образовать его лучше и точнее» [9, с. 100].

Для России это было время отсутствия ученых сил, а потому формирование знания о том, как и по каким правилам следует обращаться

к праву другой страны, было еще впереди. Тогда как в зарубежной науке метод правового сравнения был сформулирован в конце XIX в. в рамках учения об экзегезе (толковании) права, ориентированного исключительно на законодательные тексты, трактуемого как описательный метод [33, с. 8; 44, с. 31].

Историческое познание семейного права принесло многочисленные факты того, что оно вплоть до революционных событий существовало на уровне обычного (крестьянского) права, не вычлененного из народной жизни. Это были нормы исключительно самобытного характера, порожденные особой культурно-экономической средой. По понятным причинам в юридическом смысле они не могли быть подвергнуты никакому сравнению с другими странами. И все же такая попытка диахронного историко-сопоставительного анализа норм крестьянского права и «готового чужеземного византийского права» была предпринята в диссертационном исследовании, посвященном исключительно русскому праву, А.И. Загоровским. Автор сделал вывод о том, что «для старой Руси оно не по плечу, так сказать, слишком идеально» [13, с. 247]. Отмечая небесполезность такого сопоставления правил о русском разводе с византийским правом, русский юрист Н.С. Суворов отмечал, что его автор при этом «мало заботится о том, выражается ли в них, в большей или меньшей степени, правосознание данной эпохи, или они не имеют никакого отношения к правосознанию» [28, с. 27].

Рецепция византийского права, сословный строй, теории социалистического переустройства общества, во многом устроенные на отторжении «буржуазного», – все это неотъемлемая часть современного семейно-правового опыта.

Сегодняшний зарубежный опыт для российской доктрины и законодателя имеет иное значение. Факт обращения к нему «превращается в сложную, чрезвычайно ответственную процедуру с точки зрения национальных интересов той или иной страны», сообщая о том, что время принятия «односложных, элементарных правовых решений, приветствующих любую рецепцию, осталось в прошлом» [20, с. 36; 21, с. 13]. На смену ему пришло понимание того, что познание зарубежного опыта имеет устойчивые правила, позволяющие понять, что проблема научного описания жизни людей, живущих в других культурах и иных социальных контекстах, уже не выглядит столь однолинейно. Нынешнее познание этого опыта подчинено другой цели – «задуматься над путями решения проблем наиболее эффективного и справедливого правового регулирования в условиях российских реалий» [15, с. 5].

Метод сравнительно-правового анализа как элемент методологического регламента в семейно-правовых исследованиях

В иерархии методов юридической науки метод сравнительного правоведения отнесен к частнонаучным методам познания, имея в своей основе знание теории государства и права, усвоившей научные достижения других гуманитарных наук. Это предопределяет собственное, исключительно юридическое содержание данного метода, обязательно связанное с выходом за пределы национального права.

Современное научное сообщество уже вполне определилось не только с сущностными признаками метода сравнительного правоведения, но и с его концептуальными принципами, обычно транслируемыми в актуальной учебной литературе через указание на принцип объективности, принцип всестороннего учета исторических, национальных, социально-экономических, политических условий, принцип функционализма и принцип сравнимости [6; 10, с. 8; 27]. Указанные принципы в полной мере согласуются с теми ориентирами, которые обозначил еще в самом начале XX в. один из участников первого Международного конгресса сравнительного права компаративист Д. Ламбер, указавший на необходимость «для действительно полезного продвижения в компаративистской работе знать дух и смысл как самого закона, так и решения, основанного на нем» [36].

С того момента (начало 1990 г.), как сравнительное правоведение в России обрело статус научной дисциплины, в многочисленных научных источниках неоднократно воспроизведены цели и задачи обращения к методу сравнительного правоведения, будучи разделенными на гносеологические и практические. Последние наиболее явно обозначил основатель американского журнала сравнительного права (American Journal of Comparative Law (AJCL)) Х. Интема. Накануне его издания в 1952 г. компаративист указал на цели, которые надлежало решать новому периодическому изданию: 1) собирать необходимый материал и исследовательские приемы юридической науки, которая является, по существу, сравнительной; 2) улучшать понимание национального права, погрязшего в доморощенном позитивизме и провинциальных взглядах; 3) способствовать пониманию иностранных правовых систем и установлению международного взаимопонимания; 4) подготавливать международную унификацию права; 5) содействовать определению законодательной политики; 6) определить идеалы и ценности, которые должны руководить прогрессом права [38].

Не станем повторять уже концептуализированное и академически ценное, относящееся к методу сравнительного правоведения. В целях

усиления качества убедительности последующих авторских суждений воспроизведем одно из определений метода сравнительного правоведения, данного в науке частного права, где он определен как «метод, примененный к количественно более богатому и содержательно более глубокому исходному материалу – законодательному и правовым нормам, а также к юридическим институтам и конструкциям, сформировавшимся в других правопорядках» [5, с. 94]. На основе этого определения отдельно остановимся на тех пунктах проблематики метода сравнительного правоведения, которые позволяют организовать методологические рамки проблематики, заключенной в наименовании настоящей статьи.

Как известно, содержательное наполнение метода не исчерпывается одной лишь формальной атрибутикой, заключенной в его формулировке. Дело также заключается и в том, какие познавательные приемы и способы он в себе заключает[1]. В этом состоит одна из причин того, что сущность метода обычно воспроизводится не столько за счет его определения, сколько толкования через указание на его функционал в виде сопоставления системы правовых норм, позволяющего выявить «закономерности и тенденции развития брачно-семейных отношений иностранных государств, а также соответствие национального законодательства международным стандартам с целью решения теоретических и практических проблем» [8, с. 13].

Как и в любой другой области юридического знания, цель обращения исследователя к методу сравнительно-правового исследования в науке семейного права определяется исследовательской позицией автора. Это может быть поиск академической поддержки по итогам «иерархического» диалога между зарубежным и национальным уровнями законодательства, теории, судебной практики. Другая позиция может быть нацелена на усиление доктринального веса авторских суждений за счет параллели с тем, как «у них». Авторы третьей могут стремиться к теоретическому обоснованию того, что зарубежный подход к решению заявленной проблемы является единственно верным в части законодательного реагирования.

Верной представляется первая позиция, но таких в современной семейно-правовой науке пока явно недостает. Более типичны повествования «кейсового» стиля, когда отдельная группа норм извлекается из общего национального контекста и проводится его межстрановое сопоставление (простой сравнительный анализ), мало сопровождаемый теоретическими обобщениями автора. Чаще всего при таком

[1] Подробнее о приемах и способах, наполняющих содержание метода исследования, см.: [17, с. 56].

подходе данные, выданные за итог исследования, оказываются добытыми не путем сравнительного текстового анализа оригинального законодательства и его перевода, а за счет получения информации вторичного свойства из уже ранее проведенных исследований.

Если вспомнить о необходимой составляющей метода сравнительно-правового исследования – последующей адаптации полученных результатов сравнительно-правовых исследований (один из пунктов триады Р. Салея), то эффект адаптации таких результатов часто оказывается нулевым, фактически ничего не добавляя в уже имеющееся научное знание по проблеме.

Нечасто, но можно встретить третью позицию, чей познавательный исход связан с утверждением, что «так правильно» и отечественный законодатель должен присмотреться к уже имеющемуся зарубежному решению вопроса. Но в этой позиции обычно хватает методологических упущений в связи с непознанностью исторических корней приводимого зарубежного нормативного решения, неучетом состояния как ретроспективных, так и перспективных текущих правовых исследований, а также опущения политических, социальных и экономических контекстов, повлиявших на принятие того или иного законодательного реагирования.

Вопрос о контекстах надлежит обсудить более подробно. Этому аспекту, достаточно значимому для обеспечения методологической корректности, в отраслевых исследованиях уделяется мало внимания или не уделяется совсем. Далеко не каждый автор, вовлекший в свое исследование сравнительно-правовой метод, несет с собой багаж знаний о них. В то время как в общеизвестных научных источниках, посвященных компаративистике, пункт, касающийся значимых контекстов, неизменно присутствует через указание на необходимость научного рефлексирования на «(1) историческое происхождение и развитие правопорядка; (2) специфику юридической мысли; (3) особенность правовых институтов; (4) вид источников права и их толкование; (5) идеологические факторы» [43].

Вопрос о том, что страны различаются не только названием, формой правления, месторасположением, климатом и количеством населения, относится к бесспорным. В равной мере столь же бесспорен и вопрос о том, что «регионы мира различаются в зависимости от того, какие модели семьи в них преобладают» [37]. Различия неизменно присутствуют в социально-экономическом и политическом смысле, неоднозначном образе жизни, научной составляющей и идеологии. Понять это помогает не здравый смысл и не простая эмпирика, а исследования, проводимые в других областях гуманитарного знания, и непосредственный анализ законодательных текстов другого пра-

вопорядка, включая аналитику документов, создаваемых на стадии проектных законодательных работ. Игнорирование этих видов мыслительной активности обычно ставит под сомнение методологическую выверенность самого процесса вовлечения в научное познание сравнительно-правового метода.

Усложняющиеся представления о критериях, лежащих в основе многообразия права, позволяют увидеть, что на семейно-правовое регулирование в разных странах оказывают влияние и такие факторы, как семейно-правовая политика, проводимая той или иной страной, идеологические убеждения законодателя, его базовые установки, наличие или отсутствие в стране демографических проблем, качество и количество доктринальных исследований, проводимых в стране, состояние судебной системы, плюс другие неявные факторы правового развития конкретной страны. В идеале знания об этих показателях являются значимыми для любого сравнительно-правового проекта, хотя бы по той причине, чтобы не уйти в тот понятийный крен, где живет максима о том, что сходные потребности ведут к общим правовым решениям.

Как бы ни были различными правовые системы разных государств, концептуальные знания о семье и семейных отношениях все же не относятся к категории несопоставимых. Не в последнюю очередь это связано с терминологическими причинами. Юридические термины, составляющие догматику семейного законодательства европейских стран, имеют одни и те же истоки, беря свое начало от греческой философии, юридической практики Рима, религиозных установлений Средневековья и всего того, что сегодня стало общедоступным для современного анализа, включая право наднациональное. Поэтому процесс научного взаимовлияния идет и будет идти дальше, неизменно обнаруживая в нем как общее, так и особенное.

К последнему можно причислить тот факт, что зарубежные правовые исследования о семье серьезно адаптированы к исследованиям, выполненным в смежных с юриспруденцией областях: социологии, психологии, антропологии, демографии. Это позволило представителям юриспруденции встать на позиции постмодерна в исследовании семьи, что значительно упрощает и облегчает процесс адаптации национального законодательства к актам международного права и его интеграцию с наднациональным законодательством. Представители российской социологической науки также зафиксировали и обосновали социальные показатели, свидетельствующие о трансформации семейных, брачных и родительских отношений в виде отделения родительства от его биологической основы, увеличение случаев неформального сожительства (гражданский брак) и числа

семей с одним родителем и др.[1] В отечественной социологии эти тенденции обусловили появление двух направлений. Одни авторы в своих исследовательских подходах рассуждают в рамках кризисной парадигмы (А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, В.А. Борисов, В.М. Медков, А.Б. Синельников), констатируя кризисное состояние института семьи и производных от нее отношений. Представители другого – эволюционистского направления (А.Г. Вишневский, С.И. Голод, М.С. Мацковский) подходят к исследованию семейных отношений с позиций социально-культурной модернизации, вследствие которой традиционная семья преобразуется в новые альтернативные семейно-брачные формы.

Российские семейно-правовые исследования пока мало адаптированы к социологическим достижениям, разве что в части заимствования эмпирических методов познания. Эта отделенность, не свойственная зарубежным исследованиям по семейному праву, обусловила преобладание в семейно-правовой науке кризисной парадигмы, предопределяя тот факт, что практически каждое семейно-правовое исследование начинается с констатации кризиса семьи. Неустанная эксплуатация кризисной терминологии в семейно-правовой тематике значительно сдерживает формирование дружелюбного отношения к семье в российской правовой доктрине, не позволяя стать ему явным, системным и всеохватывающим.

Отсутствие или формальное точечное присутствие в отечественных сравнительно-правовых исследованиях зарубежного научно-теоретического сегмента стало почти доктринальной нормой. Это не только лишает убедительности и выверенности проводимые нормативные сопоставления, но и обеспечивает неверные теоретические следствия, исходящие от исследователя, обрекая отсылку к зарубежному опыту не больше чем на иллюстрацию «зарубежной картинки».

Не стоит считать, что европейская наука семейного права отказалась от идеи нуклеарной семьи. Такой тип семьи, как и в России, по-прежнему составляет базовую национальную ценность. Однако в странах с продвинутой демократией это не мешает устраивать теоретические суждения на базе тех эволюционных изменений, которые уже тронули европейскую семью. Это обеспечивает значительное разнообразие европейских семейно-правовых дискурсов, формируемых за счет исследования таких актуальных теоретических направлений, как фундаментальные изменения в партнерских отношениях на фоне требований о балансе семьи и профессии; повторнобрачные семьи

[1] Актуальный межстрановый социологический анализ семьи и семейной политики см.: [12].

и интересы ребенка в таких семьях, внебрачные формы семейной жизни; демографические проблемы. Так, правоведы Германии открыто рассуждают об изменении жизненных параметров современной немецкой и в целом европейской семьи. Поэтому здесь давно и непредвзято обсуждают как вариативность семейной жизни, так и новые формы семьи, что не слишком характерно для российской юриспруденции [34; 35]. Другие зарубежные исследования, также не отрицающие идею традиционной нуклеарной семьи, наполнены такими актуальными проблемами, как воссоединенные семьи, в которых есть приемные дети, суррогатное воспитание ребенка, дополнительное родительство, интересы ребенка в сводных семьях и неформальных семейных союзах [42]. Идеология этих исследований основана на тезисе о том, что вполне гуманно и актуально.

Этот научный потенциал крайне актуален для отечественной семейно-правовой науки, во многом застрявшей в социалистических шаблонах семьи и семейных отношений, на что уже не единожды обращалось внимание [8, с. 23; 23].

Если рассуждать об особенностях семейной политики в европейских странах, то следует оттолкнуться от тезиса о том, что этот термин не является сугубо национальным. В современном мире он вполне узнаваем, имея тесную связь с европейскими стандартами, ориентированными на права и свободы человека.

Страной, где исторически семейная политика является целостной и актуальной, считается Франция, озаботившаяся этой проблемой сразу после Второй мировой войны и проводящая сегодня интенсивную пронатальную политику [14, с. 97]. Для многих европейских стран семейная политика Франции (как и Дании, пристально следящей за соблюдением гендерного равенства) является образцом. Принципиальной чертой политики этой страны является тот факт, что она направлена на участие, предоставление и поддержку семьи с детьми любого типа и во всех аспектах ее жизнедеятельности. Это определяет и направления научных исследований и отражается на идеологии французского семейного законодателя, в равной степени беспокоящегося как за традиционность этой политики (например, сохранение правил об анонимных родах), так и за ее современность (дружественная опека, делегирование родительских прав и др.).

Страной с более дифференцированным типом семейной политики является Германия. В этой стране начиная с 1968 г. составляются так называемые отчеты о положении дел в сфере семьи (Familienberichte), издаваемые независимой экспертной комиссией с интервалом в несколько лет. В одном из 10 направлений этой политики указывается на необходимость учета происходящих изменений в структуре цен-

ностей современного человека, связанных с плюрализацией форм семейной жизни и процессами деинституционализации семьи [40]. Это не означает, что Германия отказалась от идеи нуклеарной семьи, основанной на браке и моногамии, но и не стремится вернуть прошлое, когда фактический и юридический портреты традиционной нуклеарной семьи виделись полностью совпадающими.

В апреле 2016 г. в стране была принята Национальная стратегия постоянного развития, которая включила в себя три направления постоянной семейной политики общества, дружественного детям: укрепление экономической основы семьи; расширение предложений по заботе о детях; ориентация всего общества на потребности детей[1].

Иной тип семейной политики – либеральный проводит Великобритания, исповедуя принцип невмешательства государства в дела семьи, ставя личный выбор лица выше государственного регулирования. Страна не испытывает демографического кризиса, и здесь существуют наилучшие условия для удачного соединения семейной и профессиональной карьеры (Work-Life Balance). Гибкость судебных прецедентов и казуистика семейных норм, способных поддержать положения национальной семейной политики, обеспечивают эффективность ее результатов, позволяя беспрепятственно проводить интенсивные мероприятия по приведению существующих в стране социальных стандартов в соответствие с общеевропейским уровнем [39].

Другой тип семейно-правовой политики принят в России. Ее однонаправленно пронаталистский характер многократно описан в литературе [7; 24; 34]. По социально-экономическим и демографическим причинам в ней пока мало эволюционности. Из одного программного документа в другой с завидным постоянством «перекочевывают» шаблонные положения [7, с. 12]. Стремление не утратить достигнутое, в первую очередь идеальный образ нетронутой нуклеарной семьи, невозможность успеть за необузданной глобализацией с ее приоритетами личных прав и свобод, российская семейно-правовая политика игнорирует то новое, что объективно пришло в сферу семейной жизни, находя свою объективную обусловленность в том числе и в таких факторах, которые были ранее неведомы для российской социальной жизни: финансовое участие государства в делах семьи, «способное творить чудеса при наличии на то достаточных средств у публичной власти», компьютеризированный быт семьи,

[1] См.: Deutsche Nachhaltigkeitssrategie – Neuauflage 2016. Hrsg.: Die Bundesregierung, Stand: 1 Oktober 2016, Kabinettbeschluss vom 11 Januar 2017 // URL: https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975292/730844/3d30c6c2875a9a08d364620ab7916af6.

реально работающие технологии вспомогательного репродуктивного лечения, увеличение числа трансграничных браков и форм семейного сожительства и др. [7].

Но дело не только в семейной политике, влияющей на законодательные построения. Прибегая к сравнительно-правовым исследованиям семейно-правовых явлений, не следует забывать, что кроме политических устремлений, заключенных в национальные документы, доктрины права, национального и наднационального законодательства и порожденной им судебной практики современная Европа испещрена условными границами международных (наиболее известная, но не единственная – Совет Европы), правительственных и неправительственных организаций (Фонд защиты детей в России[1], Молодежный союз и Союз детей в Германии, феминистические организации) [41]. Эти объединения как часть демократических процессов выступают неформальными посредниками между властью и обществом, оказывая влияние на семейно-правовую политику, а также на семейно-правовую доктрину. Безусловно, эти течения оказывают влияние и на законодательные представления конкретной страны о том, как должна быть организована семейная жизнь ее граждан. При этом дело вовсе не ограничивается стилистическими разновидностями тех или иных законоположений, как иногда принято считать. Эти представления разнятся в зависимости от тех идей, что положены в основу семейного нормообразования в той или иной стране. В этом-то и состоит причина того, что в современном сравнительном правоведении утвердилась здравая научная мысль о том, что труд компаративиста «может быть продуктивным только при условии знания «генеалогий исследуемых институтов» [44]. Этой самой генеалогии очень часто недостает текущим сравнительно-правовым исследованиям, предпринимаемым в современной науке российского семейного права.

Заключение

Кратко обобщая основные результаты теоретико-методологического анализа использования сравнительно-правового метода в семейно-правовых исследованиях, отметим основные итоговые положения.

1. Необходимым условием для использования когнитивного потенциала метода сравнительного правоведения является не столько

[1] Общероссийская общественно-государственная организация, созданная Указом Президента РФ от 6 октября 2020 г. № 614 в целях объединения усилий государства и гражданского общества по защите прав детей, созданию условий, способствующих их всестороннему развитию и воспитанию // URL: https://www.miloserdie.ru/news/chem-zajmetsya-novyj-fond-zashhity-detejrasskazal-albert-lihanov/.

внешняя, сколько содержательная сопоставимость сравниваемых семейно-правовых явлений.

2. Требование сопоставимости означает, что сравнению подлежат не только отдельные правовые нормы и термины, но и правовые понятия, стоящие за ними, выработанные правовой доктриной конкретной страны.

3. При проведении сравнительно-правовых семейных исследований важен также учет тех исторических и сопутствующих им социально-экономических условий, в которых соответствующие понятия, конструкции и институты зародились и эволюционировали. К этому обязывают коренные, самобытные признаки многих семейно-правовых явлений.

4. Семейное законодательство любой страны имеет не только собственную юридическую идентичность, но и идентичность политическую, выраженную в установлениях государственной семейной политики. Понимание ее основополагающих идей должно стать необходимых фоном сравнительно-правовых исследований.

5. Проведение сравнительно-правового анализа законодательства, научных доктрин и судебной практики отдельных стран – это не конец, а начало реализации метода сравнительно-правовых исследований, заключающееся в адекватном внедрении и адаптации полученных результатов в отечественное пространство семейного права.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Право на пороге нового тысячелетия: Собр. соч. В 10 т. Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. М.: Статут, 2010. 539 с.

2. *Анцух Н.С.* Сравнительное и международное семейное право: Пособие. Минск: Четыре четверти, 2015. 254 с.

3. *Антокольская М.В.* Проект Европейского гражданского кодекса и проблемы гармонизации семейного права // Ежегодник сравнительного правоведения. М.: Норма, 2005. С. 5–31.

4. *Арсланов К.* Конвергенция российского и германского опыта гражданско-правового регулирования: история, современность и перспектива: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2020. 610 с.

5. *Белов В.А.* Гражданское право. Т. 1: Общая часть. Введение в гражданское право: Учебник для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. Сер. Бакалавр и магистр. Академический курс. М.: Изд-во «Юрайт», 2016. 622 с.

6. *Бехруз Х.* Сравнительное правоведение: Учебник для вузов. М.: Феникс; Одесса: ТрансЛит, 2008. 504 с.

7. *Булаевский Б.А.* Принципы семейного права и правовое обеспечение семейной политики // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Юриспруденция. 2019. № 3. С. 9–17.

8. *Булаевский Б.А.* Принципы семейного права и правовое обеспечение семейной политики. М.: Изд-во «Юрайт», 2020. 405 с.

9. *Винавер М.М.* Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики). М.: Статут, 2015. 385 с.

10. *Гааг Л.В.* Сравнительное правоведение: учебно-методический комплекс. Томск: ИД Томского государственного университета, 2020. 196 с.

11. *Гойхбарг А.Г.* Сравнительное семейное право. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР. 1925. 232 с.

12. *Гурко Т.А.* Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 1. С. 31–54.

13. *Загоровский А. И.* О разводе по русскому праву. Харьков: Тип. М. Ф. Зильберберга, 1884. 490 с.

14. *Зорина Е.К., Кузьмина К.А.* Критерии эффективности семейной политики в России и в странах Европейского союза (на примере Франции и Германии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 12. № 2. Ч. 1. С. 93–105.

15. *Карапетов А.Г.* Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 499 с.

16. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. (Лекции I–XXXII). СПб., 1904. 1146 с.

17. *Комиссарова Е.Г.* Параметры методологии юриспруденции в их функциональном значении (на примере гражданского правоведения) // Методологические проблемы цивилистических исследований. М.: Статут, 2021. С. 50–75.

18. *Кузнецова О.А.* Сравнительно-правовой метод исследования в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Т. 2. № 2. С. 183–214.

19. *Ламбер Э.* Метод сравнительного права (материалы доклада на первом конгрессе по сравнительному праву 1900) // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 216–219.

20. *Малько А.В.* Сравнительное правоведение: юридический словарь-справочник. М.: Проспект, 2017. 112 с.

21. *Малько А.В.* Постмодернизация и глобализация: особенности государственно-правовой жизни общества в XXI веке // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 1 (318). С. 6–17.

22. *Матвеев Г.К.* Семейное право. М.: Юрид. лит., 1978. 239 с.

23. *Михеева Л.Ю.* Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–5.

24. *Носкова А.В.* Эволюция семейной политики в Европе // Вестник МГИМО (Университета). 2013. № 4 (31). С. 291–301.

25. *Рабец А.М.* Формирование и развитие научных школ в доктрине семейного права в РФ (исторический опыт, проблемы и перспективы) // Социальная политика и социология. 2008. № 4. С. 117–130.

26. *Саидов А.Х.* Теоретические проблемы советского сравнительного правоведения: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. 204 с.

27. Сравнительное правоведение: Учеб. пособие / И.А. Андреева, Д.А. Матанцев. М.: Академия управления МВД России, 2021. 96 с.

28. *Суворов Н.С.* Разбор сочинения г. Загоровского «О разводе по русскому праву». СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1888. 58 с.

29. *Томсинов В.А.* Проект Гражданского уложения Российской империи 1809–1814 гг. и его значение в формировании науки российского гражданского права // Законодательство. 2014. № 10. С. 88–94.

30. *Цвайгерт К., Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Основы. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 480 с.

31. *Чернова Ж.* Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 288–290.

32. *Шершеневич Г.Ф.* История кодификации гражданского права в России. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1898. 128 с.

33. *Aucoc L.* Les etudes de legislation comparée en France. Paris: Alfonse Picard, 1889. 17 p.

34. *Klein N., Rapp I.* Der einfluss des auszugss fon kinder aus dem elternhaus auf die beziehungsstabilitat der eltern. Stuttgar. 2010. P. 140–150.

35. *Hans Schleicher, Susanne Nothhafft.* Elterliche Fürsorge-Teil 2: Was elterliche Fürsorge wirklich bedeutet und beinhaltet. 2016. Available at https://www.familienhandbuch.de/familie-leben/recht/ehe familie/Elterliche-SorgeBedeutung.php.

36. *Lambert É.* Conception générale, définition, méthode et histoire du droit comparé. Le droit comparé et l'enseignement du droit; transcription de l'intervention d'E. Lambert / É. Lambert // Congrès international de droit comparé, tenu à Paris du 31 juillet au 4 août 1900. Procès-verbaux des séances et documents: 2 vols. Paris: LGDJ, 1905. Vol. 1. P. 26–61.

37. *Theborn G.* Between Sex and Power: Family in the World, 1900–2000. L.: Routledge, 2004. 392 p.

38. *Yntema H.E.* The American Journal of Comparative Law // AJCL. 1952. Vol. I. P. 22–36.

39. *Wegener A., Lippert I.* Familie und Arbeitswelt: Rahmenbedingungen und Unternehmensstrategien in GroBbritannien, Frankreich und Danemark. Berlin, 2004. P. 144–153.

40. *Wingen M.* Bevolkerungsbewusste Familienpolitik – Grundlagen, Moglichkeiten und Grenzen, Publikationen des Institute fur Ehe und Familie. Wien, 2003. Issue 14. 90 p.

41. *Sommerville J.* Feminism and the Family: Politics and Society in the UK and USA Basingstoke: Macmillan, 2000. 279 p.

42. *Ikelaar J. und George R.* (Hrsg.), Children's rights: In A Broader Context. Rutledge's Handbuch für Familienrecht und Politik. Part 4: Child welfare, Child protection and children's rights. 2. Aufl. Abingdon: Rutledge, 2020.

43. *Zweigert K., Kötz H.* Einfuhrung in die Rechtsvergleichung auf dem Gebiete des Privatrechts. 3. Aufl., Tübingen: J.C.B. Mohr Verlag (Paul Siebeck), 1996. XVII. 729 p.

44. *Jaluzot B.* Méthodologie du droit comparé. Bilan et perspective // Revue internationale de droit comparé. 2005. Issue 1. P. 29–48.

References

1. *Alekseev S.S. Pravo na poroge novogo tysjacheletija. Sobranie sochinenij. linija prava. otdel'nye problemy kontseptsii* [The Right on the Threshold of the new Millennium. Collected Works: Line of law. Selected problems concept]. Moscow, 2010. 539 p. (In Russ.)

2. *Antsuh N.S. Sravnitel'noe i mezhdunarodnoe semejnoe pravo*: posobie [Comparative and International Family Law: A Guide]. Minsk, 2015. 254 p. (In Russ.)

3. *Antokol'skaja M.V. Proekt Evropejskogo grazhdanskogo kodeksa i problemy garmonizatsii semejnogo prava* [Draft European Civil Code and the Problems of Harmonization of Family Law]. *Ezhegodnik sravnitel'nogo pravo vedenija* – Yearbook of Comparative Law. Moscow, 2005. P. 5–31. (In Russ.)

4. *Arslanov K. Konvergentsija rossijskogo i germanskogo opyta grazhdansko-pravovogo regulirovanija: istorija, sovremennost' i perspektiva:* Diss. ... dokt. jurid. nauk [Convergence of Russian and German experience in civil law regulation: history, modernity and perspective: Dis. ... doct. jurid. sciences]. Kazan, 2020. 610 p. (In Russ.)

5. *Belov V.A. Grazhdanskoe pravo. T. 1: Obschaja chast'. Vvedenie v grazhdanskoe pravo: uchebnik dlja bakalavriata i magistratury. 3-e izd., pererab. i dop.* [Civil law. T. 1: General part. Introduction to Civil Law: A Textbook for Undergraduate and Graduate Degrees. 3rd ed., Rev. and add. Series Bachelor and Master. Academic course]. Moscow, 2016. 622 p. (In Russ.).

6. *Behruz H. Sravnitel'noe pravovedenie: uchebnik dlja vuzov* [Comparative Jurisprudence: Textbook for Universities]. Moscow; Odessa, 2008. 504 s. (In Russ.)

7. *Bulaevskij B.A. Printsipy semejnogo prava i pravovoe obespechenie semejnoj politiki* [Principles of family law and legal support of family policy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija Jurisprudentsija* – Bulletin of the Moscow State Regional University. Series Jurisprudence. 2019. Issue 3. P. 9–17. (In Russ.)

8. *Bulaevskij B.A. Printsipy semejnogo prava i pravovoe obespechenie semejnoj politiki* [The Principles of Family Law and Legal Support of Family Policy]. Moscow, 2020. 405 p. (In Russ.)

9. *Vinaver M.M. Iz oblasti civilistiki. Nedavnee vospominaniya i harakteristiki* [From the Field of Civil Law. Recent. Memories and Characteristics]. Moscow, 2015. 384 p. (In Russ.)

10. *Gaag L.V. Sravnitel'noe pravovedenie: uchebno-metodicheskij kompleks* [Comparative Jurisprudence: Educational and Methodological complex]. Tomsk, 2020. 196 p. (In Russ.)

11. *Gojhbarg A.G. Sravnitel'noe semejnoe pravo* [Comparative Family Law]. Moscow, 1925. 232 p. (In Russ.)

12. *Gurko T.A. Teoreticheskie podhody k izucheniju transformatsii instituta sem'I* [Theoretical Approaches to the Study of the Transformation of the Institution of the Family]. *Sotsiologicheskij zhurnal* – Sociological journal. 2020. Tom 26. Issue 1. P. 31–54. (In Russ.)

13. *Zagorovskij A.I. O razvode po russkomu pravu*. [On divorce under Russian law]. Har'kov, 1884. 490 p. (In Russ.)

14. *Zorina E.K., Kuz'mina K.A. Kriterii ¨effektivnosti semejnoj politiki v Rossii i v stranah evropejskogo sojuza (na primere Frantsii i Germanii)* [Criteria for the Effectiveness of Family Policy in Russia and in the Countries of the European Union (on the Example of France and Germany)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* – Bulletin of St. Petersburg University. 2009. Series 12. Issue. 2. P. 93–105. (In Russ.)

15. *Karapetov A.G. Osnovnye tendentsii pravovogo regulirovanija rastorzhenija narushennogo dogovora v zarubezhnom i rossijskom grazhdanskom prave*: Dis. ... dokt. jurid. nauk [The Main Trends in the Legal Regulation of the Termination of a Violated Agreement in Foreign and Russian Civil Law: Dis. ... doc. jurid. sciences]. Moscow, 2011. 499 p. (In Russ.)

16. *Kljuchevskij V.O. Kurs russkoj istorii. (Lektsii I–XXXII)* [Russian history course. (Lectures I–XXXII)]. St. Petersburg, 1904. 1146 p. (In Russ.)

17. *Komissarova E.G. Parametry metodologii jurisprudentsii v ih funktsional'nom znachenii (na primere grazhdanskogo pravovedenija)* [Parameters of the Methodology of Jurisprudence in their Functional Meaning].

Metodologicheskie problemy tsivilisticheskih issledovanij – Methodological problems of civil studies. 2021. P. 50–75. (In Russ.)

18. *Kuznetsova O.A. Sravnitel'no-pravovoj metod issledovanija v tsivilisticheskih dissertatsijah* [Comparative Legal Research Method in Civil Law Dissertations]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskih issledovanij* – Methodological problems of civil studies. 2020. Vol. 2. Issue 2. P. 183–214. (In Russ.)

19. *Lamber `E. Metod sravnitel'nogo prava (materialy doklada na pervom kongresse po sravnitel'nomu pravu 1900* [Method of Comparative Law (Materials of the Report at the First Congress on Comparative Law 1900)]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina* – Bulletin of the University. O.E. Kutafina. 2018. Issue 5. P. 216–219. (In Russ.)

20. *Mal'ko A.V. Sravnitel'noe pravovedenie: juridicheskij slovar' spravochnik* [Comparative Jurisprudence: Legal Dictionary-reference Book]. Moscow, 2017. 112 p. (In Russ.)

21. *Mal'ko A.V. Postmodernizatsija i globalizatsija: osobennosti gosudarstvenno-pravovoj zhizni obschestva v XXI stoletii* [Postmodernization and Globalization: Features of the State and Legal Life of Society in the XXI Century]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie* – Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence. 2015. Issue 1 (318). P. 6–17. (In Russ.)

22. *Matveev G.K. Semejnoe pravo* [Family Law]. Moscow, 1978. 239 p. (In Russ.)

23. *Miheeva L.Ju. Perspektivy razvitija semejnogo prava na rubezhe desjatiletij* [Prospects for the Development of Family Law at the Turn of the Decade]. *Semejnoe i zhilischnoe pravo* – Family and housing law. 2020. Issue 3. P. 3–5. (In Russ.)

24. *Noskova A.V. `Evoljutsija semejnoj politiki v Evrop* [Evolution of Family Policy in Europe]. *Vestnik MGIMO Universiteta* – Bulletin of MGIMO University. 2013. Issue. 4 (31). P. 291–301. (In Russ.)

25. *Rabets A.M. Formirovanie i razvitie nauchnyh shkol v doktrine semejnogo prava v RF (istoricheskij opyt, problemy i perspektivy*) [Formation and Development of Scientific Schools in the Doctrine of Family Law in the Russian Federation (Historical Experience, Problems and Prospects)]. *Sotsial'naja politika i sotsiologija* – Social policy and sociology. 2008. Issue 4. P. 117–130. (In Russ.)

26. *Saidov A.H. Teoreticheskie problemy sovetskogo sravnitel'nogo pravovedenija: Dis. ... kand. jurid. nauk* [Theoretical problems of Soviet comparative jurisprudence: Diss. ... Cand. jurid. Sciences]. Moscow, 1984. 204 p. (In Russ.)

27. *Sravnitel'noe pravovedenie: uchebnoe posobie / I.A. Andreeva, D.A. Matantsev* [Comparative jurisprudence: textbook / I.A. Andreeva, D.A. Matantsev]. Moscow, 2021. 96 p.

28. *Suvorov N.S. Razbor sochinenija g. Zagorovskogo «O razvode po russkomu pravu»* [Analysis of the composition of Mr. Zagorovsky "On divorce under Russian law"]. St. Petersburg, 1888. 58 p. (In Russ.)

29. *Tomsinov V.A. Proekt Grazhdanskogo ulozhenija Rossijskoj imperii 1809–1814 g. i ego znachenie v formirovanii nauki rossijskogo grazhdanskogo prava* [The Draft of the Civil Code of the Russian Empire of 1809–1814 and its Significance in the Formation of the Science of Russian Civil law]. *Zakonodatel'stvo* – Legislation. 2014. Issue 10. P. 88–94. (In Russ.)

30. *Tsvajgert K., Kjotts H. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava* [Introduction to Comparative Jurisprudence in the Field of Private Law. T. 1: Basics]. Vol. 1. Moscow, 1995. 480 p. (In Russ.)

31. *Chernova Zh. Sem'ja kak politicheskij vopros: gosudarstvennyj proekt i praktiki privatnosti* [Family as a Political Issue: State Project and Privacy Practices]. St. Petersburg, 2013. P. 288–290. (In Russ.)

32. *Shershenevich G.F. Istorija kodifikatsii grazhdanskogo prava v Rossii* [History of the Codification of Civil Law in Russia]. Kazan', 1898. 128 p. (In Russ.)

33. *Aucoc L.* Les etudes de legislation comparée en France. Paris: Alfonse Picard, 1889. 17 p. (In French.)

34. *Klein N., Rapp I.* Der einfluss des auszugss fon kinder aus dem elternhaus auf die beziehungsstabilitat der eltern. Stuttgar, 2010. P. 140–150. (In Germ.)

35. *Hans Schleicher, Susanne Nothhafft.* Elterliche Fürsorge-Teil 2: Was elterliche Fürsorge wirklich bedeutet und beinhaltet. 2016. Available at: https://www.familienhandbuch.de/familie-leben/recht/ehe-familie/ElterlicheSorgeBedeutung.php. (In Germ.)

36. *Lambert É.* Conception générale, définition, méthode et histoire du droit comparé. Le droit comparé et l'enseignement du droit; transcription de l'intervention d'E. Lambert // Congrès international de droit comparé, tenu à Paris du 31 juillet au 4 août 1900. Procès-verbaux des séances et documents: 2 vols. Paris: LGDJ, 1905. Vol. 1. P. 26–61. (In French.)

37. *Theborn G.* Between Sex and Power: Family in the World, 1900–2000. L.: Routledge, 2004. 392 p. (In Eng.)

38. *Yntema H.E.* The American Journal of Comparative Law // AJCL. 1952. Vol. 1. P. 22–36. (In Eng.)

39. *Wegener A., Lippert I.* Familie und Arbeitswelt: Rahmenbedingungen und Unternehmensstrategien in GroBbritannien, Frankreich und Danemark. Berlin, 2004. P. 144–153. (In Germ.)

40. *Wingen M.* Bevolkerungsbewusste Familienpolitik – Grundlagen, Moglichkeiten und Grenzen, Publikationen des Institute fur Ehe und Familie. Wien, 2003. Vol. 14. 90 p. (In Germ.)

41. *Sommerville J.* Feminism and the Family: Politics and Society in the UK and USA Basingstoke: Macmillan, 2000. 279 p. (In Eng.)

42. *Ikelaar J. und George R. (Hrsg.).* Children's rights: In A Broader Context. Rutledge's Handbuch für Familienrecht und Politik. Part 4: Child welfare, Child protection and children's rights. 2. Aufl. Abingdon: Rutledge, 2020. (In Eng.)

43. *Zweigert K., Kötz H.* Einfuhrung in die Rechtsvergleichung auf dem Gebiete des Privatrechts. 3. Aufl., Tübingen: J.C.B. Mohr Verlag (Paul Siebeck), 1996. XVII. 729 p. (In Germ.)

44. *Jaluzot B.* Méthodologie du droit comparé. Bilan et perspective // Revue internationale de droit comparé. 2005. Issue 1. P. 29–48. (In French.)

Информация об авторе:

Е.Г. Комиссарова
Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
профессор кафедры гражданского права Тюменского государственного университета,
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
ORCID: 0000-0003-4257-5673
Researcher ID: E-9302-2016
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-61-70E
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-644-663
https://doi.org/10.17072/19954190-2019-46-672-697
https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.1.130.153
https://doi.org/10.24031/2226-0781-2021-11-3-236-258

Information about the author:

E.G. Komissarova
Perm State University
15 Bukireva St., Perm, 614990, Russia
Tyumen State University
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

ORCID: 0000-0003-4257-5673
ResearcherID: E-9302-2016
Articles in “Scopus”/“Web of Science”:
https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-61-70E
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-644-663
https://doi.org/10.17072/19954190-2019-46-672-697
https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.1.130.153
https://doi.org/10.24031/2226-0781-2021-11-3-236-258

УДК 347.1

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-206-225

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ МЕТОД ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

О.А. Кузнецова
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермский институт ФСИН России
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

***Введение**: при проведении современных цивилистических исследований ученые пользуются традиционными методологическими инструментами: формально-догматическим, историко-правовым, сравнительно правовым, правовым моделированием, толкованием правовых норм. При этом усложнение социально-экономических отношений, их комплексность и многоаспектность предполагают регулирование таких отношений при помощи правовых норм различной отраслевой принадлежности. Существование права как единой динамической системы обусловливает множество межотраслевых связей между правовыми нормами, познание которых нуждается в особом специально-юридическом инструменте. В связи с этим все большую роль в юридическом исследовательском инструментарии играет межотраслевой правовой метод. **Цель**: определить понятие межотраслевого метода познания, описать сферы и алгоритм его применения в цивилистике. **Методы**: при проведении исследования применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение, описание) и частнонаучные методы познания, в том числе межотраслевой правовой метод. **Результаты**: показаны основные сферы применения межотраслевого метода при проведении цивилистических исследований нормативно-правовых комплексов, межотраслевых правовых институтов, общеправовых и надотраслевых правовых явлений, оценки эффективности межотраслевых связей, возможностей и пределов влияния гражданско-правовых норм на иные отрасли права и законодательства. Методика применения межотраслевого метода предполагает установление вида межотраслевой связи, формы межотраслевого взаимодействия – субсидиарное, совместное (паритетное) и коллизионное, оценку эффективности межотраслевого правового регулирования.*

***Ключевые слова**: цивилистическая методология; специально-юридические методы исследования; методы цивилистического познания; межотраслевой правовой метод исследования.*

CROSS-SECTORAL METHOD OF CIVIL LAW COGNITION

O.A. Kuznetsova
Perm State University
Russia Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

***Introduction**: in modern civil law studies, scientists use traditional methodological tools: formal-dogmatic, historical-legal, comparative legal, legal modeling, legal norms interpretation. At the same time, the complication of social and economic relations, their complexity and multi-aspect nature suggests such relations regulation using the legal norms that belong to various sectors. The existence of law as a single dynamic system conditions a lot of cross-sectoral connections between legal norms. The cognition of these norms requires a special special legal instrument. In this regard, the cross-sectoral legal method plays an increasingly important role in the legal research tooling. **Purpose**: to define the concept of a cross-sectoral method of cognition, to describe the scope and algorithm of its application in the civil law. **Methods**: general scientific (analysis, synthesis, comparison, description) and specific scientific methods of cognition including the cross-sectoral legal method were used during the research. **Results**: the main areas of applying the the cross-sectoral method in conducting the civil law studies of regulatory legal complexes are shown, as well as cross-sectoral legal institutions, the general legal and supra-sectoral legal phenomena, the evaluation of the cross-sectoral relations evaluation and the possibilities and limits of the civil law norms influence on other branches of law and legislation. The methodology of the cross-sectoral method application involves the definition of the type of the cross-sectoral connection, of the cross-sectoral interaction forms (subsidiary, joint (parity) and collision), and the evaluation of the effectiveness of the cross-sectoral legal regulation.*

***Keywords**: civil law methodology; special legal methods of research; methods of legal cognition; cross-sectoral legal method of research.*

Введение

По мере усложнения общественных отношений углубляется и специализация правового регулирования. Конечная «урегулированность» конкретных правоотношений все больше зависит от межотраслевых правовых связей. По большому счету все отрасли права преследуют общую цель – качественную, эффективную, результативную правовую регламентацию. А поскольку нередко она зависит не от одной отрасли права, а от их выступления единым «ансамблем», то объек-

тивной необходимостью является совершенствование межотраслевых правовых связей. Сложность существования и изучения таких связей обусловлена тем, что отраслевая специализация всегда предполагает известную долю противоречивости, конкурентности, содержательной и юридико-технической самобытности, что препятствует их интеграции, кооперации и связанности.

Прежде всего следует определиться с содержанием понятия межотраслевого метода научного познания.

Во-первых, нередко этот метод отождествляют с междисциплинарным научно-познавательным приемом, который предполагает исследование предмета через призму различных отраслей науки (дисциплины) – например, экономики и права, психологии и права, социологии и права, социологии и экономики и т.п. На таком стыке формируются новые межотраслевые науки [31] или межотраслевые научные направления, например, экологическая безопасность исследуется химиками, экологами и юристами [3]. Методология подобных исследований представлена объективно и в основном междисциплинарным подходом.

Этот подход востребован также при использовании правом иноотраслевых категорий и понятий. Так, категория «финансовый рынок» является междисциплинарной, принадлежит одновременно финансовой и правовой науке [10, с. 208] и ее изучение может быть только междисциплинарным.

Неюридическая отрасль науки может соприкасаться не только с правом в целом, но и с отдельными отраслевыми юридическими науками, например, телеология (как философское учение о целях и целесообразности) и конституционное право [8, с. 142].

Во-вторых, внутри одной науки межотраслевые исследования получили широкое распространение в экономике благодаря использованию метода межотраслевого баланса (МОБ, модель «затраты – выпуск», метод «затраты – выпуск») – это «экономико-математическая *балансовая модель*, характеризующая межотраслевые производственные взаимосвязи в экономике страны. Характеризует связи между выпуском продукции в одной отрасли и затратами, расходованием продукции всех участвующих отраслей, необходимым для обеспечения этого выпуска. Межотраслевой баланс составляется в денежной и натуральной формах»[1]. При помощи этого метода исследуются межотраслевые связи в различных отраслях народного хозяйства. И нельзя сказать, что этот метод по своему содержанию чисто экономический, он представляет собой математико-статистическую обработку показателей межотраслевых связей в экономике [21, 23], а сама модель межотраслевого

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki.

баланса считается экономико-математической. Автором-разработчиком этого метода является нобелевский лауреат в области экономики В.В. Леонтьев [12].

Межотраслевой метод в юриспруденции как специально-научный метод призван исследовать связи между нормами различных отраслей права, и этим он принципиально отличается как от междисциплинарного метода, так и от метода, исследующего связи между отраслями экономики в поисках их баланса. С этих позиций его точнее именовать «межотраслевой правовой метод познания». Существование такого метода в правоведении объективно обусловлено системностью права. Право как динамическая система представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов. Изучение указанных связей не может быть ограничено использованием только общенаучных методов формальной и диалектической логики и совокупностью классических частнонаучных методов (юридико-догматический, историко-правовой, сравнительно-правовой, герменевтический и др.). Требуется особый метод изучения межотраслевых связей в праве, он применим как при теоретико-правовых разработках, так и в отраслевых юридических науках.

Понятие и сфера применения межотраслевого метода в цивилистических исследованиях

В цивилистике большой вклад в формирование теории межотраслевого метода сделан М.Ю. Челышевым, который рассматривал его комплексный характер и видел в нем сочетание как общенаучных методов (восхождение от конкретного к абстрактному, системного, структурного), так и специально-научных методологических приемов (например, сравнительно-правового) [28, с. 135–136]. При этом за такой комплексностью скрыт потенциал самостоятельного метода цивилистических научных исследований, указывающего «на специфику гражданско-правового явления, которая формируется под влиянием иных правовых областей» [28, с. 135]. Сегодня этот метод отнесен к числу методов, определяющих основные тенденции гражданско-правовых исследований [13, с. 121].

Несмотря на состоявшуюся в 2008 г. докторскую диссертацию М.Ю. Челышева [29], посвященную теории рассматриваемого метода, долгое время его широкому применению препятствовала номенклатура научных специальностей по юридическим наукам, которых до недавнего времени насчитывалось 15. Фактически проведение межотраслевых исследований всегда свидетельствовало о выходе за границы одной научной специальности, что крайне негативно воспринималось

как диссертационными советами, так и ВАК. Именно в связи с этим было замечено, что «комплексные (межотраслевые) исследования на уровне диссертационных исследований по одной специальности невозможны» [25, с. 372].

Широкомасштабное реформирование научных специальностей практически по всем отраслям знаний затронуло и юридическую науку, которая в настоящее время представлена всего пятью научными специальностями: теоретико-правовые науки; публично-правовые (государственно-правовые) науки; частноправовые (цивилистические) науки; уголовно-правовые науки; международно-правовые науки[1].

Эта реформа, имеющая как своих последовательных сторонников, так и непримиримых противников, безусловно, сможет содействовать увеличению межотраслевых работ, хотя бы внутри указанных научных групп. Во всяком случае уже нет формальных непреодолимых препятствий для проведения правовых исследований на стыке частного права и цивилистического процесса или внутри материальных отраслей частного права (гражданского и трудового, например). Такое положение дел должно способствовать не только усилению межотраслевых правовых исследований, но и продолжению работы по формированию научной теории межотраслевого метода правового познания. Однако стоит заметить, что проводить диссертационные исследования на стыке указанных научных специальностей будет по-прежнему сложно, например, изучать межотраслевые связи между гражданским и уголовным правом. Возможно, в будущем при дальнейшем укрупнении научных специальностей ситуация с подобными межотраслевыми исследованиями улучшится.

Сфера применения указанного метода очень широка.

Во-первых, межотраслевой метод должен применяться как основной при проведении исследований правовых комплексов и общественных отношений, ими регулируемых. Нормативно-правовые комплексы являются результатом межотраслевого правового регулирования. Постоянное усложнение общественных отношений, их дифференциация и специализация ведут к невозможности монорегулирования. Правовые нормы одной отрасли права с такой задачей не справляются и объективно справиться не могут. В большинстве

[1] Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Официальный интернет-портал правовой информации: http://pravo.gov.ru.

случаев при регламентации таких сложных отношений даже трудно установить основную, «материнскую» отрасль права.

Так, холдинги не являются самостоятельными субъектами гражданского права, обладают некоторыми признаками антимонопольной и налоговой правосубъектности как группа лиц [11]. Правовую природу подобных участников отношений невозможно установить без межотраслевого анализа. Для их регламентации и возникают правовые комплексы и даже целые отрасли законодательства – например, предпринимательское право, транспортное право, потребительское право.

Общественные отношения, подвергнутые комплексному правовому регулированию, могут иметь внешнюю форму в виде специального закона или кодекса. В других случаях проведение межотраслевого исследования правовых комплексов приводит авторов к выводам о необходимости такой формализации. Так, В.Н. Сусликов в сфере предпринимательского законодательства предлагал выделить «право недвижимости», которое формируется на пересечении гражданского, конституционного, земельного, административного права, и обосновывал необходимость принятия специального закона «О недвижимости» [24, с. 9].

А.Г. Демиева при исследовании активной экономической деятельности пришла к выводу, что она подвергнута комплексной регламентации со стороны гражданского, трудового, административного, налогового и других отраслей права и должна быть урегулирована на уровне специального закона «Об экономической деятельности» [5, с. 16].

Превращение совокупности разноотраслевых правовых норм в самостоятельные правовые комплексы требует сохранения их содержательного и предметного единства для достижения конечной цели эффективного регулирования. Такое единство возможно через совершенствование межотраслевых правовых связей, которые нужно не только обнаружить и теоретически обосновать, но и найти наиболее перспективные формы их существования и реализации.

Во-вторых, в системе права имеется большое количество межотраслевых институтов, имеющих в целом общий предмет и цель регулирования. Они охватывают однопредметные по сути отношения, но которые «нужны» разным отраслям права и обеспечиваются нормами разных отраслей права (например, представительство, исковая давность, юридически значимые сообщения, признание гражданина безвестно отсутствующим, объявление гражданина умершим, компенсация морального вреда, коммерческая тайна, имущественная ответственность, возмещение вреда и др.). Межотраслевой взгляд на межотраслевые институты способен устранить ненужное дублирование исследовательских усилий, имеющее место при разноотрас-

левом подходе. Например, изучение компенсации морального вреда отдельно в гражданском и в трудовом праве, при том что ни понятие морального вреда, ни механизм его компенсации в этих отраслях права кардинально не различается.

Межотраслевой метод познания необходим и при изучении коллизионного права [16], конкурсного права [26], трудового процедурно-процессуального права [4] как межотраслевых институтов.

В-третьих, межотраслевой метод познания незаменим при разработке общеправовых, надотраслевых правовых явлений (например, общеправовых и межотраслевых принципов права, аналогии закона и права, субсидиарного применения права, бланкетных и отсылочных норм, межотраслевых связей права, межотраслевого метода правового регулирования и др.).

Так, такие принципы, как добросовестность, запрет злоупотребления правом, правовая определенность, могут получить статус общеправовых только при качественном проведении межотраслевого исследования.

Межотраслевой метод познания обладает большим потенциалом при исследовании межотраслевых принципов права – основополагающих положений (идей) двух или более отраслей права, прямо или косвенно закрепленных в действующем законодательстве. В них в наибольшей степени проявляется системность российского права, взаимосвязь его отраслей. При этом содержание таких принципов обладает межотраслевым неразрывным единством, оно частично не может быть поделено между отраслями права.

А.Я. Рыженков, например, к межотраслевым принципам земельного права относит: «приоритет охраны земли как важнейшего компонента окружающей среды и средства производства в сельском и лесном хозяйстве перед использованием земли в качестве недвижимого имущества (это межотраслевой принцип земельного и экологического права); приоритет сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий (земельного и экологического права); платность использования земли (земельного и финансового права); участие граждан, общественных организаций (объединений) и религиозных организаций в решении вопросов, касающихся их прав на землю (земельного и конституционного права); разграничение государственной собственности на землю на собственность Российской Федерации, собственность субъектов Российской Федерации и собственность муниципальных образований (земельного и гражданского права)» [19, с. 31]. Следует заметить, что такая работа применительно к межотраслевым принципам гражданского права до сих пор не проведена. На наш взгляд, такое исследование может быть начато на уровне подотраслей и крупных

институтов гражданского права: межотраслевые принципы вещного права, обязательственного права, договорного права.

Аналогия закона допускает обращение к иноотраслевому закону, регулирующему сходные правоотношения. Так, согласно ч. 4 ст. 1 ГПК РФ в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона)[1]. Механизм такого применения может быть познан только при помощи межотраслевого метода исследования.

Сами межотраслевые правовые связи являются объектами для применения межотраслевого метода познания.

Заслуживает серьезной научной оценки вывод М.Ю. Челышева о том, что межотраслевые связи отрасли права являются критериями отраслевой дифференциации наряду с предметом, методом, функциями, задачами [28, с. 31]. Если предметы, методы, функции и задачи большинства отраслей права в достаточной степени изучены, то исследование их межотраслевых связей – это задача будущего. И очевидно, что без применения межотраслевого метода познания в этом процессе не обойтись.

Д.Х. Валеев и В.Г. Голубцов полагают, что метод межотраслевого правового регулирования является общим методом правового регулирования, присущим всем отраслям права [2, с. 37]. Такой подход заставляет задуматься о классическом делении методов правового регулирования на императивный и диспозитивный и разобраться с сущностью и назначением метода межотраслевого регулирования и его местом в указанной дихотомии.

Н.И. Пикуров, исследуя межотраслевые связи уголовного права, писал: «Частное и публичное, императивное и диспозитивное, будучи противоположными по своему характеру явлениями в праве, не могут существовать изолированно друг от друга, нуждаются в координации и взаимодействии, обусловливая необходимость и взаимосвязи норм уголовного права не только с отраслями публичного, но и частного права» [18, с. 9]. Межотраслевой правовой метод появляется как результат взаимного и одновременного регулирования отношений императивным и диспозитивным методами, приобретающий при этом самостоятельный характер и значение.

В-четвертых, межотраслевой метод способствует оценке эффективности межотраслевых связей и может привести к двум выводам:

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

1) межотраслевые связи в определенной области регулирования эффективны (на наш взгляд, такой вывод также обладает научной ценностью, так как на пути к нему ученым выявляются межотраслевые связи, им дается положительная оценка, констатируется достижение цели межотраслевого правового регулирования); 2) такие связи неэффективны, дефектны и требуют коррекции. В последнем случае межотраслевой метод выявляет нестыковки, противоречия, коллизии, пробелы, правовые неопределенности в межотраслевом правовом регулировании, требующие законодательного устранения или правоприменительного преодоления.

Такие нормативно-правовые недостатки могут быть как терминологического, так и сущностного (содержательного) свойства. Если исследователь «варится» в рамках одной отрасли права, не использует межотраслевой метод познания, он их в принципе не заметит.

Межотраслевой подход позволит заметить необоснованные различия в регулировании одного и того же отношения разными отраслями права, что отчетливо видно на примере межотраслевой преюдиции, применяемой при взаимодействии процессуальных отраслей права. Как верно заметила А.Р. Шарипова, «преюдиция – пример такого взаимодействия, соприкосновения разных процессуальных отраслей между собой. И в то же время это пример межотраслевого негативизма, попыток научного обоснования превосходства одних отраслей над другими, а кроме того, и недобросовестной эксплуатации одного судопроизводства в частных интересах, задействованных в другом судопроизводстве. Существование проблем межотраслевой преюдиции в научной литературе по уголовному процессу обосновывается при помощи разного рода критических замечаний в адрес арбитражного и гражданского процесса – от связывания результатов рассмотрения дел в них не с правотой в споре, а с финансовым превосходством какой-то из сторон... до разоблачения арбитражных судов как «ключевого звена в рейдерских схемах»...» [30, с. 162]. Применение межотраслевого метода исследования может способствовать выводу, что различия в разноотраслевой регламентации того или иного отношения или ситуации не обоснованы, излишни, не ведут к достижению цели правового регулирования и необходима регуляторная унификация.

В экономической науке отмечается, что «совершенствование межотраслевых связей предусматривает минимизацию затрат общественного труда в ходе производства конечного для взаимосвязанных отраслей продукта» [1, с. 5]. Точно так же совершенствование межотраслевых правовых связей способно привести к минимазации юридико-технических затрат при регулировании одних и тех же отношений разными правовыми средствами.

Отсутствие межотраслевого взгляда законодателя на регулирование общественных отношений приводит к появлению межотраслевых коллизий, которые являются широким полем исследовательского интереса и применения межотраслевого метода познания. Такие коллизии обнаруживаются во многих научных исследованиях. В частности, в области регулирования отношений по строительству объектов недвижимости, где очевидно прослеживаются межотраслевые связи гражданского, земельного и градостроительного права «при рассмотрении условий осуществления правомерного строительства: предоставление застройщику земельного участка под строительство, получение разрешения на строительство, соответствие градостроительным и строительным нормам и правилам. Указанные условия являются неотъемлемыми составляющими такого основания приобретения права собственности на вновь созданные объекты недвижимости, как их создание» [6, с. 232].

В качестве причин межотраслевых противоречий видят и реформирование отраслевого законодательства без учета его межотраслевых связей. Так, Е.Е. Уксусова пишет, что «значительное обновление, расширение объема и изменение гражданского процессуального регулирования, которое получает оформление не только на уровне процессуальных, но и материальных кодексов, а также иных федеральных законов, в том числе комплексного характера, не всегда влияют в лучшую сторону на системность отраслевого процессуального права (законодательства), проявляясь в таких негативных последствиях, как противоречия, несогласование между нормами права, нормативными актами, непосредственно сказываясь на осуществлении процессуального права, реализации процессуальных норм» [27, с. 143]. В качестве примера автор указывает на противоречие арбитражно-процессуального правила об обязательном претензионном порядке урегулирования спора и ст. 239 Бюджетного кодекса РФ[1], которая допускает обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ только на основании судебных актов, не позволяя урегулировать спор в досудебном (претензионном) порядке при совершении деликта государственным органом или должностным лицом [27, с. 147].

Однако очевидно, что совершенствование законодательства приводит и к устранению межотраслевых коллизий, к гармонизации межотраслевых связей, как это произошло, например, с новой редакцией ст. 204 ГК РФ, закрепившей, что срок исковой давности не течет со дня обращения в суд в установленном порядке за защитой нарушенного

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 15 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

права на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права.

В-пятых, межотраслевой метод может быть использован при изучении межотраслевых связей на каждой стадии работы механизма правового регулирования: норм права, юридических фактов, правоотношений, актов реализации права и исполнении обязанностей, в правоприменительных актах [28, с. 62–82]. К примеру, в силу ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают из судебного решения, установившего гражданские права и обязанности[1]. Таким образом, процессуальный акт становится юридическим фактом материального права. При этом решение вопроса о том, какие именно из судебных решений и каким образом устанавливают гражданские права и обязанности, невозможно без межотраслевого метода.

В-шестых, межотраслевой метод познания позволяет увидеть перспективы, возможности и пределы влияния гражданско-правовых норм на иные отрасли права и законодательства.

Так, например, в научной литературе указывалось, что нормы гражданского права о недвижимом имуществе способны влиять на внутрифедеральные договоры, содержащие правовые нормы об управлении объектами недвижимости, равно как и соответствующие соглашения между правительствами, губернаторами, министерствами о сотрудничестве, делегировании прав в сфере недвижимости и расширении кредитно-управленческих соглашений, а также нормы административного права о государственной регистрации права на недвижимое имущество и сделок с ним [2, с. 9].

Гражданско-правовые нормы, особенно дефинитивные, оказывают большое влияние на характеристику некоторых составов преступлений и административных поступков, в том числе при действии бланкетных правовых норм [17].

Межотраслевой метод цивилистического познания может быть использован и при исследовании пределов применения диспозитивного метода регулирования в публичных отраслях права. Так, одним из средств реализации диспозитивного метода уголовно-правового регулирования считается примирение с потерпевшим, под которым предлагается понимать «достижение на добровольной и двусторонней основе соглашения между потерпевшим и лицом, совершившим преступление» [22, с. 14–15]. Появление здесь гражданско-правового термина «соглашение» (он же – договор) заставляет обратиться к юридической конструкции гражданско-правового договора и возможности

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ее применения для «соглашения о примирении», например, в части его заключения, изменения, прекращения, признания недействительным или незаключенным, а также в части классификационных характеристик и др. Например, в уголовном праве такому соглашению предлагается придать характер *реального* «посредством предоставления виновному определенного срока для выполнения возложенных на него обязательств» [22, с. 14]. Однако понимание реальности соглашения в гражданском праве совершенно иное.

Примеры такого влияния есть и в других отраслях права. Так, нормы нотариального и процессуального права влияют на регулирование таких действий, как протест векселя нотариусом или совершение нотариусом исполнительной надписи.

При изучении межотраслевых связей уголовного права был сделан вывод о том, что «предупредить ошибки в использовании «чужих» нормативных предписаний для квалификации преступлений можно лишь на основе четкого представления о возможностях, пределах и правилах детализации нормы уголовного права с помощью дополнительного нормативного материала» [18, с. 10]. В предупреждении таких ошибок велика роль межотраслевого метода познания, который должен установить возможности внедрения гражданско-правовых норм в иноотраслевое законодательство: например, до какой глубины гражданское договорное право может регламентировать сделки со следствием?

Методика применения межотраслевого метода цивилистического познания

В чем сущность межотраслевого метода в праве? Мы полностью разделяем мнение С.И. Сусловой о том, что «изложить позиции по тому или иному вопросу, существующие в разных отраслях юридических знаний, – это еще не значит провести комплексное (межотраслевое) его исследование. Это будет всего лишь суммативным комбинированием теоретических суждений при отсутствии основания (начала) теории и «ее тела»» [25, с. 371].

Теория межотраслевого правового метода познания должна иметь практическое значение в виде методического алгоритма его применения при проведении конкретных исследований как набора последовательных инструкций.

На наш взгляд, прежде всего нужно определить, исследуется ли влияние гражданского права на иные отрасли права или, наоборот, иных отраслей на гражданское. В первом случае исследователю лучше «заходить» со стороны иной отрасли права, зная ограничения ее предмета, метода, принципов и функций. Так, гражданское право никогда

не «увидит» препятствий в признании, например, трудового договора, примирительного соглашения с потерпевшим или со следствием сделками. Эти препятствия может установить только противоположная сторона межотраслевой связи.

Далее следует выяснить вид межотраслевой связи; в правовой доктрине предложено множество их классификаций [28, с. 146]. Ю.Б. Корсаненковой установлены следующие межотраслевые связи права социального обеспечения и гражданского права: генетические связи через общую сферу действия – имущественные отношения; функциональные связи через межотраслевые институты: страхования, материнского (семейного) капитала, социального обслуживания, материальной ответственности; терминологические – через понятия «обязательство», «несовершеннолетние лица» и др. [7, с. 36–37]. На наш взгляд, наибольшую ценность для межотраслевых цивилистических исследований имеют функциональные связи.

Затем следует выяснить форму межотраслевого взаимодействия, к которой можно отнести субсидиарное, совместное (паритетное) и коллизионное межотраслевое регулирование [14, с. 53].

Субсидиарное межотраслевое регулирование предполагает обращение к нормам иных отраслей права через отсылку или аналогию закона. Фактически речь идет о том, что общественное отношение не полностью урегулировано или не урегулировано нормами одной отрасли права (отраслевой пробел). Такая межотраслевая связь возникает, когда гражданское право вынуждено обращаться, например, к понятиям и юридическим конструкциям других отраслей права: необходимая оборона, работник, заработная плата, трудовой договор, госреестр, поручения налоговых органов, выходные пособия, исполнительные документы и др. Границей применения иноотраслевых правовых норм являются отраслевые принципы права.

Совместное (паритетное) межотраслевое регулирование применяется при отсутствии отраслевого пробела, когда требуется одновременное использование правовых норм разных отраслей ввиду комплексности, многоаспектности отношения. Такое регулирование возникает, например, при совместном применении норм гражданского и процессуального права при защите и охране гражданских прав. При защите гражданских прав в административном порядке применяются совместно нормы гражданского и административного права. При прекращении права собственности в результате обращения взыскания на имущество собственника по его обязательствам совместно действуют как нормы ГК РФ, так и исполнительного права.

Коллизионное межотраслевое правовое регулирования возникает при выявлении противоречий между нормами разных отраслей права.

Например, указывается на межотраслевую коллизию между нормами ст. 141 ТК РФ и ст. 1183 ГК РФ в отношении юридической оценки признака совместного проживания для членов семьи умершего работника [15, с. 73]. С.В. Лушникова в качестве способов преодоления межотраслевых коллизий трудового и иных отраслей права называет приоритет трудоправового регулирования, например, при противоречии трудового и служебного права и презумпцию трудовых отношений, например, при неустранимых сомнениях в гражданско-правовой или трудоправовой природе правоотношения [14, с. 52–53]. Заметим, что способы преодоления межотраслевых коллизий в гражданском праве практически не разработаны.

Важна также оценка межотраслевого правового регулирования: является ли оно эффективным или неэффективным и каковы пути повышения эффективности, например, выявление способов устранения, преодоления правовых коллизий, обоснование использования видов толкования права (аутентичное, легальное, каузальное) и способов толкования права (системное, лингвистическое, логическое) при субсидиарном межотраслевом регулировании и др.

Заключение

Межотраслевой метод цивилистического познания имеет большой исследовательский потенциал: он может быть использован в различных видах и направлениях гражданско-правовых научных разработок. Особенно велико значение рассматриваемого метода при проведении исследований комплексных межотраслевых нормативно-правовых образований, межотраслевых институтов, юридических конструкций и понятий.

Появление в цивилистической методологии этого метода обусловлено существованием межотраслевого правового регулирования и межотраслевых правовых связей.

Для применения межотраслевого метода при проведении цивилистических исследований может быть применен следующий алгоритм: 1) установление вида межотраслевой связи; 2) определение формы межотраслевого взаимодействия (субсидиарное, совместное (паритетное) или коллизионное); 3) оценка эффективности межотраслевого правового регулирования; 4) предложение направлений гармонизации межотраслевого правового регулирования.

Библиографический список

1. *Бершеда Е.Р.* Совершенствование межотраслевых связей в инвестиционном процессе: Дис. ... д-ра экон. наук. М., 1983. 355 с.

2. *Валеев Д.Х., Голубцов В.Г.* Методологические аспекты межотраслевых связей гражданского процессуального права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 34–44.

3. *Воронцов А.М., Никанорова М.Н., Тангиев Б.Б.* Междисциплинарные (межотраслевые) научные исследования по защите прав граждан в области обеспечения экологической безопасности // Гражданин и право. 2016. № 8. С. 86–91.

4. *Громошина Н.А.* Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 409 с.

5. *Демиева А.Г.* Активная экономическая деятельность и ее гражданско-правовая детерминация: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2021. 433 с.

6. *Кондратенко З.К., Мустакимов Н.С.* Особенности межотраслевых связей гражданского, земельного и градостроительного права в области регулирования отношений по строительству объектов недвижимости // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4. С. 229–235.

7. *Корсаненкова Ю.Б.* Межотраслевые связи права социального обеспечения: современное состояние и их влияние на дальнейшее развитие отрасли: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 51 с.

8. *Кравец И.А.* Конституционное право и телеология: предмет и метод метаотрасли, сферы конституционализации и межотраслевой гармонизации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96). С. 131–147.

10. *Красиков Д.А.* Финансовый рынок как экономическая и юридическая категория // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 207–213.

11. *Лазарева О.А.* Холдинг: особенности правового регулирования // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 195–199.

12. *Леонтьев В.В.* Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работы ЦСУ // Плановое хозяйство. 1925. № 12. С. 254–258.

13. *Лунева Е.В.* Тенденции развития методологии научного познания гражданско-правовой действительности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 3 (29). С. 17–123.

14. *Лушникова М.В.* Межотраслевые связи трудового права: теория и практика // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (41). С. 50–53.

15. *Матякубова А.А.* Институт оплаты труда: оптимизация межотраслевых связей: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 265 с.

16. *Милинчук Д.С.* Коллизионное право как межотраслевой институт системы российского права // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 1. С. 196–198.

17. *Мотин О.А.* Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 31 с.

18. *Пикуров Н.И.* Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: Дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998. 410 с.

19. *Рыженков А.Я.* К вопросу о классификации принципов земельного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 4 (33). С. 27–35.

21. *Серебряков Г.Р.* Использование методов межотраслевого баланса в анализе и прогнозировании экономики России переходного периода: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2001. 154 с.

22. *Сидоренко Э.Л.* Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 55 с.

23. *Суворов Н.В.* Направления использования межотраслевого метода в прогнозно-аналитических исследованиях материально-вещественных пропорций воспроизводства // Проблемы прогнозирования. 2001. № 1. С. 46–58.

24. *Сусликов В.Н.* Развитие системы рыночных правоотношений недвижимости в России: опыт межотраслевого исследовании: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 43 с.

25. *Суслова С.И.* О комплексности в цивилистических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. С. 363–381.

26. *Уксусова Е.Е.* Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Lex Russica. 2014. № 2. С. 211–227. https://doi.org/10.7256/1729-5920.2014.2.10498.

27. *Уксусова Е.Е.* Взаимосвязи гражданского процессуального права с правом материальным: проблемы теории и практики (начало) // Lex Russica. 2017. № 3. С. 143–153.

28. *Челышев М.Ю.* Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 206 с.

29. *Челышев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. 501 с.

30. *Шарипова А.Р.* Преюдиция в механизме конвергенции процессуальных отраслей (на примере производства по уголовным делам о налоговых преступлениях) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1 (138). С. 161–167.

31. *Шулус А.А.* Социоэкономика как межотраслевая наука: предмет, метод, формы институционализации // Труд и социальные отношения. 2008. № 1. С. 4–11.

Referenses

1. *Bersheda E.R. Sovershenstvovanie mezhotraslevyh svyazej v investicionnom processe: Dis. ... d-ra ekon. nauk* [Improving Intersectoral Relations in the Investment Process: Doc. economic sci. diss.]. Moscow, 1983. 355 p. (In Russ.)

2. *Valeev D.Kh., Golubtsov V.G. Metodologicheskie aspekty mezhotraslevyh svyazej grazhdanskogo processual'nogo prava* [Methodological Aspects of Inter-Branch Relations of Civil Procedural Law]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij* – Methodological Problems of the Civil Law Researches. 2019. Issue 1. P. 34–44. (In Russ.)

3. *Voroncov A.M., Nikanorova M.N., Tangiev B.B. Mezhdisciplinarnye (mezhotraslevye) nauchnye issledovaniya po zashchite prav grazhdan v oblasti obespecheniya ekologicheskoj bezopasnosti* [Interdisciplinary (Intersectoral) Scientific Research on the Protection of Citizens' Rights in the Field of Environmental Safety]. *Grazhdanin i pravo* – Citizen and Law. 2016. Issue 8. P. 86–91. (In Russ.)

4. *Gromoshina N.A. Differenciaciya, unifikaciya i uproshchenie v grazhdanskom sudoproizvodstve: Dis. ... d-ra yurid. nauk* [Differentiation, Unification and Simplification in Civil Proceedings: Doc. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2010. 409 p. (In Russ.)

5. *Demieva A.G. Aktivnaya ekonomicheskaya deyatel'nosti i eyo grazhdansko-pravovaya determinaciya: Dis. ... d-ra yurid. nauk* [Active Economic Activity and Its Civil Law Determination: Doc. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2021. 433 p. (In Russ.)

6. *Kondratenko Z.K., Mustakimov N.S. Osobennosti mezhotraslevyh svyazej grazhdanskogo, zemel'nogo i gradostroitel'nogo prava v oblasti regulirovaniya otnoshenij po stroitel'stvu ob"ektov nedvizhimosti* [Features of Inter-Sectoral Links in Civil, Land and Town-Planning Law in the Sphere of Regulation the Relations in Real Estate Objects' Construction]. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava* – Actual Problems of Economics and Law. 2014. Issue 4 (32). P. 229–235. (In Russ.)

7. *Korsanenkova Yu.B. Mezhotraslevye svyazi prava social'nogo obespecheniya: sovremennoe sostoyanie i ih vliyanie na dal'nejshee razvitie otrasli: Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Intersectoral Relations of Social Security Law: the Current State and Their Impact on the Further Development of the Industry: Synopsis of Doc. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2021. 51 p. (In Russ.)

8. *Kravets I.A. Konstitucionnoe pravo i teleologiya: predmet i metod metaotrasli, sfery konstitucionalizacii i mezhotraslevoj garmonizacii* [Constitutional Law and Teleology: Subject Matter and Method of Meta-Discipline, Scope of Constitutionalization and Interdisciplinary Harmonization]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* – Actual Problems of Russian Law. 2018. Issue 11 (96). P. 131–147. (In Russ.)

10. *Krasikov D.A. Finansovyj rynok kak ekonomicheskaya i yuridicheskaya kategoriya* [Financial Market as an Economic and Legal Category]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii* – Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. Issue 1 (120). P. 207–213. (In Russ.)

11. *Lazareva O.A. Holding: osobennosti pravovogo regulirovaniya* [Holding: Features of Legal Regulation]. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava* – Actual Problems of Economics and Law. 2014. Issue 1 (29). P. 195–199. (In Russ.)

12. *Leont'ev V.V. Balans narodnogo hozyajstva SSSR. Metodologicheskij razbor raboty CSU [The Balance of the National Economy of the USSR. Methodological Analysis of the Work of the CSU]. Planovoe hozyajstvo* – Planned economy. 1925. Issue 12. P. 254–258. (In Russ.)

13. *Luneva E.V. Tendentsii razvitiya metodologii nauchnogo poznaniya grazhdansko-pravovoy deystvitel'nosti* [The Trends in the Development of Methodology of Scientific Cognition of Civil Legal Reality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. Issue 3 (29). P. 117–124. (In Russ.)

14. *Lushnikova M.V. Mezhotraslevye svyazi trudovogo prava: teoriya i praktika* [Inter-branch Links of Labor Law: Theory and Practice]. *Vestnik YarGU. Seriya gumanitarnye nauki* – Bulletin of Yaroslavl University. Humanities Series. 2017. Issue 3 (41). P. 50–53. (In Russ.)

15. *Matyakubova A.A. Institut oplaty truda: optimizaciya mezhotraslevyh svyazej: Dis. ... kand. yurid. nauk* [Institute of Remuneration of Labor: Optimization of Intersectoral Relations: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2020. 265 p. (In Russ.)

16. *Milinchuk D.S. Kollizionnoe pravo kak mezhotraslevoj institut sistemy rossijskogo prava* [Conflicts of Law as the Interbranch Institution of the System of Russian Law]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Kostroma State University. 2016. Vol. 22. Issue 1. P. 196–198. (In Russ.)

17. *Motin O.A. Chastnyj interes v sisteme ob"ektov ugolovno-pravovoj ohrany: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Private Interest in The System of Objects of Criminal Law Protection: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 2005. 31 p. (In Russ.)

18. *Pikurov N.I. Teoreticheskie problemy mezhotraslevyh svyazej ugolovnogo prava: Dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical Problems of Intersectoral Relations of Criminal Law: Doc. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 1998. 410 p. (In Russ.)

19. *Ryzhenkov A.Ya. K voprosu o klassifikacii principov zemel'nogo prava* [On Classification of the Land Law Principles]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* – Science Journal of VolSU. Jurisprudence. 2016. Vol. 15. Issue 4 (33). P. 27–35. (In Russ.)

21. *Serebryakov G.R. Ispol'zovanie metodov mezhotraslevogo balansa v analize i prognozirovanii ekonomiki Rossii perekhodnogo perioda: Dis. ... kand.*

ekon. nauk [The Use of Methods of Intersectoral Balance in the Analysis and Forecasting of the Russian Economy of the Transition Period: Cand. economic sci. diss.]. Moscow, 2001. 154 p. (In Russ.)

22. *Sidorenko E.L. Dispozitivnost' kak rezhim ugolovno-pravovogo regulirovaniya: Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Dispositivity as a Regime of Criminal Law Regulation: Synopsis of Doc. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2013. 55 p. (In Russ.)

23. *Suvorov N.V. Napravleniya ispol'zovaniya mezhotraslevogo metoda v prognozno-analiticheskih issledovaniyah material'no-veshchestvennyh proporcij vosproizvodstva* [Directions of Using the Intersectoral Method in Predictive and Analytical Studies of Material Proportions of Reproduction]. *Problemy prognozirovaniya* – Problems of Forecasting. 2001. Issue 1. P. 46–58. (In Russ.)

24. *Suslikov V.N. Razvitie sistemy rynochnyh pravootnoshenij nedvizhimosti v Rossii: opyt mezhotraslevogo issledovanii: Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Development of the System of Market Legal Relations of Real Estate in Russia: the Experience of Intersectoral Research: Doc. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2007. 43 p. (In Russ.)

25. *Suslova S.I. O kompleksnosti v civilisticheskih issledovaniyah* [Dissertation Researches On Housing Law]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij* – Methodological Problems of the Civil Law Researches. 2019. Issue 1. P. 363–381. (In Russ.)

26. *Uksusova E.E. Grazhdanskoe sudoproizvodstvo po delam o bankrotstve: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya i pravoprimeneniya* [Civil Proceedings in Bankruptcy Cases: Problems of Legislative Regulation and Law Enforcemen]. Lex Russica. 2014. Issue 2. P. 211–227. https://doi.org/10.7256/1729-5920.2014.2.10498. (In Russ.)

27. *Uksusova E.E. Vzaimosvyazi grazhdanskogo processual'nogo prava s pravom material'nym: problemy teorii i praktiki (nachalo)* [Interrelations of Civil Procedural Law With Substantive Law: Problems of Theory and Practice (Beginning)]. Lex Russica. 2107. Issue 3. P. 143–153. (In Russ.)

28. *Chelyshev M.Yu. Osnovy ucheniya o mezhotraslevyh svyazyah grazhdanskogo prava* [Fundamentals of the Doctrine of Intersectoral Relations of Civil Law]. Kazan, 2008. 206 p. (In Russ.)

29. *Chelyshev M.Yu. Sistema mezhotraslevyh svyazej grazhdanskogo prava: civilisticheskoe issledovanie: Dis. ... d-ra yurid. nauk* [The System of Intersectoral Relations of Civil Law: a Civilistic Study: Doc. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2008. 501 p. (In Russ.)

30. *Sharipova A.R. Preyudiciya v mekhanizme konvergencii processual'nyh otraslej (na primere proizvodstva po ugolovnym delam o nalogovyh prestupleniyah)* [Prejudice in the Mechanism of Convergence of Procedural Branches (on the Example of Criminal Proceedings on Tax Crimes)]. *Vestnik Saratov-*

skoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. Issue 1 (138). P. 161–167. (In Russ.)

31. *Shulus A.A. Socioekonomika kak mezhotraslevaya nauka: predmet, metod, formy institucionalizacii* [Socio-Economics as an Intersectoral Science: Subject, Method, Forms of Institutionalization]. *Trud i social'nye otnosheniya* – Labor and Social Relations. 2008. Issue 1. P. 4–11. (In Russ.)

Информация об авторе:

О.А. Кузнецова
Доктор юридических наук, профессор кафедры
предпринимательского права, гражданского
и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Пермский институт ФСИН России
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125
ORCID: 0000-0001-6880-5604
ResearcherID: D-1066-2016
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-61-70
https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.1.42.58

Information about the author:

O.A. Kuznetsova
Perm State University
15 Bukireva St., Perm, 614990,
Russia Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
125 Karpinskogo St., Perm, 614012, Russia
ORCID: 0000-0001-6880-5604
ResearcherID: D-1066-2016
Articles in "Scopus"/"Web of Science":
https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-61-70
https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.1.42.58

УДК 340.11:347

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-226-235

THE USE OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF LAW IN CIVIL LAW RESEARCH

E.Yu. Martyanova
Perm State University
E-mail: martyanova.ey@psu.ru

Introduction*: the article is devoted to identifying of the application of the method of sociological analysis of law in civil law research.* ***Purpose****: the purpose of the article is to determine the content of the method of sociological analysis of law, its tools, and the scope of its application.* ***Methods****: the main method is content analysis of dissertation researches. The method made it possible to identify which tools of sociological analysis are actually used in Russian civil law dissertations.* ***Results****: in the course of this study, a review was made of 104 dissertations in the specialty 12.00.03 submitted for defense to dissertation councils for the period from 01.01.2019 to 01.01.2020. The following was revealed: the sociological method was included in the methodology only in 3 dissertations, the socio-legal method – only in one work, the interviewing method – only in one work, content analysis – in 3 dissertations. Only one work contained an indication of the use of SWOT analysis. The method of statistical analysis was stated in 10 dissertations. Ready-made statistics were actually used in 52 dissertations, although there was no indication of the method used in the dissertation. The characteristics of the SWOT analysis and content analysis are given.* ***Conclusion****: the application of the sociological analysis of law can provide empirical material for the study of law both de lege lata and de lege ferenda, as well as for its application. The possibility of a direct study of social matter determines the considerable potential of the method and its tools for civil law research.*

Keywords*: sociological analysis of law; statistical analysis; SWOT analysis; content analysis; civil law research; interviewing method; socio-legal method; methodology of law.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРАВА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е.Ю. Мартьянова
Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: martyanova.ey@psu.ru

***Введение**: статья посвящена выявлению методологических основ использования социологического анализа права в гражданско-правовых исследованиях. **Цель**: целью работы является определение содержания метода социологического анализа права, его инструментария и сферы его применения. **Методы**: основным методом является контент-анализ текстов диссертационных исследований. Метод позволил определить, какие инструменты социологического анализа права фактически используются в отечественных диссертационных исследованиях гражданско-правового толка. **Результаты**: в ходе данного исследования был проведен обзор 104 диссертаций по специальности 12.00.03, представленных на защиту в диссертационные советы за период с 01.01.2019 по 01.01.2020. Выявлено следующее: социологический метод был включен в методологию только в трех диссертациях, социально-правовой метод – лишь в одной работе, метод интервьюирования — в одной работе, контент-анализ – в трех диссертациях. Только одна работа содержала указание на использование SWOT-анализа. Метод статистического анализа был упомянут в 10 диссертациях. Готовая статистика фактически использовалась в 52 диссертациях, хотя в них не было указано на применение соответствующего метода. В ходе проведенного исследования были выявлены характеристики SWOT-анализа и контент-анализа. **Вывод**: применение социологического анализа права может предоставить эмпирический материал для изучения права как de lege lata, так и de lege ferenda, а также для правоприменения. Возможность непосредственного изучения социальной материи предопределяет значительный потенциал метода и его инструментов для исследования гражданского права.*

***Ключевые слова**: социологический анализ права; статистический анализ; SWOT-анализ; контент-анализ; гражданско-правовое исследование; метод интервьюирования; социально-правовой метод; методология права.*

Introduction

The correlation between legal and social phenomena and the presence of regularities in the connection of "law norm" – "behavioural outcome" was already noted in the 19th century [10], and the research in this area became known as "sociology of law". K. Kalman explains the origin of this approach as "the reaction of legal theory to newly emerged social problems, because legal positivism turned out to be inflexible and ill-equipped to deal dynamically with a whole range of new tasks" [3, p. 23]. The emerging contradiction was formalized by R. Pound in the expression "law in books and law in action" [14], and was prompted by the fixation of an ever-widening gap between the reality of law and traditional legal categories [9, p. 34]. Social life is comparable to a Rubik's cube: when one sphere changes, the transformation affects other facets, and studying the state of society through only one of them leads to only fragmentary knowledge and does not provide a holistic view of the entire mechanism of the social structure.

The sociological conditionality of law is found not only in the fact that public relations are regulated by law, but also in the fact that lawmaking and law enforcement are carried out by members of this society, who are also subject to sociological laws and are the bearers of all socio-cultural attitudes. The above determines that sociological jurisprudence distinguishes two key aspects: functional and moral. The first one characterizes law-making as social engineering, the purpose of which is to create a normative framework that takes into account the social background. The second one is related to law enforcement and the moral guidance of the person applying the law, including the judge in resolving the case [10].

It seems that the subject of sociological analysis of law is the regularity of correlation between sociological laws and legal laws. According to J.J. Rousseau, "the wise legislator does not begin by laying down laws good in themselves, but by investigating the fitness of the people, for which they are destined, to receive them" [15]. G. Spencer believed that legislation is derived from public relations, and norms that do not take into account the characteristics and level of development of society will not allow achieving the goals of legal regulation [13].

Application of sociological analysis in law and civil law research

The usage of this approach is considered necessary at all stages of lawmaking and law-enforcement in order to:

– identify the area of public relations requiring regulation (detection of a "social order");

– determine the type of normative structure required to regulate a particular segment of public relations (permission, prohibition, obligation);

– predict the effectiveness and social acceptability of the proposed draft laws, the consequences of their introduction;

– evaluate the effectiveness and social acceptability of the existing legal system.

All these aspects should be the subject of civil research. Ignoring the social component of such a phenomenon as law by legal scientists leads to the fact that "the normative nature of legal science obscures the real processes that are behind the already existing law" according to K. Mannheim [11, p. 25]. It is difficult to disagree with R. Worms' statement that "sociology is indispensable for a lawyer as a condition for the good exercise of his own profession. This is obvious in relation to the legal scientist, who can claim to know the spirit of any legislation without having an idea of the general spirit of the people who apply it».

Tools of sociological analysis of law

Postulating the relevance and usefulness of sociological analysis in private law research requires an explanation of the methodological tools and the object to which it is applied.

The following can be considered as methods of conducting a sociological analysis of law in Russian studies:

– primary analysis of questionnaire surveys, expert survey, content analysis, SWOT analysis [5];

– secondary data analysis (statistical, demographic and other materials that were obtained, but not by the author) [2].

Primary and secondary data analysis in the works of legal scientists is presented quite extensively due to the openness of data on draft laws[1], on law enforcement[2], on individual objects (e.g. data from the real estate register[3], inventions[4] etc.), on subjects[5], and is generally used to confirm the relevance of the problem under study. Content analysis and SWOT analysis are much less popular among legal scientists. Thus, in the course of this study, a review was made of 104 dissertations in the specialty 12.00.03 submitted for defense to dissertation councils for the period from 01.01.2019 to 01.01.2020 (according to information from the website of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation)[6].

[1] https://sozd.duma.gov.ru/oz.
[2] http://www.cdep.ru.
[3] https://rosreestr.gov.ru/open-service/statistika-i-analitika/.
[4] https://rospatent.gov.ru/ru/about/stat.
[5] https://rosstat.gov.ru/folder/10705.
[6] https://vak.minobrnauki.gov.ru/adverts_list#tab=_tab:advert~.

The following was revealed:

1) the sociological method was included in the methodology only in 3 dissertations, the socio-legal method – only in one work, the interviewing method – only in one work, content analysis – in 3 dissertations. Only one work contained an indication of the use of SWOT analysis;

2) the method of statistical analysis was stated in 10 dissertations. Ready-made statistics were actually used in 52 dissertations, although there was no indication of the method used in the dissertation.

The presented picture may be explained by the fact that the traditional methodological basis for the study of established schools of law does not involve recourse to the methods of sociological analysis of law, which is reflected in the representatives of such schools. In addition, it should be noted that economic analysis of law as well as sociological analysis of law are not taught as a separate subject in most Russian universities at law faculties.

The above mentioned makes it possible to pay special attention in this article to content analysis and SWOT analysis as methods that are used less frequently than primary and secondary data analysis in civil research.

Content analysis

Surenda K. Gupta, referring to the possibility of using systematic content analysis in jurisprudence, writes that Bernard Berelson pointed out that this technique allows to characterise the content of textual communication, to establish the reasons and consequences of filling communication with certain content [8]. In relation to judicial acts, the author points out that it is possible to consider the length of the judicial act, which terms are used in it and how often they are used, and whether these indicators change when legislation is amended.

Or Brook identifies three key steps in using this method [6]:

– creation of a database of texts to be analyzed by selection from the general array of acts for a certain category of cases;

– fixation of quantitative and qualitative characteristics of texts;

– analysis of what was recorded and drawing conclusions.

The essence of the method is to examine “law in context” and the focus of the examination shifts from the legal norm to the social problem, with the resolution of which the norm is applied, thereby identifying uncertainties and gaps in regulation [6]. Or Brook highlights a high evidentiary degree of results as an advantage of this method, which also affects the type of research itself: it becomes analytical rather than descriptive. The relevance of such work will be largely determined not by the fame or credibility of the scientist, but by the results themselves and the degree of their reasonableness [6]. It can be said that a legal text is understood as a kind of formula or code in which the

researcher tries to isolate permanent elements, for example, the circumstances of the case (facts), in order to carry out a selection of judicial acts for analysis with the same permanent elements, and then look at the result (legal decision on the case). The different outcome of the case with the same initial formulas will be the basis for the hypothesis about the influence of judicial discretion on the consideration of the case. In addition, Or Brook notes that systematic content analysis allows to achieve predictive goals. On the basis of Perm State Research University and Orenburg State University, the information system "Semograph"[1], has been developed, which allows for text analysis, analysis of language material, etc. [1] The Semograph has already been used to study historical texts [4], and can be used for texts with legal content, including legal acts, court decisions, contracts, etc.

SWOT analysis

It is believed that this method was first described by Albert Humphrey, a professor at the Stanford Research Institute, in the middle of the 20th century [7]. The essence of this method is to determine (1) strengths, (2) weaknesses, (3) opportunities, (4) threats to any subject, object or phenomenon. Within the framework of civil research, such an analysis can be carried out in relation to any draft law, legal theory or concept. It should be said that, in fact, the elements of SWOT analysis are used by legal scientists when consistently criticizing a particular scientific approach. At the beginning of the article, excerpts from the works of researchers criticizing legal positivism were given, and we clearly saw the second element of SWOT analysis – identifying weaknesses of the criticized approaches. However, the specificity of this method lies in its complexity and in the ability to form a full-fledged idea of the object of study.

For example, scientific papers provide examples of SWOT analysis of libraries [12]. It seems that the determination of the legal regime of objects and the legal status of subjects can be preceded by studies based on SWOT analysis, because this allows us to anticipate their role in turnover and construct adequate regulation. So, if the strong side of libraries is the ability to accumulate cultural values and provide them to society, the weak side is insignificant funding and a small budget, to see an opportunity in expanding public access to library collections through the digitalization of its materials, and threats — in the costs of obtaining licenses from the copyright holders of works whose exclusive rights have not expired yet, it will become obvious that the legislator needs to decide on the possibility of establishing such a case of free use of the work as the digitization of works by libraries. Thus,

[1] https://semograph.com/.

a SWOT analysis in the context of legal research can be effective in posing the question that the research should answer. Also a SWOT analysis can be effective at the stage of examination of legal acts that propose an option of regulating public relations.

Conclusion

The foregoing leads to the conclusion that the application of the sociological analysis of law can provide empirical material for the study of law both de lege lata and de lege ferenda, as well as for its application. The possibility of a direct study of social matter determines the considerable potential of the method and its tools for civil law research.

Библиографический список

1. *Белоусов К.И., Мишланова С.Л., Заседателева М.Г.* Тезаурусное моделирование предметной области «компетентностный подход»: дизайн исследования и программная реализация на платформе ИС «семограф» // Инновационные проекты и программы в образовании. 2013. № 4. С. 3–10.

2. *Кабайкина О.В.* Социологический анализ законодательных актов о правах женщин в России // Теория и практика общественного развития. 2018. № 3 (121). С. 28–30.

3. *Кульчар К.* Основы социологии права / С предисл. и под общ. ред. В.П. Казимирчука. М.: Прогресс, 1981. 256 с.

4. *Мукосеева Я.Ю.* Применение информационной системы «семограф» для анализа исторических источников // Математика и междисциплинарные исследования: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием гл. ред. А.П. Шкарапута. 2019. С. 266–269.

5. *Тарандо Е.Е., Мишальченко Ю.В., Пруель Н.А.* Авторское право: социологический анализ реализации международных и национальных норм в Российской Федерации // Социология и право. 2015. № 2 (28). С. 5–17.

6. *Brook O.* Politics of Coding: On Systematic Content Analysis of Legal Text // Behind the Method: The Politics of European Legal Research (Edward Elgar Publishing). 2021. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3887536.

7. *Friesner T.* History of swot analysis. Marketing Teacher, 2011. Available at: https://www.researchgate.net/publication/288958760.

8. *Gupta S.K.* Applicability of content analysis in legal research // Journal of the Indian Law Institute. 1982. Vol. 24. Issue 4. P. 751–755.

9. *Gurvich J.G.* Eléments de Sociologie Juridique. Paris, 1940. 267 p.

10. *Langone R.* The Science of Sociological Jurisprudence as a Methodology For Legal Analysis // Touro Law Review. 2016. Issue 4. Available at: https://digitalcommons.tourolaw.edu/lawreview/vol17/iss4/5.

11. *Mannheim K.A.* Jelenkori szociologia feladatai. Budapest, 1945. Quote by K. Kalman Fundamentals of Sociology of Law.

12. *Marke J.J., Sloane R., Ryan L.M.* Legal Research and Law Library Management. 1989. 297 p.

13. *Offer J.* Herbert Spencer, Sociological Theory, and the Professions // Frontiers in Sociology. 2019. Vol. 4. Available at: https://www.readcube.com/articles/10.3389/fsoc.2019.00077.

14. *Pound R.* Law in Books and Law in Action // American law Review. Vol. 44. 1910. P. 12–36.

15. *Rousseau J.-J.*The Social Contract or Principles of Political Right / Translated by G.D.H. Cole. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/125486/5017_Rousseau_The_Social_Contract.pdf.

References

1. *Belousov K.I., Mishlanova S.L., Zasedateleva M.G. Tezaurusnoe modelirovanie predmetnoi oblasti "kompetentnostnii podhod": dizain issledovaniya i programmnaya realizaciya na platforme IS "semograf"* [Thesaurus Modeling of the Subject Area "Competence-Based Approach": Research Design and Software Implementation on the IS "Semograph" platform]. *Innovacionnie proekti i programmi v obrazovanii* – Innovative Projects and Programs in Education. 2013. Issue 4. P. 3–10.

2. *Kabaikina O.V. Sociologicheskii analiz zakonodatelnih aktov o pravah jenschin v Rossii* [Sociological Analysis of Legislative Acts on the Rights of Women in Russia]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* – Theory and Practice of Social Development. 2018. Issue 3 (121). P. 28–30.

3. *Kulchar K. Osnovi sociologii prava* [Foundations of Sociology of Law]. Moscow, 1981. 256 p.

4. *Mukoseeva Ya.Yu. Primenenie informacionnoi sistemi "semograf" dlya analiza istoricheskih istochnikov* [Application of the "Semograph" Information System for the Analysis of Historical Sources]. *Matematika i mejdisciplinarnie issledovaniya: materiali Vserossiiskoi nauchno_prakticheskoi konferencii molodih uchenih s mejdunarodnim uchastiem* [Mathematics and interdisciplinary research: materials of the All-Russian scientific-practical conference of young scientists with international participation]. 2019. P. 266–269.

5. *Tarando E.E., Mishalchenko Yu.V., Pruel N.A. Avtorskoe pravo: sociologicheskii analiz realizacii mejdunarodnih i nacionalnih norm v Rossiiskoi Federacii* [Copyright: Sociological Analysis of the Implementation of

International and National Norms in the Russian Federation]. *Sociologiya i pravo* – Sociology and Law. 2015. Issue 2 (28). P. 5–17.

6. *Brook O.* Politics of Coding: On Systematic Content Analysis of Legal Text // Behind the Method: The Politics of European Legal Research (Edward Elgar Publishing). 2021. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3887536.

7. *Friesner T.* History of swot analysis. Marketing Teacher, 2011. Available at: https://www.researchgate.net/publication/288958760_History_of_swot_analysis.

8. *Gupta S.K.* Applicability of content analysis in legal research // Journal of the Indian Law Institute. 1982. Vol. 24. Issue 4. P. 751–755.

9. *Gurvich J.G.* Eléments de Sociologie Juridique. Paris, 1940. 267 p.

10. *Langone R.* The Science of Sociological Jurisprudence as a Methodology For Legal Analysis // Touro Law Review. 2016. Issue 4. Available at: https://digitalcommons.tourolaw.edu/lawreview/vol17/iss4/5.

11. *Mannheim K.A.* Jelenkori szociologia feladatai. Budapest, 1945. Quote by K. Kalman Fundamentals of Sociology of Law.

12. *Marke J.J., Sloane R., Ryan L.M.* Legal Research and Law Library Management. 1989. 297 p.

13. *Offer J.* Herbert Spencer, Sociological Theory, and the Professions // Frontiers in Sociology. 2019. Vol. 4. Available at: https://www.readcube.com/articles/10.3389/fsoc.2019.00077.

14. *Pound R.* Law in Books and Law in Action // American law Review. Vol. 44. 1910. P. 12–36.

15. *Rousseau J.-J.*The Social Contract or Principles of Political Right / Translated by G.D.H. Cole. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/125486/5017_Rousseau_The_Social_Contract.pdf.

Information about the author:

E.Yu. Martyanova
Perm State University
15 Bukireva str., Perm, Russia, 614990
ORCID: 0000-0002-2935-1846
ResearcherID: AAJ-7547-2020
Articles in «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-274-289
https://doi.org/978-3-030-89477-1_79

Информация об авторе:

Е.Ю. Мартьянова
Старший преподаватель кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0002-2935-1846
ResearcherID: AAJ-7547-2020
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-274-289
https://doi.org/978-3-030-89477-1_79

УДК 340.1; 342

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-236-250

МЕТОД ОПИСАНИЯ И ОПИСАТЕЛЬНОСТЬ В НАУКЕ И В ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИТИКЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.В. Понкин
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: i@lenta.ru

А.И. Лаптева
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: juriste.ap@gmail.com

***Введение**: описательность в науке сегодня в России незаслуженно и необоснованно стяжала образ чего-то упрощенно-поверхностного, что не соответствует действительному положению дел и реальным роли и значению метода описания. Прежде чем препарировать какой-то предмет исследования, мы должны его понять, а в идеале и должным образом описать. Настоящая статья посвящена исследованию научного метода описания, в том числе в юридической науке, в частности в цивилистике. **Цель**: выявить основные особенности описания как метода проведения научных исследований в различных областях научного знания, а также определить специфику его применения в юридической науке и в цивилистической науке. **Методы**: были применены такие методы научного познания, как метод анализа, синтеза, метод дедукции, наблюдения, описания. **Результаты**: выявлены характерные черты научного метода описания и особенности его применения в различных сферах; сформулированы выводы относительно использования данного метода в сочетании с иными методами проведения научного исследования; авторы также обратились к описанию основных этапов и техник применения данного научного метода; выявлены основные достоинства и недостатки метода описания. **Заключение**: метод описания – такой же полноценный и имеющий значение исследовательский метод, как и метод анализа или синтеза, индукции или дедукции, просто заточенный под свои цели и задачи, имеющий свою сферу релевантной применимости, который занимает важное место при проведении научных исследований в области права, в том числе в сфере гражданского права. Методу описания*

надлежит учить, его применять надо уметь. Сделать качественное описание предмета исследования – это большое искусство, приходящее порой с достижением высокого профессионализма в науке и прикладной аналитике. Недооценивание описательного метода недопустимо и безосновательно.

***Ключевые слова**: научная методология в цивилистической науке; научный метод; метод описания; описательность в науке; наука; прикладная аналитика.*

DESCRIPTION METHOD AND DESCRIPTIVENESS IN SCIENCE AND IN APPLIED ANALYTICS, INCLUDING CIVILISTIC RESEARCH

I.V. Ponkin
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: i@lenta.ru

A.I. Lapteva
Kutafin Moscow State Law University (MSLA)
E-mail: juriste.ap@gmail.com

***Introduction**: descriptiveness in science today in Russia has undeservedly and unjustifiably acquired the image of something simplistic and superficial, which does not correspond to the actual state of affairs and the real role and significance of the description method. Before dissecting any subject of research, we must understand it, and properly describe it. This article is devoted to the study of the scientific method of description, including in legal science and, in particular, in civil law. **Goal**: to identify main features of the description as a method of scientific research in various fields of scientific knowledge, as well as to determine the specifics of its application in legal science and civil law science. **Methods**: such methods of scientific knowledge as the method of analysis, synthesis, the method of deduction, observation, description were applied. **Results**: main features of the scientific method of description and the peculiarities of its application in various fields are revealed; conclusions regarding the use of this method in combination with other scientific research methods are formulated; the authors also turned to the description of the main stages and techniques of using this scientific method; the main advantages and disadvantages of the method of description are revealed. **Conclusion**: the method of description is an important research method as the method of analysis or synthesis, induction or deduction, that is simply sharpened for its goals and objectives, having its own sphere of relevant applicability, which*

occupies an important place in scientific research in the field of law, including in the field of civil law. The method of description must be taught, one must be able to apply it. To make a good description of the subject of research is a great art, which sometimes comes with the achievement of high professionalism in science and applied analytics. Underestimating the descriptive method is unacceptable and unreasonable.

***Keywords**: scientific methodology in civil science; scientific method; method of description; descriptiveness in science; science; applied analytics.*

Введение

Описательность в науке сегодня в России незаслуженно и необоснованно стяжала образ чего-то низкопробного и упрощенно-поверхностного, что не соответствует действительному положению дел и реальным роли и значению метода описания.

Конечно, можно согласиться с рядом авторов в том, что избыточно описательный характер некоторых диссертационных исследований может быть (и является) в немалом числе случаев существенным их недостатком [1, с. 53], но вместе с тем не следует сбрасывать со счетов собственно описательный исследовательско-интерпретационный метод [3], позволяющий называть вещи своими именами, давать целостное представление о предмете, во всяком случае – первичное.

Прежде чем препарировать какой-то предмет исследования, мы должны его понять, а в идеале и должным образом описать. Нет никакой необходимости ранжировать по степени значения исследовательские методы, они подлежат применению каждый в отдельности или группами, или все вместе, в разных размерностях и модальностях. Все зависит от исследовательских цели и задач, от дизайна исследования, от специфики предмета и объекта исследования, от доступных возможностей наконец.

Когда отсутствуют возможности увидеть, понять внутреннее строение исследуемого объекта (например, планеты, звезды, звездного скопления, иного космического объекта или же напротив – вируса, иного объекта сопоставимого размера), исследователям остаются, как правило, метод наблюдения и метод описания.

Вполне заслуженно особое место занимает описательная (дескриптивная) аналитика, направленная на исследовательское описание и объяснение происшедшего и происходящего.

Поэтому недооценивание и тем более литотизация (принижение значения) описательного метода недопустимы. Это было бы надуманным, неосновательным.

Общее понятие метода описания

Метод описания позволяет сообщить о том, что произошло или происходит с изучаемым явлением, объектом или системой, и не предполагает глубокого изучения причин поведения объекта, системы или возникшей ситуации [20, с. 16]. Как правило, описательные методы проведения исследований используются для получения новых знаний в тех областях, в которых отсутствуют или являются неполными по результатам предыдущие исследования [10, с. 41]. Описательные исследования в социальных науках и некоторых иных областях научного знания также называют исследованиями постфактум, поскольку в их рамках не осуществляется никакого оперирования переменными [12, с. 6].

Существуют различные подходы к пониманию сущности описания как метода проведения научного исследования, его характеристик и особенностей.

Метод описания предполагает создание целостного представления о предмете, изображение и репрезентацию текущего положения, состояния и онтологии исследуемого предмета, его существенных признаков – в целях ознакомления с объектом (феноменом, процессом, отношением) или с идеями либо теориями.

Как правило, целью описательного исследования (исследования, в основу методологического оснащения и обеспечения которого заложен метод описания как ключевой) является систематическое дескриптивное изображение (отображение), определение, объяснение и описание наиболее точным образом того, что представляет собой исследуемый предмет, объект (или же феномен, процесс, отношение), вычленяющее его из других подобных явлений и отграничивающее от них. При этом предмет описания, как правило, уже доступен (для познавательного описания) исследователю на момент проведения исследования, т.е. в цели и задачи применения метода описания не входят поиск и полноценная идентификация исследуемого явления.

Описание может быть сущностным, конструктивным, сравнительным и корреляционным.

Метод описания может применяться для установления и фиксации фактов, и в этом смысле названный метод составляет основу фактографических исследований.

Описание феномена, группы отношений, процесса, объекта может быть весьма развернутым, обширным по объему. Описания могут быть конкретными и абстрактными. Описания могут быть направлены на (глубокое или же «быстрым пером, крупными мазками») обозревание и репрезентацию существенных признаков и (или) онтологии предмета исследования.

В краткой форме метод описания реализуется через дефиниции, в несколько более развернутой форме – через группы дефиниций и через линейки существенных дескриптивных (описательных) признаков либо это может быть полноценное теоретическое и прикладное описание.

Хелен Далок выделяет следующие характеристики описательного исследования:

– в его рамках не производится каких-либо оперирований с переменными или управления ими, нет также и независимой переменной;

– цель заключается в описании одной или нескольких переменных и определении того, существует ли взаимосвязь между двумя или более переменными (при этом определение и анализ самих причинно-следственных связей входит в цели такого исследования);

– текущее состояние явления в естественной обстановке – это обычно то, что наблюдается, описывается и документируется, при этом данные, собранные в прошлом, также могут представлять интерес в рамках описательного исследования;

– обычно гипотеза не ставится, так как конечным результатом описательного исследования является отработка массива данных, на основании которых можно будет в последующем формулировать гипотезы для проведения дальнейших исследований [9, с. 155].

Робин Файермэн Крамер выделяет важные отличительные черты научного метода описания:

– отношение исследователя к исследуемому объекту (исследователь ищет информацию, а не проверяет гипотезу, он не стремится менять, управлять или привносить что-то новое в изучаемую ситуацию);

– интенсивность проведения исследования (гибкий план проведения исследования позволяет глубоко изучить множество аспектов проблемы и оценить ситуацию);

– третья особенность связана с интегрирующими способностями исследователя при анализе данных (так, разъяснение, классификация и обобщение сходств и различий между переменными может позволять исследователю категорировать и изучать взаимодействия между категориями, а также формулировать гипотезы, концептуальные основы и теории) [10, с. 41].

По С.С. Гусеву, «описание – построение целостного представления о конструктивных особенностях изучаемого объекта и формах его внешнего поведения. Процедура описания является (наряду с объяснением и прогнозированием) одной из важнейших функций научного познания. По своей сути описание является способом фиксации определенного фрагмента действительности в сознании исследователя. Лишь выделив специфические характеристики интересующих

его явлений, связав эти характеристики между собой в некоторую систему и ранжируя их по шкале «существенные – второстепенные», исследователь получает возможность определить область изучаемых явлений в качестве объекта. С точки зрения эпистемологического подхода описание представляет собой процедуру совмещения некоторого набора внутренних состояний исследователя, испытываемых им при проведении познавательных действий, с системой стандартных для профессионального круга способов языкового выражения этих состояний. Описание всегда есть фиксация наблюдаемых состояний мира в конкретном языке науки» [2, с. 654].

Метод описания в юридической науке, в частности в цивилистике

По мнению Жана-Луи Лубе де Бэйля, в социальных науках роль описания, возможно, более важна, чем в других сферах научного знания. Действительно, социальные явления проявляются в весьма разнообразных формах, и может быть достаточно сложной и комплексной задачей дать исчерпывающие их описания и идентифицировать разновидности [14, с. 209].

В юридической науке описание также заслуженно является вполне релевантным и может быть самоценным.

Описательность в целом используется в различных отраслях и направлениях юридической науки, таких как изучение позитивного права, догматические исследования права и иные [7], в сравнительном правоведении (сравнение правовых феноменов и процессов, правовых норм, правовых режимов, правовых институтов и субинститутов, отраслей и подотраслей, правовых концептов, теорий, гипотез, аксиом, дефиниций).

Это может быть описание какого-то конкретного зарубежного правового института или правового режима в некоторой сфере. В юридической науке это может быть описание научной правоведческой школы, описание какого-то ранее неизвестного или крайне малоизвестного нормативного, судебного или иного документарного, научного источника, с введением его в научный оборот, что является особенно значимым для сравнительного правоведения, в особенности при изучении зарубежного опыта регулирования в какой-либо сфере гражданских правоотношений либо исследовании исторических правовых памятников.

При этом описание в сфере права не является самоцелью, будучи заточенным на обеспечение получения, фиксации, систематизации и продвижения знаний в этой сфере.

Например, проведение сравнительно-правовых исследований немыслимо и невозможно без опоры на описания зарубежных правовых феноменов.

Гражданское право является одной из тех областей, на которые оказывает существенное влияние глобализация, и современные тенденции его формирования и развития характеризуются наличием взаимного проникновения и гармонизации отдельных правовых систем [4, с. 1], в силу чего само по себе описание подходов зарубежных государств, используемых для регулирования гражданских правоотношений в различных сферах, может быть существенно значимым для развития отдельных институтов цивилистической науки.

При этом необходимо учитывать некоторую специфику проведения научных исследований при помощи метода описания в области гражданского права.

К примеру, Хулио Куэто-Руа указывает, что любые описания системы гражданского права, ограниченные ее абстрактными принципами, концепциями и решениями, являются недостаточными, поскольку не позволяют учитывать те ценности, которые делают осмысленным и понятным поведение членов общества [8, с. 650].

Метод описания является одним из наиболее распространенных способов проведения научных исследований в области права, поскольку в целом невозможно обойтись без надлежащего описания юридической дисциплины [17, с. 5], правового феномена или процесса, правовой теории или концепции.

Метод описания относится к тем методам проведения научных исследований в области права, в рамках которых нет необходимости формулировать гипотезу [20, с. 56].

В исследованиях в области цивилистики метод описания может применяться также в рамках использования формально-юридического метода либо совместно с ним.

Особенности применения метода описания

Метод описания широко используется при проведении исследований во многих областях научного знания, включая образование, психологию и социальные науки [16, с. 129], при этом подходы к его использованию в различных сферах в целом весьма схожи.

Понимание сущности данного метода проведения научных исследований и его особенностей имеет важное значение для корректного и эффективного его применения.

Применение метода описания обычно направлено на подробное отображение или измерение различных аспектов исследуемого явле-

ния. При этом данный метод требует наличия у исследователя знаний об изучаемой проблеме, поскольку для его использования необходимо четко понимать, что именно необходимо описывать и (или) измерять [20, с. 141].

Метод описания не предполагает проведения каких-либо оперирований с исследуемым явлением, объектом или системой, кроме того, данный метод не может использоваться для установления причинно-следственных связей между переменными. Иначе это было бы оперированием другими исследовательскими методами.

Далмо Валерио Мачадо де Лима отмечает, что научное исследование, выполненное при помощи метода описания, должно акцентироваться исключительно на описании топологии существующих признаков и переменных, независимо от причинно-следственных связей и иных гипотез [15, с. 3].

Описательное исследование редко когда представляет собой только описание, не включая в себя, например, элементы систематизации. Поэтому эффективное описание не может быть проведено без использования определенной логики, концептуальной основы для дальнейшей организации подобранных (отображаемых) данных [14, с. 210].

Среди видов описательных исследований Хелен Далок выделяет описательный обзор (в рамках данного типа исследования осуществляется сбор информации и данных о большом количестве объектов), описательное лонгитюдное исследование, в рамках которого документируется и описывается статичное состояние изучаемого объекта, изменения или тенденции, возникающие с течением времени, описательное корреляционное исследование (цель которого заключается в описании того, как одна переменная связана с другой переменной без определения причинно-следственных связей между ними), а также «кейс-стади» [9, с. 155–156] (описания конкретных правовых случаев, судебных казусов, дел).

В рамках проведения описательных исследований может использоваться множество вариантов различных аспектов исследования, которые должны быть определены на стадии разработки дизайна исследования, – таких, как условия, объекты и методы сбора данных. Прежде всего необходимо обратить особое внимание на формулировку целей исследования, поставленных вопросов [6, с. 47].

Жан-Луи Лубе де Бэйль выделяет следующие важные требования к применению метода описания:

– достоверность описания (оно должно быть максимально приближенным к реальному положению дел);

– эффективность описания (осуществляя его, исследователь должен стремиться представить информацию в форме, которая наилучшим

образом облегчит последующие этапы проведения исследования) [14, с. 209].

Описательное исследование имеет строгую привязку к реальности и, соответственно, к фактам [5, с. 302].

Соотношение и сочетание метода описания с другими исследовательскими методами

Метод описания является одним из базовых методов научного познания, соответственно, зачастую используется в сочетании с другими методами или в качестве одного из этапов проведения научного исследования.

Так, описательный анализ может быть как самостоятельным результатом научно-исследовательской деятельности (в частности, в случаях, когда результатом исследования должно стать выявление не описанных ранее явлений, определение скрытых паттернов в больших наборах данных или определение реальных потребностей, требующих вмешательства), так и быть частью более широкого исследования, которое предполагает применение иных научных методов [13, с. 1–2].

Борис Барро обоснованно указывает, что «объяснение, если оно объективно, то идет рука об руку с описанием. Нет понимания без объяснения, а описание уже само по себе является объяснением, и некоторые описания самодостаточны» [5, с. 301].

При корректном применении описание может способствовать пониманию исследователем представляющего интерес явления; кроме того, полученные знания в дальнейшем могут использоваться для определения приоритетности возможных причинных механизмов, выработки гипотез и стратегий проведения дальнейших исследований, а также выявления новых проблем [13, с. 1].

Как указывает Жан-Луи Лубе дель Бэйль, описание необходимо прежде всего для завершения наблюдения, поскольку наблюдение зачастую позволяет получать некие беспорядочные материалы, и описание изучаемого явления не возникает автоматически в связи с их накоплением. Наблюдение позволяет осуществлять сбор информации, которая зачастую бывает противоречивой и непоследовательной. С помощью описания вся эта информация будет объединена для максимально приближенного к реальности отображения изучаемого явления [14, с. 208].

Применение метода описания сопряжено с методом проведения эксперимента, поскольку последний предполагает систематическое изложение (как раз именно в значении описания) результатов эксперимента.

Основные этапы и техники применения метода описания

Использование научного метода описания может включать в себя проведение обзора по исследуемой проблеме, изучение взаимодействий между исследуемыми явлениями, объектами, ситуациями или в их рамках, изучение развития таких взаимодействий, а также контент-анализ [18, с. 85].

Сюзанна Лоуб, Памела Моррис, Сьюзан Динарски, Шон Ридон, Дэниел МакФарлэнд и Сара Ребер определяют применение научного метода описания как итеративный процесс, состоящий из нескольких этапов:

– идентификация соответствующего явления, системы или объекта независимо от данных и методов, которые будут собираться или использоваться в процессе проведения исследования, для того чтобы избежать субъективизма или предвзятости;

– идентификация и отображающая фиксация наиболее существенных характеристик изучаемого явления, объекта или системы;

– определение методов сбора данных, единиц измерения, которые будут использоваться для описания указанных характеристик;

– определение и отображающая фиксация наличия в полученных данных наблюдаемых закономерностей;

– сообщение об этих закономерностях в данных, описывающих явление, объект или систему;

– обдумывание и повторение при необходимости указанных этапов (поскольку процесс описательного анализа является итеративным, каждый последующий шаг основывается на предыдущих и требует их пересмотра и модификации по мере понимания исследователем соответствующего явления, системы или объекта; кроме того, в большинстве случаев немногие исследования могут охватывать все аспекты изучаемого явления) [13, с. 8–9].

Достоинства и недостатки описательности в науке

Как отмечает Дэвид Де Ваус, «хорошее описание является основополагающим для исследовательского предприятия, и оно неизмеримо дополнило знания о форме и природе нашего общества» [19, с. 1].

Использование метода исследования может стать (и, как правило, становится) отправной точкой для проведения дальнейших исследований в соответствующей области как в отношении всего изучаемого объекта, системы или явления, так и отдельных его частей или аспектов.

Только описание, деятельность исследователя, которая может показаться простой, позволяет переходить к применению других методов –

классификации и объяснению, используя прочную основу и избегая произвольных домыслов [14, с. 208].

По мнению Бориса Барро, описательность неотделима от научности: одно так или иначе предполагает другое [5, с. 299].

При всей его универсальности данный метод обладает и некоторыми недостатками, сопряженными главным образом с некорректным его применением либо несоответствием выбранного метода поставленным целям и задачам исследования.

По мнению Лейтона Джонсона, основным ограничением и одновременно недостатком использования метода описания является то, что результаты проведенного с его применением исследования касаются того, что происходит, а не того, что «можно или нужно сделать». Результаты такого исследования часто дают ограниченное представление об изучаемой области [11, с. 241].

Нередко описание может «выродиться» в некий абстрактный набор фактов. Например, существует множество примеров описательных работ, в которых сообщается тривиальная информация и которые не создают основы для постановки последующих научных вопросов или обобщений. Однако это является проблемой скорее самих подобного рода конкретных описаний конкретных авторов, а не научного метода описания как такового [19, с. 2].

Заключение

Мы отчего-то начинаем забывать (особенно в диссертационном процессе), что наука – это далеко не только то (а зачастую и вовсе не то), что ведет к формулированию предложений о совершенствовании законодательства, и что не везде и не в отношении всего возможны глубокие аналитические выкладки – в силу специфики предмета и объекта исследования. Да и не все, что именуют хорошим анализом, таковым и является. А хорошая аналитика – в принципе редкость.

Нередко самым ценным в научном правоведческом произведении является именно обнаруживаемое там добротное, полноценное описание правового феномена, процесса, нормативного объекта и т.д., а не субъективно-окрашенные суждения автора относительно чего-либо. Именно на представленные хорошие описания могут опираться другие авторы в последующих исследованиях.

Но главное, метод описания – такой же полноценный и имеющий значение исследовательский метод, как и метод анализа или синтеза, индукции или дедукции, просто заточенный под свои цели и задачи, имеющий свою сферу релевантной применимости.

Метод описания – это один из основных исследовательских методов в зоологии и ботанике, минералогии, антропологии, астрономии и микробиологии, материаловедении, фармакологии, химии и физике, многих других науках и прикладных технологических направлениях, в том числе и в правовой науке.

Причем не следует думать, что это какой-то наипростейший метод, который усваивается, что называется, с молоком матери. В действительности, метод описания – это не просто сложение слов в предложения, а тех – в тексты, поверхностно отражающие нечто. Научное описание – это не беллетристика и не публицистика.

Методу описания надлежит учить, его применять надо уметь. Сделать качественное описание предмета исследования – это большое искусство, приходящее порой с достижением высокого профессионализма в науке и прикладной аналитике.

Библиографический список

1. *Грачева Е.Ю., Щекин Д.М.* Комментарий к диссертационным исследованиям по финансовому праву (2008–2015 гг.). М.: Статут, 2016. 1038 с.

2. *Гусев С.С.* Описание // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. С. 654. 1248 с.

3. *Понкин И.В., Лаптева А.И.* Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2021. 567 с.

4. *Bachvarova M.S.* Development of Contract Law // SSRN Electronic Journal. 09.09.2019. 6 p. https://doi.org/10.2139/ssrn.3450559.

5. *Barraud B.* La recherche juridique – Sciences et pensées du Droit. Paris: Harmattan, 2016. 550 p.

6. *Blessing L.T.M., Chakrabarti A., Wallace K.M.* An Overview of Descriptive Studies in Relation to a General Design Research Methodology // Designers / Ed. by E. Frankenberger, H. Birkhofer, P. Badke-Schaub. London: Springer, 1998. P. 42–56. https://doi.org/10.1007/978-1-4471-1268-6_4.

7. *Bouckaert B.* L'analyse économique du droit: vers un renouveau de la science juridique? // Revue interdisciplinaire d'études juridiques. 1987. Vol. 18. № 1.

8. *Cueto-Rua J.C.* The Future of the Civil Law // Louisiana Law Review. 1976–1977. Vol. 37. № 3. P. 645–679.

9. *Dulock H.L.* Research Design: Descriptive Research // Journal of Pediatric Oncology Nursing. 1993. Vol. 10. № 4. P. 154–157.

10. *Fireman Kramer R.* A Overview of Descriptive Research // Journal of the Association of Pediatric Oncology Nurses. 1985.Vol. 2. № 2. P. 41–45.

11. *Johnson L.H.* Limitations of the Descriptive Method // The Phi Delta Kappan International. 1953, March. Vol. 34. № 6. P. 241–245.

12. *Kumar R.C.* Research Methodology. New Delhi: APH Publishing corporation, 2008. 152 p.

13. *Loeb S., Morris P., Dynarski S., Reardon S., McFarland D., Reber S.* Descriptive analysis in education: A guide for researchers. Washington, DC: U.S. Department of Education, Institute of Education Sciences, National Center for Education Evaluation and Regional Assistance, 2017. VI. 40 p.

14. *Loubet del Bayle J.-L.* Initiation aux méthodes des sciences sociales. Paris: Harmattan, 2000. 272 p.

15. *Machado de Lima D.V.* Research design: a contribution to the author // Online Brazilian Journal of Nursing. 2011, abril-agosto. Vol. 10. № 2. 18 p.

16. *Nassaji H.* Qualitative and descriptive research: Data type versus data analysis // Language Teaching Research. 2015. Vol. 19. № 2. P. 129–132.

17. *Nel M.* Military Law practitioners and academic discourse: A Sine Qua Non for developing Military Law // Scientia Militaria, South African Journal of Military Studies. 2017. Vol. 45. № 2. P. 1–19.

18. *Pandey P., Pandey M.M.* Research methodology: tools and techniques. Buzau: Bridge Center, 2015. 118 p.

19. *Vaus de D.A.* Research design in social research. London: SAGE Publications, 2001. XVII. 279 p.

20. *Vibhute K., Aynalem F.* Legal Research Methods: Teaching Material. Addis Ababa: Sponsorship of the Justice and Legal System Research Institute, 2009. VI. 252 p.

References

1. *Gracheva E.Ju., Shhekin D.M. Kommentarij k dissertacionnym issledovanijam po finansovomu pravu (2008–2015 gg.)* [Commentary on Dissertation Research on Financial Law (2008–2015)]. Moscow, 2016. 1038 p. (In Russ.)

2. *Gusev S.S. Opisanie* [Description]. *Jenciklopedija jepistemologii i filosofii nauk*i – Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. Moscow, 2009. 1248 p. (In Russ.)

3. *Ponkin I.V., Lapteva A.I. Metodologiia nauchnykh issledovanii i prikladnoi analitiki: Uchebnik. Izd. 2-e, dop. i pererab.* [Methodology of Scientific Research and Practical Analytics: Textbook. Second edition. Consortium «Analytics. Law. Digital»]. Moscow, 2021. 567 p. (In Russ.)

4. *Bachvarova M.S.* Development of Contract Law. SSRN Electronic Journal. 09.09.2019. 6 p. https://doi.org/10.2139/ssrn.3450559. (In Eng.)

5. *Barraud B.* La recherche juridique – Sciences et pensées du Droit. Paris: Harmattan, 2016. 550 p. (In Fr.)

6. *Blessing L.T.M., Chakrabarti A., Wallace K.M.* An Overview of Descriptive Studies in Relation to a General Design Research Methodology. Designers / Ed. by E. Frankenberger, H. Birkhofer, P. Badke-Schaub. London: Springer, 1998. P. 42–56. https://doi.org/10.1007/978-1-4471-1268-6_4. (In Eng.)

7. *Bouckaert B.* L'analyse économique du droit: vers un renouveau de la science juridique? Revue interdisciplinaire d'études juridiques. 1987. Vol. 18. Issue 1. (In Fr.)

8. *Cueto-Rua J.C.* The Future of the Civil Law. Louisiana Law Review. 1976–1977. Vol. 37. Issue 3. P. 645–679. (In Eng.)

9. *Dulock H.L.* Research Design: Descriptive Research. Journal of Pediatric Oncology Nursing. 1993. Vol. 10. Issue 4. P. 154–157. (In Eng.)

10. *Fireman Kramer R.* A Overview of Descriptive Research // Journal of the Association of Pediatric Oncology Nurses. 1985. Vol. 2. Issue 2. P. 41–45. (In Eng.)

11. *Johnson L.H.* Limitations of the Descriptive Method. The Phi Delta Kappan International. 1953, March. Vol. 34. Issue 6. P. 241–242, 245. (In Eng.)

12. *Kumar R.C.* Research Methodology. New Delhi: APH Publishing corporation, 2008. 152 p. (In Eng.)

13. *Loeb S., Morris P., Dynarski S., Reardon S., McFarland D., Reber S.* Descriptive analysis in education: A guide for researchers. Washington, DC: U.S. Department of Education, Institute of Education Sciences, National Center for Education Evaluation and Regional Assistance, 2017. VI. 40 p. (In Eng.)

14. *Loubet del Bayle J.-L.* Initiation aux méthodes des sciences sociales. Paris: Harmattan, 2000. 272 p. (In Fr.)

15. *Machado de Lima D.V.* Research design: a contribution to the author. Online Brazilian Journal of Nursing. 2011, abril-agosto. Vol. 10. Issue 2. 18 p. (In Eng.)

16. *Nassaji H.* Qualitative and descriptive research: Data type versus data analysis. Language Teaching Research. 2015. Vol. 19. Issue 2. P. 129–132. (In Eng.)

17. *Nel M.* Military Law practitioners and academic discourse: A Sine Qua Non for developing Military Law. Scientia Militaria, South African Journal of Military Studies. 2017. Vol. 45. Issue 2. P. 1–19. (In Eng.)

18. *Pandey P., Pandey M.M.* Research methodology: tools and techniques. Buzau: Bridge Center, 2015. 118 p. (In Eng.)

19. *Vaus de D.A.* Research design in social research. London: SAGE Publications, 2001. XVII. 279 p. (In Eng.)

20. *Vibhute K., Aynalem F.* Legal Research Methods: Teaching Material. Addis Ababa: Sponsorship of the Justice and Legal System Research Institute, 2009. VI. 252 p. (In Eng.)

Информация об авторах:

И.В. Понкин
Доктор юридических наук, профессор,
профессор Института государственной службы и управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, Россия, г. Москва, Проспект Вернадского, 82
ORCID: 0000-0003-4438-6649
Researcher ID: D-3414-2016

А.И. Лаптева
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры спортивного права
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
ORCID: 0000-0002-4865-9694

Information about the authors:

I.V. Ponkin
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia
ORCID: 0000-0003-4438-6649
Researcher ID: D-3414-2016

A.I. Lapteva
Kutafin Moscow State Law University (MSLA)
9 Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russia
ORCID: 0000-0002-4865-9694

УДК 347.1

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-251-263

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖОТРАСЛЕВОГО МЕТОДА ПРИ ПОСТРОЕНИИ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.В. Сушкова
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: ovsushkova@msal.ru

С.А. Сарина
Университет Туран
E-mail: s.sarina@turan-edu.kz

***Введение**: в настоящее время в цивилистической науке прослеживается фрагментарность применения гражданско-правовых средств, через которые устанавливаются, изменяются и прекращаются правоотношения в тех или иных видах предпринимательской и профессиональной деятельности при обороте инноваций. Кроме того, в цивилистической науке наблюдается и правовая неопределенность относительно не только условий и порядка оборота инноваций, особенно в экономической деятельности, через применяемые гражданско-правовые средства, но и в нормативном регулировании. Такая неопределенность создает как для науки, так и для правоприменительной практики правовой вакуум, основанный еще на классических гражданско-правовых категориях, из которого выход видится только в системной проработке всех регуляторов и средств, применяемых для установления правоотношений, объектом которых выступают инновации. **Цель**: определить возможности межотраслевого метода цивилистических исследований для построения системы гражданско-правовых средств в предпринимательской деятельности. **Методы**: при проведении исследования применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение, описание) и частнонаучные методы познания, в том числе межотраслевой правовой метод. **Результаты**: показаны основные сферы применения межотраслевого метода, при этом базовой сферой выступают предпринимательские отношения, поскольку именно это комплексная отрасль права, в которой наиболее бессистемно применяются гражданско-правовые средства, правовые принципы, концепции и иные научные гипотезы, что создает правовой вакуум в правоприменительной практике. Именно межотраслевой метод является необходимым*

связующим элементом для систематизации всех гражданско-правовых средств, используемых в предпринимательских отношениях в современном обществе.

***Ключевые слова**: межотраслевой правовой метод; гражданско-правовые средства; предпринимательская деятельность.*

USING THE INTERSECTORAL METHOD WHEN BUILDING A SYSTEM OF CIVIL LEGAL FUNDS IN BUSINESS

O.V. Sushkova
Kutafin Moscow State Law University (MSLA)
E-mail: ovsushkova@msal.ru

S.A. Sarina
Turan University
E-mail: s.sarina@turan-edu.kz

***Introduction**: at present, in civil science, the fragmentation of the use of civil law means through which legal relations are established, changed and terminated in certain types of entrepreneurial and professional activities in the course of the circulation of innovations is traced. In addition, in civil science, there is also legal uncertainty regarding not only the conditions and procedure for the turnover of innovations, especially in economic activity, through the civil legal means used, but also in normative regulation. This uncertainty creates a legal vacuum for both science and law enforcement practice, based on classical civil law categories and, from which the only way out is seen in the systematic elaboration of all the regulators and means used to establish legal relations, the object of which is innovation. **Purpose**: to determine the possibilities of the intersectoral method of civil studies for building a system of civil legal means in entrepreneurial activity. **Methods**: during the study, general scientific (analysis, synthesis, comparison, description) and specific scientific methods of cognition, including the intersectoral legal method, were used. **Results**: the main areas of application of the intersectoral method are shown, while the basic sphere is entrepreneurial relations, since it is this complex branch of law, in which civil legal means, legal principles, concepts and other scientific hypotheses are most haphazardly applied, which creates a legal vacuum in law enforcement practice. It is the intersectoral method that is a necessary connecting element for the systematization of all civil law means used in business relations in modern society.*

***Keywords:** intersectoral legal method; civil legal means; entrepreneurial activity.*

Введение

Активный процесс трансформации современного общества [8, с. 14], происходящий под воздействием внедрения новейших цифровых технологий, оказывает серьезное влияние и на трансформацию предпринимательского права. Так, под трансформацией понимается преобразование, изменение вида, формы, существенных свойств предмета регулирования [6, с. 16]. Поэтому подобные изменения детерменированы рядом факторов и условий, от которых зависят и направление, особенности трансформации гражданско-правовых средств, их глубина и масштабность для оборота инноваций в предпринимательской сфере. Таким образом, правовая модель трансформации имеющихся гражданско-правовых средств оборота инноваций предполагает методологически выверенную цепочку действий, осуществляемых правовой системой в сфере предпринимательской деятельности.

В.Н. Садовский и Э.Г. Юдин, рассматривая многообразные определения понятия «система», приходят к заключению, что в них можно выделить некоторый инвариант, который представлен следующими утверждениями. *Во-первых*, система представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов. *Во-вторых*, она образует особое единство со средой. *В-третьих*, как правило, любая система представляет собой элемент системы более высокого порядка. *В-четвертых*, элементы любой системы обычно выступают как системы более низкого порядка [9, с. 3–22]. Таким образом, применение в праве системы является достаточно затруднительным, но применяется она в силу принципа универсальности для упорядочения общественных отношений в экономической деятельности [5, с. 270].

Это направление исследования связано с тем, что бóльшая часть гражданско-правовых средств реализуется в рамках отношений, реализуемых через институты предпринимательского права (банкротство, саморегулирование, государственно-частное партнерство, конкурентные закупки, инвестиционная деятельность и т.д.).

Межотраслевой метод как единство смысла закона

Внутренний порядок и единство права – это гораздо больше, чем просто предпосылки научного характера юриспруденции и постулаты методологии; скорее они относятся к наиболее фундаментальным юридическим этическим требованиям и в конечном счете уходят корнями в саму правовую идею. Таким образом, требование «порядка» вытекает из признанного постулата справедливости.

Однако вывод о существовании единства права без дальнейших церемоний из научного характера юриспруденции или методологического постулата единообразного понимания смысла был бы равносилен *petitio Principii*. Таким образом, противники системного мышления фактически отрицают юриспруденцию частично в последовательной реализации их основного подхода научного характера и только придают ей ранг своего рода «теории технического искусства». Аналогичным образом требование «систематической интерпретации», определения общих правовых принципов и единого понимания объекта, как и все методологические максимы, изначально является простым постулатом, который должен оставаться в большинстве случаев невыполнимым [11, с. 100–112].

Законодателем, наряду с моноотраслевым регулированием, зачастую используется прием межотраслевого правового регулирования на тех или иных участках общественных отношений, в частности в области экономики, включая и сферу предпринимательства [12, с. 99].

Сегодня явно необходима интеграция и диверсификация существующих концептуальных подходов, теорий и методов правового регулирования, саморегулирования общественных отношений в сфере использования инноваций в предпринимательской и профессиональной деятельности. Это позволит сформировать унифицированный подход к пониманию роли системы гражданско-правовых средств при обороте инноваций в предпринимательской сфере [6, с. 11].

М.Ю. Челышев справедливо указывает, что «практика настоятельно требует от юридической науки изучения проблем системности, в том числе и в гражданско-правовой сфере. Не в последнюю очередь такая необходимость обусловлена существенным развитием комплексного, межотраслевого правового регулирования, включающего в том числе и гражданско-правовые средства» [12, с. 17].

В отдельных видах предпринимательской и иной экономической деятельности вообще не предусмотрено регулирования не только гражданско-правовых средств оборота инноваций, но и инноваций (например, в саморегулировании [10, с. 123, 170], банкротстве), что также создает необходимость в создании единообразного понимания гражданско-правовых средств в их системе для эффективности инновационной деятельности.

Кроме того, как высказывался М.Ю. Челышев, гражданско-правовые средства применимы как в сфере частного, так и публичного права, в зависимости от поставленной цели [12, с. 14]. Е.П. Губин в связи с этим отмечает, что «соединение публично-правового и частноправового режимов в области экономики позволяет, в ряде случаев, говорить о влиянии публично-правовых средств указанного

регулирования на содержание соответствующих средств частного права» [3, с. 171].

Следует отметить, что выработка концептуальной системы гражданско-правовых средств для обеспечения эффективного оборота инноваций в экономической деятельности будет способствовать совершенствованию не только правового регулирования инновационной деятельности, но и обеспечения баланса интересов субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности.

Гражданско-правовые средства в любой сфере хозяйствования в настоящее время обеспечивают наибольший оборот не только объектов гражданского права, урегулированных ГК РФ, но и тех потенциальных объектов (таких как новые технологии, технологические инновации, технологии искусственного интеллекта и др.), чье регулирование либо отсутствует, либо регулируется отдельными нормативными правовыми актами различной юридической силы в сфере предпринимательского права. Безусловно, такое положение сложившейся ситуации связано с развивающими концепциями построения инновационной экономики. И.В. Ершова отмечает, что «инновации в науке всегда влекут за собой изменения в экономических процессах страны ввиду образования новых экономических возможностей и перспектив. С появлением масштабных национальных государственных программ, направленных на внедрение технологических изменений в механизмы взаимодействия общества и государства, технический прогресс стал более форсированным. Появление революционных технических решений, помимо новых возможностей, часто открывает и новые сложности, касающиеся правового обеспечения работы таких систем» [2, с. 17–24].

Система как содержание общеправовых принципов

Система с философской точки зрения определяется как аксиологический или телеологический порядок общих принципов [13]. При характеристике системы как телеологического порядка второй существенный вопрос еще не получил ответа: вопрос о поддерживающих элементах, в которых становится видимым внутреннее единство и последовательность правового порядка. Скорее здесь нужно еще раз напомнить об основной характеристике концепции единства, которая была ранее разработана. Определение «общих правовых принципов» с помощью так называемой правовой аналогии, и это соответствует доктринам общей герменевтики, поскольку это относится к так называемому канону единства или «целостности», согласно которому интерпретатор – его цель, заключающаяся в том, чтобы понять и пред-

положить целое, имеющее смысл само по себе, для гарантированного существования.

Следует отметить, что не все общеправовые принципы обладают характеристиками для поддержания системы, как, например, те, которые преимущественно известны в обязательственном праве, праве собственности, наследовании и т.д., и остаются в пределах этих сфер частного права. Кроме того, если классифицировать любую систему на несколько подсистем, то в контексте с рассматриваемыми общеправовыми принципами следует отметить, что такие принципы продолжают в настоящее время формироваться с более объективным содержанием через существующие гражданско-правовые средства (например, неосновательное обогащение (ст. 1102 ГК РФ), убытки (ст. 15 ГК РФ) и др.). В связи с этим часть принципов, которые поддерживают более узкие сферы правового регулирования тех или иных общественных отношений, считаются «частными», а более широкие – «общими». Таким образом, «общность» принципов меняется с ростом точек зрения относительно того, какие правовые идеи следует рассматривать как определяющие для внутреннего смысла рассматриваемой подотрасли права с целью упорядочения всех применяемых принципов для определения «существенного содержания». В конечном счете отраслевое взаимодействие, реализуемое через проникновение отраслевых институтов, должно развивать и оптимизировать каждую отрасль в отдельности и, следовательно, совершенствовать всю российскую правовую систему. В этой связи неоспоримым будет тезис, сформулированный еще в советский период, о том, что в основе формирования права в целом (следовательно, по нашему мнению, и любой его отрасли) лежит объективно обусловленная историческая необходимость [8, с. 5].

В любом случае все институты отрасли права неизбежно опираются в своем правовом регулировании на отраслевые либо общеправовые принципы. В этом контексте прав был С.С. Алексеев, утверждая, «что именно отраслевые принципы выступают одной из двух своеобразных скреп (наряду с методом правового регулирования отрасли), которые закладывают конкретный специфический режим правового регулирования общественных отношений, охваченных этой отраслью» [1, с. 245]. В этой связи считаем, что правильный вектор развития межотраслевого взаимодействия, позволяющий исключить в дальнейшем некорректное, а порой и не вполне правовое использование отраслевого института, лежит в согласовании межотраслевого взаимодействия с опорой на действие отраслевых принципов [4, с. 50–69].

Преимущества «общеправовых принципов» в формировании системы в сравнении с нормами, правовыми институтами и ценностями

Во-первых, нельзя считать само собой разумеющимся, что система должна состоять из принципов. Скорее возникает вопрос о том, не может ли она также быть основана на других «общих» элементах – например, на нормах, концепциях, принципах или ценностях. Ответ на этот вопрос непрост и не в последнюю очередь должен основываться на аспектах целесообразности и перспективности.

Что касается *системы норм*, то это не имеет смысла, поскольку именно контекст связывает нормы, которые следует искать, а это, в свою очередь, также не может состоять в норме. Фактически правовые идеи, которые создают смысл и единство, могут быть сформулированы лишь в небольшой степени в форме норм, которые в соответствии с требованиями и последствиями должны быть более или менее жестко разграничены и вместо этого требовать соблюдения всех принципов права.

Что касается *системы общеправовых понятий*, то это, безусловно, мыслимо не только с точки зрения формальной системы общих базовых понятий [14, с. 272], но и как телеологически «наполненной» системы определенного правопорядка.

Построение *системы юридических концепций* не всегда означает, что их систематизация является целесообразной в той или иной отрасли права. Представляется, что с точки зрения систематизации разработанных концепций в предпринимательском праве такая систематизация будет оправданной. Это оправданно, поскольку такая система будет призвана прояснить оценочную последовательность и внутреннее единство такой комплексной отрасли, как предпринимательское право. Следовательно, можно сказать, что при правильно сформулированной и сформированной концепции система принципов только отчасти будет иметь оценочный критерий, с другой стороны, такая система будет являться достаточно четкой, что будет лучше подходить для отражения единицы оценки самого закона.

Кроме того, не следует забывать, что соответствующие термины отнюдь не разработаны для всех основных ценностей нашей правовой системы и что это также будет значительно труднее, чем формулирование общих правовых принципов. Между прочим, вряд ли стоит подчеркивать, что образование термина поэтому не лишнее. Напротив, это необходимо для подготовки подчинения, и поэтому принципам должна быть присвоена соответствующая система юридических понятий. Но никогда не следует забывать, что они имеют

телеологическую природу и, следовательно, в случае сомнения всегда необходимо прибегать к оценке, содержащейся в них, т.е. к соответствующему принципу. Если, например, не ясно, должны ли определенные гражданско-правовые средства классифицироваться как юридическая сделка или защищенная правовая позиция, как субъективное право, всегда следует задавать вопрос, происходит ли в рассматриваемом случае регулирование в силу частной автономной самоопределенности или возможны ли здесь оценки, применимые к признанным субъективным правам.

То же самое и с *системой правовых институтов* [15]. Даже они не делают сразу видимой оценку, создающую единство. Самым близким к предложению, сделанному здесь, было бы попытаться *понять систему как порядок ценностей*. В принципе это, конечно, тоже возможно; потому что в конце концов каждая правовая система основана на каких-то высших ценностях, которые она защищает. Тем не менее против этого есть и веские причины. Переход от ценности к принципу необычайно плавен, но если ввести разумно осуществимое различие, то можно сказать, что принцип уже конкретизирован на один уровень дальше, чем ценность. В этом прослеживается некоторая дихотомия. Например, за принципом правового самоопределения предпринимательской деятельности стоит ценность свободы. Но хотя это само по себе не содержит никаких ссылок на правовые последствия, которые должны быть выведены из этого, уже говорится что-то относительно конкретное об этом, а именно что защита свободы гарантируется легитимацией человека регулировать свои отношения с другими частным и автономным образом. Принцип противоречит ценности, с одной стороны, и концепции, с другой стороны, у него как раз правильный центр: первое имеет то преимущество, что оно уже достаточно установившееся, чтобы уже содержать заявление о юридических последствиях, и, таким образом, имеет специфически юридическую оболочку, второе – то, что оно еще не утвердилось в науке, является достаточным для последующих цивилистических исследований.

Заключение

Правовая система – это попытка определить принцип справедливости в отношении определенной формы общественной жизни в предпринимательской деятельности в наборе рациональных принципов. Но то, что рациональная структура, которую можно понять с помощью мысли, управляет интеллектуальным и материальным миром, является необходимой базовой гипотезой всей науки. Идея согласованности и единства права доказывает необычайную динамическую силу раз-

вития системы гражданско-правовых средств при условии, что к ней относятся только серьезно и не понимают предпринимательское право как случайный конгломерат исторически сложившихся индивидуальных решений. Поскольку проблема того, является ли определенный правовой принцип «системным», включает вопрос о том, является ли он «определяющим смыслом» для рассматриваемой области права, и это, в свою очередь, идентично вопросу «общности» «принципа». Но как только принцип был признан «общим», в частности его юридико-этический вес и его позитивно-правовой рейтинг, то он может в сочетании с требованием оценочной последовательности привести к неожиданному развитию права. Однако, несмотря на кажущуюся урегулированность отношений в сфере предпринимательской и профессиональной деятельности, тем не менее в связи с появлением новых общественных отношений уже существующие классификации становятся неработоспособными для их применения, что создает бессистемность.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права: В 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 245.

2. *Алтухов А.В., Ершова И.В., Кашкин С.Ю.* Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.

3. *Губин Е.П.* Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М.: Юристъ, 2005. С.171.

4. *Лебедев М.Ю.* Принципы права как основа межотраслевого взаимодействия // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. С. 50–69.

5. *Матвеев А.Г.* Проблема понятия системы и ее структуры на примере исследования авторских прав // Методологические проблемы цивилистических исследований. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2018. С. 270.

6. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: Монография / Под общ. ред. А.В. Минбалеева. М.: Проспект, 2021. С. 11, 16.

7. Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте: Монография / Под общ. ред. В.Н. Синюкова, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2019. 240 с.

8. Правотворчество в СССР / Под ред. А.В. Мицкевича. М.: Юрид. лит., 1974. С. 5.

9. *Садовский В.Н., Юдин Э.Г.* Задачи, методы и приложения общей теории систем // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 3–22.

10. Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения и развития социального предпринимательства в строительной сфере: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Лескова. М.: Проспект, 2020. С. 123, 170.

11. *Сушкова О.В.* Методологические подходы по использованию инноваций и технологий в образовательном процессе: постановка проблемы // Актуальные проблемы права и медицины: Сб. науч. трудов Всеросс. науч.-практ. конф (1 июня 2021 г. Москва) / Отв. ред. А.Ю. Чупрова. М.: Проспект. С. 100–112.

12. *Челышев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. С. 14, 17, 99.

13. Zur systembildenden Funktion der Prinzipien vgl. vor allem Esser, Grundsatz und Norm, a.a.O., S. 227 f. und 323 ff. Im übrigen dürfte dem hier vertretenen Systembegriff der von Cmng und der von Lareitz am nächsten stehen (wichtige Ansätze aber schon bei Stoß, a.a.O., 8. 77 f. und 96), vgl. vor allem Coing, Grundzüge der Rechtsphilosophie, 1950, S. 275 ff., JZ 1951, S 481 ff. (484 f.), Geschichte und Bedeutung des Systemgedankens, S. 9 ff. und Dölle- Festschrift, S. 25 ff.; Lantus Festschrift für Nikisch, 1958, S. 299 ff. und Methodenlehre, S. 133 ff. und 367 ff.

14. Den Terminus verwendet Coing, Rechtsphilosophie, a.a.O., S. 272.

15. Dieses entspricht vor allem dem Systembegriff Savigtys, vgl. System des heutigen römischen Rechts, 1840, § 5 (S. 10 f.); zum „Institut" als systembildenden Faktor vgl. im übrigen Esser, Grundsatz und Norm, a.a.O., S. 324 ff. und Lanz, Methodenlehre, a.a.O., S. 137 ff.

Referenses

1. *Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]: In 2 vol.. T. 1. Moscow: Jurid. lit., 1981. P. 245. (In Russ.)

2. *Altuhov A.V., Ershova I.V., Kashkin S.Yu. Platformennoe pravo kak drajver razvitiya innovacij* [Platform law as a driver of innovation development]. *Predprinimatel'skoe pravo* – Entrepreneurial Law. 2020. № 4. P. 17–24. (In Russ.)

3. *Gubin E.P. Gosudarstvennoe regulirovanie rynochnoj ekonomiki i predprinimatel'stva: pravovye problemy* [State regulation of the market economy and entrepreneurship: legal problems]. Moscow: Yurist, 2005. P. 171. (In Russ.)

4. *Lebedev M.Yu. Principy prava kak osnova mezhotraslevogo vzaimodejstviya* [Principles of law as the basis for inter-sectoral interaction]. *Vestnik*

grazhdanskogo processa – Bulletin of civil process. 2021. № 3. P. 50–69. (In Russ.)

5. *Matveev A.G. Problema ponyatiya sistemy i ee struktury na primere issledovaniya avtorskih prav*. [The problem of the concept of a system and its structure on the example of the study of copyright]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij* – Methodological Problems of the Civil Law Researches. 2018. Issue 3 / Eds. A.V. Gabov, V.G. Golubcov, O.A. Kuznecova. Moscow: Statut, 2018. P. 270. (In Russ.)

6. *Mekhanizmy i modeli regulirovaniya cifrovyh tekhnologij: Monografiya* [Mechanisms and models of regulation of digital technologies: Monograph] / Ed. A.V. Minbaleeva. Moscow: Prospect, 2021. P. 11, 16. (In Russ.)

7. *Pravovoe regulirovanie cifrovoj ekonomiki v sovremennyh usloviyah razvitiya vysokotekhnologichnogo biznesa v nacional'nom i global'nom kontekste: Monografiya* [Legal regulation of the digital economy in modern conditions of high-tech business development in the national and global context: Monograph] / Eds. V.N. Sinyukova, M.A. Egorova. Moscow: Prospect, 2019. 240 p. (In Russ.)

8. *Pravotvorchestvo v USSR* [Lawmaking in the USSR] / Ed. A.V. Mitskevich. Moscow: Jurid. lit., 1974. P. 5. (In Russ.)

9. *Sadovskij V.N., Yudin E.G. Zadachi, metody i prilozheniya obshchej teorii sistem* [Problems, Methods and Applications of General Systems Theory]. *Issledovaniya po obshchej teorii system* – Research on General Systems Theory. Moscow: Progress, 1969. P. 3–22. (In Russ.)

10. *Samoreguliruemaya organizaciya kak pravovaya model' vnedreniya i razvitiya social'nogo predprinimatel'stva v stroitel'noj sfere: Monografiya* [Self-regulatory organization as a legal model for the implementation and development of social entrepreneurship in the construction sector: Monograph] / Eds. Yu.G. Leskova. Moscow: Prospect, 2020. P. 123, 170. (In Russ.)

11. *Sushkova O.V. Metodologicheskie podhody po ispol'zovaniyu innovacij i tekhnologij v obrazovatel'nom processe: postanovka problemy* [Methodological approaches to the use of innovations and technologies in the educational process: problem statement]. *Aktual'nye problemy prava i mediciny: sb. nauch. trudov Vseross. nauch.-prakt. konf. (1 iyunya 2021 g. Moskva)* – Actual problems of law and medicine: collection of scientific works of the All-Russian scientific-practical conference (June 01, 2021, Moscow) / Ed. A.Yu. Chuprova. Moscow: Prospect. P. 100–112. (In Russ.)

12. *Chelyshev M.Yu. Sistema mezhotraslevyh svyazej grazhdanskogo prava: civilisticheskoe issledovanie: Dis. ... d-ra yurid. nauk*. [The system of intersectoral relations of civil law: civil studies: Dis. ... Doctor of Law]. Kazan, Kazan State University, 2009. P. 14, 17, 99. (In Russ.)

13. Zur systembildenden Funktion der Prinzipien vgl. vor allem Esser, Grundsatz und Norm, a.a.O., S. 227 f. und 323 ff. Im übrigen dürfte dem hier

vertretenen Systembegriff der von Cmng und der von Lareitz am nächsten stehen (wichtige Ansätze aber schon bei Stoß, a.a.O., 8. 77 f. und 96), vgl. vor allem Coing, Grundzüge der Rechtsphilosophie, 1950, S. 275 ff., JZ 1951, S 481 ff. (484 f.), Geschichte und Bedeutung des Systemgedankens, S. 9 ff. und Dölle- Festschrift, S. 25 ff.; Lantus Festschrift für Nikisch, 1958, S. 299 ff. und Methodenlehre, S. 133 ff. und 367 ff. (In Deutsch.)

14. Den Terminus verwendet Coing, Rechtsphilosophie, a.a.O., S. 272. (In Deutsch.)

15. Dieses entspricht vor allem dem Systembegriff Savigtys, vgl. System des heutigen römischen Rechts, 1840, § 5 (S. 10 f.); zum „Institut" als systembildenden Faktor vgl. im übrigen Esser, Grundsatz und Norm, a.a.O., S. 324 ff. und Lanz, Methodenlehre, a.a.O., S. 137 ff. (In Deutsch.)

Информация об авторах:

О.В. Сушкова
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры информационного права и цифровых технологий,
доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
ORCID: 0000-0002-0098-9555
ResearcherID: AAX-6935-2021
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.1051/shsconf/202111005005
https://doi.org/10.1051/shsconf/202111801006
https://doi.org/10.1051/shsconf/202111804007
https://doi.org/10.1051/shsconf/202110602013
https://doi.org/10.2991/aebmr.k.201205.107

С.А. Сарина
Кандидат юридических наук,
ассоциированный профессор
кафедры «Юриспруденция и международное право»
гуманитарно-юридического факультета
Университета Туран
050013, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Сатпаева, 16-а
ORCID: 0000-0002-1414-027X
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.14505/jarle.v7.3(17).14
https://doi.org/10.14505/jarle.v7.7(21).13

Information about the authors:

O.V. Sushkova
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Information Law
and Digital Technologies,
Associate Professor at the Department of Business and Corporate Law
Kutafin Moscow State Law University (MSLA)
125993 Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya st., 9
ORCID: 0000-0002-0098-9555
ResearcherID: AAX-6935-2021
Articles in «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.1051/shsconf/202111005005
https://doi.org/10.1051/shsconf/202111801006
https://doi.org/10.1051/shsconf/202111804007
https://doi.org/10.1051/shsconf/202110602013
https://doi.org/10.2991/aebmr.k.201205.107

S.A. Sarina
PhD in Law, Associate Professor
Department of "Jurisprudence and International Law"
Faculty of Humanities and Law
Turan University
050013, Republic of Kazakhstan, Almaty, Satpayev st., 16-a
ORCID: 0000-0002-1414-027X
Articles in «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.14505/jarle.v7.3(17).14
https://doi.org/10.14505/jarle.v7.7(21).13

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

УДК 340; 347

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-264-285

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИОТРАСЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ФАКТОРОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫСОКИХ СТАНДАРТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

А.В. Барков
Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: barkov_a_v@mail.ru

Я.С. Гришина
Российский государственный университет правосудия
E-mail: grishinel@inbox.ru

***Введение**: статья посвящена раскрытию элементов научного аппарата полиотраслевого исследования институционально-правовых факторов обеспечения высоких стандартов экологического благополучия, определяющих методологию исследования и ее основных результатов. **Цель**: тезисно представить научной общественности общие положения авторской концепции институционально-правовых факторов обеспечения высоких стандартов экологического благополучия. **Методы исследования**: эмпирические (наблюдение, сравнение, описание); теоретические (формальной и диалектической логики, прогнозирования). **Результаты**: обоснована комплексная цивилистическая природа полиотраслевого исследования институционально-правовых факторов*

*обеспечения высоких стандартов экологического благополучия, представлены элементы авторской концепции. Исследовано экологическое благополучие как объект правового обеспечения в зарубежной и российской доктринах и правоприменительной практике: сформулировано понятие экологического благополучия, выявлены различия в подходах и применении термина. Сформулировано понятие и дана классификация институционально-правовых факторов, способствующих обеспечению высоких стандартов экологического благополучия в России. На примере исследования положительного опыта зарубежных стран разработаны основные направления совершенствования правового обеспечения российских высоких стандартов экологического благополучия, разработана концепция дорожной карты в части совершенствования правового регулирования обеспечения данных стандартов, обоснованы предложения по формированию теоретической социально-правовой модели экологического предпринимательства. **Выводы**: обращено внимание на то, что реализация обобщенного положительного зарубежного опыта обеспечения экологического благополучия позволит построить в Российской Федерации общество экологической справедливости с учетом интересов экономической и энергетической безопасности.*

***Ключевые слова**: методология; научный аппарат; экологическое благополучие; институционально-правовой фактор.*

METHODOLOGY OF MULTISECTORAL RESEARCH OF INSTITUTIONAL AND LEGAL FACTORS FOR ENSURING HIGH STANDARDS OF ENVIRONMENTAL WELL-BEING

A.V. Barkov
Financial University under the Government of the Russian Federation
E-mail: barkov_a_v@mail.ru

Ya.S. Grishina
Russian state University of justice
E-mail: grishinel@inbox.ru

***Introduction**: the article is devoted to the disclosure of the elements of the scientific apparatus of poly-branch research of institutional and legal factors for ensuring high standards of environmental well-being that determine the research methodology and its main results. **Objective**: to present to the scientific community the general provisions of the author's concept of institutional and legal factors for ensuring high standards of environmental well-being. **Research methods**: empirical (observation, comparison, description); theoretical (formal*

and dialectical logic, forecasting). ***Results****: the complex, civilistic nature of the poly-branch study of institutional and legal factors for ensuring high standards of environmental well-being is substantiated, elements of the author's concept are presented. Ecological well-being as an object of legal support in foreign and Russian doctrines and law enforcement practice is investigated: the concept of ecological well-being is formulated, differences in approaches and application of the term are revealed. The concept is formulated and the classification of institutional and legal factors contributing to ensuring high standards of environmental well-being in Russia is given. Using the example of the study of the positive experience of foreign countries, the main directions for improving the legal support of Russian high standards of environmental well-being have been developed, the concept of a roadmap for improving the legal regulation of ensuring these standards has been developed, proposals for the formation of.* ***Conclusions****: attention is drawn to the fact that the implementation of generalized positive foreign experience in ensuring environmental well-being will allow building an environmental justice society in the Russian Federation, taking into account the interests of economic and energy security.*

Keywords*: methodology; scientific apparatus; environmental well-being; institutional and legal factor.*

1. Обоснование комплексной цивилистической природы полиотраслевого исследования институционально-правовых факторов обеспечения высоких стандартов экологического благополучия

В настоящее время экологическое благополучие как индикатор качества жизни населения является объектом социальной политики всех стран, нацеленных на устойчивое (эколого-ориентированное) развитие. В российских национальных проектах обеспечение высоких региональных стандартов экологического благополучия также признается приоритетным направлением, что обусловливает актуальность изучения передового зарубежного опыта, лучших практик, способных позитивно сказаться на качестве жизни россиян. В связи с этим формулировка проблемы исследования НИР «Институционально-правовые факторы обеспечения высоких стандартов экологического благополучия на примере исследования положительного опыта зарубежных стран», проведенного творческим коллективом Финансового университета при Правительстве РФ, представляется вполне корректной.

При всем многообразии зарубежных подходов к определению понятия «экологическое благополучие» и его содержания в первую

очередь следует учитывать российскую специфику. На наш взгляд, в качестве исходного термина, в отсутствие легального определения «экологическое благополучие населения», вполне обоснованно принимать дефиницию «санитарно-эпидемиологическое благополучие», понимаемую как «состояние здоровья населения, среды обитания человека, при котором отсутствует вредное воздействие факторов среды обитания на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности»[1]. До недавнего времени в российской государственной экологической политике[2] экологическое благополучие рассматривалось в единстве с такими категориями, как здоровье и социальное благополучие населения. Однако сегодня проблематика экологического благополучия населения как одного из приоритетов в национальных проектах, благодаря выступлению В.В. Путина перед Федеральным Собранием[3] и его последующим заявлениям, получила самостоятельное значение.

На первый взгляд может показаться, что правовая природа исследуемых в настоящей статье отношений имеет исключительно эколого-правовую природу. Однако представляется, что в контексте учения о межотраслевых связях гражданского права, гениально разработанного М.Ю. Челышевым [7], есть все основания считать проведенное исследование комплексным полиотраслевым [8], имеющим междисциплинарное значение [4].

Очевидно, что призыв Президента РФ к обеспечению во всех российских регионах высоких стандартов экологического благополучия в первую очередь адресован предприятиям с высоким уровнем экологического риска, среди которых к наиболее опасным производственным объектам относятся крупные, градообразующие публичные корпорации, потенциально оказывающие значительное негативное влияние на окружающую среду. Например, из 12 крупных промышленных центров, в которых в соответствии с федеральным проектом «Чистый воздух» национального проекта «Экология»[4] реализуются планы мероприятий по снижению выбросов загрязняющих веществ

---

[1] Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

[2] Экологическая доктрина Российской Федерации. Одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р // Портал «Правительство России». URL: http://government.ru/docs/all/43014/.

[3] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Паспорт федерального проекта «Чистый воздух». Приложение к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Экология» от 21 декабря 2018 г. № 3 // URL: https:project.rkomi.ru/system/attachments/uploads/000/164/718/original/%D0%.pdf.

в атмосферный воздух, в шести из них, таких городах, как Липецк, Магнитогорск, Нижний Тагил, Новокузнецк, Челябинск и Череповец, расположены семь ведущих ЧМК, определяющих уровень экологического благополучия населения этих регионов. В связи с тем, что 79,3% от общего объема финансирования национального проекта «Экология» (стоимостью 4,041 трлн руб.) возложены на внебюджетные источники (3,206 трлн руб.)[1], то предполагается, что значительную долю ответственности (устойчиво-экономической, экологической и социальной) за решение важнейшей государственной проблемы будут нести не только градообразующие публичные корпорации, но и все другие предпринимательские организации.

Следовательно, объектом ответственности корпораций выступает их предпринимательская деятельность в экологически опасных регионах присутствия. Не приходится сомневаться в том, что эти внутрихозяйственные и внутрикорпоративные отношения, призванные в соответствии с концепцией устойчивого развития стать инновационно-технологичными, социально и эколого-ориентированными, возникают в результате осуществления и организации эколого-безопасной предпринимательской деятельности, составляют предмет предпринимательского права [1] и относятся к сфере исследования, определенной паспортом научной специальности: 12.00.03 – гражданское право; семейное право; предпринимательское право, международное частное право.

Исходя из того, что к правовому регулированию этой предпринимательской деятельности должны предъявляться повышенные экономические (цифровизация – лучшие доступные технологии), экологические (безопасность), социальные (экологическая и социальная корпоративная ответственность) нормативные требования, то данная сфера отношений находится на стыке воздействия отраслевого гражданского, предпринимательского, корпоративного, конкурентного, налогового и экологического законодательства. Эффективность выполнения этих требований вполне обоснованно рассматривать как факторы (движущие силы) обеспечения высоких стандартов экологического благополучия в России. Эти методологические соображения и обусловливают акценты как в сравнительно-правовом изучении [2], в зарубежном опыте обеспечения экологического благополучия, так и во всех других разделах последующего полиотраслевого исследования.

[1] Паспорт федерального проекта «Чистый воздух». Приложение к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Экология» от 21 декабря 2018 г. № 3.

2. Введение в проблему и ее актуальность. Цель и задачи полиотраслевого исследования. Архитектоника концепции и другие элементы научного аппарата исследования

Методология цивилистического исследования как системы принципов и подходов исследовательской деятельности в частноправовой сфере опирается на научный аппарат, включающий такие общепринятые методологические параметры, как проблема (тема), актуальность, цель, задачи, предмет, объект, научная новизна, защищаемые результаты, теоретическая и практическая значимость. Все эти параметры (элементы) системы методологического аппарата взаимосвязаны, взаимообусловлены, дополняют, координируют и корректируют друг друга [9].

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена задачами, поставленными Президентом РФ, по вхождению России в число пяти крупнейших экономик мира, решением вопросов стратегического развития государства и реализацией национальных проектов по повышению качества жизни населения, обеспечения высоких стандартов экологического благополучия. Вместе с тем решение этих проблем осложняется тем, что в настоящее время отсутствует целостная научно обоснованная концепция правового обеспечения высоких стандартов экологического благополучия, не определены институционально-правовые факторы, влияющие на эффективность правового обеспечения.

В связи с этим цель настоящего исследования заключается в разработке научно обоснованных предложений по обеспечению высоких стандартов экологического благополучия на примере исследования положительного опыта зарубежных стран.

В рамках исследования были определены основные задачи, решение которых обусловливает архитектонику концепции и обеспечивает достижение цели исследования:

1) анализ зарубежного опыта обеспечения экологического благополучия;

2) выявление и классификация институционально-правовых факторов, способствующих обеспечению высоких стандартов экологического благополучия в России;

3) разработка предложений по формированию теоретической социально-правовой модели экологического предпринимательства;

4) формирование дорожной карты в части совершенствования правового регулирования обеспечения высоких стандартов экологического благополучия на примере исследования положительного опыта зарубежных стран.

Обоснованность и достоверность полученных результатов достигались посредством использования широкого спектра общенаучных,

междисциплинарных и частнонаучных, а также теоретических и эмпирических методов исследования.

Проведенное исследование позволило обосновать оригинальную авторскую концепцию обеспечения высоких стандартов экологического благополучия, элементами которой [3] следует считать следующие тезисы, выводы и предложения.

3. Элементы авторской концепции институционально-правовых факторов обеспечения высоких стандартов экологического благополучия

3.1. Понятие экологического благополучия. Экологическое благополучие как объект правового обеспечения в зарубежной и российской доктринах и правоприменительной практике: различия в подходах и применении

В настоящее время экологическое благополучие как индикатор качества жизни населения является объектом социальной политики всех стран, нацеленных на устойчивое (эколого-ориентированное) развитие. В российских национальных проектах обеспечение высоких региональных стандартов экологического благополучия, благодаря выступлению В.В. Путина перед Федеральным Собранием и его последующим заявлениям, также признается приоритетным направлением.

В научной литературе классификация моделей социальной политики проводится по различным основаниям, зависящим от взглядов на концепцию «социального государства», особенностей политического устройства, уровня социально-экономического развития и управления, развитости институтов гражданского общества, структуры финансирования социальных расходов и масштабов инвестиций в человеческий капитал, культурно-исторических традиций и моральных принципов [5, с. 99–102]. Наиболее убедительно выглядит классификация моделей на нордическую, англосаксонскую, континентальную и южноевропейскую, «постсоциалистическую» [6].

В условиях приближающейся глобальной экологической катастрофы осознание необходимости решения проблем негативного воздействия на окружающую среду способствовало пересмотру приоритетов социальной политики государств, в которой экономические, социальные и экологические стандарты качества жизни стали рассматриваться как равнозначные. Импульсом к подобной трансформации стал Всемирный саммит по устойчивому развитию в Йоханнесбурге 2002 г., заложивший основы социально-экологической политики в ЕС

[5, с. 101]. С этого момента можно считать, что модели социальной политики получили приставку «экологической», т.е. «социально-экологической политики», одним из приоритетных элементов которой стало обеспечение экологического благополучия.

Вместе с тем несмотря на то, что «зеленый курс», несомненно, направлен на обеспечение экологического благополучия, этот термин в политических заявлениях лидеров стран понимается по-разному и имеет различное значение, от узкого – субъективного восприятия до широкого – планетарного содержания.

Определено, что в целях настоящего исследования особый интерес представляет значение данного термина в контексте его использования в качестве показателя «всемирного индекса счастья» («индекса счастливой планеты»: англ. *Happy Planet Index – HPI*), применяемого не только для комплексной оценки качества окружающей среды в разных странах мира, но и для оценки социального и что особенно важно – экологического благополучия. В этом контексте термин «экологическое благополучие» (англ. *ecological well-being*), измеряемый через призму «экологического следа», означает «устойчивое благополучие для всех», т.е. гармоничные отношения между людьми и их экологической системой, которые ведут к успешному управлению, распределению и устойчивости экологических ресурсов в настоящем и будущем поколении [10]. При таком подходе дефиниции «экологическое благополучие» и «экологический след» как степень воздействия человека на среду обитания, дающая возможность рассчитать необходимые и достаточные размеры прилегающей биологически продуктивной территории и акватории для потребляемых экологических ресурсов и поглощения производственных отходов, являются понятиями одного логического и смыслового ряда.

Исследование показало, что в последнее время за рубежом, в условиях возможной глобальной экологической катастрофы, во многих странах признается перспективной идея проведения экспертизы принимаемых решений правительства с учетом уровня счастья и экологического благополучия. Все чаще критикуется подход к планированию социально-экономического развития на основе значения ВВП на душу населения, поскольку большинство людей стремится не к богатству, а к здоровью, счастье измеряется не уровнем традиционного показателя, а степенью здоровья и качеством окружающей среды.

На основе анализа зарубежного опыта выявлено, что наиболее распространенной и перспективной в мире альтернативой ВВП в настоящее время признается «индикатор подлинного прогресса» (*Genuine Progress Indicator – GPI*) как инструмент для измерения социально-экологического благосостояния людей, корректирующего валовое

внутреннее производство с учетом положительного и отрицательного экономического, социального и экологического воздействия.

Обосновано, что с учетом зарубежного правоприменительного опыта в целях разработки сценарных условий и основных параметров долгосрочного и среднесрочного прогнозов обосновываются научно-практические рекомендации по дополнению прогнозных показателей «индикатором социально-экономического благополучия (подлинного прогресса)», разработанным на основе методики *Genuine Progress Indicator* (GPI), могут быть скорректированы соответствующие нормативные документы[1].

3.2. Основные направления совершенствования правового обеспечения российских высоких стандартов экологического благополучия на примере исследования положительного опыта зарубежных стран

Исследование зарубежного опыта обеспечения экологического благополучия позволило обосновать основные направления совершенствования правового обеспечения российских высоких стандартов экологического благополучия, представляющие авторскую концепцию имплементации правовых конструкций и механизмов, содержащиеся в ней рекомендации следует рассматривать в качестве ориентиров на пути формирования общества экологической справедливости. С этой целью рекомендуется:

А) внедрение в российское правовое поле механизмов (институтов):

1) дисквалификации и запрета на осуществления работ по государственному заказу физических и юридических лиц, а также аффилированных с ними лиц с установлением права уполномоченного органа на восстановление их правоспособности;

2) лицензирования проектов, которые способны оказать воздействие на экологическое благосостояние, с обязанностью осуществления нормативной оценки экологических последствий;

[1] Постановления Правительства РФ от 11 ноября 2015 г. № 1218 «О порядке разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период». [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/71249780/; от 14 ноября 2015 г. № 1234 «О порядке разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/71249780/.

3) наследования экологической ответственности;

4) прогнозов и эффективности реализованных мер по смягчению последствий экологических загрязнений для совершенствования механизмов долгосрочного экологического мониторинга с целью обнаружения случайных воздействий посредством системы мониторинга «до (после) контрольного воздействия»;

5) солидарной ответственности за экологические правонарушения для всех нынешних и прошлых владельцев собственности, любой стороны, которая организовала добычу, обработку или транспортировку опасных веществ, однако лицо не несет ответственности, если не «участвовало в управлении объектом»: осуществление контроля за принятием решений по соблюдению экологических требований, связанных с объектом, и, следовательно, принятие на себя ответственности за практику обращения с опасными веществами или принятие на себя ответственности за повседневное принятие решений о соблюдении экологических требований или за оперативные функции управления объектом;

6) особых требований в экологических нормативах разработки и добычи природных ресурсов в части установления права введения жидкости в пласты, которые являются пористыми и достаточно проницаемыми, чтобы принять объем предлагаемой жидкости, и которые могут содержать и ограничивать жидкость только в пределах этого пласта, а если пласты разломаны или трещиноваты, то это неприемлемо для целей нагнетательной скважины;

7) системы коррелирующих штрафов за нарушение экологического законодательства с внедрением длящихся накопительных штрафов за каждый день загрязнения или в соответствии с их объемом до момента устранения экологического загрязнения и ликвидации его последствий;

8) предотвращения загрязнения воды с целью защиты экологической целостности водных путей страны;

9) по улавливанию, утилизации и хранению углерода на промышленных производствах с созданием налоговых преференций и стимулов для технических инноваций;

10) ответственности недропользователя в процессе жизненного цикла эксплуатации скважин, чтобы гарантировать, что скважина будет должным образом закупорена и законсервирована;

11) комплексной системы контроля загрязнения окружающей среды с возложением обязанности проявлять заботу на юридических лиц, осуществляющих обращение с отходами;

12) системы пространственного экологического регулирования с запретом деятельности в районах обитания чувствительных видов

с установлением обязательных расстояний отступлений или требований к буферной зоне;

13) системы критериев, подлежащих отражению в правовых отчетах о разливах нефти и иных экологических загрязнениях;

14) постоянного траста или фонда на средства от продажи энергоресурсов в размере, достаточном для устранения экологических выбросов, на тот случай, если ответственная сторона не желает или не может заплатить за нанесенный ущерб;

15) финансирования фундаментальных исследований о снижении последствий влияния промышленности на экологическое благополучие окружающей среды;

Б) установление нормативных правил:

1) обязанности недропользователей разрабатывать и согласовывать планы действий в чрезвычайных ситуациях, связанных с экологическими загрязнениями, и требования к мерам, направленным на предотвращение техногенных катастроф, которые утверждаются уполномоченным органом.

2) права Правительства РФ на наложение дополнительных штрафов в размере до удвоения убытков или прибыли, связанных с нарушением;

3) в ситуации риска, когда действия могут потревожить вид, находящийся под угрозой исчезновения, недропользователь должен разрабатывать план сохранения среды обитания для компенсации любого вредоносного воздействия предполагаемой деятельности на охраняемые виды;

4) наделения широким сектором полномочий сотрудников уполномоченного органа в сфере надзора за экологическим благополучием по расследованию случаев несоблюдения и риска значительного загрязнения в результате экологических сбросов, загрязнений и выбросов, включая выдачу уведомлений о запрещении или обеспечении соблюдения;

5) нивелирования последствий строительства инфраструктуры, которая может оказать негативные последствия на среду обитания и связанную с ней фауну;

6) осуществления постоянных экологических оценок воздействия на окружающую среду;

7) осуществления программы мониторинга окружающей среды, предназначенной для определения деградации вод;

8) развития политики декарбонизации, в том числе посредством использования обширных лесных территорий в совокупности с привлечением инвестиций от отечественных и иностранных корпораций;

9) регулярного мониторинга соблюдения требований на объектах, образующих отходы, в процессе которого запрашивается план предот-

вращения экологических загрязнений и борьбы с ними, проводится опрос персонала, чтобы убедиться, что он выполняет план предотвращения экологических загрязнений;

10) обязанности установки устройств контроля выбросов и экологических загрязнений, которые снижают количество загрязняющих веществ, выбрасываемых в атмосферу, а минимальным стандартом качества работы для этих устройств считается максимально достижимая технология контроля за выбросами.

В обобщенном виде комплекс законодательных предложений с учетом зарубежного опыта обеспечения экологического благополучия может быть представлен, в соответствии с направленностью их осуществления, следующим образом.

А. Предлагается осуществить создание государственной корпорации «Роскарбо» с наделением ее полномочиями по финансированию НИОКР в сфере экологической безопасности Российской Федерации и созданию технологий, методов и математических метрик отслеживания углеродных выбросов, их поглощения посредством создания природных и техногенных условий. Кроме того, возложить на корпорацию обязанность создания и внедрения прозрачной автоматизированной системы по официальному расчету углеродного налога и оценке уровня углеродных выбросов в Российской Федерации, их поглощению окружающей природной средой, позволяющих снижать налоговую базу или получать налоговые вычеты. Возложить на указанную корпорацию функции оператора «государственных заверений» в области экологического регулирования с указанием в них информации об уровне непоглощенного уровня выбросов. Государственные заверения и отечественная прозрачная методика подсчета уровня выбросов и его следа позволят снизить налоговую нагрузку на промышленный сектор экономики Российской Федерации, создать благоприятный экономический климат для инвесторов и создать реальные стимулы для внедрения инноваций. Внедрение в налоговое право института государственных заверений позволит в дальнейшем осуществить его имплементацию в соглашения об избежании двойного налогообложения, создать благоприятные условия для развития инноваций и инвестиций. На период создания автоматизированной системы и научно-практических изысканий предлагается установить переходные положения налогового законодательства Российской Федерации в части закрепления налогового вычета на осуществление капитальных вложений с целью стимулирования их действий по декарбонизации производственных линий с зависимостью от процентного ретроспективного коэффициента декарбонизации и социально-экологической вовлеченности юридического лица в национальные проекты и предоставлением права

выработки методики расчета критерия органам исполнительной власти в области экологического надзора субъекта, в котором осуществляет свою деятельность налогоплательщик, а в случае осуществления деятельности в разных субъектах Российской Федерации – использование для расчета конечного коэффициента среднего медианного значения по стране.

Б. В экологическое законодательство внедрить обязанность разработки инвестором плана сохранения природной среды обитания живых организмов, осуществления нормативной оценки последствий, прогнозов и эффективности реализованных мер по смягчению последствий экологических загрязнений для совершенствования механизмов долгосрочного экологического мониторинга с целью обнаружения случайных воздействий посредством системы мониторинга «до (после) контрольного воздействия». Установить обязанность недропользователей разрабатывать и согласовывать с уполномоченным органом планы комплексного контроля и внедрение механизмов автоматизированного мониторинга загрязнения окружающей среды, направленные на предотвращение техногенных катастроф. Отдельное внимание необходимо уделить порядку и механизму извещения органов государственной власти об экологическом ущербе и установить обязательные критерии, подлежащие отражению в правовых отчетах об экологических загрязнениях.

В. Внедрить механизм наследования экологической ответственности с расширением привлекаемого круга лиц, в том числе на солидарной основе, для всех действующих и прошлых владельцев собственности или недропользователей, а также для лиц – организаторов добычи, обработки или транспортировки опасных веществ и участников управления вышеперечисленных лиц. Установить возможность дисквалификации и запрета на осуществление работ по государственному заказу физических и юридических лиц, а также аффилированных с ними лиц с установлением права уполномоченного органа на восстановление их правоспособности, причастных к нанесению экологического ущерба.

3.3. Понятие и классификация институционально-правовых факторов, способствующих обеспечению высоких стандартов экологического благополучия в России

Исследование показало, что среди широкого перечня институциональных факторов, способствующих обеспечению высоких стандартов экологического благополучия в России (социальных; природных; биологических; экономических; исторических; религиозных; политических; цифровых; психологических; образовательных), определяющее значение имеют институционально-правовые факторы.

Под институционально-правовыми факторами, способствующими обеспечению высоких стандартов экологического благополучия в России, следует понимать движущие силы, направленные на формирование (институционализацию) такого состояния здоровья населения, окружающей природной среды, при котором отсутствует или сведено до минимума вредное воздействие факторов окружающей среды на человека и человека на окружающую среду, регламентация процесса которого достигается посредством государственного регулирования (юридических норм) и саморегулирования (эколого-социальной корпоративной ответственностью).

Классификация институционально-правовых факторов, способствующих обеспечению высоких стандартов экологического благополучия в России, возможна по следующим основаниям:

А) внешние (политико-правовая деятельность Российской Федерации, связанная с реализацией международных соглашений по вопросам экологического права; информационные последствия деятельности международных экологических общественных организаций) – внутренние (правовые факторы опосредуют конкретные действия, составляющие основу внутренней государственной политики);

Б) государственно-правовые и саморегулирующие;

В) в зависимости от объекта воздействия высоких стандартов экологического благополучия на экологию производства, экологию человека, экологический бизнес, экологию природной среды;

Г) в зависимости от тенденций устойчивого развития, обусловливающих нормативные требования к правовому регулированию предпринимательской деятельности корпораций в регионах присутствия:

– экономизация (цифровизация) институционально-правовых факторов, обусловливающая востребованность наилучших доступных технологий;

– экологизация – повышенные нормативные требования к экологической безопасности производства;

– социализация – саморегулирующие требования к экологической и социальной корпоративной ответственности.

Вышерассмотренные факторы, способствующие обеспечению высоких стандартов экологического благополучия в России, в равной степени влияют на процессы установления и соблюдения экологических норм и правил. Анализ этих факторов позволяет определить основные приоритеты современной стандартизации в сфере природопользования и природоохраны, что в конечном счете может привести к установлению необходимого баланса существования человека и природы, частью которой он сам и является.

3.4. Предложения по формированию теоретической социально-правовой модели экологического предпринимательства

В результате исследования зарубежного опыта выявлены две взаимодополняющие конструктивные составляющие инструментария, нацеленного на обеспечение высоких региональных стандартов экологического благополучия, которые можно рассматривать в качестве эмпирической базы формирования российской теоретической социально-правовой модели экологического предпринимательства:

– эколого-ориентированная модель экологической и социальной корпоративной ответственности версии 2.0 (КСО-2.0), обеспечивающая социальную и экологическую эффективность предпринимательской деятельности крупного бизнеса;

– социальное предпринимательство, развивающее социально-экологическую инициативу малого и среднего бизнеса.

Обосновано, что с учетом выявленного зарубежного опыта предложения по формированию российской теоретической социально-правовой модели экологического предпринимательства целесообразно реализовывать по двум направлениям:

– по совершенствованию правовой модели экологической и социальной корпоративной ответственности как элемента социально-правовой модели экологического предпринимательства;

– по формированию концептуальных основ модели социально ориентированного экологического предпринимательства.

В целях совершенствования правовой модели экологической и социальной корпоративной ответственности рекомендуется введение в корпоративную практику четкой уставной формулировки «учет интересов заинтересованных сторон»; определение «заинтересованные стороны» в составе сотрудников местной администрации, поставщиков, клиентов, окружающей среды, населения региона присутствия и акционеров; отсутствие приоритета одной заинтересованной стороны перед другой.

В качестве практического инструмента реализации теоретической модели обоснована авторская концепция проекта федерального закона «О развитии социально-ориентированного экологического предпринимательства», нацеленная на решение глобальных российских проблем предотвращения бедности и защиты окружающей среды.

Обоснована необходимость расширения перечня «товарных рынков для содействия развитию конкуренции в субъекте Российской Федерации», сформулированного в распоряжении Правительства РФ от 17 апреля 2019 г. № 768-р, включив в него рекомендованные экспертами ООН в качестве драйвера развития устойчивой региональной

конкурентоспособной социально-ориентированной экономической модели эколого-ориентированные рынки, не нашедшие отражение в перечне: рынок лесоводства, рынок рыбного хозяйства, рынок экологического туризма и рынок водных ресурсов, что должно стать стимулом к развитию социально-экологического предпринимательства.

3.5. Формирование концепции дорожной карты в части совершенствования правового регулирования обеспечения высоких стандартов экологического благополучия на примере исследования положительного опыта зарубежных стран

Обосновано, что при формировании плана мероприятий (дорожная карта) «Обеспечение высоких стандартов экологического благополучия» в первую очередь следует ориентироваться на успешную российскую региональную практику внедрения экологических стандартов обеспечения экологического благополучия, адаптированную к отечественным реалиям и учитывающую местные особенности состояния окружающей среды.

В качестве эмпирической базы «дорожной карты» предлагается правоприменительный опыт Челябинской области, в которой проходит смелый и беспрецедентный эксперимент по внедрению регионального экологического стандарта, нацеленного на обеспечение экологического благополучия населения субъекта Российской Федерации. Данный опыт, обобщение которого осуществлено в разработанной «дорожной карте», следует считать пилотным проектом, который в случае его успешной реализации и достижения конкретных качественных показателей целесообразно рекомендовать другим российским регионам.

Вместе с тем достоинство разработанного плана мероприятий (дорожная карта) «Обеспечение высоких стандартов экологического благополучия» заключается в том, что российской региональный опыт творчески перерабатывается с учетом выводов и рекомендаций, полученных на основе анализа передового зарубежного опыта, содержащихся в трех предыдущих разделах настоящего исследования.

Конкретным результатом исследования, содержащегося в разд. 4 документа «Формирование дорожной карты в части совершенствования правового регулирования обеспечения высоких стандартов экологического благополучия на примере исследования положительного опыта зарубежных стран», следует считать проект распоряжения Правительства РФ об утверждении плана мероприятий (дорожная карта) «Обеспечение высоких стандартов экологического благополучия».

Реализация плана мероприятий (дорожной карты) «Обеспечение высоких стандартов экологического благополучия» (далее – дорожная карта) призвана способствовать развитию системы правового обеспечения высоких стандартов экологического благополучия населения Российской Федерации, повышению ее уровня, качества и эффективности посредством установления свода требований, норм, правил и рекомендаций в отношении предпринимательской и иной хозяйственной деятельности, оказывающей или способной оказать прямое или косвенное негативное воздействие на окружающую среду.

Проблемами в сфере обеспечения высоких стандартов экологического благополучия, на решение которых направлена дорожная карта, являются:

А) в сфере обеспечения экологии производства:

– совершенствование экологических нормативов качества компонентов природной среды;

– развитие системы мониторинга и анализа качества атмосферного воздуха;

– разработка и реализация комплексных экологических планов предприятий;

– экологический контроль производств;

– утилизация отходов;

– внедрение наилучших доступных технологий;

Б) в сфере обеспечения экологии человека:

– экологическое просвещение населения;

– подготовка специалистов в области обеспечения экологической безопасности;

– проведение комплексной оценки загрязнения окружающей среды;

– развитие системы анализа качества компонентов окружающей среды;

– ликвидация накопленного вреда окружающей среде;

– озеленение территорий муниципальных образований;

– экологически безопасная эксплуатация общественного транспорта;

– совершенствование требований к топливно-энергетическим ресурсам жидких видов топлива (нефти и продуктов ее переработки);

– раскрытие сведений о негативном воздействии на окружающую среду вследствие ведения хозяйственной деятельности;

В) в сфере обеспечения развития социально-ориентированного экологического предпринимательства:

– государственная поддержка социально-ориентированных экологических предпринимателей;

– экономическое и налоговое стимулирование сферы производства экологически безопасных товаров и услуг;

– экологическая сертификация товаров и услуг;

– экологическое страхование;

– экологический аудит;

Г) в сфере обеспечения экологии природной среды:

– сохранение биологического разнообразия;

– сохранение генетического фонда животного и растительного мира;

– развитие системы особо охраняемых природных территорий;

– поддержка и развитие экологического туризма.

В связи с этим обеспечение высоких стандартов экологического благополучия предусматривается по четырем ключевым направлениям: экология производства, экология человека, социально-ориентированное экологическое предпринимательство, экология природной среды.

Целью дорожной карты является создание к 2025 г. в субъектах Российской Федерации эффективной системы экологического благополучия граждан, проживающих на территории субъекта.

Задачами дорожной карты являются:

1) снижение негативного воздействия на окружающую среду в результате предпринимательской и иной хозяйственной деятельности;

2) повышение экологической безопасности производственных процессов;

3) определение региональных требований, норм и правил в области охраны окружающей среды для хозяйственной и иной деятельности;

4) создание условий для стимулирования развития экологического сектора экономики и социально-экологического предпринимательства;

5) переход к рациональному использованию природных ресурсов в условиях устойчивого развития хозяйственной деятельности;

6) обеспечение сохранности и развития природных территорий;

7) достижение и поддержание баланса экологических, социальных и экономических потребностей населения.

Ожидаемыми результатами реализации дорожной карты являются: обеспечение высоких стандартов экологического благополучия граждан, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, поэтапное улучшение экологической обстановки в регионе, совершенствование системы управления в области охраны окружающей среды и экологической безопасности, а также подтверждение соответствия деятельности в области охраны окружающей среды требованиям международных и российских экологических стандартов.

Вывод. Представляется, что реализация обобщенного положительного зарубежного опыта обеспечения экологического благополучия позволит построить в Российской Федерации общество экологической справедливости с учетом интересов экономической и энергетической безопасности.

Библиографический список

1. *Губин Е.П.* Предмет предпринимательского права: современный взгляд // Предпринимательское право. 2014. № 2. С. 9–14.

2. *Кузнецова О.А.* Сравнительно-правовой метод в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. Периодический научный журнал. Ежегодник. 2020. Вып. 2. С. 183–214.

3. *Морозов С.Ю.* Проблемы определения обязательных элементов научных теорий и концепций в диссертационных исследованиях цивилистической направленности // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 218–233.

4. *Серова О.А., Лескова Ю.Г.* Междисциплинарные исследования: проблемы методологии // Методологические проблемы цивилистических исследований. Периодический научный журнал. Ежегодник. 2020. Вып. 2. С. 267–280.

5. *Сергеев А.Е.* Социальная политика Европейского союза на современном этапе: становление и развитие // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Вып. 93. 2009. С. 99–102.

6. Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 189 с.

7. *Челышев М.Ю.* Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. 160 с.

8. *Челышев М.Ю., Огородов Д.В.* Смешанные договоры в частном праве: отдельные вопросы теории и практики // Законодательство и экономика. 2005. № 10. С. 50–53.

9. *Челышев М.Ю., Сафин З.Ф.* О методологии цивилистических исследований // Вестник СГАП. 2011. № 6. С. 120–125.

10. *Grouzet F.M.E., Lee E.S.* (2014) Ecological Well-Being. In: Michalos A.C. (eds). Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_3966.

References

1. *Gubin E.P. Predmet predprinimatel'skogo prava: sovremennyj vzglyad* [The subject of Business Law: a Modern View]. *Predprinimatel'skoe parvo* – Business law. 2014. Issue 2. P. 9–14. (In Russ.)

2. *Kuznecova O.A. Sravnitel'no-pravovoj metod v civilisticheskih dissertaciyah* [Comparative Legal Method in Civil Dissertations]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij. Periodicheskij nauchnyj zhurnal* – Methodological problems of civil studies. Periodical scientific journal. Yearbook. 2020. Issue 2. P. 183–214. (In Russ.)

3. *Morozov S.YU. Problemy opredeleniya obyazatel'nyh elementov nauchnyh teorij i koncepcij v dissertacionnyh issledovaniyah civilisticheskoj napravlennosti* [Problems of Determining the Mandatory Elements of Scientific Theories and Concepts in Dissertation Research of a Civilistic Orientation]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij* – Methodological problems of civil research: Collection of scientific articles. Yearbook. Issue 2. 2017. Moscow: Statute, 2017. P. 218–233. (In Russ.)

4. *Serova O.A., Leskova YU.G. Mezhdisciplinarnye issledovaniya: problemy metodologii* [Interdisciplinary Research: Problems of Methodology]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij* – Methodological problems of civil research. Periodic scientific journal. Yearbook. 2020. Issue 2. P. 267–280. (In Russ.)

5. *Sergeev A.E. Social'naya politika Evropejskogo soyuza na sovremennom etape: stanovlenie i razvitie* [Social Policy of the European Union at the Present Stage: Formation and Development]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* – Proceedings of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. Issue 93. 2009. P. 99–102. (In Russ.)

6. *Social'noe gosudarstvo v stranah ES: proshloe i nastoyashchee* [The Welfare State in the EU Countries: Past and Present] / Ed. Yu.D. Kvashnin. Moscow, 2016. 189 p. (In Russ.)

7. *Chelyshev M.YU. Koncepciya optimizacii mezhotraslevyh svyazej grazhdanskogo prava: postanovka problemy* [Concept of Optimization of Intersectoral Relations of Civil Law: Problem Statement]. Kazan, 2006. 160 p. (In Russ.)

8. *Chelyshev M.YU., Ogorodov D.V. Smeshannye dogovory v chastnom prave: otdel'nye voprosy teorii i praktiki* [Mixed Contracts in Private Law: Selected Issues of Theory and Practice]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* – Legislation and Economics. 2005. Issue 10. P. 50–53. (In Russ.)

9. *Chelyshev M.YU., Safin Z.F. O metodologii civilisticheskih issledovanij* [On the Methodology of Civil Studies]. *Vestnik SGAP* – Bulletin of the SGAP. 2011. Issue 6. P. 120–125. (In Russ.)

10. *Grouzet F.M.E., Lee E.S.* Ecological Well-Being. Michalos A.C. (eds). Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. Springer, Dordrecht. 2014. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_3966.

Информация об авторах:

А.В. Барков
Доктор юридических наук, профессор,
профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности
Финансовый университет при Правительстве РФ
ORCID: 0000-0002-5236-1954
ResearcherID: H-1263-2016
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.14505/jarle. v9.3(33).10
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-33-268-280
https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_39

Я.С. Гришина
Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
Российский государственный университет правосудия
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
ORCID: 0000-0002-6339-7565
ResearcherID: A-1979-2017
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-33-268-280
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-47-45-65

Information about the authors:

A.V. Barkov
Financial University under the Government of the Russian Federation
49, Leningradsky Ave., Moscow, Russia, 125993 (GSP-3)
ORCHID: 0000-0002-5236-1954
ResearcherID: H-1263-2016
Articles in «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.14505/jarle. v9.3(33).10
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-33-268-280
https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_39

Ya.S. Grishina
Doctor of law, associate Professor,
Professor of the Department of civil law
Russian state University of justice,
69 Novocheremushkinskaya street, Moscow, 117418, Russia.
ORCHID: 0000-0002-6339-7565
ResearcherID: A-1979-2017
Articles in «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-33-268-280
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-47-45-65

УДК 347.1

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-286-304

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОГО ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Ю.В. Виниченко
Байкальский государственный университет
E-mail: juvinichenko@mail.ru

Д. Пан
Хэнаньский университет
E-mail: pangdongmei71@163.com

***Введение**: статья посвящена осмыслению системного подхода как методологической основы познания гражданского оборота с позиций вопроса об эффективности научных исследований. **Цель**: обосновать тезис, что именно системный подход обеспечивает эффективность цивилистического исследования гражданского оборота. Методы: использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, включая логический, сравнительный, системный, функциональный, формально-юридический. **Результаты**: изучение специальной литературы обнаруживает немалое количество работ, посвященных проблематике эффективности научных исследований, единое понимание эффективности в которых, однако, отсутствует. В целом можно говорить о наличии двух основных аспектов эффективности научных исследований: 1) с точки зрения эффективности научно-исследовательской работы отдельных ученых и научных коллективов (суть в контексте вопроса о наукометрических показателях); 2) с точки зрения значимости научных исследований для науки и общества. Одним из факторов, определяющих эффективность научных исследований, является избранный метод исследования. Что касается познания гражданского оборота, то устоявшимся в российской цивилистике является формальный подход к его пониманию (трактовка его как формы экономического оборота). **Выводы**: исходя из прикладного предназначения юриспруденции следует признать, что эффективность правовых, в том числе цивилистических, исследований в итоге определяется их значимостью для решения вопросов правового регулирования. На этом основании эффективность системного подхода к восприятию и исследованию гражданского оборота усматривается в том, что в отличие от отмеченного формального подхода он:*

1) предполагает признание гражданского оборота предметом правового регулирования; 2) обеспечивает формирование целостного, непротиворечивого и адекватного представления о гражданском обороте как объекте правового воздействия и, 3) допуская использование в качестве опорных «готовых» (уже доказанных в науке – в общей теории систем) тезисов, 4) позволяет определять научно обоснованные оптимальные направления правового воздействия на гражданский оборот, принимая соответствующие взвешенные решения по совершенствованию действующего законодательства.

***Ключевые слова**: системный подход; эффективность научного исследования; аспекты эффективности научных исследований; критерии эффективности научных исследований; наукометрические показатели; гражданский оборот; правовое регулирование гражданского оборота; межотраслевые связи.*

SYSTEMIC APPROACH AS A BASIS OF EFFECTIVE CIVIL LAW RESEARCH OF CIVIL CIRCULATION

Yu.V. Vinichenko
Baikal State University
E-mail: juvinichenko@mail.ru

D. Pan
Institute of Intellectual Property
China-Russian Center of Comparative Law of the Henan University
E-mail: pangdongmei71@163.com

***Introduction**: the article is devoted to understanding of systemic approach as a methodological basis for research of civil circulation, from the perspective of effectiveness of scientific research. **Goal**: to substantiate the thesis according to which systemic approach specifically ensures effectiveness of civil law research of civil circulation. **Methods**: general scientific and specific scientific methods of research are utilized including logical, comparative, systemic, functional. **Results**: analysis of doctrine reveals considerable number of papers devoted to the problem of effectiveness of scientific research which, nevertheless, do not demonstrate unanimity in understanding of effectiveness. On the whole, we may speak of two main aspects of effectiveness of scientific research: 1) from the point of view of effectiveness of scientific research by particular scientists and scientific groups (the point is in issue of research chops); 2) from the point of view of value of research for science and society. One of the factors that determine the effectiveness of scientific research is the chosen research method. In respect of understanding of*

civil circulation, the formal approach to its understanding (its treatment as a form of economic circulation) is well established in Russian civil law jurisprudence. ***Conclusions****: stemming from the applied function of jurisprudence, we should acknowledge that effectiveness of legal, including civil law, research is finally determined by its value for solving issues of legal regulation. Standing on this point, we identify the effectiveness of systemic approach for understanding and analysis of civil circulation on the ground that, in contrast to the noted formal approach, it 1) presumes civil circulation as an object of legal regulation; 2) provides for integral, consistent and adequate perception of civil circulation as an object of legal action and, 3) admitting utilization, as cornerstone, of "existing" theses already established in science (in general theory of systems), 4) enables to specify optimum, scientifically grounded directions of legal action in respect of civil circulation with corresponding balanced propositions for modernization of existing legislation.*

Keywords*: systemic approach; effectiveness of scientific research; aspects of effectiveness of scientific research; criteria of effectiveness of scientific research; research chops; civil circulation; legal regulation of civil circulation; intersectoral links.*

Введение

Системный подход на настоящий момент является весьма востребованным инструментом предпринимаемых правовых, в том числе цивилистических, исследований. Неоднократно выступал он и в качестве предмета осмысления правоведов, которые, рассматривая его значение в изучении отдельных правовых явлений (например, юридической ответственности органов публичной власти [10], авторских прав [11]) или анализируя его возможности в юридических исследованиях в целом [5], единодушно признавали перспективность использования системного подхода в юриспруденции, отмечали, что он «открывает новые горизонты в исследовании правовых явлений» [15, с. 89].

Всецело разделяя подобную оценку системного подхода, полагаем его наиболее эффективной методологической основой цивилистического исследования такого феномена, как гражданский оборот. Обоснованию данного тезиса и посвящена настоящая статья.

Обозначенная тема обусловливает необходимость освещения трех вопросов: во-первых, что представляет из себя эффективность научного, в том числе цивилистического, исследования; во-вторых, в чем заключается системное восприятие гражданского оборота; наконец, в чем усматривается эффективность именно системного подхода при исследовании гражданского оборота.

Понятие и аспекты эффективности научных исследований

Термин «эффективность» (от «эффект», лат. *effectus* – действие, результат чего-либо [21, с. 728]), в русском языке означающий «результативность», «действенность» [16, с. 914; 21, с. 728], используют представители различных областей и отраслей науки – от общественных наук (социологии, психологии, экономики, юриспруденции и др.) до технических [3; 13; 23; 25; 30], ожидаемо интерпретируя его при этом в рамках своей предметной сферы и выделяя свойственные именно этой сфере факторы и показатели эффективности[1].

Используют термин «эффективность» и в «науке о науке» – науковедении[2]. Более того, проблема оценки эффективности научных исследований признается одной из центральных проблем науковедения [4, с. 58], что подтверждается наличием весомого количества соответствующих работ [см., например: 4; 7; 8; 14; 20; 28 и др.]. Однако невзирая на то, что термин «эффективность» достаточно часто используется в специальной литературе, в дискуссиях о реформировании науки, а также фигурирует в официальных государственных документах[3],

[1] Так, например, в экономике основным показателем эффективности признается рентабельность, а факторами, оказывающими воздействие на нее, – способ хозяйственной деятельности, затраты на производство, трудовые ресурсы, финансовая прибыль, доходность продукции; в технических науках показателем эффективности выступает коэффициент полезного действия, а факторами – такие физические явления, как электрическое сопротивление, нагревание окружающих тел, трение, потребляемая мощность, совершенство технического устройства; в социологии эффективность понимается как соотношение общественных благ к общественным затратам, определяемое социальными явлениями – социальной потребностью общества, полезностью общественного блага или товара, общественной деятельностью, благосостоянием общества [3, с. 146–147].

[2] Зародившаяся в 1930-х и оформившаяся в 1960-х гг. самостоятельная отрасль исследований, которая изучает закономерности функционирования и развития науки, определяет структуру и динамику научной деятельности, взаимодействие науки с другими социальными институтами и сферами материальной и духовной жизни общества [1, т. 31, с. 544].

[3] Например, постановление Правительства РФ от 8 апреля 2009 г. № 312 «Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения» (в ред. постановлений Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 979, от 29 декабря 2016 г. № 1537, от 28 сентября 2018 г. № 1152, от 30 декабря 2018 г. № 1781, от 8 июня 2019 г. № 744) // СЗ РФ. 2009. № 15. Ст. 1841; приказ Минобрнауки, Минздравсоцразвития России и Российской академии наук от 3 ноября 2006 г. № 273/745/68 «Об утверждении видов, порядка и условий применения стимулирующих выплат, обеспечивающих повышение результативности деятельности научных работников и руководителей научных учреждений и научных работников научных центров Российской академии наук» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 2 (данный приказ утратил силу связи с изданием приказа Минобрнауки РФ № 1, Минздравсоцразвития РФ от 11 января 2010 г. № 1н, РАН № 1 // РГ. 2010. 10 марта).

единого понимания эффективности применительно к сфере науки до сих пор нет.

В целом можно выделить *два основных аспекта эффективности научных исследований*:

1) эффективность научных исследований с позиций эффективности научно-исследовательской работы отдельных ученых и научных коллективов; иными словами, речь идет об индивидуальных исследовательских достижениях [4; 7; 9]. Ключевыми критериями эффективности научных исследований здесь являются хорошо известные всем российским ученым основания для стимулирующих выплат, о которых говорилось в так называемом «Тройственном приказе» [9, с. 149][1]. Это, в частности: издание монографий и учебников, публикации в рецензируемых периодических журналах, участие в конференциях, защита диссертации на соискание ученой степени кандидата или доктора наук либо осуществление научного руководства соискателем ученой степени, цитируемость работ ученого, разработка им научно-образовательных курсов, получение патентов, количество внедренных тем НИР (научно-исследовательской работы) и др.

Публикационную активность и цитируемость работ тех или иных авторов, научно-исследовательских центров раскрывают наукометрические показатели, представляющие собой количественную характеристику научной деятельности, оцениваемую посредством различных индексов и индикаторов[2]. Соответствующая информация аккумулируется с использованием программных средств таких общеизвестных баз данных, как Web of Science (www.webofknowledge.com), Scopus (www.scopus.com), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ, www.elibrary.ru), наряду с которыми существуют и иные.

Так, в Китайской Народной Республике относительно недавно создана наукометрическая база данных «Китайская национальная инфраструктура знаний»[3] (China National Knowledge Infrastructure,

---

[1] Имеется в виду утративший силу приказ Минобрнауки, Минздравсоцразвития России и Российской академии наук от 3 ноября 2006 г. № 273/745/68.

[2] Подробнее об этом см., например: [9; 29]. Как отмечает Д.Х. Валеев, использование наукометрических показателей, по мнению большинства специалистов по наукометрии, выявляет два основных недостатка: «1) поскольку наукометрические показатели легко вычислить, то велик риск их неадекватного использования в качестве единственного критерия оценки многогранной научно-исследовательской деятельности ученого; 2) использование наукометрических показателей в качестве критериев оценки научной деятельности провоцирует ученых к “накрутке” этих показателей различными способами» [2, с. 36].

[3] В 1996 г. она была основана компанией Tsinghua Tongfang Company и институтом Цинхуа и первоначально выглядела как сбор научных статей и журналов на китайском языке, записанных на CD-диск. Вследствие большого спроса и популярности, в свя-

中国知网) – CNKI (www.cnki.net), представляющая из себя хорошо структурированную платформу (с интерфейсом на китайском языке), содержащую значительное количество газет, журналов, диссертаций, электронных книг, патентов, стандартов и т.д., ориентированную на такие страны-пользователи, как Китай, Тайвань, страны Азии;

2) эффективность научных исследований с позиций значимости для науки и общества [3, с. 145; 14, с. 25–26]. При определении эффективности теоретических (фундаментальных) исследований критериями в данном случае выступают в числе прочего: прирост знаний в определенной области, имевший место в результате исследования; востребованность исследования, обусловленного новизной изучаемого явления и предполагающего большой толчок для принципиального развития научной мысли (как, например, цифровизация и ее проявления в современном мире). Как и для оценки индивидуальных достижений ученых, здесь также применимы наукометрические показатели, поскольку, как небезосновательно отмечается в литературе, результаты фундаментальных исследований «непосредственно не связаны с экономическим эффектом» [29, с. 236] и «эффективность от фундаментальных исследований может проявиться спустя значительное время после их завершения» [20, с. 5]; такие разработки «направлены на развитие науки, поэтому их востребованность оценивают через отзыв научного сообщества на публикации с результатами исследований. Формально этот отзыв выражают индексом цитирования – суммарным количеством ссылок на рассматриваемые публикации» [29, с. 263]. Прикладные исследования оцениваются главным образом с точки зрения возможности широкого применения их результатов в различных отраслях народного хозяйства страны.

В числе факторов, определяющих эффективность научных исследований, применительно к обоим указанным аспектам можно указать, в частности, на: исследовательский опыт, наличие необходимых ресурсов (информационных, фактологических и др.), в контексте настоящей работы особо выделив избранные методы исследования. Как справедливо отмечается в общетеоретической литературе, именно «поиск новых исследовательских средств, новых методов обеспечивает прирост теоретических знаний, углубление представлений о свойственных предмету закономерностях» [24, с. 16].

Изложенное в равной мере относится ко всем отраслям науки, в том числе к юриспруденции, включая цивилистику.

зи с быстрым темпом развития технологий и мировой сети спустя три года, в 1999 г., в научном центре Цинхуа было принято решение создать онлайн-версию наукометрической базы CNKI.

По нашему убеждению, о действительной эффективности научных исследований можно говорить исключительно с позиций второго из выделенных аспектов – с точки зрения значимости научных разработок и изысканий для науки и общества. При этом исходя из прикладного предназначения юриспруденции и учитывая функциональную направленность права как социального регулятора на упорядочение общественных отношений, на наш взгляд, следует признать, что эффективность правовых, в том числе цивилистических, исследований в итоге определяется их значимостью для решения вопросов правового регулирования.

Гражданский оборот с позиций системного подхода

Что касается исследования гражданского оборота, то на настоящий момент в российской цивилистике укоренился формальный подход к его восприятию, при котором гражданский оборот понимается как правовая (юридическая) форма экономического оборота[1]. Системный подход предполагает принципиально иное – «базисное», а не «надстроечное» его понимание, т. е. восприятие гражданского оборота как реально существующего феномена, а не как некой идеальной модели (формы).

В предельно общем виде[2] с отмеченных методологических позиций гражданский оборот следует воспринимать как юридически значимое социальное явление, а именно как систему социальных связей, детерминированных объективной необходимостью (вынужденностью) субъектов – участников современного гражданского оборота удовлетворять абсолютное большинство своих потребностей за счет благ, имеющихся у других лиц. Иными словами, гражданский оборот является той социальной сферой, в рамках которой субъекты удовлетворяют свои разнообразные потребности за счет «чужих» благ[3].

---

[1] Ввиду господства подобного понимания мы позволим себе не подтверждать данный тезис ссылками на конкретные источники из числа научной и учебной литературы.

[2] Подробнее об авторской концепции гражданского оборота см. работы, в полнотекстовом варианте представленные на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY. URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=507419.

[3] Гражданский оборот опосредует, на наш взгляд, удовлетворение не только имущественных, но и иных потребностей субъектов – социальных (в коммуникации с другими людьми, принадлежности к социуму, группе, в межличностных отношениях, в проявлении заботы и получении ее взамен, в уважении и признании, в самоутверждении, в самоидентификации личности, в защите ее прав и достоинств и т.п.), духовных (в познании, в творческой состоятельности, в эстетическом удовольствии и т.п.). В качестве примеров их удовлетворения посредством гражданского оборота можно привести следующие: услуги сотовой связи, благодаря которым удовлетворяются социальные потребности субъектов в общении и коммуникации; образовательные, театральные, развле-

Ввиду функциональной предназначенности гражданского оборота опосредовать удовлетворение потребностей субъектов образующие его связи (отношения) важны не только для отдельных членов социума, но и для общества в целом, в силу чего их надлежит отнести к числу социально необходимых[1]: как писал К. Менгер, «неудовлетворение потребностей ведет нашу природу к погибели, недостаточное удовлетворение – к разрушению ее, а удовлетворять потребности значит жить и преуспевать. Поэтому забота об удовлетворении потребностей имеет то же значение, что и забота о нашей жизни и нашем благосостоянии; она является самым важным из всех человеческих стремлений, как предположение и основа всех остальных» [12, с. 88].

На этом основании с системологических позиций гражданский оборот следует признать системой жизнеобеспечения, которая, представляя собой один из элементов более широкой (вышестоящей) системы[2] – системы общества, соотносится с экономической сферой, существующей в качестве социальной подсистемы наряду с социальной, политической и духовной сферами[3].

Эффективность системного подхода при исследовании гражданского оборота

Как было указано выше, эффективность правовых, в том числе цивилистических, исследований, на наш взгляд, в итоге определяется их значимостью для решения вопросов правового регулирования общественных отношений. С этой точки зрения эффективность системного подхода к восприятию и исследованию гражданского оборота, его преимущества по сравнению, в частности, с подходом формальным усматриваются в следующем.

1. Понимание гражданского оборота как системы социальных связей предполагает *признание его предметом правового регулирования*, в то

кательные и т.п. услуги, благодаря которым удовлетворяются когнитивные, художественно-эстетические, зрелищные и иные духовные потребности людей.

[1] Помимо социально необходимого поведения людей в литературе выделяют также: социально желательное, социально допустимое и социально вредное, нежелательное для общества [17, с. 297].

[2] Важнейшей особенностью объекта исследования как системы признается свойство иерархичности. Данное свойство, являясь неотъемлемой характеристикой любой системы, означает, что каждый ее компонент может рассматриваться как система, а сама исследуемая система представляет собой лишь один из компонентов более широкой системы [19, с. 134].

[3] Подобный «сферный» подход к структурному анализу социальной организации, предполагающий выделение в составе системы общества таких сфер (подсистем), как экономическая, социальная, политическая и духовная, является в доктрине традиционным [22, с. 121; 31, с. 10; 18, с. 269, 355].

время как сложившийся формальный подход к восприятию гражданского оборота исключает регулирующее воздействие на последний системы права, поскольку очевидно, что правовому регулированию подвержены поведение и отношения лиц, но отнюдь не правовые формы.

2. Системный подход *позволяет сформировать целостное, непротиворечивое и адекватное (т. е. соответствующее действительности, согласующееся с ней) представление о гражданском обороте как объекте правового воздействия.*

Сама эмпирика обыденной жизни свидетельствует о том, что гражданский оборот как сферу общества образуют различные отношения, подпадающие в силу их социальной значимости под регулирующее воздействие правовых норм, имеющих различную отраслевую принадлежность[1]. На этом основании можно заключить, что *гражданский оборот не является предметом правового регулирования какой-то одной отрасли права*. По существу на это указывал и М.Ю. Челышев, отмечая, что «экономическая сфера представляет собой область межотраслевого правового регулирования» [27, с. 136]. Уместно в данной связи привести также слова В.Ф. Яковлева, последовательно отстаивавшего идею о системном действии норм различных отраслей права и полагавшего, что «опосредуемые гражданским правом отношения собственности и товарно-денежного оборота находятся под воздействием и других отраслей права. Они охраняются уголовным правом, испытывают на себе влияние норм административного, семейного права. Вообще право эффективно лишь постольку, поскольку оно действует как единое

[1] Наряду с гражданско-правовыми положениями это нормы иных отраслей права (земельного, лесного, водного, административного, уголовного и др.), устанавливающие особые правила оборота отдельных видов объектов гражданского оборота и правовые последствия их нарушения. В частности, меры ответственности за нарушение имеющихся правил оборота, включая введение в гражданский оборот и незаконный (гражданский) оборот отдельных видов объектов, содержатся в: ст. 25 ФЗ от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553); ст. 138.1, 171.3, 187, 191, 228, 228.2, 228.3, 234, 234.1, 238.1, 242, 242.1, 258.1, 327 Уголовного кодекса РФ от 13 июля 1996 г. № 63-ФЗ (СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954); ст. 27 ФЗ от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681); ст. 47, 51, 52 ФЗ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219); ст. 24 ФЗ от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150); ст. 6.8, 6.15, 6.16, 6.16.1, 6.20, 6.27, 6.33, 7.5, 7.10, 7.11, 7.12, 7.15.1, 7.18–7.20, 7.24, 7.27, 7.30, 7.31.1, 7.32, 7.32.1, 7.32.3, 7.33, 8.20, 8.26, 8.28, 8.28.1, 14.2, 14.4, 14.4.2, 14.5, 14.7, 14.10–14.17, 14.24 и др. Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1); п. 6 ст. 47, ст. 59, подп. 1 п. 1 ст. 69 ФЗ от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815).

целое во взаимодействии всех или нескольких его отраслей. Поэтому эффективность гражданско-правового регулирования возрастает при должном его взаимодействии с другими отраслями права» [32, с. 9].

Отмеченная взаимосвязь отдельных отраслей права в регулировании гражданского оборота в конечном счете, по нашему убеждению, обусловлена системным характером отношений последнего, целостностью той социальной сферы, в которой действуют субъекты различных отношений: и субъекты гражданско-правовых отношений, и налогоплательщики, и участники так называемого незаконного, теневого оборота являются участниками социально общей (единой) для них сферы имущественного обращения, подвергаемой регулированию со стороны различных (каждой – в «своем срезе») отраслей права. Более того, как справедливо и точно указал относительно взаимодействия гражданского и, в частности, налогового права М.Ю. Челышев, предпосылкой такого взаимодействия является то, что, «сосуществуя в рамках единой системы права», они «вызывают необходимость для одних и тех же субъектов строить свое поведение, руководствуясь нормами обоих правовых образований, и регулируют, хотя и различными приемами, отношения собственности» [26, с. 13].

3. Применение при исследовании гражданского оборота системного подхода *позволяет использовать в качестве «готовых» тезисы, уже доказанные в науке (в общей теории систем)*, опираясь на которые можно научно аргументировать иные значимые для понимания гражданского оборота положения – о его структуре, свойствах и функционировании.

В частности, системный подход позволяет научно обосновать то, что гражданский оборот образуют не только, как это принято считать, отношения динамики, причем только правомерные юридические отношения, но и отношения статики, неправомерные и фактические отношения, поскольку согласно признанному общесистемологическому постулату структура системы должна выражать всю полноту связей между компонентами последней, а не ту или иную часть этих связей, хотя бы и весьма существенных, так как именно полнота связей между компонентами определенной системы обеспечивает само существование, а значит, и функционирование этой системы [6, с. 90, 93].

4. На этом основании можно реально прогнозировать варианты развития гражданского оборота и *определять оптимальные направления правового воздействия на него, принимать взвешенные управленческие решения*, в сфере юриспруденции сводящиеся к вопросам правового регулирования, которые в конечном счете заключаются в совершенствовании действующего законодательства.

Прежде всего именно системный подход к восприятию гражданского оборота позволяет определить и научно обосновать те правовые

институты, корректировка которых действительно повлияет на гражданский оборот. Так, доказанность и неоспоримость с системологических позиций тезиса, что связь (отношение) принадлежности является неотъемлемым звеном структуры гражданского оборота, предопределяет вывод, что изменения норм вещного права способны оказать на систему гражданского оборота не меньшее влияние, чем изменения норм права обязательственного.

Кроме того, только посредством управленческих (в том числе законодательных) решений, основанных на четком осознании целостности отношений гражданского оборота, можно достичь необходимой «синхронизации» отдельных отраслей права. В данной связи нуждаются в предварительном теоретическом решении вопросы:

– о механизме правового регулирования системы гражданского оборота (представляется, что тип механизма правового регулирования системы гражданского оборота является общедозволительным, при котором нормы гражданского (частного) права оказывают преимущественно диспозитивное регулятивное воздействие, в то время как публично-правовые нормы очерчивают границы (устанавливают запреты), в пределах которых поведение субъектов – участников гражданского оборота является дозволенным, и выполняют охранительную функцию при нарушении этих запретов);

– об уровнях и источниках правового регулирования гражданского оборота (из межотраслевого характера воздействия права на систему гражданского оборота следует, что перечень источников норм, регулирующих отношения субъектов гражданского оборота, не ограничивается источниками гражданского права, перечисленными в ст. 3 ГК РФ[1], и нуждается в расширении за счет причисления к ним актов региональных и местных органов власти, устанавливающих возможности и долженствования некоторых категорий субъектов, а также правила оборота отдельных видов объектов гражданского оборота[2]).

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая (ФЗ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; ФЗ от 28 июня 2021 г. № 225-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5053.

[2] В качестве примера можно привести акты субъектов РФ, направленные на ограничение продажи в розницу алкогольной продукции (см., например, законы: Республики Адыгея от 1 августа 2013 г. № 228 «О регулировании отдельных вопросов в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»; г. Севастополя от 26 декабря 2014 г. № 93-ЗС «О регулировании отдельных отношений в области розничной продажи алкогольной продукции в городе Севастополе»; Ульяновской области от 30 ноября 2011 г. № 220-ЗО «О регулировании некоторых вопросов, связанных с осуществлением розничной продажи алкогольной продукции на территории Ульяновской области» // СПС «КонсультантПлюс»).

Заключение

***Итак**, рассматривая системный подход как методологическую основу познания гражданского оборота с позиций вопроса об эффективности научных исследований, можно констатировать, что, несмотря на наличие немалого количества работ*, посвященных проблематике эффективности научных исследований, единое понимание эффективности в науковедении отсутствует. В целом можно говорить о наличии двух основных аспектов эффективности научных исследований: 1) с точки зрения эффективности научно-исследовательской работы отдельных ученых и научных коллективов (суть в контексте вопроса о наукометрических показателях); 2) с точки зрения значимости научных исследований для науки и общества.

По нашему убеждению, о действительной эффективности научных исследований можно говорить исключительно с позиций второго из выделенных аспектов – с точки зрения значимости научных разработок и изысканий для науки и общества. При этом исходя из прикладного предназначения юриспруденции и учитывая функциональную направленность права как социального регулятора на упорядочение общественных отношений, на наш взгляд, следует признать, что эффективность правовых, в том числе цивилистических, исследований в итоге определяется их значимостью для решения вопросов правового регулирования. На этом основании эффективность системного подхода к восприятию и исследованию гражданского оборота усматривается в том, что в отличие от укоренившегося в российской цивилистике формального подхода к пониманию гражданского оборота данное средство познания: 1) предполагает признание гражданского оборота предметом правового регулирования; 2) обеспечивает формирование целостного, непротиворечивого и адекватного представления о гражданском обороте как об объекте правового воздействия и, 3) допуская использование в качестве опорных «готовых» (уже доказанных в доктрине – в общей теории систем) тезисов, 4) позволяет определять научно обоснованные оптимальные направления правового воздействия на гражданский оборот, принимая соответствующие взвешенные решения по совершенствованию действующего законодательства.

Библиографический список

1. Большая энциклопедия: В 62 т. Т. 31. М: Терра, 2006. 592 с.

2. *Валеев Д.Х.* Научная статья и наукометрические показатели // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017. М.: Статут, 2017. С. 33–38.

3. *Гимаев И.З.* Анализ подходов к понятию «эффективность» в социологии, экономике и технических науках // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 1. С. 145–147.

4. *Грановский Ю.В.* Об оценке эффективности научных исследований // Науковедческие исследования. 2008. № 2008. С. 58–71.

5. *Зырянов А.В.* Системный подход в современных юридических исследованиях // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4 (54). С. 47–53.

6. *Каган М.С.* Система и структура // Системные исследования. Ежегодник. 1983. М.: Наука, 1983. С. 86–106.

7. *Касимова Р.Г.* Наукометрические показатели как один из индикаторов качества научной деятельности // Науковедение. 2002. № 1. С. 132–143.

8. *Кузнецов А.* Организационные меры для повышения эффективности научных исследований в России // Вопросы экономики. 2013. № 3. С. 83–93. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-3-83-93.

9. *Максимова Н.Н., Максимов А.Л.* Некоторые аспекты применения наукометрических показателей в оценке эффективности научной деятельности // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 5. С. 149–156.

10. *Малько А.В., Маркунин Р.С.* Значение системного подхода в исследовании юридической ответственности органов публичной власти // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 4–21. https://doi.org/10.17-323/2072-8166.2019.2.4.21.

11. *Матвеев А.Г.* Проблема понятия системы и ее структуры на примере исследования авторских прав // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 3. 2018. М.: Статут, 2018. С. 269–285.

12. *Менгер К.* Основания политической экономии / Пер. Г. Тикчина и И. Абезгуза; под. ред. Р.М. Орженцкого. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 495 с.

13. *Нгуен Куанг Тхыонг.* Методы и модели надежности, эффективности и безопасности сложных технических систем в конфликтных ситуациях: Дис. ... д-ра техн. наук: 05.13.16. М., 1999. 322 с.

14. *Нехорошев Ю.С.* Эффективность научных исследований и производительность научного труда // Известия Томского политехнического института. 1974. Т. 292: Социально-экономические формы организации и распространения научно-технических достижений. С. 24–29.

15. *Ображиев К.В.* Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 1. С. 89–96.

16. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

17. *Пьянов Н.А.* Теория государства и права: В 2 ч. Ч. 2. Теория права: Учебное пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. 391 с.

18. *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию: социальная системология. М.: Наука, 2003. 525 с.

19. *Садовский В.Н.* Парадоксы системного мышления // Системные исследования. Ежегодник. 1972. М.: Наука, 1972. С. 133–147.

20. *Селиверстова О.Ф.* Подходы к понятиям продуктивности, результативности и эффективности в сфере научных исследований и разработок // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2015. № 4. С. 3–9. https://doi.org/10.17749/2070-4909.2015.8.4.003-009.

21. Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, 1994. 752 с.

22. Социология. Основы общей теории: Учебное пособие / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М.: Аспект Пресс, 1996. 461 с.

23. *Степаненко Д.А., Мушинский М.А.* Эффективность противодействия экстремизму // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 5. С. 803–815. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(5).803-815.

24. Теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 1996. 472 с.

25. *Фонталова Н.С., Рерке В.И.* Взаимосвязь карьерных ориентаций личности будущего специалиста с их социальной эффективностью // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6. № 3. https://doi.org/10.17150/2072-0904.2015.6(3).38.

26. *Челышев М.Ю.* Взаимодействие гражданского и налогового права в регулировании отношений с участием предпринимателей. М.: Статут, 2014. 160 с.

27. *Челышев М.Ю.* Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 136–140.

28. *Шиповалова Л.В., Дмитриев И.С., Разеев Д.Н. и др.* Аналитический обзор состояния проблемы эффективности научных исследований // http://philosophy.spbu.ru/userfiles/kathedras/scitech/Shipovalova/effectiveness_research/obzor-itog.pdf.

29. *Штовба С.Д., Штовба Е.В.* Обзор наукометрических показателей для оценки публикационной деятельности ученого // Управление большими системами: Сборник трудов. 2013. № 44. С. 262–278.

30. *Шуплецов А.Ф., Перелыгин А.И.* Инструменты хеджирования рисков: эффективность и значимость их использования в процессе формирования стратегий развития российских нефтегазовых компаний // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30. № 2. С. 318–325. https://doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30(2).318-325.

31. *Яковлев А.М.* Социальная структура общества: Учебник. М.: Экзамен, 2002. 384 с.

32. *Яковлев В.Ф.* Проблемы частного права в современных условиях // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 5–9.

References

1. *Bol'shaya entsiklopediya: V 62 t. T. 31* [Great Encyclopedia: In 62 vols. Vol. 31]. Moscow, 2006. 592 p. (In Russ.)

2. *Valeev D.Kh. Nauchnaya stat'ya i naukometricheskie pokazateli* [Scientific Paper and Scientometric Indicators]. *In: Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh statey. Ezhegodnik* – Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual. Issue 2. 2017. Moscow, 2017. P. 33–38. (In Russ.)

3. *Gimaev I.Z. Analiz podkhodov k ponyatiyu «effektivnost'» v sotsiologii, ekonomike i tekhnicheskikh naukakh* [Analysis of Approaches to Concept of «Efficiency» in Sociology, Economics and Technical Sciences]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* – Bulletin of Bashkir University. 2010. Vol. 15. Issue 1. P. 145–147. (In Russ.)

4. *Granovskiy Yu.V. Ob otsenke effektivnosti nauchnykh issledovaniy* [On Evaluating the Effectiveness of Scientific Research]. *Naukovedcheskie issledovaniya* – Science Studies Research. 2008. Issue 2008. P. 58–71. (In Russ.)

5. *Zyryanov A.V. Sistemnyy podkhod v sovremennykh yuridicheskikh issledovaniyakh* [Systematic Approach in Modern Legal Research]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* – Constitutional State: Theory and Practice. 2018. Issue 4 (54). P. 47–53. (In Russ.)

6. *Kagan M.S. Sistema i struktura* [System and Structure]. *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik 1983* – Systemic research. Annual 1983. Moscow, 1983. P. 86–106. (In Russ.)

7. *Kasimova R.G. Naukometricheskie pokazateli kak odin iz indikatorov kachestva nauchnoy deyatel'nosti* [Scientometric Indicators as one of Indicators of Quality of Scientific Activity]. *Naukovedenie* – Science Studies. 2002. Issue 1. P. 132–143. (In Russ.)

8. *Kuznetsov A. Organizatsionnye mery dlya povysheniya effektivnosti nauchnykh issledovaniy v Rossii* [Organizational Measures to Improve the Efficiency

of Scientific Research in Russia]. *Voprosy ekonomiki* – Questions of Economics. 2013. Issue 3. P. 83–93. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-3-83-93. (In Russ.)

9. *Maksimova N.N., Maksimov A.L. Nekotorye aspekty primeneniya naukometricheskikh pokazateley v otsenke effektivnosti nauchnoy deyatel'nosti* [Some Aspects of the use of Scientometric Indicators in Assessing the Effectiveness of Scientific Activity]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* – Bulletin of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences. 2009. Issue 5. P. 149–156. (In Russ.)

10. *Mal'ko A.V., Markunin R.S. Znachenie sistemnogo podkhoda v issledovanii yuridicheskoy otvetstvennosti organov publichnoy vlasti* [The value of a systematic approach in the study of the legal responsibility of public authorities]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* – Right. Journal of the Higher School of Economics. 2019. Issue 2. P. 4–21. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.4.21. (In Russ.)

11. *Matveev A.G. Problema ponyatiya sistemy i ee struktury na primere issledovaniya avtorskikh prav* [The problem of the concept of a system and its structure on the example of copyright research]. *In: Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: Sbornik nauchnykh statey. Ezhegodnik* – Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual. Moscow, 2018. Issue 3. P. 269–285. (In Russ.)

12. *Orzhentskogo R.M. (ed.), Menger K. Osnovaniya politicheskoy ekonomii* [Foundations of Political Economy]. Moscow, 2008. 495 p. (In Russ.)

13. *Nguen Kuang Tkhyong. Metody i modeli nadezhnosti, effektivnosti i bezopasnosti slozhnykh tekhnicheskikh sistem v konfliktnykh situatsiyakh: Dis. ... dokt. tekhn. Nauk.* [Methods and Models of Reliability, Efficiency and Safety of Complex Technical Systems in Conflict Situations: Diss. of Dr. tech. sci.]. Moscow, 1999. 322 p. (In Russ.)

14. *Nekhoroshev Yu.S. Effektivnost' nauchnykh issledovaniy i proizvoditel'nost' nauchnogo truda* [The Effectiveness of Scientific Research and Productivity of Scientific Labor]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo instituta* – Bulletin of Tomsk Polytechnic Institute. 1974. Vol. 292: *Sotsial'no-ekonomicheskie formy organizatsii i rasprostraneniya nauchno-tekhnicheskikh dostizheniy* – Socio-economic forms of organization and dissemination of scientific and technical achievements. P. 24–29. URL: http://earchive.tpu.ru/handle/11683/13831. (In Russ.)

15. *Obrazhiev K.V. Sistemnyy podkhod v yurisprudentsii: teoretiko-metodologicheskie osnovy* [Systemic Approach in Jurisprudence: Theoretical and Methodological Foundations]. *Vestnik leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* – Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2012. Vol. 1. Issue 1. P. 89–96. (In Russ.)

16. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, 1999. 944 p. (In Russ.)

17. *P'yanov N.A. Teoriya gosudarstva i prava: V 2 ch. Ch. 2: Teoriya prava: ucheb.posobie* [Theory of State and Law: In 2 vols. Vol. 2: Theory of Law: Study Guide]. Irkutsk, 2011. 391 p. (In Russ.)

18. *Reznik Yu.M. Vvedenie v sotsial'nuyu teoriyu: Sotsial'naya sistemologiya* [Introduction to Social Theory: Social Systemology]. Moscow, 2003. 525 p. (In Russ.)

19. *Sadovskiy V.N. Paradoksy sistemnogo myshleniya* [Paradoxes of Systems Thinking]. *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik* – Systemic research. Annual. Moscow, 1972. P. 133–147. (In Russ.)

20. *Seliverstova O.F. Podkhody k ponyatiyam produktivnosti, rezul'tativnosti i effektivnosti v sfere nauchnykh issledovaniy i razrabotok* [Approaches to the Concepts of Productivity, Efficiency and Effectiveness in the Field of Scientific Research and Development]. *FARMAKOEKONOMIKA. Sovremennaya Farmakoekonomika i Farmakoepidemiologiya* – PHARMACOECONOMICS. Modern Pharmacoeconomics and Pharmacoepidemiology. 2015. Issue 4. P. 3–9. https://doi.org/10.17749/2070-4909.2015.8.4.003-009. (In Russ.)

21. *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov* [Modern Dictionary of Foreign Words]. St. Petersburg, 1994. 752 p. (In Russ.)

22. *Osipov G.V., Moskvichev L.N. (eds.). Sotsiologiya. Osnovy obshchey teorii: uchebnoe posobie* [Sociology. Foundations of General Theory: Study Guide]. Moscow, 1996. 461 p. (In Russ.)

23. *Stepanenko D.A., Mushinskiy M.A. Effektivnost' protivodeystviya ekstremizmu* [The effectiveness of counteracting extremism]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal* – Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13. Issue 5. P. 803–815. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(5).803-815. (In Russ.)

24. *Lazarev V.V. (ed.). Teoriya prava i gosudarstva: uchebnik* [Theory of Law and State: Textbook]. Moscow, 1996. 472 p. (In Russ.)

25. *Fontalova N.S., Rerke V.I. Vzaimosvyaz' kar'yernykh orientatsiy lichnosti budushchego spetsialista s ikh sotsial'noy effektivnost'yu* [Interrelation of Career Orientations of Future Specialist's Personality with their Social Efficiency]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava)* – Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law). 2015. Vol. 6. Issue 3. URL: http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=20151. https://doi.org/10.17150/2072-0904.2015.6(3).38. (In Russ.)

26. *Chelyshev M.Yu. Vzaimodeystvie grazhdanskogo i nalogovogo prava v regulirovanii otnosheniy s uchastiem predprinimateley* [Interaction of Civil and Tax Law in Regulation of Relations with the Participation of Entrepreneurs]. Moscow, 2014. 160 p. (In Russ.)

27. *Chelyshev M.Yu. Mezhotraslevoe pravovoe regulirovanie kak sredstvo obespecheniya publichnykh interesov v ekonomicheskoy sfere* [Interbranch Legal Regulation as a Means of Ensuring Public Interests in Economic Sphere]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2005. Issue 12. P. 136–140. (In Russ.)

28. *Shipovalova L.V., Dmitriev I.S., Razeev D.N. i dr. Analiticheskiy obzor sostoyaniya problemy effektivnosti nauchnykh issledovaniy* [Analytical Review of State of Problem of Effectiveness of Scientific Research]. (In Russ.)

29. *Shtovba S.D., Shtovba E.V. Obzor naukometricheskikh pokazateley dlya otsenki publikatsionnoy deyatel'nosti uchenogo* [Review of Scientometric Indicators for Assessing the Publication Activity of a Scientist]. *Upravlenie bol'shimi sistemami: sbornic trudov* – Management of large systems: Collection of Works. 2013. Issue 44. P. 262–278. (In Russ.)

30. *Shupletsov A.F., Perelygin A.I. Instrumenty khedzhirovaniya riskov: effektivnost' i znachimost' ikh ispol'zovaniya v protsesse formirovaniya strategiy razvitiya rossiyskikh neftegazovykh kompaniy* [Risk Hedging Tools: Efficiency and Significance of their Use in the Processes of Forming Development Strategies of Russian Oil and Gas Companies]. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Baikal State University. 2020. Vol. 30, Issue 2. P. 318–325. https://doi.org/10.17150/2500- 2759.2020.30(2).318-325. (In Russ.)

31. *Yakovlev A.M. Sotsial'naya struktura obshchestva: uchebnik* [Social Structure of Society: Textbook]. Moscow, 2002. 384 p. (In Russ.)

32. *Yakovlev V.F. Problemy chastnogo prava v sovremennykh usloviyakh* [Problems of Private Law in Modern Conditions]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2016. Issue 1. P. 5–9. (In Russ.)

Информация об авторах:

Ю.В. Виниченко
Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Байкальский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
ORCID: 0000-0003-0533-6526
ResearcherID: C-7181-2018
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(4).661-673
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-4-34-46
https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(4).844-849
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-40-225-239

Д. Пан
Доктор юридических наук,
профессор Юридического института
Института интеллектуальной собственности
Почетный ученый «Хуанхэ»
Лауреат-профессор провинции Хэнань КНР
Заведующая Китайско-российским центром сравнительного правоведения
Хэнаньский университет
475001, КНР, г. Кайфун, ул. Минлунь, 85
ORCID: 0000-0003-0236-2956
ResearcherID: AAZ-6513-2020
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(4).698-703
https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(1).142-151
https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(4).613-622

Information about the authors:

Yu.V. Vinichenko
Baikal State University
11 Lenina St., Irkutsk, 664003, Russia
ORCID: 0000-0003-0533-6526
ResearcherID: C-7181-2018
Articles in «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(4).661-673
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-4-34-46
https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(4).844-849
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-40-225-239

D. Pan
Institute of Intellectual Property
China-Russian Center of Comparative Law of the Henan University
85, Minglun st., Kaifeng city, 475001, China
ORCID: 0000-0003-0236-2956
ResearcherID: AAZ-6513-2020
Articles in DB «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(4).698-703
https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(1).142-151
https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(4).613-622

УДК 372.8

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-305-315

АКТИВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ

А.Г. Демиева
Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: ainuraa@bk.ru

Л.Г. Туктамышова
Университет Коннектикута
E-mail: ltuktamyshova@yahoo.com

***Введение**: в статье обращено внимание на возможности, которые дают современные направления исследования такого междисциплинарного явления, как экономическая деятельность. **Цель**: показать необходимость изменения и коррекции развития правовой системы, потребность в построении такой парадигмы, которая бы позволяла опираться не только на собственно юридические понятия и логику, но и на «сущность человека, ценности, правила рационального выбора, размер ущерба от правонарушения, объём и способ его возмещения». **Методы**: теоретические методы формальной и диалектической логики; междисциплинарный метод, сравнительно-правовой метод, эмпирические методы сравнения, описания. **Результаты**: проведен анализ междисциплинарного подхода к исследованию активной экономической деятельности, который позволяет точнее решить задачи правовой регламентации, определить ее границы, возможные цели, желательный инструментарий и критерии для оценки эффективности норм (правил) в сфере экономических отношений, и иные вопросы, созвучные проблемам организации правового пространства для развития экономической активности граждан. **Выводы**: проведенное исследование позволяет утверждать, что синтез экономики и права посредством усилий сторонников институциональной теории поспособствовал развитию актуального направления влияния экономики на правовые процессы, а также обратному влиянию права и изменениям в законодательстве на экономическую деятельность и ее активность. Такой междисциплинарный подход позволяет уяснить, как должно быть организовано право, которое регламентирует действия людей для достижения экономических результатов.*

***Ключевые слова**: методы научного исследования; междисциплинарный метод; «экономика и право»; активная экономическая деятельность.*

ACTIVE ECONOMIC ACTION: INTERDISCIPLINARY APPROACHE TO THE RESEARCH

A.G. Demieva
Kazan (Volga Region) Federal University
E-mail: ainuraa@bk.ru

L.G. Tuktamyshova
University of Connecticut School of Law
E-mail: ltuktamyshova@yahoo.com

Introduction*: the article is devoted to the opportunities offered by modern research directions for such an interdisciplinary phenomenon as economic action.* ***Purpose****: to show the need of a legal system that would make possible to rely not only on legal concepts and logic, but also on the essence of a person, values, rules of rational choice, the amount of damage from an offense, the way of its compensation.* ***Methods****: theoretical methods of formal and dialectical logic; interdisciplinary method, comparative legal method, empirical methods of comparison, description.* ***Results****: an analysis of an interdisciplinary approach to the study of active economic activity was carried out. This approach helps more effectively solve the problems of legal regulation, determine its boundaries, possible goals, desirable tools and criteria for assessing the effectiveness of norms (rules) in the field of economic relations.* ***Conclusion****: the synthesis of economics and law, through the efforts of supporters of the institutional theory, contributed to the development of the current direction of the economy's influence on legal processes, as well as the reverse influence of the law on economic activity. This interdisciplinary approach allows us to understand how the law should be organized in order to regulate the actions of people to achieve economic results.*

Keywords*: methods of scientific research; interdisciplinary method; "Economics and Law"; active economic action.*

Введение

В настоящее время в научных исследованиях усиливается потребность в междисциплинарных подходах, в разработке комплексных проблем и получении значимых результатов для разных областей наук. В современном мире существуют явления, исследование которых представляется невозможным в общенаучном аспекте, однако в конкретных междисциплинарных областях их рассмотрение является необходимым. Данное утверждение в полной мере относится к таким гуманитарным наукам, как право и экономика. Установки «права

и экономики», как полагает Л.А. Тухватулина, «позволяют заниматься разработкой экономически целесообразных решений наиболее острых и дискуссионных общественных проблем» [24, с. 101].

С целью совершенствования механизма правового регулирования, последствий применения правил правоведы изучают экономические процессы. В свою очередь, экономисты анализируют право для того, чтобы понять, в каких правовых рамках протекают эти процессы, каковы последствия изменения законодательства для экономики. Как верно отмечает О.М. Олейник, «складывающиеся экономические отношения нуждаются и формируют спрос на определенные правовые режимы, посредством которых мы достигаем тех или иных целей, или не достигаем их, или достигаем противоположных целей. Они могут быть юридико-технически разработанными и только формирующимися, эффективными и не очень эффективными, реальными и мнимыми, адекватными и неадекватными экономическим запросам и закономерностям» [15, с. 4].

Результаты

В современной экономической и юридической литературе явно преобладает ви́дение экономики как исключительно глобального явления, ориентированного на макропроцессы. Это приводит к тому, что отдельному человеку (индивиду) в ней отводится в лучшем случае роль «рабочей силы» («кадров») или в худшем – «субъекта потребления». Однако сегодня такой взгляд все чаще оценивается как недостаточно глубокий, более того – неточный [5]. Потребность в ином ви́дении ситуации и изменении оценок вызвана не только сугубо экономическими причинами. Не менее важно вернуться к исходной задаче гражданско-правовой регламентации – эффективно определять, поддерживать и обеспечивать, через соответствующие гражданско-правовые формы, существование человека как личности, что, на наш взгляд, во-первых, честно (справедливо) и, во-вторых, в основном совпадает с гуманитарным развитием сегодняшней цивилизации.

В связи с этим было обращено внимание на возможности, которые дают современные направления исследований, обобщенно именуемые «право и экономика». Характерными особенностями познавательной установки «Law and Economics» являются ее проактивность (*ex ante*) – рассмотрение права как системы экзогенных стимулов, «неявных цен»; мультидисциплинарность (использование экономической теории для изучения права); маржинальность – отслеживание приростных изменений в целом стабильных по остальным параметрам систем; консеквенциалистская эффективность (оценка правовых последствий

при помощи ценовой теории); прагматичность (рациональность) представлений о человеке как о максимизаторе собственной выгоды; тенденция к генерализации, выявлению общих закономерностей взаимоотношений права и среды, моделированию и прогнозированию; максимально продуктивная работа с количественными показателями (*cost benefit analysis*) [23]. Подобные теории и доктрины позволяют точнее решать задачи правовой регламентации, определять ее границы, возможные цели, желательный инструментарий и критерии для оценки эффективности норм (правил) в сфере экономических отношений, и, несомненно, созвучные проблемам организации правового пространства для развития экономической активности граждан. В этом смысле, согласно предложенной Р. Коузом теореме, все возможности для взаимовыгодного обмена полностью исчерпываются самими заинтересованными лицами при условии, что трансакционные издержки – издержки установления и защиты прав собственности и свобод, принятых в обществе, равны нулю, а права собственности точно определены. Отсюда предписание: помимо установления искусственных барьеров в задачу законодателя входит также точная спецификация прав собственности на все ресурсы, имеющие экономическую ценность [11]. Именно этим Коуз доказывал, что правовая система оказывает глубокое воздействие на работу экономической системы и в некотором смысле управляет ею. По мнению Г. Калабрези, успешность права прямо пропорциональна его адекватности реалиям (запросам, вкусам и предпочтениям индивидов, составляющих общество), поскольку существует угроза «нормативной слепоты», когда обратной стороной ее автономии и внутренней устойчивости оказывается неспособность схватывать и своевременно отвечать на изменения в социальной среде [8]. Особую ценность представляют выводы Р. Познера. Основоположник экономического анализа права доказал, каким образом экономический инструментарий может использоваться для анализа различных отраслей права, в том числе частноправовых. Кроме того, он сформулировал важный для юристов принцип минимизации трансакционных издержек, в соответствии с которым любые решения правовых органов должны соответствовать критерию экономической эффективности. По его мнению, законодатель обязан решить два основных вопроса: о том, кого следует наделять правами, и какую форму юридической защиты следует выбрать, поскольку экономическая эффективность достигается тогда, когда ресурсы достаются тем, кто может их наилучшим образом использовать [18, с. 49]. Р. Элликсон обращает наше внимание на границы формализованного права в человеческой деятельности [26]. Особый интерес вызывает позиция Ж. Тироля о государстве и рынке как о взаимодополняю-

щих силах: роль государства – «устанавливать правила игры», но «не подменять собою рынок» [1].

Полагаем, возникновение подхода «право и экономика» не случайно: само положение дел в мире вызвало его появление и обусловило рост влияния на умы правоведов и философов права во всем мире. Исследования показали необходимость изменения и коррекции развития правовой системы, потребность в такой парадигме ее построения, которая бы позволяла опираться не только на собственно юридические понятия и логику, но и на «сущность человека, ценности, правила рационального выбора, размер ущерба от правонарушения, объем и способ его возмещения» [25, с. 46]. Практически для любой отрасли права, в том числе гражданского, вполне обычным является взгляд на правовую систему как если не на идеальную, то во всяком случае на вполне зрелую и самодостаточную. Однако мировое развитие, действительность, общество и существующие в нем экономические отношения – не застывшие формы, и со временем правовая система, исходно склонная к догматизму и консерватизму, стала ощущать потребность в новых подходах к оценке правовых критериев и решений. Такие подходы и стали формироваться в рамках названного направления [17; 21; 10; 4; 19; 20; 6], имеющего различные наименования, но в целом показывающего, что стандартные механизмы, как в рыночной экономике, так и в праве, далеко не всегда единственные (часто и не лучшие) для выработки практических решений и организации взаимодействия [14]. С некоторыми идеями, выдвинутыми представителями этого направления, согласиться трудно. Например, не представляется возможным поддержать мысль о том, что система этических ценностей традиционного права заменяется (должна быть заменена) понятиями «экономической эффективности» [27]. Ряд понятий и категорий, на наш взгляд, излагается в некоторых работах методологически неверно [12; 16; 3; 9], в том числе потому, что у экономистов и юристов все же различные «предметы ведения», средства и пути разрешения задач. В связи с этим имеющееся в некоторых отечественных работах описание экономического анализа права как методологического подхода, которое позволяет «рассматривать правовые конструкции с точки зрения экономических понятий и категорий», не может считаться точным [28, с. 156–157]. В действительности явление, именуемое в западной юридической литературе экономическим анализом права, построено на конкретном подходе к юридическим институтам, сформировавшемся в рамках одной из многочисленных экономических школ. Как подчеркивает А.М. Лушников, «никакого универсального методологического инструментария в этой части нет и, вероятно, быть не может» [13].

Наконец, как наблюдается попытка «проверить право экономикой», можно развернуть задачу и предложить «проверить экономику правом», в том числе и потому, что последовательность и логичность у экономики явно «хромают». Но в целом надо признать уместность данного подхода в тех ситуациях, когда строгая, логичная, формализованная классическая система права оказывается неготовой или бессильной решить новые проблемы, возникающие в сфере «человек – общество». Если даже не усматривать особого значения направления «экономика и право» для решения задач в законодательной деятельности и правоприменении (в частности, из-за различий в языке и средствах воздействия), то несомненна его привлекательность как весьма значительного «портфеля» методологических приемов и взглядов. Впрочем, парабола развития отечественного гражданского права фактически, на наш взгляд, уже строится с учетом идей не столько *common law* и английского права, сколько из соображений «экономичности», рассудочности, сокращения издержек (к примеру, под влиянием теории «сокращения издержек», получившей развитие преимущественно в рамках «экономического анализа права», сформулирована ст. 434 Гражданского кодекса РФ) и т.п.

Выводы

Полагаем, что «агрегативность» (соединение) [2; 7] экономики и права невозможна, что не исключает их взаимодействия и взаимовлияния, а также использования данных и показателей, которые равно важны в обеих областях знаний и исследований. Экономический анализ права позволит предсказать последствия, которые будут иметь отдельные правовые нормы; объяснить их существование, а также решить вопрос о том, какие правила должны существовать. В этой связи В.Л. Тамбовцев полагает следующее: «Экономический подход к праву существенно меняет сам характер рассуждений юристов о праве, что связано с проникновением экономического стиля мышления в данную область» [22, с. 30].

Библиографический список

1. *Афанасьев М.П., Дельпла Ж., Шаш Н.Н.* Новый труд нобелевского лауреата // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 220–222.

2. *Гаджиев Г.А.* Легитимация идей «права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 108–173.

3. *Гребенников П.И., Ривера Д.К.* «Теорема Коуза» – реальность или фикция? // Известия С.-Петерб. гос. экон. ун-та. 2007. № 4. С. 13–20.

4. *Губин Е.П.* Предпринимательское право, как инструмент решения экономических проблем современной России // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2012. № 2. С. 3–13.

5. *Долинская В.В.* Экономическая деятельность и ее виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 3–15.

6. *Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н.* Экономическое право Российской Федерации: Монография. М.: РГУП, 2017. 284 с.

7. Инструментарий экономической теории права в законодательной и правоприменительной практике // Экономика и право: институциональный подход в обеспечении законности и правопорядка / Под ред. В.В. Колесникова. СПб., 2008. 123 с.

8. *Калабрези Г.* Будущее права и экономики: очерки о реформе и размышления. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 295 с.

9. *Капелюшников Р.И.* Новая атака на теорему Коуза. М.: ВШЭ, 2007. 48 с.

10. *Карапетов А.Г.* Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 527 с.

11. *Коуз Р.* Фирма, рынок и право: Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2007. 224 с.

12. *Куликова К.* Достоинства и недостатки правового регулирования в концепции Коуза. Возможно ли ее воплощение в настоящем времени? [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2014/07/20/dostoinstva_i_nedostatki_pravovogo_regulirovaniya_v_koncepcii_kouza_vozmozhno_li_eyo_voploshhenie_v_.

13. *Лушников А.М.* Право и экономика: методологические подходы к междисциплинарным исследованиям // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 39–44.

14. *Одинцова М.И.* Институциональная экономика. М.: ВШЭ, 2009. С. 12–14.

15. *Олейник О.М.* Понятие предпринимательской деятельности: теоретические проблемы формирования // Предпринимательское право. М.: Юрист. 2015. № 1. С. 3–17.

16. *Олейник А.Н.* Теорема Коуза: институциональные предпосылки // Экономическая наука современной России. 2008. № 2. С. 20–39.

17. *Петражицкий Л.И.* Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. СПб., 1902. 390 с.

18. *Познер Р.А.* Экономический анализ права. СПб.: Экон. шк., 2004. Т. 1. 544 с.

19. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития / Отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. 664 с.

20. *Синицын С.А.* Экономика и право: контуры взаимодействия в современном мире // Вестник РАН. 2019. № 2. С. 139–146.

21. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с.

22. *Тамбовцев В.Л.* В России много законов, которые не исполняются просто потому, что исполнены быть не могут // Новая юстиция. 2009. № 3. С. 30–31.

23. *Тимофеев Е.А.* «Law and Economics»: учение о праве и государстве в США в XX веке: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 22 с.

24. *Тухватулина Л.А.* Междисциплинарность и экспертное знание в социальных науках: случай «права и экономики» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 46. С. 95–103.

25. *Честнов И.Л.* Право и экономика: характер связи // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы. СПб., 2019. С. 45–50.

26. *Элликсон Р.Ч.* Порядок без права: как соседи улаживают споры. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 512 с.

27. Эффективность правовых норм / В.В. Глазырин [и др.]. М.: Юрид. лит., 1980. 280 с.

28. Эффективность законодательства в экономической сфере / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2016. 370 с.

References

1. *Afanasyev M.P., Delpla J., Shash N.N. Novyj trud nobelevskogo laureata* [New Work of the Nobel Laureate]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* – Questions of state and municipal management. 2016. No. 4. P. 220–222. (In Russ.)

2. *Gadzhiev G.A. Legitimaciya idej «Prava i ekonomiki» (novye poznavatel'nye struktury dlya grazhdanskogo prava)* [Legitimation of the Ideas of "Law and Economics" (New Cognitive Structures for Civil Law)]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Bulletin of Civil Law. 2017. Issue 6. P. 108–173. (In Russ.)

3. *Grebennikov P.I., Rivera D.K. «Teorema Kouza» – real'nost' ili fikciya?* [«Coase's Theorem» – Reality or Fiction?]. *Izvestiya S.-Peterb. gos. ekon. un-ta* – Bulletin of St. Petersburg. State Econom University. 2007. Issue 4. P. 13–20. (In Russ.)

4. *Gubin E.P. Predprinimatel'skoe pravo, kak instrument resheniya ekonomicheskih problem sovremennoj* [Rossii Entrepreneurial Law as a Tool for

Solving Economic Problems of Modern Russia]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 11, Pravo* – Bulletin of Moscow University. Ser. 11, Law. 2012. Issue 2. P. 3–13. (In Russ.)

5. *Dolinskaya V.V. Ekonomicheskaya deyatel'nost' i eyo vidy* [Economic activity and its types]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. Issue 3. P. 3–15. (In Russ.)

6. *Ershov V.V., Ashmarina E.M., Kornev V.N. Ekonomicheskoe pravo Rossijskoj Federacii* [Economic law of the Russian Federation]: Monograph. Moscow, 2017. 284 p. (In Russ.)

7. *Instrumentarij ekonomicheskoj teorii prava v zakonodatel'noj i pravoprimenitel'noj praktike* [Toolkit of the Economic Theory of Law in Legislative and Law Enforcement Practice]. *Ekonomika i pravo: institucional'nyj podhod v obespechenii zakonnosti i pravoporyadka* – Economics and law: an institutional approach in ensuring the rule of law and the rule of law / Ed. by V.V. Kolesnikov. St. Perersburg, 2008. 123 p. (In Russ.)

8. *Calabresi G. Budushchee prava i ekonomiki: ocherki o reforme i razmyshleniya* [The Future of Law and Economics: Essays on Reform and Reflections]. Moscow, 2016. 295 p. (In Russ.)

9. *Kapelyushnikov R.I. Novaya ataka na teoremu Kouza* [New Attack on Coase's Theorem]. Moscow, 2007. 48 p. (In Russ.)

10. *Karapetov A.G. Ekonomicheskij analiz prava*. [Economic Analysis of Law]. Moscow, 2016. 527 p. (In Russ.)

11. *Coase R. Firma, rynok i pravo* [Firm, Market and Law] / Translation from English. Moscow, 2007. 224 p. (In Russ.)

12. *Kulikova K. Dostoinstva i nedostatki pravovogo regulirovaniya v koncepcii Kouza. Vozmozhno li eyo voploshchenie v nastoyashchem vremeni?* [Advantages and disadvantages of legal regulation in the concept of Coase. Is it possible for her to be embodied in the present tense?]. Available at: https://zakon.ru/blog/2014/07/20/dostoinstva_i_nedostatki_pravovogo_regulirovaniya_v_koncepcii_kouza_vozmozhno_li_eyo_voploshhenie_v_. (In Russ.)

13. *Lushnikov A.M. Pravo i ekonomika: metodologicheskie podhody k mezhdisciplinarnym issledovaniyam* [Law and Economics: Methodological Approaches to Interdisciplinary Research]. *YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* – Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. Issue 1 (45). P. 39–44. (In Russ.)

14. *Odintsova M.I. Institucional'naya ekonomika* [Institutional economy]. Moscow: Higher School of Economics, 2009. P. 12–14. (In Russ.)

15. *Oleinik O.M. Ponyatie predprinimatel'skoj deyatel'nosti: teoreticheskie problemy formirovaniya* [The concept of entrepreneurial activity: theoretical problems of formation]. *Predprinimatel'skoe pravo* – Entrepreneurial law. Moscow, 2015. Issue 1. P. 3–17. (In Russ.)

16. *Oleinik A.N. Teorema Kouza: institucional'nye predposylki* [Coase's theorem: institutional prerequisites]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii* – Economic science of modern Russia. 2008. Issue 2. P. 20–39. (In Russ.)

17. *Petrazhitskiy L.I. Prava dobrosovestnogo vladel'ca na dohody s tochek zreniya dogmy i politiki grazhdanskogo prava* [The Rights of a Bona Fide Owner to Income from the Point of View of Dogma and Civil Law Policy]. St. Petersburg, 1902. 390 p. (In Russ.)

18. *Posner R.A. Ekonomicheskij analiz prava* [Economic Analysis of Law]. St. Petersburg, 2004. Vol. 1. 544 p. (In Russ.)

19. *Predprinimatel'skoe pravo Rossii: itogi, tendencii i puti razvitiya* [Entrepreneurial Law of Russia: Results, Trends and Ways of Development] / Ed. by E.P. Gubin. Moscow, 2019. 664 p. (In Russ.)

20. *Sinitsyn S.A. Ekonomika i pravo: kontury vzaimodejstviya v sovremennom mire* [Economics and Law: Contours of Interaction in the Modern World]. *Vestnik RAN* – Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2019. Issue 2. P. 139–146. (In Russ.)

21. *Sorokin P.A. CHelovek. Civilizaciya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow, 1992. 542 p. (In Russ.)

22. *Tambovtsev V.L. V Rossii mnogo zakonov, kotorye ne ispolnyayutsya prosto potomu, chto ispolneny byt' ne mogut* [There are Many Laws in Russia that are not Enforced Simply because They Cannot be Enforced]. *Novaya yusticiya* –New Justice. 2009. Issue 3. P. 30–31. (In Russ.)

23. *Timofeev E.A. «Law and Economics»: uchenie o prave i gosudarstve v SSHA v XX veke: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* [«Law and Economics»: the doctrine of law and state in the United States in the XX century]. N. Novgorod, 2016. 22 p. (In Russ.)

24. *Tukhvatulina L.A. Mezhdisciplinarnost' i ekspertnoe znanie v social'nyh naukah: sluchaj «Prava i ekonomiki»* [Interdisciplinarity and expert knowledge in the social sciences: the case of "Law and Economics"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* – Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2018. Issue 46. P. 95–103. (In Russ.)

25. *Chestnov I.L. Pravo i ekonomika: harakter svyazi* [Law and economics: the nature of the connection]. *Pravo i sovremennaya ekonomika: novye vyzovy i perspektivy* – Law and Modern Economics: New Challenges and Prospects. St. Petersburg, 2019. P. 45–50. (In Russ.)

26. *Ellikson R.Ch. Poryadok bez prava: kak sosedi ulazhivayut spory* [Order without Law: How Neighbors Settle Disputes]. Moscow, 2017. 512 p. (In Russ.)

27. *Effektivnost' pravovyh norm* [The Effectiveness of Legal Norms] / V.V. Glazyrin [and others]. Moscow, 1980. 280 p. (In Russ.)

28. *Effektivnost' zakonodatel'stva v ekonomicheskoj sfere* [The Effectiveness of Legislation in the Economic Sphere] / Ed. by Yu.A. Tikhomirova. Moscow, 2016. 370 p.

Информация об авторах:

А.Г. Демиева
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
ORCID: 0000-0003-0211-5701
ResearcherID: J- 3521-2017

Л.Г. Туктамышова
Доктор права
Университет Коннектикута
06105, США, г. Хартфорд, ул. Елизабет, 55

Information about the authors:

A.G. Demieva
Kazan (Volga Region) Federal University
18 Kremlyovskaya St., Kazan, 420008, Russia
ORCID: 0000-0003-0211-5701
ResearcherID: J- 3521-2017

L.G. Tuktamyshova
Doctor of Law
University of Connecticut School of Law
55 Elizabeth Street, Hartford, 06105, USA

УДК 340.5

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-316-328

DISTINCTION BETWEEN PUBLIC AND PRIVATE LAW AND ITS INFLUENCE ON THE INTERPRETATION OF CONTRACTS WITH AN ADMINISTRATIVE ELEMENT IN DIFFERENT LEGAL FAMILIES

D.A. Shirokova
Queen Mary University of London
E-mail: d.shirokova@qmul.ac.uk

Introduction*: this article discusses the common law approach and civil law approach (represented by English law and French law respectively) to interpretation of contracts concluded by public authorities. As the difference in interpretation of such contracts is generated by the different apprehension of private (public) law divide in these legal systems, the article discusses the latter, as well as the contrasting legal philosophies and the manner in which both legal systems have developed.* ***Purpose****: to identify methodological difference in interpretation of contracts with an administrative element in Anglo-Saxon and continental legal systems.* ***Methods****: the author uses the comparative approach and analyses.* ***Results****: the paper demonstrates the difference in methodological treatment of contracts of public authorities which is reflected in the use of the theory of the "free contract" and the application of private law in the common law systems, and the existence of the concept of "administrative contract" and application of administrative law in the civil law systems.*

Keywords*: administrative law; administrative contract; free contract; private (public) law divide; public authorities.*

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ПУБЛИЧНЫМ И ЧАСТНЫМ ПРАВОМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ ДОГОВОРОВ С АДМИНИСТРАТИВНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ В РАЗНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

Д.А. Широкова
Лондонский университет Королевы Марии
E-mail: d.shirokova@qmul.ac.uk

Введение*: данная статья рассматривает подход общего права и подход континентального права (представленные английским и французским*

правом) к интерпретации договоров, заключенных органами государственной власти. Так как разница в интерпретации подобных договоров обусловлена разным подходом к разделению права на частное и публичное в указанных правовых системах, статья рассматривает данную разницу подходов, а также противоположные философские основы и способы развития обеих систем. ***Цель исследования****: выявить разницу методологических подходов к интерпретации договоров с административным элементом в англосаксонском и континентальном праве.* ***Методы****: автор использует метод сравнительно-правового анализа.* ***Результаты****: статья демонстрирует разницу методологических подходов к договорам, заключенным органами государственной власти, которая находит отражение в использовании теории «свободного договора» и применении частного права в системах общего права, и существовании концепции «административного договора», и применении административного права в системах континентального права.*

Ключевые слова*: административное право; административный договор; теория свободного договора; дихотомия «частное (публичное) право»; органы государственной власти.*

It is by comparison with others that we discover who we are,
and learn what we could be[1].

Introduction

A lot has been said about the convergent nature [42, p. 38] of modern legal systems and similar outcomes even in case of application of different concepts [40, p. 1722]. However, as Professor Mitchell argued, different jurisdictions differ in the way they face and handle the problems [39, p. 133]. In addition, different legal families were created as a response to historical and legal development of countries and they necessarily reflect "a set of prior choices about the role of the [S]tate and the private sector" [34, p. 504].

Common law and civil law are markedly different with regard to several issues, for instance, to quote just a few, existence of legal and equitable ownership, *bona fide* obligation, interpretation of contracts, public (private) law divide [13, p. 509].

This paper concentrates on English law as common law approach and French law as civil law approach to interpretation of contracts concluded

[1] T. Mann, Joseph und seine Brüder (Stockholm, Bermann-Fischer, 1948) quoted by Lord Reed at the Centre for Private Law, University of Edinburgh, Comparative Law in the Supreme Court of the United Kingdom, Lecture on 13 October 2017.

by public authorities[1]. In the doctrinal studies, English and French law are considered as being ones of the most representative of common law and civil law systems respectively[2]. Another factor to consider is the "transplantation" of legal systems during the colonialism era[3]. It is undisputed that Great Britain and France were the biggest colonial empires and their former colonies inherited their judicial systems and laws [13, pp. 490–491; 23, p. 1193].

The distinction between public and private law may be challenging in certain legal systems[4]. Thus, before discussing the interpretation of contracts in civil and common law in Sections 4 and 5, Section 2 describes the contrasting legal philosophies which serve as the basis of the general distinction between public and private law and Section 3 clarifies the difference in apprehension of the private/public law divide in Anglo-Saxon and continental legal traditions.

Contrasting legal philosophies as the theoretical basis of the difference in approaches towards private (public) law divide

The difference in apprehension of private (public) law divide in common law and civil law is due to their contrasting legal philosophies and to the manner in which both legal systems have developed [34, pp. 505–506]. As a general rule, the civil law system aspires to create institutions to strengthen the State's power, whereas the common law tradition tends to limit it [30, pp. 222 and 232]. This divergence is reflected in several legal concepts, such as *liberalism*, *the role of State*, *sovereignty and rule of law*, which will be discussed below.

First of all, the differences between civil law and common law originate from English and French *models of liberty* [9, p. 118], the English one emphasizing the personal freedom and the achievement of individual goals and the French one prioritizing the government's need to pursue "collective ends" [34, p. 512]. The Anglo-Saxon legal ideas are marked by the doctrine of "negative" (personal) liberty and the Protestant Reformation's individualistic philosophy, where the salvation depended upon each person's private actions [12, p. 565]. The famous British Whig jurist Albert Dicey was persuaded that the negative liberty moderates the role of the government [31, p. 78]. The French doctrine in its turn developed a concept of "positive liberty" and ar-

[1] According to Paul G. Mahoney, German and Scandinavian law "fit somewhere between French law and common law" [34, p. 512].

[2] In a study of civil procedures in 109 countries, 42 countries were identified as belonging to the English common law tradition and 40 in the French civil law tradition [23, p. 1193]. See also [46, p. 38].

[3] For discussion on the effect of colonization on the development of law, see [27].

[4] Some authors also argue that the main "areas of overlap" are the frontier with constitutional law and contract law. See [10, p. 68].

gued that the negative liberty should be limited, because the opposite would preclude the development of civil society [9, p. 118; 31, p. 92].

Second, no country treats an individual "on an absolutely equal footing with the State" and nowhere the rights and privileges of public officials are determined by the same law as those of private parties [22, pp. 597–598]. Accordingly, what matters is not the exact content of the laws but the general spirit and *philosophy of treating the State* and the individual equally or unequally.

In 1885, Dicey portrayed a French government in general (be it Royal, Imperial, or Republican) as possessing "rights and powers... *against individuals* (emphasis added) superior to and independent of the ordinary law of the land" [17, p. 151]. He probably went too far when speaking about a general historical "lawlessness" of the French administrative system[1]. Nevertheless, he was right in noticing the general superior role of the French State in its relations with private parties. At the same time, the "grotesquely undemocratic idea" of the government having a private capacity is imbedded in Anglo-Saxon legal culture [2, p. 189]. For instance, Hugo Grotius refused to treat contracts between the ruler and his subjects differently: "the ruler had to vouch for his word just like any other person" [1, p. 620]. Similarly, one of Dicey's postulates was that the government should be treated as any legal person [17, Chapter 2].

As recently as in 2018, in *Ukraine v. The Law Debenture Trust Corporation Plc* case [(2018) EWCA Civ 2026], the English Court of Appeal confirmed the above postulate stating that if the contract is governed by English law "a foreign [S]tate will not ... lack capacity to make and perform the contract, irrespective of the provisions of its own domestic constitution and laws"[2]. Joining this doctrinal current, the United States Supreme Court held in *Winstar* case that the "[g]overnment is ordinarily treated like private party in its contractual dealings" [United States v. Winstar Corp. et al., 518 U.S. 839 (1996)]. These decisions also reflect the absence of necessity to clearly distinguish between public and private.

Finally, the distinction between "public" and "private" takes its origins in the distinction between *sovereignty and rule of law* [24, p. 147]. It seems that the sovereignty of the State belongs to the public sphere and the rule of law belongs to the private sphere. In the same vein, Nikolaus Gonner argued that because of the sovereignty the State could not contract with private persons and had to issue orders instead [1, p. 623]. But what is meant by sovereignty and what is meant by rule?

[1] "Royal lawlessness was not peculiar to specially detestable monarchs such as Louis the Fifteenth: it was inherent in the French system of administration" [37, p. 110].

[2] Also see HRH Prince Abdul Aziz Bin Fahd Bin Abdul Aziz v. Mrs Janan George Harb [2015] EWCA Civ 481, Court of Appeal.

The "framer of the theory of sovereignty" Bodin defined it as "[t]he supreme power over citizens and subjects, unrestrained by law"[1]. Bodin's theory provided the "theoretical basis" for the French absolutism and Rousseau's theory of "absolute sovereignty" became a foundation for the French Revolution. Rousseau argued that due to an absolute, infallible, indivisible, and inalienable character of sovereignty, the sovereign cannot bind itself and does not guarantee any rights to individuals [35, p. 7]. In civil law countries the private parties' rights against the State are statutorily limited and are exercisable only according to a special procedure and in specialized courts [41, pp. 419–420].

Contrary to the above, one of the most popular theories of sovereignty in Anglo-Saxon legal world is the theory of Locke which stated that "every man surrenders irrevocably to the community his natural rights in so far as is necessary for the common good – and no farther" [35, p. 8]. The reasons of the limitations of the sovereignty in Anglo-Saxon legal systems were the protest against the oppressions of the former governments, and the rise of the economic theory of *laissez-faire* which was the response to the commercialization and industrialization [21, p. 541].

Later, Dicey continued in the same direction stating that the sovereignty can be limited by the rule of law. The rule of law is usually defined as the applicability of the same law to everybody, including the State officials [41, pp. 418]. Dicey determined the rule of law as accumulation of three elements: absence of arbitrary power, the fact that every man is subject to ordinary law administered by ordinary tribunals, and constitutional law as a result of the ordinary law of the land [17, p. 110].

As a conclusion, the "Anglo-Saxon contract" was formed by the theory of negative liberty and of equality of State and an ordinary person, the possibility of the executive to contract without the authorization of the legislative branch as the expression of the separation of powers and the limited doctrine of sovereignty. This concept is opposed to a French "administrative contract" which resulted from the theory of positive liberty, impossibility for a State to conclude an ordinary contract with a private party as the reflection of separation of powers, the superiority of the State in all matters and the theory of absolute sovereignty. Thus, it is not surprising, that this difference in legal philosophy and different ways of development entailed the different attitude towards the private (public) law divide.

Difference in Apprehension of the Private (Public) Law Divide

The main question of this Section is whether there is a clear distinction between public law and private law in Anglo-Saxon and continental legal systems respectively.

[1] Quoted and translated in [35, p. 7].

Rare are the scholars who, speaking about the public (private) law divide in the common law system, do not mention the famous Dicey's statement that *"[t]he idea [of administrative law] is utterly unknown to the law of England, and indeed is fundamentally inconsistent with [its] traditions and customs"* [37, p. 120].

One cannot be sure whether it is Dicey's fault[1] but the public law in Great Britain remained quite undeveloped for the last century [39, p. 135]. Yet in 2004, Mark Freedland argued that "the notion of English public law... is still specially contested; it is as if there is still something specially un-English about public law" [20, p. 103]. Indeed, the slow development of public law in England was mainly due to the general opinion that the common law is better for the protection of citizens and that the government is to be treated as any ordinary person [16, p. 64].

Thus, the existence of "a paradox in legal thinking" related to the public (private) law divide is not surprising [7, p. 247]: notwithstanding the existence of the distinction between public and private and its clear manifestation in different spheres[2], there still remains a doctrinal skepticism – this distinction is accused to be out-fashioned, not accurate and even "normatively undesirable" [3, p. 698].

The blurred frontier between private and public law deprived the latter concept of a consistent meaning for a long time [19, p. 416]. The House of Lords itself was criticized for enforcing this dichotomy and for using these terms without caution [19, p. 419]. As one of the scholars has noted, even though English lawyers feel a difference between "public" and "private", they don't use these words as "classificatory terms of art" in the same manner as they use "contract", "tort" or "crime" [25, p. 241]. For instance, Lord Wilberforce stated in *Davy v. Spelthorn DC* that the terms public and private law are nothing more than "convenient expressions for descriptive purposes" [(1983) 3 All ER 278 at 285].

The substantive public-private distinction is normally important in the context of the choice between the public law or private law rules [28, p. 190]. However, it seems problematic in English law as there is no distinct set of "public law" rules. In addition, the new trend of contracting-out to the private entities of the public service activities makes it difficult to distinguish between the proper "governmental" activities and the private ones [16, p. 63].

[1] Jennings, for instance, is persuaded that "Dicey's views were based essentially on the nature of French administrative law as considered to be before 1848" [26, p. 101].

[2] For instance, judicial review procedure, creation of an Administrative Court in England, transposition of the EC law distinguishing the EC directives with direct effect, provisions applicable to public authorities in the Human Rights Act 1998, the "State action' doctrine of the US Supreme Court, and the statutory demarcation of the Administrative Appeals Tribunal's in jurisdiction in Australia. See for more details [3, p. 698].

While English lawyers passionately discuss the public/private law divide, for their continental *confrères*[1] the existence of public law is unquestionable. In 1862, a French public lawyer Dareste published a paradigmatic book on administrative justice, which formulated the contract-doctrine in public law. For that, he adapted the corresponding norms of the Civil Code to the specific circumstances of administrative tasks [1, p. 627][2]. That's how the French administrative law was born.

In *civil legal systems*, a distinctive body of public law rules[3] governs contracts between administration and private parties concluded for fulfilment of public services [16, pp. 55–56; 6, p. 417]. Thus, the continental lawyers' debate is concentrated on drawing the line between a private contract ("*contrat de droit privé*") and an administrative contract ("*contrat administratif*")[4]. This clear dichotomy between administrative law and private law in France is considered as the expression of the overriding powers of the State [43, p. 694].

The administrative law was initially designed to find a balance between the protection of public interest and the rights of private contractors [16, pp. 55–56]. But it appears that with time the distinctive attribute of administrative contracts became inequality of interests, subordination and the privileged place of the State party [36, pp. 222 and 223].

The theory of free contract

The Anglo-Saxon liberal philosophy became the basis for a common law theory of a "free contract" [12, pp. 553–592], where all the transactions, including those with the State, were governed by the ordinary common law.

The theories of liberalism, limited sovereignty, rule of law and equality of the State to corporations and individuals in contractual matters translated into the application in practice of a general theory of a contract to any disputes. One can say that in Common Wealth Countries, there still is "a strong perception of contract as a purely 'private' matter" [4, p. 195].

Notwithstanding the critics of the perception of contract as a private function, any suggestions to follow the French example of administrative contracts were unsuccessful, *inter alia*, for such practical reasons as absence of the specialized jurisdictions. The contractual rights of private parties *vis-a-vis* the State are guaranteed by the common law and are enforced as any other rights by the ordinary courts [41, p. 427].

---

[1] Colleagues.

[2] Also see [15].

[3] Droit public is defined as "a body of wholly autonomous rules, entirely separate from private law" [45, pp. 57–58].

[4] Indeed, the administration can conclude both types of contracts depending on its needs. Also see Sieur Stein (C.E. 20 October 1950).

Some scholars argue that there may be no complete assimilation of the government contracts to the ordinary ones in common law as they have "too many peculiar features" and "confusion will inevitably arise if the features of government contracts are explained and applied according to the principles and terminology of private law" [36, p. 246]. However, in the United Kingdom ("UK") such important characteristic of continental administrative contracts as the government's right to modify or cancel the contracts unilaterally in the public interest is still questionable.

There are certainly special legal consequences originating in the nature itself of public contracts which potentially can distinguish them from the ordinary private law contracts. For instance, the *Rederiaktiebolaget Amnphitrite v. The King* case [1921 3 KBD 500] was the first UK judicial decision on the contracting government's legal obligations in a public contract. The decisions which followed the *Amnphitrite* applied the doctrine, according to which the private rights and obligations arising out of "public contracts" were subordinate to the "needs and requirements" of the community have" [6, p. 412].

However, one can conclude that the category of "contract" in common law embraces all contractual transactions, indifferently whether they were made by private parties or by public bodies, by domestic or by foreign entities. For the Anglo-Saxon lawyers, a contract is always a contract, whether it is concluded by a baker or by a sovereign State.

Law applicable to contracts of administrative authorities in civil law and common law systems

As indicated above, the common law does not seem to have a distinct theory of "government" or "administrative contracts" [36, p. 233]. In a close glance, the private law is the only one which can be applied to contracts as the existence of the administrative law is constantly being questioned [18, pp. 1104–1105; 25, p. 241; 47, pp. 669–671]. Thus, as a matter of principle, in common law, the contracts of the administrative authority are decided by the ordinary courts in accordance with the ordinary law of contract [4, p. 232].

It is true that some scholars argue that the "ordinary common law of contract" goes in conjunction with "the rules of public law", the latter dealing with governmental issues [32, p. 36; 14, pp. 554–593; 33, pp. 233–245]. They may be statutory or may originate from judicial review by the courts [16, p. 42] and form special contracting techniques aiming at safeguarding the public interest "while assuring the adequate reward for the contractor" [44, p. 241].

However, quite a few of those who accept the growth of the administrative law in common law countries, complain about the absence of necessary procedures. For instance, James Garner submits that in Anglo-Saxon coun-

tries "there are, to be sure, well settled rules of law and practice regarding the competence of the administrative authorities[1]... but they do not constitute in their ensemble a separate and distinct body of law as the French *droit administratif* does" [22, p. 597].

As to the French doctrine, it gradually elaborated the comprehensive rules to identify an administrative contract. In case where a contract does not comply with such rules, it is considered to be a private law contract similar to any ordinary commercial contract [36, p. 222]. The decision whether a contract is administrative is taken with the help of two main criteria – the "public service" character of a contract and the presence of special clauses[2] (also called "*clauses éxorbitantes du droit commun*"). The above criteria are not cumulative[3].

The *clauses éxorbitantes* do not exist in private law contracts and give exceptional powers to the government "by virtue of its duty to safeguard the public interest" [36, pp. 240–241]. Among them are such as the power to independently execute the decisions, the power to inspect contractors' activities and to "step in" if it appears that the contractor's performance is not satisfactory, to modify or to terminate the administrative contracts for the reason of "public interest" under the condition of a fair compensation [16, p. 70]. Yet the State's ability to change to the contract unilaterally is not unlimited as the government should prove that "the action is for the benefit of the public" [36, p. 227]. It is worth noting that a contractual clause expressly prohibiting an early termination of a public contract would not be effective in French law [6, p. 417].

In addition, the continental administrative law prescribes the private parties to sue the executive branch and its agents in specialized administrative courts [41, p. 418]. The administrative courts undeniably play a crucial role in deciding on the public interest' reasons for the existence and the terms of the contract with a State as a party [16, pp. 57–58].

To conclude, the matters expressed on the continent by the general principles and categories (such as "administrative contract"), in the common law countries are dealt with by the interpretation of the text of the contract. This difference of the contract interpretation style is based on the distinction between 'formalistic' and 'abstract' approaches [29, pp. 496–501][4].

[1] In the United States this seems to be easier to distinguish as the scope of the administrative law is defined by the federal Administrative Procedure Act (APA) and focused on the conformity of administrative adjudicative actions to the requirements of the APA, on the right procedures of the development of administrative rules and on the constitutionality of administrative actions. See [8, p. 109].

[2] These clauses can be defined as "clauses which give the administration powers which are not usually found in the ordinary private law contract" [36, p. 240].

[3] C.E. 20 April 1956, Epoux Bertin.

[4] Also see [11].

The formalistic approach and the principle of sanctity of contracts seem to be more pronounced in Anglo-Saxon legal systems [16, p. 56]. In the common law countries the courts interpret the contracts according to their terms and do not attempt to substitute the latter with their own concepts. It was submitted in this regard that the common law judges "have little tolerance for attempts to re-write contracts to make them fairer or more equitable" [47/38, p. 1475].

References

1. *Abegg A.* The Evolution of the Contracting State and Its Courts // The American Journal of Comparative Law. 2011. Vol. 59. Issue 3. P. 611–636. (In Eng.)

2. *Alder J.* Hunting the Chimera – the end of O'Reilly v Mackman? // Legal Studies. 1993. Vol. 13. Issue 2. P. 183–203. (In Eng.)

3. *Allison J.W.F.* Variation of View on English Legal Distinctions between Public and Private // The Cambridge Law Journal. 2007. Vol. 66. Issue 3. P. 698–711. (In Eng.)

4. *Arrowsmith S.* Government Contracts and Public Law // Legal Studies. 1990. Vol. 10. Issue 3. P. 231–244. (In Eng.)

5. *Auby J.-B.* Comparative Approaches to the Rise of Contract in The Public Sphere, Westlaw UK: Public Law, 2007. (In Eng.)

6. *Baloro J.* The Legal Status of Concession Agreements in International Law // The Comparative and International Law Journal of Southern Africa. 1986. Vol. 19. Issue 3. P. 410–449. (In Eng.)

7. *Bamforth N., Leyland P. (eds.).* Public Law in a Multi-layered Constitution. Oxford, 2003. P. 244–247. (In Eng.)

8. *Beckett J., Koenig H.O.* Public Administration and Law. Routledge, 2005. 280 p. (In Eng.)

9. *Berlin I.* Two Concepts of Liberty. In: *Berlin I. (ed.).* Four Essays on Liberty. Oxford: Oxford University Press, 1969. P. 118–172. (In Eng.)

10. *Boughey J.* Administrative Law: The Next Frontier for Comparative Law // International & Comparative Law Quarterly. 2013. Vol. 62. Issue 1. P. 55–95. (In Eng.)

11. *Charny D.* The New Formalism in Contract // The University of Chicago Law Review. 1999. Vol. 66. Issue 3. P. 842–857. (In Eng.)

12. *Cohen M.R.* The Basis of Contract // Harvard Law Review. 1933. Vol. 46. Issue 4. P. 553–575. (In Eng.)

13. *Cuniberti G.* The International Market for Contracts: The Most Attractive Contract Laws // Northwestern Journal of International Law & Business. 2014. Vol. 34. Issue 3. P. 455–516. (In Eng.)

14. *Daintith T.* Contractual Discretion and Administrative Discretion: A Unified Analysis // The Modern Law Review. 2005. Vol. 68. Issue 4. P. 554–593. (In Eng.)

15. *Dareste R.* La Justice Administrative en France ou Traite du Contentieux de l'Administration. Paris, 1862. 406 p. (In French.)

16. *Davies A.C.L.* The Public Law of Government Contracts. Oxford University Press, 2008. P. 200–220. (In Eng.)

17. *Dicey A.V.* The Law of the Constitution. Macmillan: London, 1923. 183 p. (In Eng.)

18. *Evans R.W.* French and German Administrative Law: With Some English Comparisons // The International and Comparative Law Quarterly. 1965. Vol. 14. Issue 4. P. 1104–1128. (In Eng.)

19. *Forsyth C.F.* Beyond O'Reilly v. Mackman: The Foundations and Nature of Procedural Exclusivity // The Cambridge Law Journal. 1985. Vol. 44. Issue 3. P. 415–434. (In Eng.)

20. *Freedland M.* The Evolving Approach to the Public/Private Distinction in English Law. In: *Auby J-B. and Freedland M. (eds.)*. La Distinction du Droit Public et du Droit Privé: Regards Francais et Britanniques': The Public Law/Private Law Divide: Une Entente Assez Cordiale? Editions Panthéon-Assas, 2004. P. 93–112. (In Eng.)

21. *Fuchs R.F.* Concepts and Policies in Anglo-American Administrative Law Theory // The Yale Law Journal. 1938. Vol. 47. Issue 4. P. 536–578. (In Eng.)

22. *Garner J.W.* French Administrative Law // The Yale Law Journal. 1924. Vol. 33. Issue 6. P. 597–627. (In Eng.)

23. *Glaeser E.L., Shleifer A.* Legal Origins // The Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117. Issue. 4. P. 1193–1229. (In Eng.)

24. *Goodrich P.* The Political Theology of Private Law // International Journal of Constitutional Law. 2013. Vol. 11. Issue 1. P. 146–161. (In Eng.)

25. *Harlow C.* Public and Private Law: Definition without Distinction // The Modern Law Review. 1980. Vol. 43. Issue 3. P. 241–265. (In Eng.)

26. *Jennings W.I.* Administrative Law and Administrative Jurisdiction // Journal of Comparative Legislation and International Law. 1938. Vol. 20. Issue 1. P. 99–104. (In Eng.)

27. *Joireman S.F.* Colonization and the Rule of Law: Comparing the Effectiveness of Common Law and Civil Law Countries // Constitutional Political Economy. 2004. Vol. 15. P. 315–338. (In Eng.)

28. *Jurgens G., Ommeren Van F.* The Public-Private Divide in English and Dutch Law: A Multifunctional and Context-Dependant Divide // The Cambridge Law Journal. 2012. P. 172–199. (In Eng.)

29. *Katz A.W.* The Economics of Form and Substance in Contract Interpretation // Columbia Law Review. 2004. Vol. 104. P. 496–538. (In Eng.)

30. *La Porta et al.* The Quality of Government // Journal of Law, Economics, & Organization. 1999. Vol. 15. Issue 1. P. 222–279. (In Eng.)

31. *Lewans M.* Rethinking the Diceyan Dialectic // The University of Toronto Law Journal. 2008. Vol. 58. Issue 1. P. 75–104. (In Eng.)

32. *Lobingier C.S.* Administrative Law and Droit Administratif: A Comparative Study with an Instructive Model // University of Pennsylvania Law Review and American Law Register. 1942. Vol. 91. Issue 1. P. 36–58. (In Eng.)

33. *Lord Diplock.* Judicial Review Reviewed // The Cambridge Law Journal. 1974. Vol. 33. Issue 2. P. 233–245. (In Eng.)

34. *Mahoney P.* The Common Law and Economic Growth: Hayek Might Be Right // The Journal of Legal Studies. 2001. Vol. 30. Issue 2. P. 503–525. (In Eng.)

35. *Merriam C.E.* History of the Theory of Sovereignty Since Rousseau. Batoche Books Kitchener, 2001. 111 p. (In Eng.)

36. *Mewett A.W.* The Theory of Government Contracts // McGill Law Journal. 1959. Vol. 5. Issue 4. P. 222–246. (In Eng.)

37. *Michener R., Dicey A.V.* Introduction to the Study of the Law of the Constitution. Liberty Fund, Incorporated, 1982. 585 p. (In Eng.)

38. *Miller G.P.* Bargains Bicoastal: New Light on Contract Theory. (2010) 31 CARDOZO L REV 1475–1522. (In Eng.)

39. *Mitchell J.D.B.* The State of Public Law in the United Kingdom // International and Comparative Law Quarterly. 1966. Vol. 15. Issue 1. P. 133–149 (In Eng.)

40. *Pargendler M.* Comparative Contract Law and Development: The Missing Link // George Washington Law Review. 2017. Vol. 85. P. 1717–1738. (In Eng.)

41. *Phillimore G.G.* Immunité des États au Point de Vue de la Juridiction ou de l'Exécution Forcée. Recueil des Cours de l'Académie de Droit International. Vol. 8. 1925. P. 413–484. (In French.)

42. *Posner R.* Lecture 2: Formal Versus Substantive Economic Theories of Law. In: *Posner R. (ed.).* Law, Economics, and Democracy – Three Lectures in Greece. Athens: Sakkoulas Publishers, 2002. 267 p. (In Eng.)

43. *Slim H.* Les Contrats d'Etat et les Spécificités des Systèmes Juridique Dualistes – Les Etats dans le Contentieux Economique International. I. Le Contentieux Arbitral. Revue de l'Arbitrage. 2003. Issue 3. P. 691–718. (In French.)

44. *Turpin C.C.* Government Contracts: A Study of Methods of Contracting // The Modern Law Review. 1968. Vol. 31. Issue 3. P. 241–256. (In Eng.)

45. *Vedel G.* Droit Administratif. Paris: Presses Universitaires, 1973. 902 p. (In French.)

46. *Vogenauer S.* Regulatory Competition through Choice of Contract Law and Choice of Forum in Europe: Theory and Evidence // European Review of Private Law. 2013. Vol. 1. P. 13–78. (In Eng.)

47. *Woolf H.* The Role of the English Judiciary in Developing Public Law // William Mary Law Review. 1986. Vol. 27. Issue 4. P. 669–683. (In Eng.)

Информация об авторе:

Д.А. Широкова
Аспирант,
бывший заместитель советника при Секретариате Международного Суда ICC
Лондонский университет Королевы Марии
Mile End Rd, Бетнал Грин, Лондон E1 4NS, Великобритания

Information about the author:

D. Shirokova
PhD in Law Candidate,
Former Deputy Counsel, ICC Court of Arbitration (France)
Queen Mary University of London
Mile End Rd, Bethnal Green, London E1 4NS, United Kingdom

УДК 340.11:349.2

https://doi.org/10.33397/2619-0559-2022-4-4-329-351

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТРУДОВОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

С.В. Шуралева
Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: shura_leva@mail.ru

***Введение**: трансформация трудового правоотношения под влиянием экономических, технологических и ряда иных факторов делает актуальным исследование его межотраслевых связей. **Цель**: на основе сравнительного анализа концепций межотраслевых связей гражданского и трудового права рассмотреть основные проявления межотраслевых связей трудового правоотношения. **Методы**: межотраслевых связей, системный. **Результаты**: автор обращается к отдельным положениям концепции межотраслевых связей гражданского права, разработанной М.Ю. Челышевым, сравнивает ее с формирующейся концепцией межотраслевых связей в трудовом праве, высказывает предположения относительно проявлений межотраслевых связей в трудовом правоотношении. **Выводы**: межотраслевой метод юридических исследований позволяет увидеть системные связи права, тогда как существующая в отечественном праве отраслевая система, как правило, концентрирует внимание на обособлении отраслей права. Концепция межотраслевых связей в наиболее целостном варианте разработана и существует в гражданском праве во многом благодаря научному вкладу М.Ю. Челышева. Видится правильным его подход, позволяющий исследовать не только статические, но и динамические межотраслевые связи. В науке трудового права концепция межотраслевых связей находится в стадии формирования. Общие универсальные подходы к оптимизации межотраслевых связей трудового права предложены М.В. Лушниковой. Указанные концепции во многом отличаются, однако объединяет их акцент на коллизионное регулирование. Несмотря на специфику межотраслевых связей каждой отрасли права, на общетеоретическом уровне видится важным сформулировать общие подходы к исследованию межотраслевых связей любой отрасли права. Межотраслевые связи трудового правоотношения проявляются, например, в области юридических фактов, в субъектном составе, формировании комплексов правоотношений, а также в том, что трудовое правоотношение может быть предпосылкой возникновения*

правоотношений в других сферах, а правоотношения иной отраслевой принадлежности влияют на динамику трудового отношения.

***Ключевые слова**: трудовое правоотношение; трансформация трудового правоотношения; трудовой договор; метод межотраслевых связей; межотраслевое взаимодействие; межотраслевое правовое регулирование; коллизионное правовое регулирование.*

INTERSECTORAL RELATIONS IN THE EMPLOYMENT RELATIONSHIP STUDIES

S.V. Shuraleva
Perm State University
E-mail: shura_leva@mail.ru

***Introduction**: the transformation of employment relation under the influence of economic, technological and a number of other factors makes relevant the study of its intersectoral links. **Purpose**: based on a comparative analysis of the concepts of intersectoral links of civil and labor law, to consider the main manifestations of intersectoral relation of employment relationship. **Methods**: intersectoral relation method, system method. **Results**: the author refers to certain provisions of the concept of intersectoral relations of civil law, developed by M.Yu. Chelyshev compares it with the emerging concept of intersectoral relations in labor law, makes assumptions about the manifestations of intersectoral relations of employment relationship. **Conclusions**: the intersectoral method of legal research allows us to see the systemic connections of law, whereas the existing branch system in domestic law, as a rule, focuses on the separation of branches of law. The concept of intersectoral relations in the most holistic version has been developed and exists in civil law largely due to the scientific contribution of M.Y. Chelyshev. His approach seems to be correct, which makes it possible to explore not only static, but also dynamic intersectoral relations. In the science of labor law, the concept of intersectoral relations is in the process of formation. General universal approaches to optimization of intersectoral relations of labor law are proposed by M.V. Lushnikova. These concepts differ in many ways, but they are united by their emphasis on conflict-of-laws regulation. Despite the specifics of intersectoral relations of each branch of law, at the general theoretical level it seems important to formulate general approaches to the study of intersectoral relations of any branch of law. Intersectoral relations of employment relationship are manifested, for example, in the field of legal facts, in the subject composition, the formation of complexes of legal relationships, as well as in the fact that employment relationship can be a prerequisite for the emergence of legal relationships in other areas, and legal relationships of other branch of law affiliation affect the dynamics of employment relationship.*

***Keywords**: employment relationship; transformation of employment relationship; employment contract; method of intersectoral relations; intersectoral interaction; intersectoral legal regulation; conflict of laws regulation.*

Введение

Труд человека, разнообразный по своей природе и назначению, регулируется различными отраслями отечественного права – «монополии» нет ни у одной из них. Однако граждане, реализующие свои способности к труду в рамках трудовых отношений, в России по-прежнему составляют большинство.

Согласно информации Росстата, основанной на отчетных данных организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, численность их штатных работников (без учета совместителей) в мае 2021 г. составила 32,3 млн человек (96% от общей численности замещенных рабочих мест). На условиях совместительства (а это также трудовые отношения) и по договорам гражданско-правового характера для работы в этих организациях привлекалось еще 1,4 млн человек[1]. С учетом субъектов малого предпринимательства численность работников будет еще выше. Таким образом, значительная часть трудоспособного населения России задействована в трудовых отношениях на стороне работника либо работодателя (индивидуального предпринимателя или лица, приравненного к нему по статусу, а также физического лица, нанимающего работников для собственных нужд).

Несмотря на пока еще многочисленную когорту работников, в современной России (как и в мире в целом) можно наблюдать изменение подходов к трудовому отношению со стороны работодателей, государства, граждан. «Переоценка ценностей» происходит одновременно под влиянием различных факторов – экономического, технологического, демографического и ряда других. Значительный вклад в эти процессы вносит, в частности, появление новых нетипичных форм занятости, «негласный вывод работы в офшор» [30, с. 62–63], приобретающий критические масштабы благодаря развитию цифровых трудовых платформ. Такая «офшоризация» труда не только лишает работников возможности реализовать свои трудовые права и гарантии в текущем моменте, но может иметь разнообразные неблагоприятные последствия и для других сфер (налоговой, социально-обеспечительной и т.д.).

Вовлечение в отношения нетипичной занятости, в том числе посредством интернет-платформ [20; 32; 33; 34; 35], все большего коли-

[1] Социально-экономическое положение России – 2021 г. Занятость и безработица // https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm.

чества граждан, пробельность существующего правового регулирования позволяет ученым выдвигать тезисы о трансформации трудового правоотношения [17] и даже о смене парадигмы трудового права [4], поскольку объективно «современные типы труда существенно отличаются от тех, которые были наиболее характерны для периода выработки классических норм трудового права в эпоху промышленной революции» [19].

На этом фоне все большую актуальность приобретает проблема разграничения трудового и гражданско-правового отношения, существующих критериев в ряде случаев уже недостаточно. Отмечается общая тенденция усиления диспозитивных начал в трудовом праве [8]. Впрочем, о проблеме разграничения зависимого и независимого труда в буржуазной юриспруденции писал еще Н.Г. Александров [1, с. 103–109].

С другой стороны, в трудовые отношения постепенно внедряется императивный антикоррупционный компонент. Происходит расширение категорий работников, на которых в обязательном порядке распространяются антикоррупционные ограничения, запреты, обязанности, сопоставимые с теми, что есть у большинства государственных служащих [31, с. 158–159].

Эти и иные обстоятельства свидетельствуют о необходимости продолжения исследования межотраслевых связей трудового права и отдельных его институтов на данном этапе и о важности поиска для этих целей подходящего методологического инструментария.

Некоторые аспекты концепции межотраслевых связей гражданского права

Необходимость системного подхода к изучению права в настоящее время не вызывает сомнений. Как справедливо отмечает М.В. Воронин, системность права признается одним из самых сложных объектов исследования в юридической науке. Это объясняется многогранностью самой системности права, множественностью интерпретаций понятия «система», сложностью методологического аппарата системного изучения социальных связей [5, с. 4].

Одно из проявлений системности права – наличие внутриотраслевых и межотраслевых связей. Проблематика межотраслевых связей (прежде всего гражданского права) наиболее полно разработана в трудах М.Ю. Челышева. Его работы имеют также важное общетеоретическое и методологическое значение. Научное наследие М.Ю. Челышева все чаще становится предметом самостоятельных исследований [2; 13], а высказанные им идеи получают дальнейшее развитие в цивилистических диссертациях [25].

Обращение к концепции межотраслевых связей гражданского права при исследовании межотраслевых связей других отраслей, в частности трудового права, представляет интерес не только потому, что межотраслевые связи гражданского и трудового права весьма обширны, но и с методологических позиций. Охватить все аспекты системы межотраслевых связей гражданского права в рамках настоящей статьи вряд ли возможно, поэтому остановлюсь лишь на некоторых положениях, имеющих отношение к тематике статьи.

«Практически для каждой самостоятельной отрасли права, – писал М.Ю. Челышев, – характерно наличие довольно устойчивой системы межотраслевых связей, которая является исторически изменчивой в силу меняющегося правового регулирования [27, с. 104]». Проявления межотраслевых связей ученый усматривал в нормативных правовых актах в виде прямых или косвенных отсылок к правовыми нормам иных отраслей, межотраслевом значении некоторых цивильных норм (например, об объектах гражданских прав); в отношении юридических фактов, когда то или иное обстоятельство в рамках одной отрасли права является основанием для возникновения прав и обязанностей в другой; в актах реализации прав и обязанностей; на стадии правоприменения, когда права и обязанности исполняются принудительно, как правило, при помощи суда [27, с. 104–105].

По мнению цивилиста, межотраслевые связи гражданского права и иных отраслей проявляются в следующих формах: межотраслевое взаимное влияние, межотраслевое регулятивное и охранительное взаимодействие; межотраслевое правовое регулирование, коллизионное регулирование [29, с. 9].

Межотраслевое взаимное влияние предполагает в том числе прямые и косвенные отсылки к гражданскому праву в нормах отраслей материального и процессуального права, некоторое влияние процессуальной сферы на содержание гражданско-правового договора, применение гражданско-правовых конструкций в других правовых областях [29, с. 8].

В последнем случае в качестве примера можно встретить указание на использование в трудовом праве для регулирования трудовых отношений заимствованного гражданско-правового инструмента (договора) [24, с. 181]. Отмечая огромный вклад цивилистической науки в разработку теории договоров, следует все же признать, что «ныне договор представляет собой соглашение двух или более лиц, влекущее для этих лиц права и обязанности чуть ли не в любой из отраслей национальных систем права либо в сфере международных отношений» [3, с. 129]. Например, трудовым правом, помимо трудового договора, регулируются и иные виды договоров, включая коллективные дого-

воры и соглашения – акты социального партнерства, совершенно специфичные по кругу субъектов, содержанию и порядку заключения, сфере действия. Видится правильным рассматривать юридическую конструкцию договора как общеправовую конструкцию [7, с. 66]. Поэтому необходимо выйти за пределы узкой трактовки договора как сугубо гражданско-правового инструмента, поскольку правовая действительность более многообразна и сложна.

Необходимо также учесть, что договорное регулирование, которое сформировалось в основном для целей имущественного оборота, нельзя распространять на трудовые отношения, поскольку последние имеют существенные особенности, связанные с человеком как носителем способностей к труду [9, с. 119]. «Труд не является товаром», – провозглашает Декларация Международной организации труда о целях и задачах Международной организации труда 1944 г. И это справедливо, ведь труд неотделим от человеческой личности.

Межотраслевое правовое регулирование (частное или частно-публичное) конструируется М.Ю. Челышевым из следующих элементов: определенная система гражданско-правовых норм; совокупность норм, принадлежащих иным правовым отраслям; возможно наличие норм, обеспечивающих межотраслевое коллизионное регулирование.

Коллизионное правовое регулирование, в свою очередь, включает четыре основных компонента: 1) правовое оформление общего терминологического поля гражданского права и иных правовых отраслей; 2) использование приема (метода) правового заимствования; 3) нормативное определение отраслевого приоритета (прямое применение норм гражданского права с определенными ограничениями либо субсидиарное); 4) нормативное разграничение смежных сфер регулирования между гражданским правом и иными правовыми отраслями [29, с. 10].

Если сравнить круг правовых явлений, охватываемых межотраслевым взаимным влиянием и межотраслевым правовым регулированием, можно найти много пересечений, в особенности с коллизионным правовым регулированием. Прямые и косвенные отсылки к нормам гражданского права, в которых проявляется межотраслевое взаимное влияние, могут служить для оформления единого терминологического поля или обозначения отраслевого приоритета, а «использование метода правового заимствования» по смыслу очень близко к «применению гражданско-правовых конструкций в других правовых областях».

Еще одной формой межотраслевых связей гражданского права является межотраслевое взаимодействие, которое представляет собой динамическую связь гражданско-правовой отрасли и иных частей системы права [29, с. 17], выражается в реализации прав и обязанностей

под воздействием одноотраслевых или разноотраслевых предписаний, а также охватывает стадию правоприменения [27, с. 105; 29, с. 18].

Безусловным достоинством учения М.Ю. Челышева является рассмотрение не только статических (в законодательстве), но и динамических (в правореализации) межотраслевых связей гражданского права [29, с. 105]. Межотраслевые связи, справедливо отмечал М.Ю. Челышев, могут также присутствовать и в правоотношении, которое в своей основе моноотраслевое, но тем не менее может включать в себя элементы другой отрасли, т.е. носить сложный характер [27, с. 105].

С точки зрения методологии непреходящее значение имеет обоснованный М.Ю. Челышевым межотраслевой метод юридических исследований, который сочетает в себе элементы сравнительно-правового и системно-логического методов, позволяет анализировать объекты правовых исследований в статике и в динамике, отражает усиление комплексности правовой жизни в частноправовой сфере [27, с. 105; 28]. Доказательством его высокого потенциала является возрастающее число исследований межотраслевых связей не только в рамках гражданского права [11; 13; 24], но и в семейном [10], природоресурсном [14], финансовом [23], трудовом праве [6; 12; 15; 16; 22], праве социального обеспечения [21] и др.

Действительно, жизненные ситуации, в которых оказываются люди, часто выходят за рамки правового регулирования какой-либо одной отрасли права. Поэтому от юриста, занимающегося как правоприменением, так и нормотворчеством, требуется ви́дение ситуации «в целом», умение просчитать последствия тех или иных действий (решений) «в разных системах координат».

Преподавание юридических дисциплин и научная номенклатура юридических специальностей (в особенности до реформы) ориентированы в большей мере на традиционную для отечественного права отраслевую систему. Однако ее существенный недостаток, как отмечает И.Р. Маматказин, состоит в том, что отраслевой подход, показывая самостоятельность и автономность отраслевых компонентов права, к сожалению, исключает межотраслевое взаимодействие норм и правоотношений [18, с. 242]. Межотраслевой метод юридических исследований помогает эту разрозненность преодолеть.

О формировании концепции межотраслевых связей трудового права

Несмотря на возрастающее внимание к данной проблематике среди ученых-трудовиков, концепция межотраслевых связей трудового права на данный момент находится в стадии формирования.

Актуальность исследования межотраслевых связей трудового права связывается с возможностью решить ряд научных и прикладных проблем. В их числе оптимизация межотраслевых связей трудового права и смежных отраслей, устранение возможных коллизий при параллельном и конкурирующем правовом регулировании. Такие научные разработки, по мнению М.В. Лушниковой и А.М. Лушникова, должны внести вклад в формирование межотраслевых коллизионных правил, обеспечивающих оптимальное эффективное использование в трудовом праве понятий и средств правового регулирования других отраслей, не нарушая при этом целостности и социального назначения отрасли [15, с. 6].

Проблематика межотраслевых связей трудового права рассматривается, например, в контексте разграничения предмета и сферы действия трудового права, тенденции к экспансии трудового права [15].

Общие универсальные подходы к оптимизации межотраслевых связей трудового права предложены М.В. Лушниковой. Концепция (теория) межотраслевых связей трудового права рассматривается ученым преимущественно в свете межотраслевого правового регулирования, основанием которого является единство и дифференциация частных и публичных начал в регулировании трудовых отношений [16, с. 50].

Под межотраслевым правовым регулированием предлагается понимать совокупность правовых норм различной отраслевой принадлежности, объединенных единой целью и общим (смежным) предметом правового регулирования [16, с. 51]. Впрочем, существует точка зрения, согласно которой попытка найти в межотраслевых комплексных образованиях единый предмет и метод не является правильной, поскольку предмет и метод правового регулирования представляют собой системообразующие признаки иной системы, построенной по отраслевому признаку [18, с. 243].

В соответствии с целями М.В. Лушникова выделяет три формы межотраслевого правового регулирования: 1) межотраслевое субсидиарное правовое регулирование; 2) межотраслевое совместное паритетное регулирование; 3) межотраслевое коллизионное регулирование.

Межотраслевое субсидиарное регулирование предполагает субсидиарное применение норм иной отраслевой принадлежности к регулированию трудовых отношений в той мере, в какой это не противоречит принципам трудового права [16, с. 51]. Можно добавить, что этот процесс носит взаимный характер. Нормы трудового права также могут субсидиарно применяться к правоотношениям иной отраслевой принадлежности. Например, согласно ч. 2 ст. 103 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, несовершеннолетние осужденные привлекаются

к труду в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде.

Способами субсидиарного межотраслевого регулирования выступают межотраслевая отсылка к терминам и понятиям, межотраслевая рецепция (полностью или частично), межотраслевая аналогия [16, с. 51].

Примером того, как неудачная терминология создает сложности в правоприменении, является ст. 75 ТК РФ «Трудовые отношения при смене собственника имущества организации, изменении подведомственности организации, ее реорганизации» в главе «Изменение трудового договора». Не вполне корректный термин «смена собственника имущества организации» впоследствии даже потребовал разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».

Очевидно также, что не все случаи реорганизации юридических лиц влекут изменение трудового договора. Явно нет изменения трудового договора в таких случаях реорганизации юридических лиц, как присоединение (для работников юридического лица, к которому присоединяется другое юридическое лицо) или выделение (для работников юридического лица, из которого произведено выделение) [3, с. 330].

Трудовым законодательством применение аналогии закона к трудовым отношениям прямо не предусмотрено, но и явно не запрещено. В определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 марта 2021 г. по делу № 88-3259/2021[1] кассационный суд согласился с позицией судов первой и апелляционной инстанций относительно невозможности применения общих положений гражданского законодательства о недействительности сделок к трудовым отношениям, поскольку трудовое законодательство Российской Федерации не содержит механизма признания трудового договора недействительным, аналогичного ст. 166, 168 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ).

Такой взвешенный подход представляется оправданным, поскольку допущение аналогии закона в этом случае могло бы существенно ухудшить положение работника и предоставить возможности для злоупотребления правом со стороны работодателя. Поэтому к тезису о возможности аналогии гражданского законодательства к «частному трудовому праву» [15, с. 12] следует относиться с большой осторожностью, хотя полностью исключить возможность применения аналогии закона к трудовым отношениям нельзя.

[1] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 марта 2021 г. по делу № 88-3259/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

В качестве примера применения по аналогии норм трудового права можно привести определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22 мая 2020 г. по делу № 88-496/2020[1] о взыскании в пользу пенсионера компенсации в виде возмещения фактически произведенных расходов на уплату стоимости проезда к месту отдыха и обратно. В указанном деле суды, поддержав сторону истца, применили к спорным отношениям по аналогии закона нормы ст. 325 ТК РФ, ст. 33 Закона РФ от 19 февраля 1993 г. № 4520-I «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»[2], Правила компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в организациях, финансируемых из федерального бюджета, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и членов их семей, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 12 июня 2008 г. № 455[3], и указали, что при проезде к месту отдыха и обратно личным транспортом соответствующие расходы компенсируются пенсионеру при документальном подтверждении его пребывания в месте отдыха в размере фактически произведенных расходов на оплату стоимости израсходованного топлива, подтвержденных чеками автозаправочных станций, но не выше стоимости проезда, рассчитанной на основе норм расхода топлива, установленных для соответствующего транспортного средства, и исходя из кратчайшего маршрута следования.

Межотраслевое совместное паритетное регулирование, по мнению М.В. Лушниковой, обеспечивается на основе совместного применения норм различных отраслей права. В качестве примера ученый приводит институт трудового права «Особенности правового регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами и лицами без гражданства» [16, с. 52].

И тем не менее возможность существования паритетного регулирования вызывает вопросы. «Паритетный» означает «равный». Трудовые

---

[1] Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22 мая 2020 г. по делу № 88-496/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» // РГ. 1993. № 73. 16 апр.

[3] Постановление Правительства РФ от 12 июня 2008 г. № 455 «О порядке компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в федеральных государственных органах, государственных внебюджетных фондах Российской Федерации, федеральных государственных учреждениях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и членов их семей» // РГ. 2008. № 131. 20 июня.

отношения являются неотъемлемой частью предмета трудового права согласно ст. 1 ТК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 5 ТК РФ нормы трудового права, содержащиеся в иных федеральных законах, должны соответствовать ТК РФ. Во всем, что касается регулирования трудовых отношений, в том числе с иностранным элементом, на первое место выходят нормы ТК РФ. Сложный фактический состав возникновения, изменения и прекращения трудовых правоотношений с иностранными работниками, установление юридической ответственности за нарушение трудового законодательства в иных отраслях права, безусловно, свидетельствуют о наличии межотраслевых связей трудового права, но называть их межотраслевым паритетным регулированием вряд ли верно.

Третьей формой межотраслевого взаимодействия М.В. Лушникова считает *межотраслевую коллизию, способами преодоления которой* названы легализация презумпции трудовых отношений и отраслевой приоритет.

Таким образом, концепции межотраслевых связей гражданского и трудового права находятся на разных стадиях формирования. В самом общем приближении подход, предложенный М.Ю. Челышевым, является более комплексным, поскольку охватывает межотраслевые связи не только в статике (правовое регулирование), но и в динамике (правоприменение). М.Ю. Челышев и М.В. Лушникова в части межотраслевого регулирования обращают внимание на коллизионное регулирование и в качестве одного из компонентов единогласно указывают на отраслевой приоритет.

Одной из возможных причин разности взглядов на систему и структуру межотраслевых связей является специфика самой отрасли, однако это обстоятельство не отменяет необходимость формирования общих теоретических подходов к исследованию системы межотраслевых связей любой отрасли права.

Межотраслевые связи в динамике трудового отношения

Системный характер межотраслевого взаимодействия позволяет исследовать не только межотраслевые связи отрасли права в целом, но и отдельных ее частей. Межотраслевые связи при возникновении, изменении, приостановлении, прекращении трудового правоотношения проявляются как минимум: 1) по линии юридических фактов; 2) когда наличие трудового правоотношения является предпосылкой возникновения правоотношений иной отраслевой принадлежности и наоборот; 3) в возможности образования комплексов трудовых и иных правоотношений.

Межотраслевые связи в динамике трудового отношения *в части юридических фактов проявляются*:

– в ситуации, когда «то или иное обстоятельство в рамках одной отрасли права является основанием для возникновения прав и обязанностей в другой» [27, с. 105] (например, ликвидация юридического лица или прекращение деятельности индивидуальным предпринимателем одновременно является основанием для увольнения по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ; прекращение допуска к государственной тайне, если выполняемая работа требует такого допуска, влечет прекращение трудового договора в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 83 ТК РФ);

– при сложном фактическом составе, включающем юридические факты, имеющие значение для иных отраслей права. Согласно ч. 1 ст. 327.2 ТК РФ для возникновения трудовых правоотношений иностранному гражданину или лицу без гражданства, временно пребывающему на территории Российской Федерации, необходимо помимо соблюдения общих условий дополнительно получить разрешение на работу или патент, а также разрешение на временное проживание в Российской Федерации.

Еще один пример: заключение трудового договора с бывшим государственным гражданским служащим, если он (она) трудоустраивается в организацию, отдельные функции государственного управления данными организациями входили в его (ее) должностные (служебные) обязанности, возможно, только с согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных или муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов (ч. 1 ст. 64.1 ТК РФ).

Данная норма представляет собой пример возникновения правовой коллизии. Органам местного самоуправления могут передаваться отдельные государственные полномочия, но их основная деятельность все же связана с решением вопросов местного значения. Применительно к муниципальным служащим ч. 1 ст. 64.1 ТК РФ необходимо сделать симметричной ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[1], в которой используется формулировка «функции государственного, муниципального (административного) управления».

Как уже было отмечено, одним из проявлений межотраслевых связей трудового отношения является то, что его *возникновение, изменение или прекращение может быть предпосылкой для другого правоотношения* (обязанность уплатить НДФЛ с заработной платы, которая с точки

[1] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // РГ. 2008. № 266. 30 дек.

зрения налогового законодательства является доходом, подлежащим налогообложению).

Вступление в трудовое правоотношение может стать основанием для правоотношений в рамках административной ответственности по ст. 19.29 Кодекса РФ об административных правонарушениях, если работодатель нарушит положения ч. 3 ст. 64.1 ТК РФ и Правил сообщения работодателем о заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 21 января 2015 г. № 29[1], и в 10-дневный срок не сообщит о заключении трудового договора представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы.

В ряде случаев для возникновения трудового правоотношения необходимо наличие иных правоотношений. Так, договор о предоставлении труда работников (персонала) позволяет частному агентству занятости заключать трудовые договоры с работниками, направляемыми временно для работы у принимающей стороны по договору о предоставлении труда работников (персонала). Трудовые отношения возникают именно между работниками и частным агентством занятости, а не между работниками и принимающей стороной (ч. 4 ст. 341.2 ТК РФ).

Динамика трудового отношения, в свою очередь, может быть обусловлена возникновением иных правоотношений. Сохранение *status quo* в трудовых отношениях бывает невозможно, поскольку другие правоотношения носят императивный характер. Выстраивается определенная иерархия правоотношений. Например, основанием прекращения трудового договора в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 83 ТК РФ является осуждение работника к наказанию, исключающему продолжение прежней работы, в соответствии с приговором суда, вступившим в законную силу.

Иногда и фактическое отсутствие трудового правоотношения может стать предпосылкой для возникновения правоотношения. Если работник не приступил к своим обязанностям и работодатель аннулировал трудовой договор, который считается незаключенным, работник не лишается права на получение обеспечения по обязательному

[1] Постановление Правительства РФ от 21 января 2015 г. № 29 «Об утверждении Правил сообщения работодателем о заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 4. Ст. 668.

социальному страхованию при наступлении страхового случая в период со дня заключения трудового договора до дня его аннулирования (ч. 4 ст. 61 ТК РФ).

Говоря о возможности образования комплексов трудовых и иных правоотношений, следует упомянуть позицию М.Ю. Федоровой, которая одной из первых на примере социального страхования доказала возможность существования в праве социального обеспечения комплексного межотраслевого института, объединяющего наряду с социально-обеспечительными правоотношениями иные правоотношения, в частности финансовые и трудовые. Ученым было обосновано наличие межсистемных связей между правоотношениями различных отраслей права [26, с. 288–289]. И.Р. Маматказин выдвигает предположение, что правовое регулирование не заканчивается созданием правоотношения, а (тем самым расширяя горизонт правового регулирования) конечной точкой правового регулирования, возможно, являются конструкции правоотношений [18, с. 244]. Эта идея нуждается в более глубоком исследовании.

Межотраслевые связи трудового отношения можно также проследить и в субъектном составе. Например, с эмансипацией или вступлением в брак до совершеннолетия трудовое законодательство связывает возможность самостоятельно заключать договоры в качестве работодателя гражданами, не достигшими 18 лет, а на правовой статус несовершеннолетнего работника, включая ограничения применения его труда, его права и гарантии, указанные обстоятельства не влияют.

Работодательская правосубъектность дифференцируется в зависимости от того, является работодатель юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, коммерческой или некоммерческой организацией, относится ли работодатель к субъектам малого предпринимательства – микропредприятиям, критерии отнесения к которым определяются подп. «а» п. 2 ч. 1.1 ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»[1].

Выводы

Межотраслевой метод юридических исследований имеет существенный потенциал, поскольку он позволяет увидеть системные связи права, тогда как существующая в отечественном праве отраслевая

[1] Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // РГ. 2007. № 164. 31 июля.

система, как правило, концентрирует внимание правоприменителей, законодателей и исследователей на самостоятельности определенной отрасли права.

Концепция межотраслевых связей в наиболее целостном варианте разработана в гражданском праве. Неоценимый вклад в ее развитие внес М.Ю. Челышев. Проблематика межотраслевых связей начинает активно разрабатываться и в других отраслях. В частности, общие универсальные подходы к оптимизации межотраслевых связей трудового права предложены М.В. Лушниковой. Несмотря на существенные различия в указанных концепциях, ученые особое внимание уделяют коллизионному правовому регулированию. Видится правильным подход М.Ю. Челышева, позволяющий исследовать не только статические, но и динамические межотраслевые связи, поскольку они могут присутствовать и в правоотношении.

Нет смысла отрицать, что межотраслевые связи отрасли права во многом обусловлены ее спецификой, проявляющейся в предмете и методе правового регулирования. Вместе с тем на общетеоретическом уровне видится важным сформулировать общие базовые подходы к исследованию межотраслевых связей любой отрасли права.

Межотраслевые связи в динамике трудового отношения проявляются:

– когда юридические факты, значимые для другой отрасли права, влияют на динамику трудового правоотношения;

– когда для возникновения трудового правоотношения необходим комплекс разноотраслевых юридических фактов;

– когда наличие трудового правоотношения является предпосылкой возникновения правоотношений иной отраслевой принадлежности и наоборот;

– в возможности образования комплексов трудового и иных правоотношений.

Указанными примерами проявления межотраслевых связей трудового правоотношения не исчерпываются. Их можно также проследить, например, во взаимосвязи правового статуса субъектов трудового и иных правоотношений.

Библиографический список

1. *Александров Н.Г.* Трудовое правоотношение. М., 2009. 344 с.

2. *Барков А.В., Гришина Я.С.* О методологическом потенциале теории системной организации межотраслевых связей гражданского права: к юбилею М.Ю. Челышева // Ex jure. 2021. № 3. С. 11–30. https://doi.org/10.33397/2619-0559-2021-3-3-11-30.

3. *Бугров Л.Ю.* Трудовой договор в России и за рубежом. Пермь, 2013. 642 с.

4. *Васильева Ю.В., Шуралева С.В.* К вопросу о становлении и современном состоянии парадигм российского трудового права и права социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 41. С. 454–477. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-41-454-477.

5. *Воронин М.В.* Основания и проявления системности права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013. 34 с.

6. *Гаджиев А.И.* Система межотраслевых связей трудового права Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 2. С. 35–40.

7. *Головина С.Ю.* Трудовой договор как юридическая конструкция // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 3 (21). С. 65–72.

8. *Головина С.Ю.* Усиление частноправовых начал в трудовом праве России // Актуальные проблемы частного права: Сб. ст. к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова (Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г.) / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; отв. ред. Б.М. Гонгало, В.С. Ем. М., 2014 // СПС «КонсультантПлюс».

9. *Жернаков В.В.* Договірне регулювання соціально-трудових відносин: заагальнотеоретичні питання // Договір як універсальна правова конструкциія / За ред. А.П. Гетьмана, В. І. Борисової. Харків, 2012. 432 с.

10. *Косенко Е.В.* Межотраслевые связи в семейных правоотношениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3. С. 70–73.

11. *Кулаков В.В.* Методология исследования межотраслевых связей в российском праве (в свете развития учения М.Ю. Челышева) // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М., 2016. С. 109–115.

12. *Кулаков В.В.* Межотраслевые связи трудового права // Современный юрист. 2020. № 4 (33). С. 105–113.

13. *Кузнецова О.А.* Межотраслевой метод исследования гражданско-правовых санкций // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2018. С. 214–246.

14. *Лунева Е.В.* Межотраслевые связи гражданского и природоресурсного права в области имущественных отношений // Вестник

Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6. С. 132–136.

15. *Лушникова М.В., Лушников А.М.* Учение о системном межотраслевом взаимодействии трудового права, права социального обеспечения: вводные положения // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2010. Вып. 5. С. 5–17.

16. *Лушникова М.В.* Межотраслевые связи трудового права: теория и практика // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (41). С. 50–53.

17. *Лютов Н.Л.* Трансформация трудового правоотношения и новые формы занятости в условиях цифровой экономики // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 115–130. https://doi.org/10.12737/jrl.2019.7.10.

18. *Маматказин И.Р.* Системность и межсистемные связи в праве социального обеспечения // Системный характер трудового права и права социального обеспечения как отрасли и законодательства (Первые Гусовские чтения): Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. Н.Л. Лютова, Ф.О. Сулеймановой. М., 2016. С. 240–244.

19. Межотраслевая координация правового регулирования труда в корпоративных организациях / Под ред. Н.Л. Лютова. М., 2016. 196 с.

20. *Мингалева Ж.А., Шуралева С.В.* Дистанционная занятость на онлайн интернет-платформах: современное состояние и проблемы правового регулирования в России // Ex Jure. 2021. № 2. С. 102–117. https://doi.org/10.17072/2619-0648-2021-2-102-117.

21. *Миронова Т.К.* Межотраслевое взаимодействие права социального обеспечения с другими отраслями права // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 10. С. 156–161. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.38.10.156-161.

22. *Поваренков А.Ю.* Трудовое и гражданское право: некоторые дискуссионные вопросы оптимизации межотраслевых связей // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2010. № 5. С. 65–73.

23. *Саттарова Н.А.* Современные аспекты межотраслевых связей финансового права // Финансовое право. 2012. № 5. С. 11–19.

24. *Сафин Р.Р.* Межотраслевые связи гражданского права при осуществлении договорного регулирования отношений по выполнению работ и оказанию услуг // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 180–185.

25. *Сафиуллина Д.Р.* Межотраслевые связи договорного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 25 с.

26. *Федорова М.Ю.* Социальное страхование как организационно-правовая форма социальной защиты населения. Омск, 2000. 496 с.

27. *Челышев М.Ю.* Понятие, формы и виды межотраслевых связей гражданского права // Бизнес, менеджмент и право. 2005. № 3 (9). С. 107–108.

28. *Челышев М.Ю.* Межотраслевой метод юридических исследований в цивилистической науке как средство познания межотраслевых связей гражданского права // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 4. С. 116–124.

29. *Челышев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009. 40 с.

30. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М., 2017. 208 с.

31. *Шуралева С. В.* Увольнение по причине утраты доверия в связи с нарушением работником антикоррупционных предписаний: от специального правового регулирования к общему? // Общее и специальное законодательство о труде и социальном обеспечении. Четвертые Гусовские чтения. 2019. С. 158–164.

32. *Brancati U., Pesole C.*, *Fernández-Macías A.* (2019). Digital Labour Platforms in Europe: Numbers, Profiles, and Employment Status of Platform Workers, EUR 29810 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2019. 26 p.

33. *De Stefano V.* The rise of the "just-in-time workforce": on-demand work, crowdwork and labour protection in the "gig-economy" / Valerio De Stefano; International Labour Office, Inclusive Labour Markets, Labour Relations and Working Conditions Branch. Geneva: ILO, 2016 Conditions of work and employment series; No. 71. 35 p.

34. *Chesalina O. V.* The Scope of Labour Law in the Platform Economy // European and Asian Law Review. 2021. Vol. 4. Issue 1. P. 28–35. https://doi.org/10.34076/27821668_2021_4_1_28.

35. World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work. International Labour Organization – Geneva: ILO, 2021. 282 p.

References

1. *Aleksandrov N.G. Trudovoe pravootnoshenie* [Employment Relation]. Moscow, 2009. 344 p. (In Russ.)

2. *Barkov A.V., Grishina Ya.S. O metodologicheskom potentsiale teorii sistemnoy organizatsii mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava: k yubileyu M.Yu. Chelysheva* [On the Methodological Potential of the Theory of Systemic Organization of Intersectoral Relations of Civil Law: to the Anniversary of M. IU. Chelyshev]. Ex jure. 2021. Issue 3. P. 11–30. Available at: http://dx.doi. org/10.33397/2619-0559-2021-3-3-11-30. (In Russ.)

3. *Bugrov L.Yu. Trudovoy dogovor v Rossii i za rubezhom* [Employment Contract in Russia and Abroad]. Perm, 2013. 642 p. (In Russ.)

4. *Vasil'yeva Yu.V., Shuraleva S.V. K voprosu o stanovlenii i sovremennom sostoyanii paradigm rossiyskogo trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya* [To the Issue of the Formation and Modern Status of the Paradigm of Russian Labor Law And Social Security Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 41. P. 454–477. http://dx.doi. org/10.17072/1995-4190-2018-41-454-477. (In Russ.)

5. *Voronin M.V. Osnovaniya i proyavleniya sistemnosti prava: Avtoref. dis. ... kand. yurid. Nauk* [Grounds and Manifestations of the Consistency of Law: Synopsis of Candidate jurid. sci. diss.]. Kazan, 2013. 34 p. (In Russ.)

6. *Gadzhiev A.I. Sistema mezhotraslevykh svyazey trudovogo prava Rossiyskoy Federatsii* [The System of Intersectoral Relations of Labor Law of the Russian Federation]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy* – Journal of Legal and Economic Research. 2018. Issue 2. P. 35–40. (In Russ.)

7. *Golovina S.Yu. Trudovoy dogovor kak yuridicheskaya konstruktsiya* [The Employment Contract as a Legal Construction]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2013. Issue 3 (21). P. 65–72. (In Russ.)

8. *Golovina S.Yu. Usilenie chastnopravovykh nachal v trudovom prave*]/ *Aktual'nye problemy chastnogo prava: sb. st. k yubileyu Pavla Vladimirovicha Krasheninnikova (Moskva – Ekaterinburg, 21 iyunya 2014 g.). V.V. Vitryanskiy, S.Yu. Golovina, B.M. Gongalo i dr.; otv. red. B.M. Gongalo, V.S. Em. Rossii* [Strengthening of Private Law Principles in Russian Labor Law]. Minsk, 2014 (In Russ.)

9. *Zhernakov V.V. Dogovrne regulyuvannya sotsial'no-trudovikh vidnosin: zaagal'noteoretichni pitannya. dogovir yak universal'na pravova konstruktsiiya / Za red. A.P. Get'mana, V.I. Borisovoï* [Contractual Regulation of Social and Labor Relations: General Theoretical Issues]. Kharkiv, 2012. 432 p. (In Ukr.)

10. *Kosenko E.V. Mezhotraslevye svyazi v semeynykh pravootnosheniyakh* [Intersectoral Relations in Family Legal Relations]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* – Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. Issue 3. P. 70–73. (In Russ.)

11. *Kulakov V.V. Metodologiya issledovaniya mezhotraslevykh svyazey v rossiyskom prave (v svete razvitiya ucheniya M.Yu. Chelysheva)* [Methodology for the Study of Intersectoral Relations in Russian Law (in the Light of the Development of the Teachings of M.Iu. Chelyshev)]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: Sbornik nauchnykh statey* – Methodological Problems of the Civil Law Researches. Moscow. 2016. P. 109–115. (In Russ.)

12. *Kulakov V.V. Mezhotraslevye svyazi trudovogo prava* [Intersectoral Ties of Family Law]. *Sovremennyy yurist* – Modern lawyer. 2020. Issue 4 (33). P. 105–113. (In Russ.)

13. *Kuznetsova O.A. Mezhotraslevoy metod issledovaniya grazhdansko-pravovykh sanktsiy* [Multi-Branch Method of Researching the Civil Law Sanctions]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: Sbornik nauchnykh statey* – Methodological Problems of the Civil Law Researches. Moscow, 2018. P. 214–246. (In Russ.)

14. *Luneva E.V. Mezhotraslevye svyazi grazhdanskogo i prirodoresursnogo prava v oblasti imushchestvennykh otnosheniy* [Intersectoral Relations of Civil and Natural Resource Law in the Field of Property Relations]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* – Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. Issue 6. P. 132–136. (In Russ.)

15. *Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. Uchenie o sistemnom mezhotraslevoy vzaimodeystvii trudovogo prava, prava sotsial'nogo obespecheniya: vvodnye polozheniya* [The Doctrine of Systemic Intersectoral Interaction of Labor Law, Social Security Law: Introductory Provisions]. *Vestnik trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya* – Bulletin of Labor Law and Social Security Law. 2010. Vol. 5. P. 5–17. (In Russ.)

16. *Lushnikova M.V. Mezhotraslevye svyazi trudovogo prava: teoriya i praktika* [Intersectoral Relations of Labor Law: Theory and Practice]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki* – Bulletin of the Yaroslavl State University. P.G. Demidov. Humanities series. 2017. Issue 3 (41). P. 50–53. (In Russ.)

17. *Lyutov N.L. Transformatsiya trudovogo pravootnosheniya i novye formy zanyatosti v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki* [The Transformation of Employment Relations and New Forms of Employment in Digital Economy] // *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2019. Issue 7. P. 115–130. http://dx.doi. org/ 10.12737/jrl.2019.7.10. (In Russ.)

18. *Mamatkazin I.R. Sistemnost' i mezhsistemnye svyazi v prave sotsial'nogo obespecheniya. Sistemnyy kharakter trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya kak otrasli i zakonodatel'stva (Pervye Gusovskie chteniya): Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pod obshch. red. N.L. Lyutova, F.O. Suleymanovoy* [Consistency and Intersystem Connections in Social Security Law]. Moscow, 2016. P. 240–244.

19. *Mezhotraslevaya koordinatsiya pravovogo regulirovaniya truda v korporativnykh organizatsiyakh / Pod red. Lyutova N.L.* [Intersectoral Coordination of Legal Regulation of Labor in Corporate Organizations]. Moscow, 2016. 196 p. (In Russ.)

20. *Mingaleva Zh.A., Shuraleva S.V. Distantsionnaya zanyatost' na onlayn internet-platformakh: sovremennoe sostoyanie i problemy pravovogo regulirovaniya v Rossii* [Remote Employment Trough Internet Platforms:

Current State and Problems of Legal Regulation in Russia]. Ex Jure. 2021. Issue 2. P. 102–117. http://dx.doi. org/10.17072/2619-0648-2021-2-102-117. (In Russ.)

21. *Mironova T.K. Mezhotraslevoe vzaimodeystvie prava sotsial'nogo obespecheniya s drugimi otraslyami prava* [Interdisciplinary Interaction of Social Security Law with Other Branches of Law]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* – Courier of Kutafin Moscow State Law University. 2017. Issue 10. P. 156–161. http://dx.doi.org/10.17803/2311-5998.2017.38.10.156-161. (In Russ.)

22. *Povarenkov A.Yu. Trudovoe i grazhdanskoe pravo: nekotorye diskussionnye voprosy optimizatsii mezhotraslevykh svyazey* [Labor and Civil Law: Some Controversial Issues of Intersectoral Relations Optimization]. *Vestnik trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya* – Bulletin of Labor Law and Social Security Law. 2010. Issue 5. P. 65–73. (In Russ.)

23. *Sattarova N.A. Sovremennye aspekty mezhotraslevykh svyazey finansovogo prava* [Modern Aspects of Intersectoral Relations of Financial Law]. *Finansovoe pravo* – Financial right. 2012. Issue 5. P. 11–19. (In Russ.)

24. *Safin R.R. Mezhotraslevye svyazi grazhdanskogo prava pri osushchestvlenii dogovornogo regulirovaniya otnosheniy po vypolneniyu rabot i okazaniyu uslug* [Intersectoral Relations of Civil Law in the Implementation of Contractual Regulation of Performance of Work and Provision of Services Relationships]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* – Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2016. Issue 1. P. 180–185. (In Russ.)

25. *Safiullina D.R. Mezhotraslevye svyazi dogovornogo prava: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Intersectoral Relations of Contract Law: Synopsis of Candidate jurid. sci. diss.]. Kazan, 2015. 25 p. (In Russ.)

26. *Fedorova M.Yu. Sotsial'noe strakhovanie kak organizatsionno-pravovaya forma sotsial'noy zashchity naseleniya* [Social Insurance as an Organizational and Legal Form of Social Protection of the Population]. Omsk, 2000. 496 p. (In Russ.)

27. *Chelyshev M.Yu. Ponyatie, formy i vidy mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava* [Concept, Forms and Types of Inter-Branch Relations of Civil Law]. *Biznes, menedzhment i pravo* – Business, Management and Law. 2005. Issue 3 (9). P. 107–108. (In Russ.)

28. *Chelyshev M.Yu. Mezhotraslevoy metod yuridicheskikh issledovaniy v tsivilisticheskoy nauke kak sredstvo poznaniya mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava* [Interdisciplinary Method of Legal Research in Civil Science as a Means of Cognition of Interbranch Relations of Civil Law]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn* – Legal Policy and Legal Life. 2008. Issue 4. P. 116–124. (In Russ.)

29. *Chelyshev M.Yu. Sistema mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava: tsivilisticheskoe issledovanie: Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The System of

Intersectoral Relations of Civil Law: Civil Law Studies: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2009. 40 p. (In Russ.)

30. *Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, 2017. 208 p. (In Russ.)

31. *Shuraleva S.V. Uvol'nenie po prichine utraty doveriya v svyazi s narusheniem rabotnikom antikorruptsionnykh predpisaniy: ot spetsial'nogo pravovogo regulirovaniya k obshchemu?* [Dismissal Due to Violation of Anti-Corruption Regulations by an Employee: From Special to General Legal Regulation?]. *Obshchee i spetsial'noe zakonodatel'stvo o trude i sotsial'nom obespechenii. Chetvertye Gusovskie chteniya* – General and Special Legislation on Labor and Social. Security. Fourth Gusovsky Readings. 2019. P. 158–164. (In Russ.)

32. *Brancati U., Pesole C., Fernández-Macías A.* Digital Labour Platforms in Europe: Numbers, Profiles, and Employment Status of Platform Workers, EUR 29810 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2019. 26 p. (In Eng.)

33. *De Stefano V.* The rise of the "just-in-time workforce": on-demand work, crowdwork and labour protection in the "gig-economy" / Valerio De Stefano; International Labour Office, Inclusive Labour Markets, Labour Relations and Working Conditions Branch. Geneva: ILO, 2016 Conditions of work and employment series; No. 71. 35 p. (In Eng.)

34. *Chesalina O.V.* The Scope of Labour Law in the Platform Economy // European and Asian Law Review. 2021. Vol. 4. Issue 1. P. 28–35. http://dx.doi. org/10.34076/27821668_2021_4_1_28. (In Eng.)

35. World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work. International Labour Organization – Geneva: ILO, 2021. 282 p. (In Eng.)

Информация об авторе:

С.В. Шуралева
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры трудового и международного права
Пермский государственный национальный исследовательский университет 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0003-1220-1179
ResearcherID: F-7659-2016
Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-32-216–225
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-41-454-477
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-49-550-575

Information about the author:

S.V. Shuraleva
Perm State University
15 Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0003-1220-1179
ResearcherID: F-7659-2016
Articles in DB “Scopus”/“Web of Science”:
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-32-216–225
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-41-454-477
https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-49-550-575

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2022 · Выпуск 4

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ – ЕЖЕГОДНИК

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE CIVIL LAW RESEARCHES

2022 · Volume 4

YEARLY PERIODICAL SCIENTIFIC JOURNAL

Выпускающий редактор: *А.Н. Стрелко*
Дизайн и верстка: *А.С. Резниченко*

Подписано в печать 05.05.2022. Дата выхода в свет 12.05.2022.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.
Усл. печ. л. 22. Тираж 150 экз.
Заказ №

Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5
Тел.: +7 (499) 322-38-30, +7 (499) 322-38-32
E-mail: info@T8print.ru
www.t8print.ru

Распространяется по свободной цене